

**Хозяйственно-
культурные
традиции
народов
Средней Азии
и Казахстана**

СССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ НОМИДАГИ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТИ
ЎЗБЕК ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ИНСТИТУТИ

Ўрта Осиё ва Қозоғистон халқларининг хўжалик-маданий традициялари

*Т. А. Жданко ва К. Ш. Шониёзов
тахрири остида*

«ФАН» НАШРИЁТИ
ШАРҚИЙ АДАБИЁТ БОШ РЕДАКЦИЯСИ
МОСКВА 1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК УзССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Хозяйственно-культурные
традиции народов
Средней Азии
и Казахстана

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

902.7
X70

Ответственные редакторы
Т. А. Жданко, К. Ш. Шаниязов

В сборнике исследуются проблемы исторической этнографии народов и этнических групп Средней Азии и Казахстана. Показаны различные типы земледельческих и скотоводческих хозяйств, а также материальная культура и быт местного населения.

X — $\frac{10602-7}{013(02)-75}$ — 132-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана» представляет собой труд большого авторского коллектива, который уже в течение ряда лет ведет исследования, связанные с проблематикой регионального Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана — капитального многотомного издания, подготовляемого Институтом этнографии АН СССР в сотрудничестве с этнографами, историками и археологами республиканских академий наук и другими научными учреждениями.

Содержание книги определяется темой первого выпуска атласа — «Хозяйство (земледелие, ирригация, животноводство) в XIX — начале XX в.». В процессе подготовки этого выпуска авторы изучают многовековой трудовой опыт народов региона в области сельского хозяйства, исторически сложившуюся специфику способов орошения, сельскохозяйственных орудий, ирригационных сооружений, приемов земледелия, типов скотоводства и т. д. в разных географических зонах и у разных народов Средней Азии и Казахстана. Этому кругу вопросов посвящена основная часть статей, в которых авторы обобщают материалы своих изысканий по выявлению и классификации типов хозяйства — одной из наименее разработанных проблем среднеазиатской этнографии.

Наряду с этим книга содержит и статьи, характеризующие общие вопросы методики составления региональных историко-этнографических атласов в СССР, особенности структуры и комплекса проблем Среднеазиатского атласа, а также принципы и методы этнографического картографирования. Много внимания в книге уделено интерпретации источников, используемых для разработки атласа, — литературы, архивных и полевых материалов. В сборнике впервые публикуется несколько этнических карт, составленных в последние годы по ранее слабо изученным районам Средней Азии.

Большинство статей представляет собой переработанные доклады авторов, сделанные ими на Втором среднеазиатском совещании по подготовке Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, состоявшемся в Институте истории АН УзССР в Ташкенте в 1969 г.

Материалы и исследования по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана, так же как и помещенные в книге карты, таблицы и рисунки, представляют большой интерес не только для этнографов и экономгеографов, но и для специалистов сельского хозяйства, а также для учащихся и широких кругов читателей.

Местные термины в сборнике даны в русском написании, с максимальным приближением к произношению на языке данного народа. Исключение составляют широко известные слова, вошедшие в русский язык (чигирь, кяриз, богара и др.), которые даются в написании, принятом для них в русской литературе.

Т. А. Жданко

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ АТЛАСЕ

Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана — один из четырех региональных атласов,готавливаемых в настоящее время Институтом этнографии АН СССР в сотрудничестве с академиями наук союзных республик, планируется как серия тематических выпусков. Два выпуска посвящаются традиционным формам хозяйства народов региона («Земледелие, ирригация, животноводство» и «Промыслы и ремесла»); три — различным отраслям материальной культуры («Поселения и жилище»; «Одежда и украшения»; «Транспортные средства, утварь и пища»). Планируются также два выпуска, посвященные темам из области семейного быта и духовной культуры («Верования и обряды»; «Народное искусство и орнамент») ¹.

Первый выпуск, как и остальные, будет содержать помимо карт большой текстовой и иллюстративный материал. Структура его планируется в следующем виде.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ВЫПУСК I

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ИРРИГАЦИЯ, ЖИВОТНОВОДСТВО В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Авторский коллектив — Сектор Средней Азии и Казахстана ИЭ АН СССР, коллективы историков и этнографов АН республик Средней Азии и Казахстана; Государственный музей этнографии народов СССР и другие научные учреждения.

ВВЕДЕНИЕ

Исторический очерк развития земледелия, ирригации и скотоводства в Средней Азии и Казахстане (с древнейших времен до середины XIX в.).

Этнические карты.

Карта административного деления.

Объяснительные записки к картам.

Часть I
ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ИРРИГАЦИЯ

- Карты²: а) Распространение поливного и неполивного земледелия.
б) Способы орошения и типы ирригационных сооружений.
в) Распространение сельскохозяйственных культур.
г) Типы сельскохозяйственных орудий.
д) Способы перевозки урожая.
е) Способы молотбы.
ж) Способы хранения зерна.

Типологические таблицы и объяснительные записки к картам.

Часть II
СКотоводство

- Карты: а) Пастбищные угодья и их сезонное распределение.
б) Маршруты основных перекочевков.
в) Распространение видов скота и их главных пород.
г) Распространение типов скотоводства: кочевое, полукочевое, отгонное, яйлажное, пастбищно-выгонное, стойловое и др.
д) Способы обработки молочных продуктов (типы маслобоек и др.).

Типологические таблицы и объяснительные записки к картам.

Часть III
ТИПЫ ХОЗЯЙСТВА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА
(СВОДНЫЕ КАРТЫ)

Карта типов хозяйства на физико-географической основе.
Карта типов хозяйства на этнической основе.
Объяснительные записки к картам.

Часть IV
ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

Очерк — Верования и обряды, связанные с земледелием, ирригацией и скотоводством.

Часть V
ТАБЛИЦЫ РИСУНКОВ И ФОТОГРАФИЙ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приложение 1. Список источников и литературы.
Приложение 2. Список терминов.

* * *

Первоочередность выпуска, посвященного истории хозяйства народов многонационального региона, и то большое внимание, которое уделяется в этом капитальном обобщающем труде изучению генезиса и научной классификации традиционных форм ирригации, земледелия и скотоводства, составляет одну из особенностей Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Специфической чертой его является, в частности, картографирование в историко-этнографическом

аспекте таких тем, как типы ирригации, типы скотоводства; авторы атласа впервые проведут опыт типологической классификации и картографирования этих важнейших отраслей хозяйственной деятельности народов региона. Одна из основных причин столь большого внимания к агроэтнографической тематике в нашем атласе — специфика природной среды, обусловившая разнообразие типов хозяйства у населения.

Обширный регион, в пределах которого ведут свои исследования авторы, охватывающий территорию 3994 тыс. кв. км, где расположены пять союзных республик с населением 32,8 млн. человек, отличается чрезвычайным разнообразием природных условий.

«Средняя Азия — страна безбрежных песчаных пустынь и поднимающихся выше облаков гор, покрытых вечными снегами и ледниковыми шапками. В них зарождаются многоводные реки, сбегаящие вниз на равнину, где они орошают оазисы... Система гор, подгорных наклонных равнин и пустынных низменностей — вот основные типы природных ландшафтов Средней Азии, поражающих своими контрастами. В Советском Союзе есть и другие районы, отличающиеся разнообразием природных условий (Крым, Кавказ), но нигде контрастность не имеет таких масштабов, как в Средней Азии. Здесь все грандиозно, неповторимо и своеобразно»³.

Горы Средней Азии самые высокие в СССР. Среднеазиатские пустыни протянулись более чем на тысячу километров с запада на восток — от Каспийского моря до подножий Тянь-Шаня. По тепловым ресурсам равнины Средней Азии не имеют конкурентов среди других районов страны. Низменности Средней Азии — самые сухие районы страны: среднее годовое количество осадков колеблется в пределах 70—200 мм, и земледелие невозможно здесь без искусственного орошения, лишь в предгорьях и отчасти в горах выпадает больше осадков⁴. Столь же разнообразны природные условия Казахстана, простирающегося от низовьев Волги на западе до Алтайских гор на востоке, от Западно-Сибирской низменности на севере до горных хребтов Тянь-Шаня и пустынь Средней Азии на юге. На низменностях и равнинах севера и северо-запада Казахстана издавна существовало земледелие, основанное на атмосферных осадках; в засушливой центральной и юго-западной его части равнины в течение многих веков служили пастбищами; в предгорьях на юге расположены районы орошаемого земледелия. На юго-востоке этот район окаймлен высокими горными хребтами; здесь берут начало реки и ручьи, служащие источниками орошения, а горные склоны и межгорные долины, покрытые богатой растительностью, представляют собой прекрасные летние пастбища для скота⁵.

Различие географических условий на этой территории привело к формированию большого разнообразия направлений хозяйственной деятельности человека со времен глубокой древности. В итоге многовекового процесса адаптации к природной среде и не менее сложного процесса этногенеза народов Средней Азии и Казахстана здесь сложились разные виды хозяйственной деятельности не только у отдельных народов, но и у их локальных этнографических групп. Обычно у одного и того же народа существует несколько типов традиционного хозяйства, если он обитает в различных географических районах. В условиях Средней Азии, где на сравнительно небольшой территории можно встретить несколько резко различных, контрастных ландшафтов, это вполне естественно.

В соответствии с разнообразием производственного уклада существенно отличался образ жизни и этнографический облик народов, населяющих эту территорию: таджики подразделялись на горных и равнинных, узбеки — на оседлых и полукочевых, туркмены — на оседлых

или полуседлых земледельцев — «чомур» и кочевников-скотоводов — «чарва». В зависимости от районов обитания локальных групп народа обычно менялось соотношение у них двух основных традиционных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства, а в связи с этим и число оседлых, кочевых и оседающих (полукочевых) хозяйств.

Благодаря развитию среднеазиатской этнографии не приходится ограничиваться схематическим подразделением народов на кочевые и оседлые, так как каждый из этих типов хозяйства и образов жизни имело множество градаций. К этому выводу давно пришли не только этнографы, но и экономгеографы⁶.

Следует сказать, что ярко выраженная хозяйственно-культурная дифференциация отдельных этносов, большие различия в типе хозяйства, зависящие от экологических факторов, наблюдались между отдельными этнографическими группами одного и того же народа не только в Средней Азии, они были ярко выражены, например, у башкир, у многих народов Сибири, а также у русских⁷.

В связи со всем вышеизложенным вырисовывается одна из главных задач атласа, отраженная и в его структуре, — выявление всей совокупности видов хозяйственной деятельности у каждого народа и разработка научно обоснованной классификации типов хозяйства в Средней Азии и Казахстане. Результат этого исследования получит отражение на двух итоговых сводных картах первого выпуска атласа, одна из которых на физико-географической основе покажет соотношение типов хозяйства с природными условиями; другая же, составленная на этнической основе, выявит ареалы распространения того или иного типа хозяйства, охватывающие определенные территории расселения народов и их локальных этнографических групп. Такая детально и с максимальной точностью разработанная карта должна стать основой для дальнейших исследований в области научных этнографических классификаций, в первую очередь для выявления системы хозяйственно-культурных типов Средней Азии и Казахстана в XIX — начале XX в.

Одних лишь сведений о географическом распространении типов хозяйства и их связи с определенными группами этносов недостаточно для разработки проблемы хозяйственно-культурных типов региона. Новейшие теоретические исследования этой проблемы⁸ подчеркивают различие в понятиях хозяйственно-культурных и просто хозяйственных типов. Под хозяйственно-культурным типом понимают комплексы особенностей не только хозяйства, но и культуры, которые исторически складываются у различных народов, обитающих в сходных географических условиях, и находятся на близких уровнях социально-экономического развития.

Уточнение хозяйственно-культурных типов, сложившихся на территории Средней Азии и Казахстана, будет производиться постепенно, мере подготовки выпусков атласа, посвященных разным отраслям материальной и духовной культуры. В то же время исследователи отмечают, что «ведущая форма хозяйственной деятельности в конкретных географических условиях в значительной степени определяла важнейшие этнографические параметры образа жизни, которые могут быть сведены к следующим дефинициям: оседлый, полуседлый, полукочевой, кочевой и бродячий. Именно эти определения выделяются при выявлении хозяйственно-культурных типов в качестве первого слагаемого их характеристики»⁹ (например, оседлые пашенные земледельцы и скотоводы аридной зоны — с ирригацией; кочевники и полукочевники, скотоводы аридной зоны и др.).

С этой точки зрения не вызывает сомнений важность научного вклада, который смогут сделать авторы первого выпуска атласа в разработ-

ку одной из главных этнографических классификаций народов и их культур. Однако выявление типологии хозяйственных занятий — не единственная научная проблема, которую призван изучать этот авторский коллектив.

Для советской агроэтнографии важен учет не только естественно-географических, но и исторических факторов, влиявших на формирование хозяйственно-культурных традиций народов. Способы орошения, типы сельскохозяйственных орудий, состав сельскохозяйственных культурных растений, состав стада, приемы земледелия и скотоводства сопоставляются с археологическими и историческими данными; исследуется их генезис в данном регионе, в значительной степени обуславливаемый не только особенностями географической среды, но и развитием их в ареале той или иной историко-этнографической (историко-культурной) области.

За последнее время среднеазиатская археология обогатилась крупными открытиями, и в частности очень велики ее достижения в области истории формирования традиционных форм хозяйства.

Существует большая археологическая литература, в том числе специальные монографические исследования, освещающие зарождение и развитие орошаемого земледелия¹⁰, пастушеского и кочевого пастбищного скотоводства¹¹. Трудно переоценить значение для изучения хозяйственно-культурных традиций народов Средней Азии и капитальных монографий, посвященных истории развития ирригации на обширном пространстве низовий великих среднеазиатских рек — Амударьи и Сырдарьи и низовий Зеравшана¹². Благодаря тесному сотрудничеству археологов и историков появился и первый обобщающий коллективный труд, в котором прослеживается развитие земледелия в Туркмении с древнейших времен до середины XIX в.¹³

В изучении хозяйственно-культурных традиций народов Средней Азии у этнографов также имеются значительные достижения¹⁴. Много древних черт, позволяющих путем ретроспективного исследования проследить истоки и ранние этапы генезиса разных хозяйственно-культурных типов и подтипов у народов Средней Азии и Казахстана, выявлено в целом ряде работ этнографов, характеризующих традиционные формы хозяйства¹⁵.

Большую ценность в этом плане представляют также некоторые работы историков, привлекающих вновь выявленные исторические источники (в том числе произведения восточных авторов) и архивные материалы для восстановления истории земледелия и скотоводства¹⁶. Однако приходится признать, что в целом тематика, связанная с сельскохозяйственными занятиями населения среднеазиатско-казахстанского региона, в новейшей этнографической литературе развита еще недостаточно и характеризуется определенной фрагментарностью, охватывая далеко не все народы и территории.

Только в последние годы в этом направлении произошли существенные сдвиги, связанные с подготовкой первого выпуска атласа и работой по единой программе его авторского коллектива, деятельно ведущего полевые исследования, изучение литературы и статистико-экономических материалов, а также изыскания в музеях и архивохранилищах. В результате такой работы уже появились в печати первые сборники вновь накопленного материала¹⁷, подготовлен к печати ряд монографий, кандидатских и докторских диссертаций, исследующих в историко-этнографическом аспекте традиционные формы земледелия, ирригации, скотоводства у разных народов. Кроме того, создается серьезная научная база для дальнейшей работы и написания планируемого, согласно структуре атласа, вводного исторического очерка, освещающего

в сжатой форме основные этапы развития земледелия, ирригации и скотоводства в Средней Азии и Казахстане с древнейших времен до середины XIX в.

Таковы два основных, ведущих направления научных исследований авторского коллектива первого выпуска атласа. Разумеется, ими не ограничивается обширная тематика этого труда, попутно будут изучаться многие более частные вопросы, связанные с социальными особенностями земельно-водных и аульных (скотоводческих) общин, с бытовым укладом народов региона. Карты, построенные на экономико-статистическом материале (распространение земледельческих культур, видов скота), сопоставляются с этническими и интерпретируются в этнографическом аспекте. В сопровождающих эти карты объяснительных записках авторы освещают такие вопросы, как значение возделываемых культур для пищевого рациона данного народа, использование их для разных других бытовых нужд, выявляют давность освоения разных видов культур в рассматриваемом районе, изучают предания и легенды, связанные с ними, верования, обычаи и обряды, которыми сопровождался труд земледельца.

Не меньшее значение для выявления бытовой специфики у отдельных групп скотоводов имеют данные о составе стада, характеризующие помимо типа скотоводства также и образ жизни (кочевой, полукочевой, полуседлый). Уделяется внимание и роли отдельных народов в выведении пород скота, приспособленных к местным природно-географическим условиям, значению разных видов домашних животных, обеспечивавших скотоводов продуктами питания, сырьем для изготовления одежды и утвари, использованию животных в качестве рабочего скота, в транспортных целях и т. д.

Заключением к первому выпуску атласа послужит очерк, характеризующий те огромные прогрессивные изменения, которые произошли в сельском хозяйстве народов Средней Азии и Казахстана за годы Советской власти. Он включит новейшие данные о современном состоянии ирригационного строительства, о росте урожайности хлопчатника и других культур, покажет масштабы развития механизации и высокую агротехнику социалистического земледелия, осветит роль и место республик Средней Азии в народном хозяйстве страны, а также в общесоюзном разделении труда.

Яркими иллюстрациями к тексту этого очерка послужат карты динамики развития оросительных сетей и площадей орошаемых земель, перспектив ирригационного строительства, а также карты освоения пустынь, обводнения пастбищ и др. В заключении будет еще освещен вопрос о роли хозяйственных традиций, многовекового трудового опыта и навыков крестьян-земледельцев и скотоводов Средней Азии и Казахстана в социалистической реконструкции народного хозяйства республик Советского Востока, широкое использование этих традиций, составляющих ценное культурное наследие каждого народа, в годы Советской власти.

¹ См.: Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана (Принципы и методы составления), — СЭ, 1971, № 4.

² Перечисляются темы карт. По каждой из тем намечается составление нескольких карт — по разным периодам, разным объектам, например по пахотным и другим сельскохозяйственным орудиям, а также крупномасштабные врезки.

³ «Природные условия и ресурсы СССР. Средняя Азия», М., 1968, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 7—8.

⁵ М. Ш. Ярмахамедов, Экономическая география Казахской ССР, Алма-Ата, 1964, стр. 5—10.

⁶ См.: «Народы Средней Азии и Казахстана» (сер. «Народы мира. Этнографические очерки»), т. I, М., 1962, стр. 32—37; Т. А. Жданко, Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана, — СЭ, 1961, № 2; Ю. Г. Саушкин,

Географические очерки природы и сельскохозяйственная деятельность населения в различных районах Советского Союза, М., 1947, стр. 273—421; Типы сельского хозяйства Туркестана (Очерки морфологии сельского хозяйства Средней Азии), Ташкент, 1924, и др.

⁷ См.: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 223—226.

⁸ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования, — СЭ, 1972, № 2; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, стр. 169—215; Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс, — СЭ, 1968, № 2; Я. В. Чеснов, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов, — СЭ, 1970, № 6, и др.

⁹ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования, стр. 8; см. также карту «Хозяйственно-культурные типы земного шара на рубеже XIX—XX вв.» с легендой, характеризующей систему выделенных авторами 30 хозяйственно-культурных типов, распространенных у народов мира.

¹⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948, стр. 48—56; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 74—77, 89—96 и др.; В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, — МИА, М., 1959, № 73; его же, Южно-Туркменский центр раннеземледельческих культур, — Труды ЮТАКЭ, т. 10, 1960; его же, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964; Г. Н. Лисицына, Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении, М., 1965; Б. А. Латынин, Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы, Л., 1962; Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы, — МИА, М., 1962, № 118; Я. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарров, Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана, и др.

¹¹ М. П. Грязнов, Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы, — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XXVI, 1957; С. С. Сорокин, Древние скотоводы Ферганских предгорий, — Исследования по археологии СССР, Л., 1961; В. И. Цалкин, Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии, М., 1966; К. А. Акишев, К проблеме происхождения номунизма в аридной зоне древнего Казахстана, — Поиски и раскопки в Казахстане», Алма-Ата, 1972, и др.

¹² Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957; Б. А. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия), М., 1969. А. Р. Мухамеджанов, История орошения низовьев Зеравшана, Ташкент, 1972 (на узб. яз.).

¹³ Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане, Ашхабад, 1971.

¹⁴ Образцом этнографического изучения скотоводства может служить, например, монография Б. Х. Кармышевой «Узбеки-локайцы южного Таджикистана (историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период)», Сталинабад, 1954. Автору-этнографу удалось в ней с большой глубиной проследить генезис коневодства и овцеводства у локайцев и связь специфики их хозяйства с этнической историей. Для этого наряду с данными исторических первоисточников был привлечен обширный этнографический материал — предания, легенды и собственные полевые наблюдения, анализ древних черт, обнаруженных в способах ведения хозяйства, в жилище, утвари и пище локайцев.

¹⁵ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958; М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период, Сталинабад, 1957; Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района ТаджССР перед Октябрьской революцией, Сталинабад, 1960; «Таджики Каратегина и Дарваза», ч. 1, Душанбе, 1966; Х. Аргынбаев, Этнографические очерки по скотоводству казахов, Алма-Ата, 1969 (на казахск. яз.); А. Оразов, Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX — начале XX в., Ашхабад, 1972, и др.

¹⁶ М. А. Абдураимов, Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве, Ташкент, 1966; М. Аннанепесов, Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв., Ашхабад, 1972; Н. Махмудов, Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв., Душанбе, 1966, и др.

¹⁷ «Хозяйство Каракалпакии в XIX — начале XX в. (Материалы к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)», Ташкент, 1972; «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана», — «Труды Института этнографии АН СССР», нов. сер., т. XCVIII, Л., 1973; «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен (Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)», Ашхабад, 1973, а также настоящий сборник.

М. Г. Рабинович

ИЗ ОПЫТА ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ¹

В настоящее время метод картографирования все чаще применяется в разных отраслях науки как в Советском Союзе, так и за рубежом. Он позволяет обобщить и наглядно показать результаты большой научной работы, выявить с наибольшей полнотой ее результаты, обнаружить оставшиеся пробелы (так называемые «белые пятна») и тем самым определить дальнейшее направление научных работ в данной области.

Давно оставлено представление, будто картографирование есть собственно техническая, иллюстративная работа, лишь отражающая результаты других научных изысканий. Общеизвестным стало огромное научное значение самого процесса картографирования, являющегося по существу исследовательским процессом. Картографирование, как пространственное изображение тех или иных явлений, показывает их в новом, зачастую неожиданном аспекте, ставит и разрешает серьезные научные проблемы.

В нашей этнографической науке картографирование применялось издавна, но только за последние десятилетия были созданы методы, позволяющие отразить и развить достижения советской этнографии. Огромные заслуги в этой области принадлежат покойному П. И. Кушнеру².

Этнографические атласы, как собрания определенным образом систематизированных карт, посвященных различным явлениям материальной и духовной культуры тех или иных народов, начали разрабатываться в странах Западной Европы уже вскоре после первой мировой войны. Но, насколько известно, ни одна страна пока еще не закончила издания такого атласа³. В Советском Союзе издан атлас Сибири, отражающий основные черты культуры коренного ее населения⁴.

В настоящее время идет большая работа по составлению этнографического атласа Европы и сопредельных с ней регионов, координируемая в международном масштабе. Одновременно во многих странах Европы составляются атласы своей собственной страны.

В СССР эта работа ведется по регионам: Прибалтика, Украина, Белоруссия, Молдавия, Центр европейской части СССР, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, русское население Сибири⁵. Методика ее значительно отличается от методики составления этнографических атласов большинства зарубежных стран. Если последние отражают «традиционную» народную культуру статично, понимая под «традиционной» материальную и духовную культуру народа, существовавшую до интенсивного развития капитализма (или, как говорят зарубежные коллеги, «доиндустриального периода»), то атласы, разрабатываемые в СССР,

начиная с атласа «Русские» стремятся показать культуру народов в ее историческом развитии и являются не просто этнографическими, а историко-этнографическими атласами⁶.

Культура любого народа или племени в различные исторические периоды не остается неизменной, она непрерывно развивается и изменяется как в силу своих внутренних особенностей, так и в результате культурных связей, влияний других племен и народов. В каждый период в культуре народа есть что-то новое, чего не было в предыдущие времена, и нет чего-то, что было раньше. Это относится как к культуре в целом, так и к почти каждому ее явлению, причем одни из них отмирают, другие нарождаются, а третьи видоизменяются.

Сложный процесс развития народной культуры можно проследить во всем его многообразии, если правильно выбрать исторические рубежи и собрать необходимые сведения о важнейших явлениях материальной и духовной культуры народа на этих рубежах.

Таковыми рубежами для региональных атласов в СССР приняты: середина XIX в., конец XIX — начало XX в. и современность⁷.

Картографировать изменения культуры можно различными способами. Существует, например, способ динамических ареалов, когда на одну и ту же карту наносят, скажем, ареалы распространения какого-либо сельскохозяйственного орудия в разные периоды. Этот способ во многом отвечает принятой нами методике показа всех явлений народной культуры в их развитии. Большим его достоинством является то, что он позволяет с наибольшей полнотой выявить и сами закономерности развития ареалов. Рассматриваемый метод особенно эффективен, когда одновременно картографируется одно или максимум два явления⁸. Картина при этом получается наглядной, но в то же время трудно сопоставить развитие нескольких явлений.

В процессе работы над историко-этнографическим атласом «Русские» выяснилось, что наиболее пригоден для нашей цели способ показа соотношения тех или иных явлений народной культуры на двух или нескольких картах (по числу принятых для картографирования периодов). Он дает возможность наиболее наглядно показать (путем сравнения карт) динамику развития иногда даже целой отрасли народной культуры во всем ее многообразии. Например, было известно, что с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве первенство перешло от сохи к плугу. На картах пахотных орудий атласа «Русские» выяснилась картина значительно более сложная. Если в середине XIX в. в центральных русских областях господствовала соха, то на юге и юго-западе больше применялся плуг (лишь кое-где пахали косулей). Только через столетия, в конце XIX — начале XX в., территория, где господствовал плуг, значительно расширилась (Поволжье, степная зона Предуралья), но одновременно в ряде областей господствующим пахотным орудием стала косуля⁹.

Возьмем другой характерный пример — карты распространения типов печи. В середине XIX в. даже в центральных русских губерниях была широко распространена беструбная курная печь. На карте, относящейся к концу XIX — началу XX в., т. е. всего на полвека позже, решительно преобладает русская печь с трубой, а курная является уже редким исключением. Одновременно в избах распространяются вторые печи — «трубы», «голанки» и пр.¹⁰.

Наиболее показателен такой пример. Общеизвестно, что традиционный женский русский народный костюм имел несколько весьма различных комплексов: с сарафаном, с поневой и с юбкой или кубельком. Известно было и то, что все эти комплексы уже в прошлом столетии интенсивно вытеснялись так называемым городским костюмом (юбкой

и кофтой), называвшимся обычно «парочкой». Картографирование по определенным историческим периодам показало многообразие и сложность этого процесса.

Комплекс женской одежды с сарафаном издавна распространялся на территорию, ранее занятую комплексом с поневой. Это видно и на карте женской одежды середины XIX в.: в южных русских губерниях, где искони преобладала понева, отмечены значительные ареалы господства сарафана, принесенного сюда московскими служилыми людьми еще за 200—300 лет до отмеченного времени. В конце же XIX — начале XX в. не только шло вытеснение традиционной одежды городским костюмом, но и продолжалось вытеснение поневы сарафаном¹¹. А если учесть, что в древности комплекс так называемой южнорусской одежды (с поневой у женщин и свитой у мужчин) был, по-видимому, распространен и в северных и северо-восточных землях (Новгородской, Московской, Владимирской), то естественно возникает вопрос: не видим ли мы на картах XIX и XX вв. лишь спад волны проникновения сарафана из русского города в деревню, поднявшейся лет 400 назад — в XVI в.?¹² Так, способ динамического показа одновременно нескольких различных явлений материальной и духовной культуры народа на двух и более картах позволяет представить себе многообразные пути ее развития не только в эпоху капитализма, но и в значительно более отдаленные времена. Это не исключает применения в некоторых случаях способа динамических ареалов.

Для того чтобы применить предлагаемую методику, исследователь должен использовать разнообразные источники¹³.

На первом месте среди источников стоят реалии — подлинные вещи, сохранившиеся в собраниях музеев. Особенно важны для нас коллекции Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного Исторического музея, Музея художественной промышленности, многих областных и районных краеведческих музеев. Правда, использование их возможно лишь при условии строгой научной критики, с учетом подхода прежних исследователей, собравших эти коллекции. Не является секретом, что многие музейные собрания отражают стремление собирателей коллекционировать наиболее яркие, парадные образцы культуры народов, например праздничные одежды зажиточных людей, далеко не всегда отражавшие типичные черты одежды остальной массы населения. Такие коллекции безусловно не характеризуют народную культуру в целом.

Мало в чем уступают реалиям по своему значению научные архивы различных ученых обществ и научных учреждений (для атласа «Русские» это были прежде всего архивы Географического общества СССР, Вольного экономического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Института этнографии АН СССР, музеев и т. п.). В них содержится богатый описательный и изобразительный материал, особенно важный для первых периодов.

Вряд ли стоит останавливаться на том, что для подобных исследований должна быть использована вся научная литература, как этнографическая, так и по многим смежным дисциплинам.

Огромное значение для составления атласов имеет экспедиционная полевая работа. Если для ранних периодов она главным образом заполняет пробелы прежних исследований, то для современности она дает основную массу научно обоснованного материала.

Этнографическому картографированию должна предшествовать также тщательная классификация явлений и выделение тех типов явлений, которые в дальнейшем будут картографироваться. Представив себе на основании собранного материала, например, все многообразие крестьян-

янских домов, исследователь должен найти такие особенности, по которым можно было бы объединить определенные их группы в типы, подлежащие картографированию. В ряде случаев это уже сделано нашими предшественниками, но для многих явлений типология должна еще быть специально разработана применительно к потребностям данного атласа. Так, атлас «Русские» опирался на уже разработанную в основном типологию жилища (Е. Э. Бломквист) и одежды (Б. А. Куфтин, Н. П. Гринькова, Г. С. Маслова), а типология сельскохозяйственных пахотных орудий была заново разработана Д. В. Найдич¹⁴. Но и принятая ранее типология иногда значительно уточняется уже в самом процессе картографирования. Так, О. А. Ганцкой удалось выявить характерные черты некоторых типов жилища, положив на карту результаты наблюдений¹⁵. Так или иначе, типологизация материала и разработка типологических таблиц представляют важное звено работы над атласом, в основном предшествующее непосредственному картографированию. В дальнейшем эти таблицы могут существовать отдельно или же служить легендами карт.

Прежде чем приступить к картографированию чего бы то ни было, необходимо решить вопрос о том, какая территория будет принята за единицу. Естественно, что нанесение всех обследованных пунктов возможно лишь на черновых рабочих картах, так как, с одной стороны, для этого нужны карты гораздо больших масштабов, чем бланковки наших атласов, с другой стороны, эта кропотливая работа теряет всякий смысл, если исследованием охвачены не все населенные пункты, поскольку становится неясно, обозначает отсутствие в данном пункте значка отсутствие того или иного явления или просто исследователь о данном пункте не имеет сведений. В настоящее время охватить экспедиционными исследованиями все населенные пункты не представляется возможным.

Поэтому этнографическое картографирование во всем мире ведется в основном по определенным территориальным единицам, для которых обследованные «опорные» пункты признаются характерными. Такая территория может быть, например, условным квадратом площадью 20×20 км, как это принято в Польском этнографическом атласе, или какой-то иной единицей. Для атласа «Русские» и для региональных историко-этнографических атласов наименьшей картографируемой территорией принята так называемая административно-территориальная единица второго порядка: в дореволюционный период — уезд, повет, дистрикт, жудец и равнозначный им в советский период — район.

Ожесточенные споры, которые велись по этому вопросу несколько лет назад, прекратились, когда сторонники различных точек зрения пришли к выводу, что главное — это получить сопоставимый результат. Какая бы единица ни лежала в основе картографирования, важно добиться, чтобы эти единицы, сливаясь, характеризовали всю территорию республики, региона и т. п.

В большинстве регионов при существующем масштабе бланковок нет возможности выделить единицу более мелкую, чем уезд или повет. Только в некоторых республиках Прибалтики, по-видимому, будут карты, составленные по волостям или церковным приходам. Принятие для картографирования административно-территориальной единицы (будь то уезд или волость) обусловлено возможностью при этом использовать старые статистические и иные данные, которые, как известно, собирались и публиковались в царской России по административным единицам. При всей трудности сбора таких данных в республиках, части территории которых раньше входили в разные государства с различным административным делением (например, Украина, Молдавия), возможность пользоваться статистическими материалами перевесила все

же первоначальное желание исследователей картографировать по квадратам.

Принятие за единицу картографирования уезда (и соответствующих ему территорий) для дореволюционного времени и района для советского периода не означает, однако, что не будет в атласах карт более крупномасштабных, по волостям или даже по отдельным поселениям, когда это потребуется. В атласах могут и должны применяться такие крупномасштабные врезки, в особенности для районов со сложным этническим составом.

Когда мы говорим о сплошном обследовании территории, то ясно представляем себе, что в большинстве случаев такого обследования быть не может, так как нельзя посетить все населенные пункты. Поэтому особую важность представляет методика выбора опорных пунктов, на основании обследования которых будут в дальнейшем наноситься на карты данные по всей картографируемой единице. Мы считаем, что за редкими исключениями эти опорные пункты должны быть одни и те же для разных тем атласа. Это дает возможность собирать материалы с помощью комплексных экспедиций, в состав которых будут входить, например, специалисты по хозяйству, одежде, жилищу, духовной культуре, и картографировать культуру населения данного района в целом.

Особенно важным представляется тщательный выбор таких опорных пунктов, при этом надо исходить из конкретных условий данной местности. Насколько нам известно, в Польше, например, на квадрат 20×20 км берется, как правило, один опорный пункт. В странах же, где этнический состав населения не столь однороден, так поступать нельзя. В Белоруссии берется по одному-два пункта на район, что составляет пять — десять пунктов на прежний уезд. В административно-территориальных единицах с более сложным этническим составом опорные пункты нужно определять в уезде так, чтобы были достаточно представительные выборки по каждой этнической группе.

Такой метод должен применяться и при обследовании населенных пунктов. В тех местах, где поселения малодворные, вполне возможно обследование всех усадеб, крупные же поселения, включающие сотни и даже тысячи дворов, обычно не могут быть подвергнуты сплошному изучению. Определить процент домов, которые в этих случаях нужно обследовать, разумеется, заранее нельзя, здесь этнограф должен ориентироваться по местным условиям, чтобы взять достаточно представительную выборку. Например, при однородной застройке может быть учтен довольно малый процент усадеб с отсылкой на то, что другие — такие же. Если же поселение разноэтнично и имеет существенные внутренние культурные различия, необходимо обеспечить достаточно представительную выборку. Например, если решено обследовать в большом селении треть домов, то в эту треть должны войти дома разных этнических групп в количестве, пропорциональном числу жителей, принадлежащих этим группам.

Составление этнографических карт в районах со сложным этническим составом представляет большой интерес, так как именно здесь выявляются многообразные аспекты взаимосвязей и взаимовлияний. В пограничных зонах обычно наблюдается взаимопроникновение различных культурных явлений, свойственных соседним народам. Однако работа эта весьма сложна, особенно в тех случаях, когда этнические группы мелки и расположены чересполосно и их на территории уезда или района несколько. Тут приходится применять укрупненные врезки, а иногда и картографирование по поселениям, о котором говорилось выше. В таких случаях на бланковых картах, служащих основой для

составления рабочих карт, следует заранее нанести ареалы расселения этнических групп. Это необходимо и для выбора опорных пунктов исследования.

Сбор материала и его типологизация должны сопровождаться составлением картотек. Каждый случай, отмеченный исследователем в поле, музее, архиве, в научной литературе, должен быть занесен в эту картотеку. От полноты последней целиком зависит научная ценность атласа. Карточки определенной формы, одинаковой для каждого регионального атласа, распределяются по территориальным единицам, принятым для картографирования (уездам, приходам, квадратам и т. п.), и по хронологическим периодам. Они и служат непосредственным основанием для нанесения явления на карту. Таких карточек накапливается за время работы множество, достаточно сказать, что для картографирования только одного раздела «Одежда» в атласе «Русские» составлено более 12 тыс. карточек. В некоторых регионах, где материал особенно обилен и картотеки чрезвычайно велики (Прибалтика), для всех отмеченных случаев явлений составляется по особой форме сводка, позволяющая экономить время при нанесении явлений на карту.

Каковы же особенности методики самого нанесения явлений на карты?

Все многообразие явлений материальной и духовной культуры народов, их развитие, изменения их соотношений (что и определяет развитие культуры) может быть выявлено на картах только в том случае, если при картографировании будет введен количественный показатель. Ни одно культурное явление обычно не господствует безраздельно, не исчезает бесследно и не вытесняется другим начисто. В каждый данный период сосуществуют два или несколько явлений одного порядка (например, разные комплексы женского костюма), но меняются их количественные соотношения. Явление, которое прежде встречалось часто, теперь может встречаться редко, и наоборот: явление, прежде почти не наблюдавшееся, может через какое-то время стать господствующим. Прослеживая эти соотношения, мы можем изучать развитие народной культуры, взаимосвязи и взаимовлияния культур соседних народов.

Для того чтобы отразить эти количественные соотношения явлений при составлении историко-этнографического атласа «Русские», были приняты три градации: явления преобладающие, явления, бытующие наряду с другими, и явления, редко встречающиеся или единичные.

Уже из самих этих названий видно, что для составителей атласа важен прежде всего не абсолютный, а относительный количественный показатель, не абсолютное количество случаев, когда было замечено то или иное явление, а соотношение различных типов этого явления.

В самом деле, достаточно ли простого количественного превосходства определенного типа явления над другим, чтобы можно было признать его преобладающим? Это необходимо решать для каждого конкретного случая. Например, если картографируется всего два явления — уборка хлеба косой и серпом. Если уборка косой составляет 51% всех отмеченных в данном уезде случаев, а уборка серпом — 49%, то такое количественное преобладание, безусловно, нельзя признать достаточным для того, чтобы нанести на карту уборку косой как преобладающий способ. Ясно, что для данного уезда оба эти способа нужно считать бытующими. Преобладающим в аналогичном случае можно считать явление, составляющее $\frac{2}{3}$, т. е. 66%, и никак не менее 60% всех отмеченных случаев.

Если же картографируются одновременно несколько явлений (скажем, пять различных материалов для кровли), то в этом случае мате-

риал, которым покрыты 50% крыш (т. е. столько же, сколько остальными четырьмя материалами, вместе взятыми), можно признать в данной местности преобладающим. Возможно, что преобладающим будет признано явление, составившее менее половины всех отмеченных случаев: например, если картографируются одновременно шесть явлений и одно из них составляет 40%, а остальные — по 10—15%. Важно только, чтобы «разрыв» между преобладающим и бытующим явлениями был достаточно велик — не менее 20%.

Важно также определить, какие явления следует считать редко встречающимися. К ним следует отнести единичные явления и редко встречающиеся, составляющие весьма малый процент всех отмеченных случаев. Нам кажется, что даже 10% для этого слишком много. Представим себе, что каждая десятая русская изба была бы курной. Мы не сочли бы, что она редко встречается. К редко встречающимся следует, по нашему мнению, относить явления, составляющие не более 5% отмеченных случаев.

Таким образом, наиболее широкой по диапазону будет группа явлений, бытующих наряду с другими (от 6 до 50%, а иногда, как мы показали ранее, и более 50%).

Необходимо оговориться, что подобного рода вычисления возможны лишь в тех случаях, когда обрабатываются экспедиционные материалы, если не сплошного, то достаточно представительного обследования, или статистические данные (например, хозяйственные переписи). Они могут, как правило, проводиться для современного периода.

Для конца XIX — начала XX в., а тем более для середины XIX в., когда исследователь имеет дело обычно с отрывочными и в большинстве случаев недостаточно представительными данными, при определении количественных показателей зачастую приходится довольствоваться гораздо менее определенными сведениями. Например, если в описании местности, сделанном в середине прошлого века, сказано, что «дома у нас кроют по большей части соломою, а железную кровлю увидишь разве у богатого крестьянина», исследователь имеет право (для данного периода) поставить знак преобладания соломы как кровельного материала, а железа — как редко встречаемого или единичного, сделав в пояснительном тексте соответствующую оговорку об отсутствии более точных сведений.

Для нанесения результатов исследования на карту существуют различные способы, из которых наиболее употребительны способ фона и способ значков. Опыт работы над атласом «Русские» показал, что первый способ более удобен для обобщающих карт, а второй — для карт, посвященных частным вопросам, правда, возможно и сочетание обоих способов. Какова будет та или иная карта в окончательном виде (фоновая или значковая, цветная или однотонная), предстоит еще решать в процессе самого издания атласа. Рабочие же карты удобнее всего составлять способом значков, как это и принято в подавляющем большинстве случаев. Количественный показатель при этом отражается размером значка: явление наносится значком одной формы, но трех различных размеров (самого большого — в том случае, когда оно преобладает, среднего — в том случае, когда бытует наряду с другими, и малого, когда редко встречается или единично). При этом чрезвычайно важно, чтобы малый значок был как можно меньше, а большой — как можно больше (в пределах возможности размещения значков на территории, принятой для картографирования единицы — уезда и т. п. — при данном масштабе карты), чтобы разница размера значков хорошо ощущалась глазом. Необходимо также строго соблюдать раз выбранный размер значка, чтобы в дальнейшем они не путались между собой.

Поэтому не рекомендуется наносить значки от руки. Желательно пользоваться трафаретом.

При выборе самой формы значка всегда существует искушение сделать так, чтобы самый вид значка напоминал явление, которое он обозначает: например, плуг и соху изобразить значками, напоминающими плужный лемех и сошник. Надо сказать, что это возможно лишь в исключительных случаях, при крупном масштабе карт. Гораздо важнее не сходство значка с изображаемым предметом, а отличие его от соседних значков, изображающих другие предметы, хотя бы и похожие внешне. При мелком масштабе карт (а таких в региональных атласах будет большинство) значки, похожие на сошник и лемех, будут с трудом отличимы друг от друга. Лучше применять значки простейших геометрических форм, но резко отличающихся между собой (квадрат, треугольник, круг и т. п.). Карта, выполненная с помощью таких значков, будет легко читаться, ареалы распространения изображаемых на ней явлений будут четко отличаться друг от друга, в чем и состоит главная задача при выборе формы значка.

Можно еще заметить, что иногда даже, казалось бы, резко отличающиеся по форме фигуры при малом размере становятся не так легко различимы. Например, квадрат, шести- или восьмиугольник и круг при обозначении преобладания различаются легко, а при обозначении единичности явления — трудно. Поэтому на одной карте лучше использовать треугольник, квадрат, полукруг или прямоугольник.

Необходимо следить за тем, чтобы одно и то же явление по возможности изображалось одним и тем же значком на всех картах, на которых оно так или иначе отражается.

Выбрав формы значков и приготовив соответствующие трафареты, можно приступить к нанесению значков на бланковку. При этом значки следует ставить на территории картографируемой единицы (езда, волости, района) с таким расчетом, чтобы они все могли на ней уместиться. При составлении атласа «Русские» на территории уезда (которая — особенно в центральных губерниях — была невелика) приходилось размещать по три-пять, а иногда и более значков различных размеров: в каждом уезде может преобладать одно явление, бытовать другое и третье и единично встречаться четвертое. Ясно, что в таких условиях выбор места для значка диктуется только его размером и конфигурацией территории, а не тем, в каких именно пунктах отмечено данное явление.

В тех случаях, когда среди населения картографируемой территории существуют значительные этнические и культурные различия (например, если в уезде имеются один или несколько населенных пунктов, отличающихся по этническому составу и культурным признакам от основной массы населения уезда), следует применять укрупненные врезки, позволяющие детализировать локализацию явлений. Тут для обозначения одного и того же явления у разных этнических групп можно даже применять в чем-то отличные, хотя в общем схожие, значки, например, одинаковой формы, но разного цвета и различной штриховки. При этом большое значение имеет наличие для каждого периода соответствующей этнической карты региона того же масштаба, что и основные карты атласа.

В этой краткой статье мы коснулись лишь основных проблем методики этнографического картографирования. Перед исследователем, применяющим этот сравнительно новый в нашей науке метод, может встать и неизбежно встанет еще ряд частных вопросов, уточнение которых, как бы они ни казались вначале малозначительны, окажется необходимым.

В заключение мы хотим обратить внимание лишь на то, что в этом деле нет мелочей, что каждая деталь, вроде выбора формы и размера значка, может оказать большое влияние на наглядность будущей карты, а тем самым и на успех всего огромного труда.

Мы будем считать свою задачу выполненной, если наши коллеги, работающие над региональными атласами в республиках Средней Азии и в Казахстане, ознакомившись с нашим опытом, получат некоторое облегчение в своей трудной работе и избегнут тех трудностей, а порой и ошибок, которые пришлось на долю коллектива, работавшего над атласом «Русские».

¹ В основу статьи положено сообщение, сделанное в феврале 1969 г. на сессии, посвященной работе над региональным Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана.

² П. И. Кушнер, Этнические территории и этнические границы, М., 1951; его же, О русском историко-этнографическом атласе, — КСИЭ, XXII, 1955.

³ Подробнее об этом см.: С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы, — СЭ, 1964, № 4; С. И. Брук, Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы, — СЭ, 1973, № 1.

⁴ Историко-этнографический атлас Сибири под редакцией М. Г. Левина, Л. П. Потапова, М.—Л., 1961.

⁵ S. I. Bruk, W. K. Gardanow, K. G. Guslysty, M. G. Rabinowić, T. A. Schdanko, L. N. Terentjewa, Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen der regionalen geschichtlich-ethnographischen Atlanten in der UdSSR, М., 1968 (далее — «Принципы и методы составления историко-этнографических атласов в СССР»).

⁶ «Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX — начало XX в.», М., 1967.

⁷ «Принципы и методы составления историко-этнографических атласов в СССР», стр. 7.

⁸ О разнообразных способах применения ареальных методов исследования см. «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии», Л., 1974.

⁹ «Русские», карты №№ 13, 14.

¹⁰ Там же, карты №№ 31, 32.

¹¹ Там же, карты №№ 38, 39.

¹² См.: М. Г. Рабинович, Из истории городских поселений восточных славян, — «История, культура, фольклор и этнография славянских народов», М., 1968, стр. 147.

¹³ Подробнее перечень источников и литературы, послуживших основой для составления карт атласа «Русские», см.: «Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма», Приложение, М., 1970.

¹⁴ Е. Э. Бломквист, Крестьянское жилище русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник, — «Труды Института этнографии», т. XXXI, М., 1956; Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белорусов, — там же; Б. А. Куфтин, Материальная культура русской мещеры, ч. I. Женская одежда, М., 1926; Д. В. Найдич-Москаленко, О принципах классификации пахотных орудий, — СЭ, 1959, № 1.

¹⁵ О. А. Ганцкая, Методика картографического определения типов и комплексов крестьянского жилища (по материалам историко-этнографического атласа «Русские»), М., 1964.

Б. В. Лунин

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX В.

Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана имеет довольно длительную историю, и это закономерно. По справедливым словам известного венгерского ученого Арминия Вамбери, «на всем земном шаре немного, кажется, таких мест, которые представляли бы для историко-этнографических исследований такое важное значение, как оазисы Средней Азии»¹.

В своем кратком экскурсе в историю этнографического изучения Средней Азии и Казахстана мы переносим центр тяжести не столько на сам обзор историографии вопроса об изучении хозяйственных занятий их населения, сколько на постановку и обоснование вопроса о необходимости всемерного, тщательного и кропотливого использования историографических материалов в процессе работы над подготовкой Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана.

Источники и пособия для составления такого атласа весьма многогранны². Важно подчеркнуть при этом, что не последнее место в работе над ним должно занять использование публикаций исторического, историко-экономического и историко-этнографического характера, прямо или косвенно характеризующих формы и содержание, развитие и специфические особенности хозяйственных занятий населения Средней Азии и Казахстана вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в России. Публикации эти далеко не равноценны и требуют критического к ним отношения.

Надо помнить, что этнографическое наследие прошлого несет на себе печать естественного для своего времени несовершенства методологии и методики наблюдений и описаний и ценно для нас главным образом по обширным и обстоятельным фактическим материалам, но не по чуждым, а подчас и враждебным духу марксизма-ленинизма концепциям. Важно, что в этих материалах сосредоточено большое число существенных фактических данных, зафиксировано множество деталей, уже ушедших из памяти современников, забытых и малоизвестных, но часто весьма примечательных. Содержат они и более или менее значительное число иллюстративных материалов — зарисовок, фотографий и др.

Самая ранняя литература по этим вопросам восходит к XVIII в. и содержит сведения по хозяйственным занятиям населения. Наиболее обширно она представлена по Казахстану, что связано с более ранним, в сравнении со Средней Азией, присоединением его к России. Достаточ-

но отметить известные работы В. Н. Татищева, И. Г. Георги, Г. Ф. Миллера, П. И. Рычкова и других, а также специальные этнографические работы И. Г. Андреева, например «Описание Средней Орды киргиз-кайсаков», и особенно более поздний по времени трехтомный труд А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832 г.), явившийся, по справедливым словам покойного Э. А. Масанова, «венцом научного изучения казахов в России в эпоху феодализма»³. Во всех этих работах мы встречаем немалые сведения о хозяйстве казахов.

По Узбекистану и другим районам Средней Азии (а частично и по Казахстану) мы можем отметить широко известные реляции секретаря ориентальной экспедиции Посольского приказа Флорио Беневени, совершившего в 1721—1727 гг. поездку в Бухару, Хиву и Персию. В этих реляциях этнограф почерпнет немало драгоценных наблюдений по Бухаре и Хиве⁴. Примерно то же можно сказать о поездке поручика Дмитрия Гладышева и геодезиста Ивана Муравина (1740—1741 гг.)⁵, купца Даниила Рукавкина (1753 г.) в Хиву⁶, об описании Филиппом Ефремовым своего пребывания в качестве пленника в Бухаре (1771—1782 гг.)⁷, о журнале, который вел Мендиар Бекчурин во время поездки в Бухару (1781 г.)⁸, о путевых заметках врача майора Бланкеннагеля, ездившего в 1793—1794 гг. в Хиву⁹, об описаниях путешествий в Бухару горного чиновника Тимофея Бурнашева (1794—1796 гг.)¹⁰ и о его же путешествии совместно с горным чиновником Михаилом Поспеловым в Ташкент (1800 г.)¹¹, о путешествии переводчика Филиппа Назарова, ездившего в 1813—1814 гг. в Коканд¹², а также хорунжего Н. И. Потанина (отца Г. Н. Потанина), посетившего Коканд в 1829—1830 гг.¹³ и др.¹⁴

Во всех этих материалах фиксировались данные из жизни и быта как высших, так и низших слоев населения (жилище, одежда, виды пищи и ее приготовление, оружие и украшения, образ жизни, нравы, обряды и обычаи, народные игры и развлечения, верования, хозяйственные занятия и т. п.). Такая фиксация представляла научно-познавательный интерес, запечатлевая многие из теперь уже исчезнувших сторон жизни, культуры и быта народов Бухары, Хивы и Коканда.

Новую ступень в развитии этнографических познаний о народах Средней Азии, а также интенсивный сбор этнографических и историко-этнографических материалов мы наблюдаем со времени направления в этот район русским правительством лиц, среди которых встречались люди с определенным образованием, широким кругозором и ярко выраженными научными интересами.

Таким, например, было путешествие в Хиву капитана Н. Н. Муравьева (1819—1820 гг.), оставившего нам ценное описание образа жизни, нравов и обычаев узбеков и других народов ханства¹⁵. Описание это, «тотчас же переведенное на французский и немецкий языки... долгое время оставалось для европейских читателей почти единственным источником сведений об этом узбецком владении»¹⁶.

С этнографических позиций интересны также труды участников дипломатической миссии А. Ф. Негри в Бухару (1820 г.) — полковника Григория (Егора) Мейендорфа, а также священника Будрина¹⁷ и переводчика П. Л. Яковлева¹⁸.

Что касается Мейендорфа, то, широко используя метод опроса, он привел ряд сведений о Хиве, Коканде и других городах, а специальную часть своего сочинения посвятил Бухарскому ханству и его городам, особенно Бухаре (описанию города, характеристике быта и хозяйственных занятий его населения)¹⁹.

К миссии Негри примкнул натуралист Э. А. Эверсман, живший в 1820 г. в Оренбурге, куда он был приглашен В. А. Перовским для изу-

чения Оренбургского края. Эверсман также оставил нам сочинения, не лишённые этнографических данных²⁰.

Особенно должно быть подчеркнуто значение широкоизвестной и пользующейся заслуженным признанием работы по Бухарскому ханству блестящего русского ориенталиста-автодидакта, воспитанника Царско-сельского лицея Н. В. Ханыкова²¹, посетившего в 1841—1842 гг. Бухару в составе участников миссии инженера К. Ф. Бутенева²².

По справедливым словам В. В. Бартольда, «исключительные достоинства книги Ханыкова возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в Бухаре было 19 лет, во время издания книги — 21 год»²³.

По отзыву специалиста-этнографа О. А. Сухаревой, работа Н. В. Ханыкова, «выполненная для своего времени на большой научной высоте, не утратила значения до наших дней»²⁴ и, «безусловно, является наиболее ценным из всего того, что было создано в изучении Бухары на основании личного знакомства с городом, не только в первой половине XIX века, но и за весь дореволюционный период»²⁵.

Другой участник миссии Бутенева, натуралист Александр Леман, также оставил подробное (посмертно изданное) описание своего путешествия в Бухару и Самарканд, не лишённое интересных наблюдений этнографического характера, в частности по быту и занятиям населения Бухары²⁶.

В известной мере как бы дополнением и продолжением труда Н. В. Ханыкова явилось описание Хивинского ханства, составленное полковником Г. И. Данилевским²⁷ и натуралистом Ф. И. Базинером²⁸, посетившими Хиву в 1843 г., хотя по богатству систематизированных сведений о внутреннем устройстве жизни и быте населения оба эти автора уступают Ханыкову.

Должна быть еще отмечена дипломатическая миссия полковника Н. Игнатьева в Хиву и Бухару (1858 г.). В этнографическом отношении наиболее интересны публикации одного из членов миссии, Н. Г. Залева, особенно его «Письма из Хивы»²⁹.

Своеобразными, весьма ценными источниками этнографического характера явились также показания живших в Бухаре и освобожденных (выкупленных) русских пленных³⁰.

Особняком стоят воспоминания бухарского ходжи Мирзы Шемса, долгое время находившегося при дворе эмиров, а впоследствии жившего в Оренбурге, где по рекомендации В. В. Григорьева им и были написаны мемуары, которые являются ценным источником и для этнографа³¹.

Среди многочисленных сочинений, посвященных вопросам развития торговых связей Средней Азии с Россией, особо должна быть выделена обстоятельная работа П. Небольсина, в тексте которой встречается немало и чисто этнографических сведений, касающихся узбеков и других народов Средней Азии³².

Интересны этнографические наблюдения над народами Средней Азии, принадлежащие иностранным путешественникам и ученым, начиная с Антония Дженкинсона³³ и кончая иностранцами, посещавшими Туркестан в первой половине XIX в. Наибольшего внимания здесь заслуживают известные публикации Александра Бернса (Борнса)³⁴, а также труды Германа (Арминия) Вамбери³⁵.

В русской научной литературе мы найдем немало отрицательных отзывов о работах Вамбери, они не всегда объективны и справедливы. Это в известной мере может быть объяснено, с одной стороны, проявлением у Вамбери недоброжелательного отношения к России³⁶, с другой — его склонностью к романтическим преувеличениям в описании

некоторых деталей своего посещения Средней Азии, а иногда, видимо, и к недостаточно обоснованным домыслам. Показателем отрицательного отношения к трудам Вамбери могут служить слова В. В. Бартольда о том, что совершенная в 1834 г. поездка барона Демезона в Бухару под видом татарского муллы «имела столь же мало результатов, как... такой же подвиг венгерского ориенталиста Вамбери»³⁷.

Определенный вклад в изучение этнографии Средней Азии в описываемый период был сделан также зарубежными исследователями Вудом, Олуфсеном и др.

Таким образом период до присоединения Средней Азии к России был отмечен сбором в целом весьма существенных материалов о жизни, хозяйстве, культуре и быте народов Средней Азии. Все эти материалы, возбуждавшие внимание ученого мира, больше ставили вопросы, нежели отвечали на них, они не заполняли многих территориальных лакун. Следует добавить, что за некоторыми исключениями этнографические материалы специально не собирались и не изучались и, как правило, лишь сопутствовали в той или иной мере тексту различного рода общих очерков или специальных географических, геологических и других сочинений.

После присоединения Средней Азии к России повысился интерес к познанию прошлого и настоящего среднеазиатских народов. Первичный запас сведений об этой огромной территории (в том числе историко-этнографических), накопленный в XVI—XVIII вв. и первой половине XIX в. путешественниками, торговыми людьми, посланниками, переводчиками, пленниками, участниками первых экспедиций по изучению Аральского моря, путей к Амударье и др., при несомненном значении и интересе, не удовлетворял более запросов науки и практики по своей отрывочности и устарелости.

Надо констатировать, что, хотя условия и возможности научных исследований на территории Туркестана (колонияльной окраины Российской империи), и особенно Бухары и Хивы (отсталых средневекового типа феодальных государственных образований, находившихся в вассальной зависимости от русского царизма), были ограниченными и нелегкими, все же усилия русских ученых — специалистов и любителей туркестановедов (учителей, врачей, агрономов, экономистов-статистиков, топографов, образованных пленных и т. д.), а также некоторых иностранных исследователей и путешественников в своей совокупности составили весомый вклад в науку³⁸.

Следует сказать, что научные изыскания в этом районе в известной степени определялись не только пытливостью и инициативой самих ученых, но и заинтересованностью властей Российской империи в изучении Средней Азии — огромной территории, которая осваивалась как колониальное владение царизма и источник обогащения русских помещиков и капиталистов. Перед русским правительством стояла задача организации системы эксплуатации природных и людских ресурсов Средней Азии, население которой имело свою многовековую историю, свои традиции и обычаи, свои особенности и свой уклад жизни.

Однако последнее обстоятельство отнюдь не устраняло несомненного бескорыстного стремления многих русских ученых и краеведов приложить свои силы и энергию к изучению во многом неведомого мировой науке края. По словам известного русского востоковеда И. П. Минаева, «научный интерес, связанный с изучением (Средней Азии.— Б. Л.), независимо от интереса политического, громаден... и этнограф, и лингвист, и археолог, и историк... одинаково останавливаются на этих малоизвестных, но тем не менее любопытных краях»³⁹.

В 70—80-е годы XIX в. русские ученые начали разработку подроб-

ных программ по сбору и фиксации среднеазиатских этнографических материалов (племенной состав населения, наружность, физические свойства и состояние здоровья жителей, поселения, жилища, семейный быт, домашняя утварь, оружие, обувь, одежда, пища, земледелие, скотоводство, ремесла, торговля и т. п.). Так, Хивинский поход 1873 г. вызвал к жизни обстоятельную инструкцию по изучению Хивинского ханства в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношении, составленную Русским географическим обществом⁴⁰.

В 1868 г. в Туркестан ездил известный русский востоковед В. В. Радлов, сообщивший ряд этнографических сведений о населении Зеравшанской долины (родовые деления, городское устройство и быт, базарные лавки, мастерские ремесленников и т. п.).

Для описания быта и промыслов оседлых жителей Ташкента и других населенных пунктов определенное значение имеют работы выпускника восточного факультета Петербургского университета, путешественника и журналиста Петра Ивановича Пашино⁴¹.

Обширный цикл научных работ был проведен во время Хивинского похода 1873 г., в частности Туркестанским отрядом (М. Н. Богданов⁴², И. И. Краузе⁴³, А. Л. Кун⁴⁴). Востоковед А. Л. Кун уже в 1871—1872 гг. принял участие в Искандеркульской ученой экспедиции, изучая в верховьях Зеравшана быт и язык узбеков и таджиков⁴⁵. В 1873 г. во время поездок по Хивинскому оазису А. Л. Кун собрал обширные и ценные материалы по истории, этническому составу и пространственному размещению народов ханства, его общественному устройству и чисто этнографические сведения (жизнь, быт, хозяйство). Часть этих материалов была опубликована, часть осталась в рукописях («Тетради дневниковых записей» и др.). Им была еще составлена таблица племен и родов узбеков-кунград⁴⁶.

Большая научная работа была также проведена отрядом по исследованию низовьев Амударьи и Сырдарьи (1873 г.). Участник последнего А. В. Каульбарс сообщил, в частности, данные по этнографии каракалпаков, казахов, узбеков-аралов⁴⁷. То же можно сказать и об Амударьинской экспедиции 1874 г., возглавляемой Н. Г. Столетовым, руководившей в своей деятельности программой, рекомендованной Русским географическим обществом⁴⁸. В составе экспедиции был этнографо-статистический отдел (Л. Н. Соболев⁴⁹, Риза-Кули Мирза⁵⁰ и художник Н. Н. Каразин⁵¹). В том же, 1874 г. в Бухару была направлена экспедиция во главе с Н. А. Маевым, отчетные работы которого содержат ряд этнографических наблюдений⁵². Он же в 1875 г. возглавил Гиссарскую экспедицию, в процессе которой осуществил ценные этнографо-демографические наблюдения над узбеками из родов кунград, «марка-кчи-юз, лакай, дурбун, дурмей, сары-катаган»⁵³.

В 1875 г. упомянутый выше А. Л. Кун совершил поездку в Кокандское ханство и собрал небезынтересные данные по этнографии оседлого и кочевого населения ханства⁵⁴. В 1877 г. состоялась экспедиция в Ферганскую долину под руководством акад. А. Ф. Миддендорфа. В «Очерках» последнего мы находим этнографические наблюдения, относящиеся к земледельческому населению Ферганы — узбекам и таджикам⁵⁵. Этнографические наблюдения содержат и публикации офицера А. И. Быкова, совершившего в 1879 г. поездку с целью изучения судходства по Амударье⁵⁶, а также известные работы И. П. Минаева⁵⁷ и других русских ученых. Обстоятельное описание Бухарского ханства дал также известный туркестановед, военный инженер И. Т. Поставский⁵⁸.

Одним из первых исследователей земельного вопроса в Средней Азии был питомец восточного факультета Петербургского университета

М. Н. Ростиславов. К анализу земельных отношений он привлекал данные восточных рукописей («мусульманские юридические сочинения»), но в основном базировался на современных ему документальных данных и личных наблюдениях, как мы бы теперь сказали, «полевого характера». Его интересовало, в частности, содержание таких понятий в хозяйственной жизни населения, как амляк, мильк; мильк-харадж и др. Ростиславов пытался выяснить религиозную и правовую сторону происхождения амляковых, или государственных, земель, возможности их перехода в категорию «мильк» и т. д. Он же стремился рассмотреть «самое существо и значение» вакуфных земель различных категорий⁵⁹.

С течением времени все чаще стали появляться «дифференцированные» этнографические очерки по тем или иным отдельным среднеазиатским народностям или территориям, населенным определенными этническими группами. Эти очерки, как правило, содержали значительное количество данных о хозяйственных занятиях и образе жизни населения⁶⁰.

Не чуждался темы хозяйственных занятий казахского населения (скотоводческое хозяйство, его эволюция и перспективы и др.) выдающийся казахский ученый-этнограф и просветитель-демократ Чокан Валиханов. Отметим, далее, публикации А. Е. Алекторова, И. В. Аничкова, А. А. Диваева, А. И. Добросмыслова, П. П. Румянцева и других, касающиеся быта и хозяйственных занятий населения Казахстана⁶¹. Среди публикаций, относящихся к узбекам и таджикам⁶², следует отметить работы таких авторов, как Г. А. Арндаренко («Каратегин», 1878; «Дарваз и Каратегин», «Досуги в Туркестане», 1889, и др.), Ш. Акимбетова («Очерки Кокхистана», 1881), М. И. Бродовского («Заметки о земледелии в Самаркандском районе», 1872), М. Н. Венюкова («Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них», 1868), М. М. Вирского (по хозяйственным занятиям населения Самаркандской области, 1906, и др.), А. Д. Гребенкина («Таджики» и «Узбеки», 1872; «Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа», 1873; «Минг», 1874), Н. Дингельштедта («Опыт изучения ирригации Туркестанского края», 1893—1895), А. А. Кушакевича («Сведения о Ходжентском уезде», 1871; «Аулы, урочища и кишлаки, в которых расположены зимние стойбища кочевников Ходжентского уезда», 1872, и др.), П. Е. Кузнецова (статьи о таджиках Ташкентского и Наманганского уездов, 1900, 1915), Н. А. Маева (обширный цикл публикаций со сведениями о хозяйственном быте населения), А. И. Макшеева («Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае», 1871), Н. Ф. Ситняковского («Заметки о Бухарской части долины Зеравшана», 1899, и др.). Занятия населения в известной мере освещаются в публикациях Д. Н. Логофета по Бухаре, в книгах А. А. Семенова («По границам Бухары и Афганистана», 1902), Е. Т. Смирнова («Сыр-Дарьинская область», 1894), А. Е. Снесарева («Восточная Бухара», 1906), А. Успенского («Ферганская долина», 1890), А. И. Шахназарова («Сельское хозяйство в Туркестанском крае», 1908), А. П. Хорошкина («Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», 1876, и др.).

Сведения о хозяйстве и образе жизни каракалпаков и других народов низовий Амударьи содержатся в двухтомной монографии Гиршфельда и Галкина «Военно-статистическое описание Хивинского оазиса» (1902—1903), в публикациях О. А. Шкапского «Аму-Дарьинские очерки» (1900) и «Земледелие и землевладение в Шурханском участке Аму-Дарьинского отдела» (1900) и во многих других⁶³. Работы О. А. Шкапского ценны попытками вскрыть суть социальных отношений в сфере сельского хозяйства, различные формы открытой и скрытой эксплуатации крестьянской массы.

Немало работ дореволюционных авторов освещают и занятия туркмен, к ним следует отнести, например, книгу Ф. А. Михайлова «Туземцы Закаспийской области и их жизнь» (1900), статью П. М. Лессара «Юго-Западная Туркмения» (1884) и другие его статьи и заметки о Закаспийском крае, а также книги Я. Таирова «Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области» (1908), Д. И. Субботича «Материалы по землепользованию в Закаспийской области» (1903), статьи И. Ф. Бларамберга «Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря» (1850), А. И. Быкова «Очерк долины Аму-Дарьи» (1884), А. А. Семенова «Главные основы распределения земли и воды у туркмен Закаспийской области» (1903) и другие издания⁶⁴.

Много книг и статей было посвящено хозяйственным занятиям киргизов⁶⁵.

Одним из важных компонентов исконных хозяйственных занятий населения приречных и приморских районов Средней Азии являлось рыболовство, в процессе развития которого вырабатывалась система местных навыков, особенностей устройства и применения орудий лова и т. п. Хозяйству и быту рыбаков побережья Каспийского и Аральского морей были посвящены обстоятельные работы Н. Андрусова (1896), Г. Гельмерсена (1840), А. И. Бутакова (1853 и др.), Н. В. Ханькова (1851), М. Н. Богданова (1862), А. М. Никольского (1887), Н. Бородина (1904), Л. С. Берга (1908), А. С. Покровского (1916) и др. Эти работы не являлись специальными этнографическими исследованиями и тем не менее в большей или меньшей степени включали в себя немало данных собственно этнографического характера, и содержащиеся в них материалы небезынтересны для составителей историко-этнографического атласа.

Заслуженной известностью (и в целом высоким уровнем фактического материала) пользуются XVIII и XIX тома из серии «Россия», вышедшей под руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского и содержащей, в частности, многочисленные и интересные данные по хозяйственным занятиям населения (т. XVIII — «Киргизский край», СПб., 1903, и т. XIX — «Туркестанский край», СПб., 1913). Особенно высоко ценилась обстоятельная и основанная на надежных данных работа В. И. Масальского «Туркестанский край», включавшая в себя немало сведений этнографического, экономического и статистического характера⁶⁶.

Серьезное внимание работающих над Историко-этнографическим атласом и его историко-хозяйственной частью должно быть обращено на обширный цикл публикаций (как правило, весьма капитальных), появившихся в свет под общим наименованием «Россия» и издававшихся в конце XIX в. Департаментом государственных земельных имуществ, Департаментом земледелия и его управлениями (в частности, Главным управлением землеустройства и земледелия)⁶⁷.

Достаточно сказать, что под указанной рубрикой «Россия» были выпущены такие работы Переселенческого управления, как «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедициями по исследованию степных областей» (Акмолинская область, т. I. Кокчетавский уезд, 1897, т. II. Атбасарский уезд, 1902), «Киргизское хозяйство в Акмолинской области» (тт. I—V, 1909—1910), «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского Переселенческого района. Актюбинский уезд» (1912), «Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Казалинский уезд» (1913), «То же. Ферганская область. Андижанский уезд» (1913), «То же. Наманганский

уезд» (1913), «Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа...» (1915), «Материалы по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области» (1914), «Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области» (1912), «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области» (1915), «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области» (тт. I—VIII, 1911—1916), «Материалы по земельному вопросу в Азиатской России» (1917), «Азиатская Россия», т. II, «Земля и хозяйство» (1914), «Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области» (тт. I—II, 1910), «Хозяйство сартов в Ферганской области» (1911) и ряд др.

Укажем также на «Материалы для изучения хлопководства» Центрального хлопкового комитета министерства земледелия (вып. I—VIII, СПб., 1912—1917). Третий выпуск этих «Материалов...» посвящен, в частности, хлопководству в Хиве, а шестой — постановлением съездов хлопководов, хлопковых совещаний и деятелей по сельскому хозяйству в области хлопководства, а также включает в себя «Материалы по изучению водопользования в Туркестане в 1914 году» (М., 1916).

Как известно, в работе над подготовкой материалов для Историко-этнографического атласа хорошие результаты дало использование этнографами Казахстана статистических данных Переселенческого управления, опубликованных в уже упомянутом издании «Материалы по киргизскому землепользованию», детально освещающих экономику, приемы ведения хозяйства, жилище и другие стороны быта казахского и киргизского населения. «На основе этих данных, проверенных и дополненных во время полевых этнографических работ, уже составлены эскизы нескольких карт по скотоводству и земледелию в дореволюционном Казахстане»⁶⁸.

Особое внимание в цикле такого рода «Материалов», собранных для правительственных органов, занимают обильные и разнообразные данные (в том числе по хозяйственным занятиям населения, по теме землепользования и землеустройства, социальным отношениям), сосредоточенные в «Отчете ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Ф. Гирса» (СПб., 1883) и в особенности в многотомном «Отчете по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом» (СПб., 1910—1911). Содержание отдельных томов говорит здесь само за себя: «Земское хозяйство», «Орошение в Туркестане», «Переселенческое дело в Туркестане», «Поземельно-податное дело», «Сельское управление. Русское и туземное», «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане» и т. п.

К проведению ревизии и составлению отчета привлекалось прямо или косвенно много ранее изданных или собранных фактических материалов (данные статистических комитетов, отчетных материалов местных органов власти и т. д.) и немалое количество специалистов из числа командированных в Туркестан вместе с Паленом или из служилой среды края. В целом «паленовский» отчет носил, разумеется, характер материалов, призванных отобразить существующее в крае положение дел под углом зрения дальнейшего упрочения здесь системы колониального управления и эксплуатации местного населения в интересах правящих кругов России. С этих в основном позиций и велась в отчете речь

о недочетах и пробелах в системе управления и допускалась критика этих последних.

Цифровые материалы, фигурирующие в отчете, по своему происхождению и качеству были разнородными. Таким образом, в целом к материалам отчета следует подходить критически осторожно. Но тут же надо сказать и о другой стороне дела, временами придающей отчету характер единственных в своем роде и крайне важных для исследователей материалов. Отчет подчас весьма объективно освещал действительное положение дел, вплоть до данных, помогающих исследователям наших дней глубже и всесторонне понять реальную основу, содержание и характер социальных отношений в сфере сельского хозяйства и всей экономики Туркестана, а также сложную систему эксплуатации дехканства, вызывавшую массовое недовольство тружеников края. С этой точки зрения на страницах отчета подчас можно встретить более или менее смелые для своего времени и для самого «паленовского» отчета мысли и замечания и даже отдельные высказывания и выводы.

Такое положение можно объяснить тем, что в числе безыменных собирателей и поставщиков вошедших в отчет материалов находилось немало служилых элементов из Переселенческого управления и других ведомств и учреждений, в среде которых встречались представители прогрессивно настроенной русской интеллигенции (агрономы, учителя, врачи и др.) и даже политические ссыльные.

При всех своих недочетах издания типа «Материалов» Переселенческого управления и «Отчетов» Гирса, Палена и других являются одним из ценных дополнительных источников в процессе работы над Историко-этнографическим атласом народов Средней Азии и Казахстана.

Должна быть отмечена и группа таких примечательных обзорных изданий по России в целом, ее губерниям и областям (со включением материалов по Средней Азии и Казахстану), как «Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России». (СПб., 1900) и др.

Составители Историко-этнографического атласа не должны также обойти вниманием и многочисленные данные о хозяйственных занятиях, условиях и особенностях жизни и быта населения Средней Азии, содержащиеся в материалах, публиковавшихся статистическими комитетами Туркестанского края и Семиречья с начала 70-х годов XIX в. до 1917 г. («Материалы для статистики Туркестанского края», пообластные обзоры и ежегодники, труды Сырдарьинского комитета, Справочные книжки Самаркандской области, адреса-календари и др.)⁶⁹. В изданиях комитетов публиковалось множество данных о «естественных и производительных силах», народном хозяйстве, о населении и его занятиях, ирригационных системах, путях сообщения, административном устройстве, о податях и налогах, здравоохранении, просвещении и т. д. Сводки статистико-экономических данных и материалов являются «столь же важными для достижения научной объективности при анализе этнографического материала, как его хронологическая датировка и привязка к определенной локальной группе народа»⁷⁰.

К концу XIX — началу XX в. относятся попытки местных туркестановедов дать сводные этнографические очерки, посвященные отдельным народам. Здесь в первую очередь должны быть отмечены публикации Н. П. Остроумова⁷¹ и А. П. Шишова⁷². Работа Остроумова «Сарты» выдержала три издания — явление по тем временам необычное и свидетельствовавшее о росте интереса читательской аудитории к жизни и быту народов Средней Азии. Правда, на содержании общего очерка Остроумова сказались предвзятость и предубеждения, порожд-

денные его приверженностью к миссионерским взглядам на «инородцев» России в духе принципов Казанской духовной академии, воспитанником которой он являлся.

Особую группу этнографических публикаций описываемого времени составляют работы по кустарному производству Средней Азии. В этой области помимо сводных очерков М. И. Бродовского, М. Ф. Гаврилова, А. А. Диваева, С. А. Давыдовой, Н. А. Маева, К. М. Оберучева, Н. А. Кирпичникова накопилось большое количество очерков, посвященных истории, технологии, экономике отдельных кустарных производств, а также социальному положению, жизни и быту, обрядам и обычаям ремесленников. К таким работам относятся очерки: И. Васильева по швейному ремеслу; Н. И. Габбина по производству арб и седел (ленчиков); И. И. Гейера (кустарные промыслы в Ташкенте: астарчи, сагричи, таракчи, патакчи), Н. Ф. Бурдукова, Г. Головина, А. Д. Гребенкина, А. А. Кушакевича, В. К. Розвадовского, Н. Н. Щербины-Крамаренко и других по гончарному производству; И. И. Краузе по винокуренному, маслособойному и красильному производству; И. Назарова (кустарные промыслы в Ташкенте: заргарчи, иохчувачи, машиначи); Н. С. Лыкошина и Н. Ф. Петровского по шелководству и шелкомотанию; А. П. Федченко по производству бумаги; Ю. О. Якубовского по переплетному делу; А. А. Боголюбова, Н. Ф. Бурдукова, Н. И. Веселовского, С. М. Дудина, А. Фелькерзама и других по ковровому производству⁷³ и т. д.

Большое внимание изучению кустарных промыслов узбеков и других народов Туркестана, жизни, быта и традиций ремесленников уделили Туркестанский отдел Русского технического общества и другие научные общества края⁷⁴.

Для изучения состояния фабрично-заводской промышленности Средней Азии, состава местного пролетариата (социального, возрастного, полового, по степени квалификации), его материального и бытового положения очень важна работа В. В. Заорской и К. А. Александер «Промышленные заведения Туркестанского края» (1915).

Различного рода публикации по хозяйственным занятиям народов Средней Азии рассеяны также по страницам научных изданий Москвы, Петербурга, Казани и других городов. Из них следует назвать отдельно «Известия» и издания Русского географического общества, журналы «Живая старина», «Этнографическое обозрение», отчасти «Исторический вестник» и др. То же можно сказать и о газетах, особенно таких, как «Окраина» (1890—1898), «Русский Туркестан» (1898—1907, 1911), «Самарканд» (1904—1907), «Среднеазиатская жизнь» (1905—1908), «Ташкентский курьер» (1906—1908), «Туркестанский курьер» (1908—1917), «Туркестанские ведомости» (1860—1917) и др.⁷⁵ Последние на своих страницах содержат много этнографических и историко-этнографических публикаций. По словам В. Р. Розена, «„Туркестанским ведомостям“ с самого первого дня существования было поставлено в задачу по мере возможности содействовать изучению Туркестанского края. И эту задачу они преследовали настойчиво и умело»⁷⁶.

Составителям Историко-этнографического атласа нельзя также миновать этнографических коллекций, собранных в дореволюционное время отдельными лицами, в частности, надо тщательно проследить судьбу этнографических экспонатов так называемой кауфманской коллекции Публичной библиотеки в Петербурге.

Мы не останавливаемся здесь на характеристике трудов путешественников и исследователей Средней Азии и Казахстана — географов, зоологов, топографов и др., на страницах работ которых также встречается немало отдельных наблюдений и фактов этнографического харак-

тера (Д. Л. Иванов, И. В. Мушкетов, В. Ф. Ошанин, Н. А. Северцев, И. А. Стебницкий, А. П. и О. А. Федченко) и др.⁷⁷

Большое количество публикаций этнографического характера начиная с 1867 г. собрано в уникальном 591-томном «Туркестанском сборнике», хранящемся в Государственной публичной библиотеке им. Алишера Навои в Ташкенте. Этот сборник начали составлять по инициативе членов научных обществ дореволюционного Туркестана, и связан он с именем выдающегося русского библиографа В. И. Межова (1831—1894), которому мы обязаны составлением первых 416 томов, а также с именами других библиографов и туркестановедов от Н. В. Дмитровского до А. А. Семенова⁷⁸.

По словам академика В. Р. Розена, этот сборник должен был стать (и действительно стал) настольной книгой всякого занимающегося Средней Азией, ее прошлым или настоящим. Конечно, за более чем столетний период со времени появления первых томов «Туркестанского сборника» к нему обращались уже многие сотни исследователей, в том числе и этнографы. В связи же с работой над атласом назрела необходимость заново подвергнуть все тома сборника «сплошной ревизии» для извлечения из него максимального количества полезных данных историко-этнографического характера⁷⁹.

В связи с ведущимися сейчас работами над Историко-этнографическим атласом особо важно отметить уникальный, до сих пор не утративший своего значения так называемый «Туркестанский альбом», изготовленный в 1872 г. питомцем восточного факультета А. Л. Куном и другими лицами.

Целью составления этнографической части альбома было: «представить... современную жизнь населения: типы, верования, обряды, обычаи, жилища и виды наиболее населенных местностей края, культуру страны в промышленном и техническом отношениях»⁸⁰.

Часть III альбома — «этнографическая» (175 картонов с иллюстрациями), к ней примыкала и часть IV — «промысловая» (17 картонов). Туркестанский альбом обратил на себя внимание крупных специалистов-востоковедов своего времени⁸¹. Мы считаем, что сейчас пришло время широкого использования «Туркестанского альбома» и подобных ему материалов для Историко-этнографического атласа.

К циклу этнографических альбомов примыкает также весьма ценный фотографический альбом типов среднеазиатских народностей, составленный в связи с состоявшимся в Петербурге в 1876 г. Международным конгрессом ориенталистов (альбом состоит из 84 листов, содержащих 168 фотографий)⁸².

На страницы Историко-этнографического атласа, образно говоря, «просится» иллюстрационный материал таких дореволюционных изданий, как «Орнамент горных таджиков Дарваза» А. А. Бобринского (1900), «Гончарные изделия Средней Азии» Н. Ф. Бурдукова (1906), «Ковровые изделия Средней Азии, из собрания, составленного А. А. Боголюбовым» (1908), «Старинные ковры Средней Азии» А. Фелькерзама (1914) и др. То же можно сказать и о публикации Н. Е. Симакова («Искусство Средней Азии»⁸³ 1883), вызвавшей в свое время хвалебный отзыв Владимира Васильевича Стасова⁸⁴, и об издании «Текинские орнаменты с их применением для ковров, вышивок и пр.» (собрание А. А. Астафьева, 1885), а равно об «Атласе к путешествию в Туркмению и Хиву» Николая Муравьева (1822).

Следует отметить, что в фондах Государственной республиканской публичной библиотеки имени А. Навои в Ташкенте и в других библиотеках, а также в архивных собраниях и музеях хранятся неизданные акварели, зарисовки, картины разных забытых художников — специали-

стов и любителей, фиксировавших хозяйство, быт и культуру народов Средней Азии. Таков альбом орнаментальных зарисовок Александра Петровича Матафтина, зарисовки Бориса Ниловича Литвинова, разбросанные по различным собраниям, и фотографии Самуила Мартыновича Дудина (собрание Академии художеств).

В Публичной библиотеке Ташкента хранятся еще рисунки по Хиве и Коканду капитана Дикгофа, а в Историческом музее в Москве и Этнографическом музее в Ленинграде несколько сот «туркестанских акварелей» военного инженера Д. К. Зацепина.

Не должны также пройти мимо нашего внимания зарисовки английского художника Джона Кестля, посетившего Казахстан в 30-х годах прошлого века, изданные в Париже в 1812—1813 гг.; зарисовки из быта народов Казахстана Емельяна Корнеева; зарисовки по Казахстану А. Ф. Чернышева, Горьковича (середина XIX в.); зарисовки изделий бухарских ремесленников, сделанные в 1841—1842 гг. натуралистом Александром Леманом; неопубликованные «изображения» различных социальных типов казахского народа, осуществленные Бабиковым.

В 1865 г. в Париже был издан альбом офортов Бронислава Залеского «Жизнь киргизских степей». Остались неизданными: альбомы художника Кошарова «Альбом к путешествию П. П. Семенова на Тянь-Шань в 1875 году», «Этнографический альбом дикокаменных киргизов племени богинцев».

Особо должны быть отмечены картины и зарисовки по Средней Азии выдающихся русских художников Василия Васильевича Верещагина и Николая Николаевича Каразина, а также художников Л. Е. Дмитриева-Кавказского⁸⁵, бытописателя казахского народа художника Николая Григорьевича Хлудова и др.⁸⁶.

Все это богатое и малоизвестное наследие надо сейчас еще раз и с исчерпывающей полнотой привести в движение, обратив внимание не только на хорошо известные и художественно законченные картины и рисунки названных и других художников, но и на хранящиеся в фондах («запасниках») музеев черновые наброски, путевые зарисовки и другие материалы.

В поисках иллюстративных материалов к атласу следует проштудировать журнальную и очерковую продукцию дореволюционного времени. Правда, в иллюстративных материалах по Средней Азии, публиковавшихся в русских и иностранных журналах, книгах и научно-популярных изданиях, главенствующее место принадлежало воспроизведению ее историко-архитектурных памятников, видов ее городов и селений, общего типажа коренных жителей края, но все же известное место в этих материалах занимала и фиксация быта и хозяйственных занятий населения (полевые работы, домашнее ремесло, охота, рыболовство и т. п.).

Ждут своего использования для Историко-этнографического атласа каталоги и фотоальбомы различных туркестанских (сельскохозяйственных, промышленных и других) выставок и туркестанских отделов все-русских выставок. Частично они сохранились благодаря тому, что некоторые из каталогов были изданы⁸⁷.

Особенно богаты этнографическими материалами были Туркестанский отдел Политехнической выставки 1872 г. в Москве⁸⁸ и Туркестанская выставка 1890 г. в Ташкенте⁸⁹.

Было бы весьма желательно и целесообразно подвергнуть обследованию архивы некоторых дореволюционных ученых, интересовавшихся этнографией народов Средней Азии. Эти архивы уже начали привлекать к себе внимание исследователей, но не в связи с работами по составлению Историко-этнографического атласа. Между тем можно ожи-

дать, что в этих архивах будут обнаружены весьма интересные данные для целей атласа. В качестве примера укажем на архивы М. И. Венюкова (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, ф. 363, 528 ед. хр.; 1850-е — 1901 г.), А. Л. Куна (Архив востоковедов Института востоковедения АН СССР, Ленинград, ф. 33, 303 ед. хр., 1859—1882 и Ленинградское отделение Института истории АН СССР, ф. 154, 259 ед. хр., 1857—1873), Н. Г. Маллицкого (ЦГА УзССР, ф. Р-2231, 303 ед. хр., 1843—1947), Н. Н. Пантусова (ЦГА КазССР, ф. 822, 23 ед. хр., 1881—1909; в собраниях Центрального государственного музея Казахской ССР хранится большое количество фотоснимков, сделанных Пантусовым в Семиречье и Илийском крае и фиксирующих жизнь, занятия и быт местного населения), Ф. В. Пояркова (Гос. республиканская библиотека Казахской ССР, 24 ед. хр., 1880—1900-е гг.), П. И. Хомутова (ЦГА УзССР, ф. 1008, 177 ед. хр., 1866—1908) и ряд др.⁹⁰

Необходимо еще более широко использовать опубликованную часть архивов Хивинского и Кокандского ханств и других документальных материалов по Средней Азии второй половины XIX — начала XX в., характеризующих хозяйственную жизнь их населения (публикации А. А. Егани, П. П. Иванова, Б. И. Искандерова, С. К. Колмакова, А. Маджлисова, К. М. Мирзаева, К. З. Муксиновой, А. Мухтарова, А. Л. Троицкой, О. Д. Чехович, М. Ю. Юлдашева и др.).

Существенным подспорьем в работе над Историко-этнографическим атласом должны явиться библиографические указатели и обзоры литературы по этнографии Средней Азии и Казахстана.

Из существующих специализированных библиографических указателей по этнографии Средней Азии (включая литературу по хозяйственным занятиям населяющих ее народов) следует особо выделить «Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик. Составлены Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровским» (Л., 1927). Книга охватывает дореволюционную литературу и литературу послеоктябрьского времени (до 1925 г. включительно). Несмотря на ряд недостатков, книга до сих пор продолжает оставаться для Средней Азии и Казахстана единственной в своем роде⁹¹.

Большую помощь в составлении атласа призваны оказать такие сводные работы, как А. Г. Биснек и К. И. Шафрановский, Библиография библиографий по Средней Азии («Библиография Востока», вып. 8—9, М.—Л., 1936, стр. 152—194); И. М. Пульнер и Е. Б. Добрин, Материалы для библиографии Средней Азии. Библиографические указатели историко-этнографической литературы и смежных дисциплин, — СЭ, М., 1935, № 6, стр. 146—165; М. О. Косвен, Указатель библиографических указателей и обзоров литературы по этнографии народов СССР, — СЭ, М., 1947, № 1, стр. 242—248. Из новейших сводок укажем книги: «Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962», составители О. Н. Бунакова и Р. В. Каменецкая, Л., 1967 (раздел «Средняя Азия и Казахстан», стр. 136—163, здесь же «Указатель библиографических изданий по этнографии», стр. 47—51); З. М. Шевченко и Д. С. Лейви, Библиография библиографий Таджикистана, Душанбе, 1966; Е. И. Новиченко, Библиография библиографий о Киргизии. 1852—1967, Фрунзе, 1969⁹². Обильной библиографией снабжен крайне полезный и для этнографов труд библиографа О. В. Масловой «Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию»⁹³.

Существуют еще указатели работ отдельных видных этнографов-туркестановедов дореволюционного времени. Так, например, изданы перечень многочисленных публикаций туркестановеда Н. С. Лыкошина

по этнографии, сельскому хозяйству, земельному вопросу, промыслам Туркестана («Указатель публикаций Н. С. Лыкошина с 1890 г. по 1922 г.,— «Труды Среднеазиатского гос. университета им. В. И. Ленина», вып. СХІ, Ташкент, 1957, стр. 199—230), обстоятельный, хотя и неполный указатель работ среднеазиатского этнографа А. А. Диваева («Опубликованные работы А. А. Диваева», сост. Г. Н. Валиханова,— СЭ, М., 1958, № 5; стр. 68—70). Обзор этнографических публикаций Ш. М. (И. И.) Ибрагимова дан в нашей статье: «Забытый среднеазиатский этнограф Шахимардан Мирясович (Иван Иванович) Ибрагимов» («Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1966, № 7, стр. 38—49).

Некоторые данные, о неопубликованных материалах историко-этнографического характера по Казахстану и Туркестанскому краю содержатся в книге «Казахстан в рукописных материалах фонда редких книг и рукописей государственной республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина. Аннотированный указатель», Алма-Ата, 1966.

Наличие перечисленных и других библиографических указателей не исключает, однако, необходимости сопроводить работу над Историко-этнографическим атласом составлением специальной к нему библиографии. Редакция Историко-этнографического атласа предполагает снабдить его еще и библиографическим указателем литературы.

Составителям Историко-этнографического атласа не следует обходить своим вниманием те обобщающие материалы по хозяйственной жизни народов Средней Азии в дореволюционное время, которые содержатся в таких капитальных сводных изданиях, как «История Узбекской ССР», «История Туркменской ССР», «История Таджикского народа», «История Самарканда» и др.

Чрезвычайно важно использовать всю новейшую литературу, посвященную выяснению и уточнению действительного смысла различных хозяйственных и таких важных социальных терминов, как харадж, мюльк, вакф и другие (работы О. Д. Чехович, Д. И. Овезова и многих других). Надо заранее подумать о транскрипции специальных слов и терминов, которым предстоит войти в содержание (текст и таблицы) Историко-этнографического атласа, так как в этом отношении и в новейшей научной литературе продолжает существовать весьма значительный разнобой.

* * *

Наша статья посвящена преимущественно обзору отечественной литературы и источникам вопроса. Следует, однако, сказать и об этнографических, историко-археологических и других наблюдениях по Средней Азии, относящихся к XIX в. и осуществленных западноевропейскими путешественниками. Среди них наряду с энтузиастами-учеными и любителями науки было не так уж мало лиц, чьи «путешествия» в первую очередь были фактически выполнением вполне определенных политических, военно-политических, военно-топографических, географо-экономических и других рекогносцировок, осуществлявшихся по заданию разведывательных и других правительственных органов европейских государств⁹⁴.

В качестве примера⁹⁵ укажем на пребывание в Бухаре в 1825 г. представителя Ост-Индской компании ланкаширца Муркрофта; в 1831 г. и 1834 г. миссионера Вольфа; на посещение в 70-х годах Хивы (в связи с Хивинским походом) прусским лейтенантом Штуммом; корреспондентом «Нью-Йорк Геральд» Мак-Гаханом; капитаном английской службы Бернаби; в 1875 г. венгерским натуралистом Оноди; на поездки по Средней Азии в 1876—1877 гг. супругов Уйфальви (Франция); в 1880—1882 и 1886—1887 гг. французов Бонвало и Капюса; художни-

ка Крафта⁹⁶; в 1882—1883 гг. француза Бенуа (визит в Хиву); в 1896—1897 гг. датчанина Олуфсена (Хива); в 1888 г. бельгийца Леклера (Бухара, Самарканд); в 1890—1891 гг. известного шведского путешественника Свен Гедина (Бухара); в 1893 г. немецкого предпринимателя Макса Альбрехта (Бухара); в 1894 и 1897 гг. немецкого ученого Рикмера (Бухара); в 1900 г. баварца Фильхнера (Бухара) и т. д. Интересны также широко известные среднеазиатские публикации Эжена Скайлера и др.

В заключение отметим, что хотя дореволюционное научное наследие в области этнографии во многом и устарело, оно все же продолжает сохранять определенное значение в качестве одного из существенных источников для составления историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана.

¹ Цит. по кн.: Г. В ам б е р и, Очерки Средней Азии, М., 1868, стр. 5.

² Включая материалы археологических раскопок и исследований, имеющих прямое отношение к расширению наших познаний в сфере палеоэтнографии, в том числе ее хозяйственных аспектов.

³ Э. А. М а с а н о в, Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР, Алма-Ата, изд-во «Наука» КазССР, 1966, стр. 14.

⁴ А. П о п о в, Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом, — «Записки Русского географического общества», том IX, СПб., 1858, стр. 237—318. Из новейших публикаций: М. А. А б д у р а и м о в, «Тарихи Абулфайзахан» и реляции Флорио Беневени как источники по истории Бухарского ханства в первой половине XVIII в., — «Известия АН Узбекской ССР», сер. общественных наук, Ташкент, 1958, № 6, стр. 41—48.

⁵ «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравыным, с предисловием Я. В. Ханькова», — «Географические известия», СПб., 1850, стр. 510—599.

⁶ Е. К. Б е т г е р, Самарский купец Даниил Рукавкин и его караван в Хиву в 1753 году, — «Известия Академии наук Туркменской ССР», Ашхабад, 1952, № 6, стр. 3—11 (здесь же сведения о различных публикациях текстов самого Д. Рукавкина).

⁷ Из последних по времени изданий см.: Ф. Е ф и м о в, Десятилетнее странствование, М., 1952.

⁸ «Журнал, учиненный с описанием из держанных коллежским регистратором и переводчиком Мендиаром Бекчуринным во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращении в Оренбург записок лежащему тракту», — «Восточный сборник», кн. II, 1916, стр. 274—340. В. В. Бартольд отмечает, что «между прочим у него (Бекчурина) едва ли не в первый раз упоминается о делении узбеков на 92 народа» (В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 224).

⁹ «Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг.», — «Вестник Русского географического общества», XXII, СПб., 1858, стр. 87—116.

¹⁰ Т. Б у р н а ш е в, Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1796 г., — «Сибирский вестник», ч. 2 и 3, СПб., 1818, стр. 37—110.

¹¹ «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году», — «Вестник Русского географического общества», ч. 1, отд. VI, СПб., 1851, стр. 1—43.

¹² [Филипп Назаров], Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах, — СПб., 1821.

¹³ [Н. И. Потанин], Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н. И. Потанина, — «Военный журнал», СПб., 1831, № 4, стр. 102—139; № 5, стр. 43—70, и другие издания Записок.

¹⁴ Остается неопубликованной (кроме отдельных извлечений) «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича по поводу его путешествия в Бухару (1836) и обратно» (Центр. Гос. военно-исторический архив, оп. 103, д. 17, № 67).

¹⁵ «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров», М., 1822, ч. 1, 2.

¹⁶ В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 258.

¹⁷ Будрин, Русские в Бухаре в 1820 году, — «Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г.», Оренбург, 1871, стр. 1—45.

¹⁸ П. Яковлев, Въезд в гор. Бухару Российской императорской миссии в

1820 году.—«Сибирский вестник», СПб., 1822, ч. XIX, стр. 47—52, и другие его публикации. Яковлеву принадлежала также попытка определить задачи русских ученых в области изучения «Бухарии».

¹⁹ G. Meuyendorff, Voyage d'Orenburg à Boukhara fait en 1820..., Paris, 1826. Существует неопубликованный перевод этой книги, сделанный Е. К. Беггером: Е. К. Мейендорф. Путешествие от Оренбурга до Бухары, совершенное в 1820 году по степям, простирающимся к востоку от Аральского моря и за древний Яксарт, пер. с франц., 1955 (Гос. публ. библиотека им. А. Навои в Ташкенте; в ближайшее время новый перевод работы Мейендорфа выпускается Главной редакцией восточной литературы изд-ва «Наука»). Более подробный перечень публикаций других участников миссии 1820 г. см.: О. В. Маслова, Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, ч. 1, 1715—1856, Ташкент, 1955, стр. 34—37.

²⁰ E. Evermann, Reise von Orenburg nach Buchara..., Berlin, 1823.

²¹ Н. В. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 279; его же, Очерки Бухары,—«Отечественные записки», СПб., 1843, XXVI, № 2, стр. 86—91, и другие публикации. См. также письмо Н. В. Ханыкова к акад. Б. А. Дорну в первом томе посмертно изданных трудов акад. Х. Френа.

²² Сам Бутенев также оставил ряд ценных для этнографии публикаций. См.: К. Ф. Бутенев, Заводское дело в Бухарии,—«Горный журнал», 1842, ч. V, кн. II, стр. 148—154; его же, Монетное дело Бухарии,—там же, стр. 154—163; его же, Замечание о ковке булата в Бухарии,—там же, стр. 163—168 и др.

²³ В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, стр. 256. В другом месте В. В. Бартольд называет «Описание Бухарского ханства» классическим трудом (В. В. Бартольд, Иран. Исторический очерк, Ташкент, 1926, стр. 117), а самого Ханыкова «самым выдающимся деятелем из числа сотрудников Министерства иностранных дел, пользовавшихся своими командировками... для производства историко-географических работ» (там же).

²⁴ О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, стр. 66.

²⁵ О. А. Сухарева, Этническая характеристика основного населения гор. Бухары в литературе (рукопись, любезно предоставленная нам автором для ознакомления). Интересно отметить, что Ханыков интересовался жизнью и бытом не только городского, но и сельского населения Бухары, в частности различными видами земельной собственности и земельными отношений (харадж, мильк, амляк).

²⁶ Alexander Lehmann's Reise nach Bouchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842..., SPb., 1852. Работа Лемана в описании ремесленного производства в Бухаре может служить ценным дополнением к книге Н. В. Ханыкова, уделившего этой стороне дела незначительное внимание.

²⁷ Г. Данилевский, Описание Хивинского ханства,—«Записки Русского географического общества», V, СПб., 1851, стр. 62—139.

²⁸ Th. Basiner, Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa,—SPb., 1848.

²⁹ Н. Г. Залесов, Письма из Хивы,—«Военный сборник», IV, СПб., 1858, стр. 491—497; V, СПб., 1859, стр. 273—295. Некоторые данные по этнографии хивинцев сообщает также другой участник миссии, М. Н. Галкин (М. Н. Галкин, Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868, стр. 164—189).

³⁰ З. С., Бухара по рассказам русских пленных,—«Русский инвалид», СПб., 1862, №№ 70, 71. Об этом же см.: «О военных силах Бухарского эмира. Показания русских пленных, возвращенных из Бухары в 1858—59 гг.»—М. Н. Галкин, Этнографические и исторические материалы..., стр. 210—243; А. Макшеев, Показание сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849 по 1852 год,—«Вестник Русского географического общества», СПб., 1856, стр. 21—31. Из более поздних рассказов русских пленников см. книгу известного горного инженера А. С. Таринова «Семимесячный плен в Бухарии» (СПб., 1867), сообщающую данные о дворцовой жизни, быте эмира и его приближенных, некоторых местных обычаях; публикацию Н. А. Северцева «Месяц плена у кокандцев» (СПб., 1860) и ряд других.

³¹ «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева»,—«Ученые записки Казанского университета», кн. I, Казань, 1861.

³² П. Небольсин, Очерки торговли России со Средней Азией,—«Записки Русского географического общества», т. X, СПб., 1855.

³³ «Путешествие в Среднюю Азию 1558—1569 гг.»—«Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1932, стр. 167—215.

³⁴ А. Борнс, Путешествие в Бухару, т. I, М., 1848; т. II, 1848; т. III, 1849. Сведения об узбеках см. также в кн.: «Кабул. Путевые заметки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 годах», гл. VIII, ч. I, М., 1847.

³⁵ Основные публикации этого автора в переводе на русский язык: А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г.,

М., 1867; изд. 2, М., 1874; его же, Очерки Средней Азии, М., 1868; его же, История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего, т. I—II, СПб., 1873; его же, Моя жизнь, М., 1914; «Приключения Арминия Вамбери, описанные им самим», М., 1931, и др.

³⁶ Вопрос о политической ориентации и симпатиях Вамбери сложен и недостаточно изучен, особенно если учесть его проанглийские симпатии и явное сочувствие британской имперской политике, противостоящей восточной политике России. «Антирусские» высказывания Вамбери возможно связаны с его отрицательным отношением к участию царского правительства в подавлении венгерской революции 1848 г.

³⁷ В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925.

³⁸ Из сводных публикаций см.: А. Н. Попов, Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом, — «Записки Русского географического общества», т. IX, СПб., 1853, стр. 237—424; В. В. Вельяминов-Зернов, Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абульхайр хана (1748—1765), Уфа, т. I, 1853, т. II, 1855; В. В. Завьялов, Исторический обзор путешествий в Бухару, Уфа, 1854; «Хронологическое обозрение политических сношений России с Бухарой», — «Сборник князя Хилкова», СПб., 1879; И. Л. Яворский, Опыт медицинской географии и статистики Туркестана, ч. I, СПб., 1889, стр. 173—180; Ф. Н. Лобысевич, Поступательное движение России в Средней Азии в торговом и экономическом отношениях, СПб., 1900; И. В. Мушкетов, Туркестан, т. I, СПб., 1886; изд. 2, 1915; С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Пг, 1915, также публикации В. В. Григорьева, Н. И. Веселовского, А. В. Панкова и других авторов.

³⁹ И. П. Минаев, Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879, стр. IV.

⁴⁰ «Вопросы, предлагаемые Императорским Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях», СПб., 1873. Раздел V этих «Вопросов» был посвящен этнографическим наблюдениям (фотографии типов населения, описание одежды и предметов домашнего быта, численность и занятия племени, места их обитания, сбор преданий и т. п.).

⁴¹ П. И. Пашино, Туркестанский край в 1866 году, СПб., 1868; его же, О фабричной и торговой деятельности Туркестанского края, — «Известия Русского географического общества», т. III, СПб., 1867, стр. 120—139. Этнографические данные встречаются также в работах А. К. Гейнса, который в основном интересовался казахами.

⁴² М. Н. Богданов, Очерки природы хивинского оазиса и пустыни Кызыл-Кум, Ташкент, 1882 (этнографические данные см. в главе VI).

⁴³ И. И. Краузе, О хивинском земледелии, — «Известия Русского географического общества», т. X, СПб., 1874, стр. 40—46.

⁴⁴ А. Л. Кун, Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г., — «Известия Русского географического общества», т. X, СПб., 1874, стр. 17—58; его же, Культурный оазис Хивинского ханства, — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1873, №№ 23, 32; 1874, №№ 2, 3, 6, 7, 11, 12; его же, От Хивы до Кунграда, — «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV, СПб., 1876, стр. 203—254, и др.

⁴⁵ Неопубликованные записки хранятся в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. См.: «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР». Указатель. Том I, М., 1962, стр. 375. В двух томах данного издания (1962—1963) заинтересованные исследователи найдут данные о местах хранения и объеме архивов ряда туркестановедов — ученых и краеведов, — занимавшихся этнографическим изучением края.

⁴⁶ Б. В. Андрианов, Архив А. Л. Куна, — «Советская этнография», М., 1951, № 4, стр. 149—153; Б. В. Лунин, Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, 1965, стр. 114—120 (здесь же перечень публикаций А. Л. Куна).

⁴⁷ А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г., — «Записки Русского Географического Общества по общей географии», т. IX, СПб., 1881.

⁴⁸ «Программа для исследования Аму-Дарьинской экспедиции», — «Известия Русского географического общества», т. X, СПб., 1874, стр. 192—211.

⁴⁹ Л. Н. Соболев, Обзор доступов к Хивинскому ханству и краткие сведения о нем, — «Военный сборник», 1873, № 5; его же, Письма об Аму-Дарьинской экспедиции, — «Русский инвалид», 1874, №№ 213, 216; Соболев и Гродеков, Статистический обзор Хивинского ханства, Ташкент, 1882.

⁵⁰ Риза-Кули-Мирза, Краткий очерк Аму-Дарьинской области, СПб., 1875.

⁵¹ Н. Н. Каразин, В низовьях Аму, — «Вестник Европы», 1875, № 2, стр. 651—691; № 3, стр. 186—199. В процессе работы отряда Н. Н. Каразин составил альбом своих рисунков с натуры, в том числе этнографического характера. В 1874 г. в Берлине был издан его альбом — «Хивинский поход».

⁵² Н. А. Маев, Очерки Бухарского ханства, — «Материалы для статистики Тур-

- «Кеостанского края», V, СПб., 1871, стр. 78—180 и др. Из других публикаций о Бухарском ханстве см.: А. Л. Кун, Очерки Шагрисебского бекства, — «Записки Русского географического общества по отд. этнографии», т. XI, СПб., 1880, стр. 201—237.
- ⁵³ Н. А. Маев, Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства, — «Известия Русского географического общества», т. XII, СПб., 1876, стр. 349—463.
- ⁵⁴ А. Л. Кун, Очерк Кокандского ханства, — «Известия Русского географического общества», т. XII, СПб., 1876, стр. 50—70.
- ⁵⁵ А. Ф. Миддендорф, Очерки Ферганской долины, СПб., 1892. Не лишена самостоятельного этнографического значения весьма пространная, излишне запальчивая и подчас не совсем справедливая, но в целом содержательная рецензия В. П. Наливкина на книгу Миддендорфа (В. П. Наливкин, По поводу книги А. Ф. Миддендорфа «Очерки Ферганской долины», — «Туркестанские ведомости», 1883, №№ 35—39).
- ⁵⁶ А. Н. Быков, Очерк переправ через реку Аму-Дарью, Ташкент, 1880; его же, Очерк долины Аму-Дарьи, СПб., 1884.
- ⁵⁷ И. П. Минаев, Сведения..., стр. 188—190 и др.
- ⁵⁸ И. Т. Пославский, Бухара. Описание города и ханства, — «Сборник географических и статистических материалов по Азии», вып. XVII, 1891 (здесь же литература вопроса).
- ⁵⁹ М. Н. Ростиславов, Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, — «Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге», т. I, 1879, стр. 327—359 и другие его публикации. Большое внимание изучению вакфиных владений и земельных отношений вообще уделял также А. Л. Кун («Вакуфы», — «Туркестанские ведомости», 1872, № 21; «Порядок взимания податей в Хивинском ханстве», — там же, 1873, № 33 и др.).
- ⁶⁰ «Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик», составлены Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровским, Л., 1927.
- ⁶¹ Там же, стр. 80—171; см. также: Э. А. Масанов, Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР, Алма-Ата, 1966.
- ⁶² «Материалы для библиографии...», стр. 177—199, 218—227.
- ⁶³ «Материалы для библиографии...», стр. 177; «Библиографические материалы на русском языке о каракалпаках», — «Материалы по истории каракалпаков», — «Труды Института востоковедения», т. VII, М.—Л., 1935, стр. 257—278.
- ⁶⁴ «Материалы для библиографии...», стр. 201—214; см. также библиографию в кн.: М. Аннанепесов, Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв., Ашхабад, 1972.
- ⁶⁵ См.: З. Л. Амитин-Шапиро, Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750—1917), Фрунзе, 1958.
- ⁶⁶ В. И. Масальский, Туркестанский край, — «Россия», под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIX, СПб., 1913. Не менее важны для этнографов и такие публикации данного автора, как «Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее» (1892), «Сельскохозяйственная и лесная производительность Туркестана» (1893) и др. Составителями XVIII тома, посвященного Киргизскому краю, т. е. Казахстану, являлись А. Н. Букейханов, Л. П. Осипов, А. Н. Седелников и др. Обоим томам сопутствует библиография.
- ⁶⁷ Впоследствии — Министерством земледелия и государственных имуществ и его отделами (Отдел земельных улучшений, Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, Центральный хлопковый комитет, Переселенческое управление и др.).
- ⁶⁸ Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана (Принципы и методы составления), — СЭ, М., 1971, № 4, стр. 37.
- ⁶⁹ Б. В. Лунин, Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края, — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1962, № 6, стр. 30—39. Существует машинописный экземпляр составленного Е. К. Бетгером и неопубликованного «Указателя к сборникам, изданным статистическими комитетами б. Туркестанского края» (Ташкент, 1931; Собрания справочно-библиографического отдела Гос. публичной библиотеки им. Алишера Навои в Ташкенте).
- ⁷⁰ Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас..., стр. 37.
- ⁷¹ Н. П. Остроумов, Сарты. Этнографические материалы, вып. I, Общий очерк, Ташкент, 1890 (есть изд. 1896 и 1908 гг.); вып. II. Народные сказки, Ташкент, 1893; вып. III. Пословицы и загадки, Ташкент, 1895.
- ⁷² А. П. Шишов, Сарты, ч. I. Этнография. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, XI, Ташкент, 1904; А. П. Шишов, Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование, ч. I. Этнография, Ташкент, 1915. Работа Шишова в значительно большей мере, чем работа Остроумова, носила компилятивный характер.
- ⁷³ А. А. Семенов, Библиографический указатель по ковровым тканям Азии, вып. I, Ташкент, 1925.
- ⁷⁴ Б. В. Лунин, Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в., Ташкент, 1962, стр. 118—122; Иса Джаббаров, Из истории изучения ремесла в дореволюционном Узбекистане, — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», XXII, М., 1959, стр. 74—84.

⁷⁵ М. П. Авшарова, Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917). Библиографический указатель литературы, Ташкент, 1960.

⁷⁶ В. Р. Розен, Двадцатипятилетие «Туркестанских ведомостей», — «Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества», т. IX, СПб., 1896, стр. 243; Е. К. Бетгер, Перечень помещенных в «Туркестанских ведомостях» статей и заметок, относящихся до областей, ныне входящих в Таджикистан, — «Библиография Таджикистана», Ташкент, 1926. Крайне ценен оставшийся ненапечатанным двухтомный «Указатель историко-этнографической литературы о Таджикистане», составленный коллективом библиографов под общим руководством Е. К. Бетгера и под редакцией проф. М. Е. Массона (Ташкент, 1946; фонд Гос. публичной библиотеки им. А. Навои).

⁷⁷ Обзор данных этнографического характера (включая данные о хозяйстве и социальных отношениях), содержащихся в трудах ученых-естествоиспытателей и в сообщениях путешественников по Киргизии, дан в вышедшей под нашей редакцией книге «Русские ученые и путешественники о киргизах», Фрунзе, 1973.

⁷⁸ Е. К. Бетгер, Новые материалы о Туркестанском сборнике, — «Известия АН УзССР», Ташкент, 1953, № 3, стр. 123—125.

⁷⁹ К 1—416 томам существуют печатные указатели: «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный В. И. Межовым», тт. 1—150 (СПб., 1878), 151—300 (СПб., 1884), 300—416 (СПб., 1888). Имеются также неопубликованные указатели к сборнику, весьма важные для работы над атласом: Систематический указатель к томам 417—591 «Туркестанского сборника», сост. О. В. Маслова, Ташкент, 1940, 320 стр. машинописи; Киргизия на страницах «Туркестанского сборника». Библиографический указатель, сост. Е. К. Бетгер совместно с Н. Н. Бенедиктовой, Ташкент, 1946, 95 л. машинописи; Указатель к томам 417—591 «Туркестанского сборника» по вопросам, относящимся до стран, сопредельных с б. Туркестанским краем, сост. Е. К. Бетгер, Ташкент, 1948, 278 л. машинописи (все указатели хранятся в Гос. публичной библиотеке им. А. Навои в Ташкенте).

⁸⁰ Н. В. Дмитровский, Составление Туркестанского альбома, — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1899, № 36.

⁸¹ В. В. Стасов, Фотографические и фототипические коллекции Императорской публичной библиотеки. Отчет Публичной библиотеки за 1883 год, СПб., 1885, стр. 57—61 (ср.: П. И. Лерх, О Туркестанском фотографическом альбоме, — «Известия Русского Географического Общества», т. X, № 2, СПб., 1874, стр. 97—99 и др.).

⁸² «Типы народностей Средней Азии. Альбом фотографий, составленный по приказанию Туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана 1-го Комитетом по участию Туркестанского края на III Международном конгрессе ориенталистов в Санкт-Петербурге», Ташкент, 1876. Альбом хранится сейчас в отделе редких книг Гос. публичной библиотеки им. Алишера Навои. См. также: «Альбом видов и типов Хивинского ханства», составленный Григорием Кравцовым, и другие альбомы подобного характера.

⁸³ Н. Е. Симаков, Искусство Средней Азии. Сборник орнаментов и узоров, снятых с природы на памятниках архитектурных и предметах гончарных, ткацких, ювелирных и прочих..., СПб., 1883. Альбом Симакова был удостоен второй серебряной медали на Всероссийской художественной выставке. См. также: F. R. Martin, *Modern Keramik von Centralasien*, Stockholm, 1897, 15 табл. (Керамическое производство в Коканде, Самарканде, Ташкенте.)

⁸⁴ В. В. Стасов, Собрание сочинений, 1847—1886, СПб., 1896, стр. 695—700.

⁸⁵ Книга Л. Е. Дмитриева-Кавказского «По Средней Азии. Записки художника (1887—1888)» (СПб., 1894) содержит 199 рисунков автора.

⁸⁶ Общую ориентировку в этнографическо-краеведческой тематике художников-профессионалов и любителей дают публикации Г. Н. Чаброва: «Восточные окраины России в русском изобразительном искусстве XVIII века», Ташкент, 1957; «Художники России в Туркестане», — «Звезда Востока», Ташкент, 1954, № 4, стр. 126—136; «Художник Верещагин в Туркестанском крае», — там же, 1955, № 5, стр. 113—124; «О. Н. Бутакова и ее художественные произведения», — «Известия Узбекского филиала Географического общества СССР», т. III, 1957, стр. 137—142; «Художник-этнограф В. Н. Плотников», — СЭ, М., 1958, № 6, стр. 100—103; «О произведениях П. Я. Пясецкого, посвященных жизни и быту народов Средней Азии», — «Известия АН ТуркмССР», сер. общественных наук, Ашхабад, 1962, № 2, стр. 64—76; «Альбом бухарских этнографических зарисовок», — СЭ, М., 1964, № 5, стр. 86—92.

Указатель литературы о Н. Г. Хлудове и его работах см. в кн.: Б. В. Лунин, Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958, стр. 286—287.

⁸⁷ Г. Н. Чабров, Выставочная работа в дореволюционном Туркестане, — «Труды Музея истории АН УзССР», вып. III, Ташкент, 1956, стр. 118—138; его же, Туркестан на Всероссийских и Всемирных выставках, — «Труды САГУ им. В. И. Ленина», вып. 142, Ташкент, 1958, стр. 41—60.

⁸⁸ «Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки». Составлен М. И. Бродовским, Д. Ливановым, И. И. Краузе, О. П. Федченко и О. А. Федченко,

М., 1872. Содержание каталога представляет ценную, до сих пор не утратившую значения научную работу его составителей.

⁸⁹ М. Маев, Туркестанская выставка, 1890. Путеводитель по выставке и ее отделам, Ташкент, 1890. Туркестанский край был также довольно широко представлен на этнографической выставке 1867 г. в Москве, на выставке произведений края в 1869 г. и на Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г., обе в Петербурге.

⁹⁰ Одним из примеров «неожиданных» архивных находок могут явиться письма доверенного торгового дома братьев Ванюшиных, Григория Попова (1876) с описанием народного рыбного промысла каракалпаков, обнаруженные нами в архиве проф. Н. И. Веселовского (М., ЦГАЛИ). В архиве Веселовского обнаружено «Описание хивинской арбы, каюка и чигиря», «Описание одежды племен, населяющих Хивинский оазис», «Туземные изделия Амударьинского оазиса».

⁹¹ В библиотеке им. Навои в Ташкенте хранится составленный Е. К. Бетгером и оставшийся неопубликованным «Указатель к „Материалам для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик“ Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровского», 1943, 81 л. машинописи.

⁹² См. также: З. Л. Амитин-Шапиро, Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии. 1750—1917, Фрунзе, 1958. Некоторые указания на историко-этнографическую литературу по Казахстану содержит книга: «Библиография по истории Казахстана», вып. I. Дореволюционный период, Алма-Ата, 1964.

⁹³ Часть I, 1715—1856, Ташкент, 1955, 83 стр.; ч. II, 1856—1869, Ташкент, 1956, 102 стр.; ч. III, 1869—1880, Ташкент, 1962, 181 стр.

⁹⁴ Эта деятельность путешественников-агентов выразительно показана в неопубликованной работе Т. Девель «Западноевропейские путешествия в Среднюю Азию в XIX веке», с которой мы имели возможность ознакомиться при любезном посредстве проф. М. Е. Массона, а также в дореволюционных публикациях М. А. Терентьева и других авторов.

⁹⁵ О двух иностранцах — Борнсе и Вамбери было сказано выше.

⁹⁶ В 1902 г. в Париже Крафт опубликовал роскошно изданный альбом по Туркестану, в том числе по быту и занятиям его населения.

М. В. Сазонова

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ИЗ ФОНДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА УзССР
ПО ИРРИГАЦИИ И ЗЕМЛЕДЕЛИЮ
(к Историко-этнографическому атласу
народов Средней Азии и Казахстана,
конец XIX — начало XX в.)

Работа над Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана требует выявления и учета всех исторических и этнографических материалов, где бы они ни находились. Поэтому кроме музейных коллекций и наиболее важных для этой работы экспедиционно-полевых материалов, собранных и собираемых многочисленными экспедициями Института этнографии Академии наук СССР и этнографами академий наук союзных республик Средней Азии, особое внимание уделяется изучению литературы и извлечению из нее необходимых для атласа сведений. Интересные и ценные сведения должны быть еще выявлены в архивах страны.

В 1969—1970 гг. нам удалось ознакомиться с некоторыми материалами Центрального Государственного Архива УзССР (г. Ташкент) ¹; были просмотрены фонды центральных управлений края, областных и некоторых уездных правлений, главным образом те, в которых могли найти отражение интересующие нас темы — «Ирригация» и «Земледелие» (в пределах основных областей Туркестанского края с преобладающим узбекским населением).

Своеобразие этой работы заключалось в том, что пришлось материал выбирать по крупницам из разных дел. Мы далеки от мысли, что все взятое нами на учет найдет место в атласе, но для понимания некоторых изучаемых процессов или явлений эти отрывочные данные могут, с нашей точки зрения, представлять определенный интерес.

Наиболее существенными являются материалы, освещающие состояние *ирригационного дела* в крае в указанный период. Однако материалы ЦГА УзССР по отдельным областям не равнозначны.

В делах Сырдарьинского областного правления по вопросам ирригации есть несколько интересных материалов. К ним относится, например, один из рапортов начальника Амударьинского отдела военному губернатору Сырдарьинской области, написанный в феврале 1893 г. В рапорте говорится о том, что для Чимбайского участка необходим не один аксакал, как было до этого времени, а дополнительно еще три: на этом участке Амударья разделялась на рукава и образовывала четыре самостоятельные ирригационные системы: четыре береговые дамбы требовали постоянного наблюдения. Главнейшей частью всей этой ир-

ригационной сети являлась Кегейлийская система, которой пользовались в то время 6380 кибитковладельцев². К рапорту была приложена «Схема арык-аксакальств Чимбайского участка», с выделением четырех систем³. Рапорт был учтен и по указанию и. д. военного губернатора Хомутова⁴ в Чимбайском участке были организованы четыре арык-аксакальства для наблюдения за источниками орошения. Обнаруженная нами схема может быть непосредственно использована в атласе для характеристики ирригации дореволюционной Каракалпакии.

Для описания ирригации в Ташкентском уезде имеется материал в рапорте начальника Ташкентского уезда (ноябрь 1893 г.). В нем есть предложение разделить Боссуйское аксакальство на два — Нижнебоссуйское и Джунское; здесь же перечислены все 45 арыков Ниязбекской и Зенгиатинской волостей⁵. В документе значится, что Джунарык, водами которого орошалась большая часть Зенгиатинской волости, не имел самостоятельного головного сооружения — воды его образовывались из сбросов воды арыков Паркабата, Баратходжа, берущих начало в р. Чирик, а также Карасу и Салара, отведенных от Боссу. Излишки воды этих арыков сливались в разных местах в русло старого арыка Тал, перехватывались плотиной у сел. Ногайкурган и пропускались в арык Джун. Далее говорится, что в целях усиления оросительной способности Джунарыка, увеличения в нем воды, расширения и углубления системы Таларыка уездным техником были разработаны мероприятия, о чем писал в своем рапорте Ташкентский уездный начальник военному губернатору Сырдарьинской области⁶. Для ознакомления с системой арыка Боссу может быть полезна схема ирригационной системы г. Ташкента и его окрестностей, приведенная в книге Н. Дингельштедта и относящаяся к этому же 1893 г.⁷

В просмотренных нами делах Сырдарьинской области сведений об устройстве ирригационных сооружений почти нет, за исключением переписки о снятии запруд на Яныдарье; в рапорте на имя начальника Перовского уезда в доказательство правомерности устройства запруд сообщается, что, по словам яныдарьинского арык-аксакала, «во времена каракалпакцев и коканцев и даже при русской власти орошением из Яныдарьи пользовались единственно устройством бугутов (запруд) не только в трех, а даже в десяти ее местах». Здесь же говорится, что «казахи Перовского уезда орошали свои поля посредством чигирей и арычною водою (самотеком — М. С.). Лишь только около года назад устроили две запруды»⁸.

Наиболее ранние из просмотренных нами материалов по ирригации Ферганской области относятся к 1883 г.⁹. Среди них интересен доклад — «Деятельность туземной ирригационной администрации», написанный майором Жилиным, работавшим в то время в должности областного ирригатора, в котором обстоятельно изложены обязанности местных мирабов и мираббаши, такими, какими они сложились еще в Кокандском ханстве¹⁰. В приложении к докладу дано описание — «Ирригационные бассейны Ферганской области по уездам»¹¹.

В 1906 г. русская администрация этой области приступила к сбору данных для выработки программы изучения обычного права в отношении водопользования. Примером материалов, получаемых по запросу администрации может служить ответ Ошского уездного начальника, который подробно описывает со слов «знающих лиц» ирригационное дело в уезде. Приведем некоторые из его сообщений. Одно освещает водопользование на р. Акбура. В нем пишется, что подъем воды в Акбурасе проходил с 15—20 или 25 апреля по 1 июля¹². Все арыки, бравшие воду из Акбуры, распределялись на три части, из которых одной пользовались жители Ошской волости, другой — Акбуринской

и Кашгаркишлакской, третьей — Манакской и Булакбашинской волости. Сроки пользования водой были следующими: Ош, Акбура и Кашгаркишлак пользовались водой в течение 10 дней, а Манак и Булакбаши в течение пяти. Излишки воды спускались в Шарихансай. Иногда во время сильной жары к дарьинской, т. е. речной воде, присоединялась вода от таяния снега в горах и сильных дождей, что бывало с начала и до конца июля. Эта вода называлась «зак-су»¹³.

Интересны ответы Араванского участкового пристава Ошского уезда на запросы о водопользовании. Они включают ценные сведения о зависимости количества воды (потребной на полив) от качества почвы. В Араванском участке почва разделялась на шесть категорий: кара-турпак, какыр, заккаш (именовавшаяся также жакаш и закот), ак-турпак, кумлак и шур. Какыр, ак-турпак и шур считались однородными почвами, кара-турпак и кумлак относились к другой группе, почва же заккаш учитывалась особо. Если известным количеством воды можно было оросить 100 танапов земли какыр, ак-турпак и шур, то это же количество воды было достаточно для 200 танапов кара-турпак и кумлак. На землях же заккаш этим количеством воды можно оросить 400—500 танапов. Большое значение в поливе имела и подпочва. Если, например, под почвой находилась мелкая галька, то на такую почву воды требовалось в три, а то и в несколько раз больше, чем на какую-либо другую¹⁴.

Примерно в эти же годы проводились выявление и учет различных видов ирригационных сооружений местного типа. Так, Ошский уездный начальник сообщает, что во вверенном ему уезде имелись лишь тарнау (акведуки), воздвигнутые в старые годы, кубуров же (гончарные водопроводные трубы), чархпаляков (чигирей) и кяризов не было. Канибадамский участковый пристав писал о том, что кубуров, чархпаляков и кяризов в его участке не было. Чадакский же участковый пристав констатировал, что в этом участке кяризов, кубуров и тарнау не было, но в Бабадарханской волости на склонах предгорий действовали два три кяриза на государственной земле¹⁵.

В одном из дел Ферганского областного правления сосредоточены копии документов ханского времени на право пользования или владения землей и водой, скрепленные печатями казиев и улемов. Некоторые документы представлены в подлинниках, например, документ о Буадильсае, выданный от имени Омархана (1809—1822 гг.) и др.¹⁶. К делу приложен схематический чертеж Сохской оросительной системы¹⁷.

Заведующий ирригацией Ферганской области составил сводку по ответам на вопросы, связанные с обычным правом водопользования, отметив, что в выработке их участвовал ряд лиц местной ирригационной или сельской администрации в возрасте от 40 до 80 лет¹⁸.

В связи с ревизией сенатора Палена военным губернатором Ферганской области была написана записка («как поясняющий материал»), в которой нашли отражение вопросы орошения — об орошаемых и неорошаемых землях, их количестве, о затратах сил и материалов на ирригационные работы¹⁹. В записке есть разделы, посвященные ирригационным системам с указанием орошаемых ими площадей. Таковы сведения об Андижансае и Шарихансае, имевших общее русло в урочище Кампыр Рават Андижанского уезда; при этом водой Шарихансае в Андижанском, Ошском и Скобелевском уездах орошалось до 70 тыс. десятин, а водой Андижансае — до 30 тыс. десятин в Андижанском уезде.

Отмечено, что русло Карадарьи у Кампыр Равата имело в ширину до 2,5 верст, а направление речных протоков постепенно менялось. В этой части Карадарьи ежегодно, еще с ханских времен, велись ра-

боты по регулированию притока воды с помощью сипайных плотин, которые, смотря по обстоятельствам, защищали от подмыва берега, отбивали струи реки или направляли их в каналы²⁰. С 1905 г. этот порядок изменился. Был организован Строительный комитет, и ирригационные каналы и гидросооружения возводились на земские средства²¹. К более поздним годам относятся обстоятельные дела с протоколами Строительного комитета по регулировке притока воды в Шарихансай и Андижансай, из которых виден, в частности, ход работ по облицовке плотины на Кампыр Равате²².

Нельзя не отметить также обстоятельный доклад заведующего ирригацией Ферганской области К. Н. Синявского о развитии ирригационного дела в Фергане и необходимости изыскательских работ²³. Некоторые из этих проектов явились как бы первыми набросками плана переустройства ирригации в Ферганской долине и были использованы при гигантских работах по строительству Большого Ферганского канала и других ирригационных сооружений Ферганы в советское время²⁴.

Орошение в Самаркандской области было тесно связано с орошением земель Бухарского ханства. Более подробно архивные материалы освещают состояние ирригационного дела в Самаркандской области, но по существу касаются только одной стороны дела — регулирования количества воды р. Зеравшан, отпускаемой на нужды земледелия Бухарского ханства. Состояние же ирригации в ханстве в документах освещается очень мало.

Наиболее ранние сведения, относящиеся к вопросам орошения, находятся в делах управления начальника Каттакурганского отдела — в деле о распределении воды по арыкам (1869 г.), здесь же сообщается о выделении воды на орошение Бухары через арык Нарпай и Акдарью у высоты Чапаната²⁵.

Администрация вновь образованного Туркестанского края учитывала всю важность для земледелия воды и поэтому крепко удерживала распределение зеравшанской воды в своих руках. Земледелие Бухары всецело зависело от того, какое количество воды отпустит ей русская водная администрация Самаркандской области. Это положение ярко отражено в письме эмира Бухарского от 16/V 1870 г. с просьбой о пропуске воды в Бухару²⁶ и в ряде дел фондов начальника Зеравшанского округа («О пропуске воды в Бухару»²⁷), Самаркандского областного правления («Сведения о количестве воды, проходящей в Бухару»²⁸), дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе («О пропуске воды р. Зеравшан в Бухарские владения»²⁹), а также в некоторых делах фондов российского императорского политического агентства в Бухаре³⁰.

Интересно письмо Зияуддинского бека, который имел право по вопросам водоснабжения бекства обращаться непосредственно к начальнику Каттакурганского уезда, распорядившегося водной администрацией. В своем письме от 22 марта 1897 г. бек просил сделать распоряжение арык аксакалу о пуске воды в арык Нарпай для пользования жителей бекства³¹.

Судя по переписке российского агентства в Бухаре и военного губернатора Самаркандской области с генерал-губернатором края, в Бухарском ханстве ощущался острый недостаток воды. Пропуск же воды Зеравшана на нужды ханства вызывал недовольство и жалобы крестьян-земледельцев Самаркандской области, у которых из-за этого не хватало воды для посевов. С особой остротой это отражено в материалах 1899 г. В те годы генерал-губернатор, получая телеграфные сводки, лично контролировал отпуск воды в самое ответственное для

посевов время (с мая по август), после чего доставление ему сведений о пропуске воды в Бухару прекращалось³².

Еще более трудное положение создалось с использованием вод Зеравшана в маловодные 1900 и 1901 гг.³³. В результате этого была создана комиссия по пересмотру существовавших с 1895 г. правил об урегулировании деления воды р. Зеравшан между русскими и Бухарскими владениями. Заседания комиссии, проведенные в апреле 1902 г., на многие годы определили порядок водоснабжения Бухарского ханства³⁴. В протоколах комиссии приведены сведения об увеличении площади земель, орошаемых водой р. Зеравшан с 1892 по 1901 гг.³⁵

В справке к одному протоколу приведена ссылка на определение всей культурной площади земель Бухарского ханства, орошаемой водой р. Зеравшан по карте, сделанной по двухверстным съемкам Военно-топографического отдела 1896 г. с перечислением листов, снятых землером Азиевым и межевщиком Серебренниковым³⁶.

На основании этих данных комиссия пришла к выводу, что поскольку отношение площадей орошаемых земель Бухарского и Самаркандского оазисов близко подходит к соотношению 1:3, то и распределение воды этой реки между русскими и бухарскими владениями должно соответствовать тому же отношению, поэтому было «признано справедливым установить пропуск воды Бухаре в размере $\frac{1}{3}$ части всего количества воды». С этим согласились и представители бухарского правительства³⁷.

Одна треть воды р. Зеравшан, предназначавшаяся Бухаре, определялась по общему количеству воды, протекавшей в реке, путем суммирования данных показателей измерений у Дупули и около Суджина на р. Махандарья, количество же воды, выделявшейся для Бухары, исчислялось у трех измерителей-футштоков, установленных на реках Акдарья и Карадарья и на арыке Нарпай. Пожелания Бухарских представителей получать повышенный приток воды в период с 1 по 20 апреля и с 16 августа по 5 сентября было признано комиссией выполнимыми³⁸. Однако в последующие годы пропуск воды в Бухарский оазис не достигал установленной комиссией нормы и проблема его водообеспеченности оставалась неразрешенной.

В делах дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе хранится письмо военного губернатора Самаркандской области на имя Туркестанского генерал-губернатора к утверждению смет на устройство (на каналах) деревянных затворов с целью усовершенствования ирригационных сооружений. В этом письме говорится, что до 1903 г. водоприемники отводов от магистральных каналов ничем не укреплялись и для регулирования воды использовался только хвост. При устройстве же деревянных щитовых затворов бока и низ входных отверстий укреплялись с помощью бревенчатых стен, а для регулирования пропуска воды перед боковыми стенами устраивались подымавшиеся и опускавшиеся дощатые щиты. Предполагалось, что при постепенной замене этих сооружений каменно-железными затворами, будут использованы выписанные из г. Баку и установленные на затворах подъемные железные механизмы. Ко времени, к которому относится документ (февраль 1903 г.) было сооружено уже 96 таких щитовых деревянных затворов³⁹.

В ряде дел есть ценные сообщения о том, что на территории Самаркандской области существовали различного рода небольшие ирригационные сооружения местного типа или несколько улучшенной конструкции. Такие сведения содержатся в деле «Об устройстве водопроводящего сооружения — кабура в 1898 году на Зааминсае Джизакского уезда»⁴⁰, в деле «Об устройстве плотины (подпруды) на арыке Даргом,

ниже Чарминарского моста»⁴¹, окончившемся неудачей из-за слабости конструкции, хотя по заключению комиссии запруда «своим существованием охранила Хишраузскую плотину»⁴², в деле «Об устройстве приспособлений для запираания сорока затворов на арыке Янги»⁴³. В одном из дел канцелярии Самаркандского уездного начальника сообщается, что в Пенджикентском участке население пользовалось водой из восьми кяризов⁴⁴.

В материалах ревизии сенатора Палена отмечено, что летом 1908 г. во время работ ревизии строился первый каменно-железный затвор на голове Пайарыка и 35 щитовых затворов на всем его протяжении⁴⁵. Может быть, на данном арыке это и был первый каменно-железный затвор, но первым опытом подобного рода усовершенствования в ирригации края следует все же считать строительство затвора на Аркарыке и сброса на Шаарарыке у Сузангаранских ворот в Самарканде⁴⁶, а также устройство каменно-железной разборчатой плотины-вододелителя на арыке Даргом при выходе из него Шаурсая (1899—1902 гг.)⁴⁷. Еще в 1899 г. инженер Петровский составил смету и написал объяснительную записку на устройство деревянных затворов на Аркарыке и Шаарарыке взамен местных сооружений — ништаков⁴⁸. Из-за отсутствия средств проект остался нереализованным, а вместо него тем же инженером Петровским в 1903 г. был разработан проект каменно-железного регулирующего затвора в голове Аркарыка и водосброса из Шаарарыка⁴⁹. Тогда же по докладу чиновника особых поручений главный начальник края, давший свое согласие на расходы, выразил удовлетворение, что в ирригации начали «переходить к устройству сооружений из прочных материалов»⁵⁰. Сооружение было осуществлено хозяйственным способом и принято специальной комиссией⁵¹. По-видимому, это были первые шаги к упорядочению техники орошения.

К 1913 г. относятся документы, из которых мы косвенным путем узнаем о функционировавших каменно-железных затворах, расположенных на территории Самаркандского и Каттакурганского уездов, часть которых служила «для сброса воды в Бухарские владения». В Самаркандском уезде их насчитывалось уже 18, в Каттакурганском — девять, из них по Нарпаю — два, на Пайарыке — два, на водоразделе Булунгурпай — один и др.⁵².

К этому же времени относится переписка о строительстве специального вододелителя на р. Зеравшан в местности Рават-ходжа, который по мнению областной администрации «обеспечит правильное поступление в пределы Бухарского ханства следующей ему доли воды, что устранит всякую возможность недоразумений по сему поводу»⁵³.

В марте 1915 г. в рапорте Самаркандского уездного начальника военному губернатору области мы читаем: «Работы на Рават-ходже имеют значение не для одного Самаркандского уезда и шлюз будет распределять воду между Самаркандским, Каттакурганским, Джизакским (по Иски Тюя-тартару) уездами и Бухарой»⁵⁴. В конце апреля 1916 г. раватходжинский вододелитель на р. Зеравшан, в постройке которого принимала участие и Бухара, в главной и самой ответственной своей части был закончен и в мае того же года торжественно открыт⁵⁵.

Из материалов по орошению Самаркандской области интересны описания арыков Карадарьинской системы Каттакурганского уезда за 1897 г., составленные арык-аксакалом Г. Малышевым, включающие сведения о головных и второстепенных каналах, о количестве отводных и резервных русел, переводных желобов и др., а также ведомость по арыкам Карадарьи с показаниями количества посевов по каждому второстепенному каналу отдельно: клевера, виноградников, фруктовых

деревьев, зыгира, мака, ячменя, пшеницы, хлопка (американского и местного), джугары, маша, проса, табака, бахчей, гороха, риса, моркови, лука, репы, капусты и др. Им же заполнен дневник-журнал на производство работ по исправному содержанию арычной системы, с указанием количества рабочих и затраченных материалов по каждому виду работы⁵⁶. Сведения по системе Акдарьи по той же форме на узбекском языке составлены аксакалом Акдарьинской оросительной сети⁵⁷.

Не менее интересен и тот факт, что из 20 арык-аксакальств Самаркандской области, забиравших воду Заравшана, 11 сбрасывали воду в Бухару⁵⁸.

Среди этих дел находится тщательно выполненная карта магистральных арыков Самаркандского и Каттакурганского уездов, сделанная вручную на кальке с масштабом в один английский дюйм (пять верст). На карте обозначены главнейшие арыки уездов и отмечены водомерные посты, в том числе Дупули, Рават-ходжа и др.⁵⁹.

В 1916 г. военный губернатор Самаркандской области Н. С. Лыкошин вел переписку с управляющим российским политическим агентством в Бухаре по вопросу о мерах борьбы с заболачиванием земель левого берега арыка Нарпай, которое происходило вследствие поднятия и укрепления его правого берега в русских пределах в связи с требованиями Зияуддинского бекства об увеличении расходов воды. Для осушения образовавшегося болота решено было провести железобетонную трубу над Нарпаем для спуска дренажных вод из Чаганака в арык Зах, на что ханское правительство должно было перевести денежные средства⁶⁰. Одновременно с этим испрашивалась рабочая сила и материалы для устройства дамбы поперек русла Карадарьи, передающей воду в Акдарью, и делалась оговорка, что «означенная работа нужна исключительно Бухаре», а в случае ее невыполнения «арык Нарпай может совершенно пересохнуть и бекства Зияуддинское и часть Керменинского останутся без воды»⁶¹.

В фондах Самаркандского областного правления имеется чертеж продольного профиля направляющей дамбы на правом берегу р. Карадарьи, сопровождающийся легкими рисунками⁶².

Вопрос о водоснабжении Бухарского оазиса был радикально решен лишь после Октябрьской социалистической революции.

В августе 1918 г., как свидетельствует докладная записка техника при Совете Народных Комиссаров Туркестанской республики инженера И. Р. Саковича полномочному представителю при Бухарском правительстве, Советским правительством было принято решение пропускать в пределы Бухарских владений 40—50% воды Зеравшана. Этим актом исправлялась историческая несправедливость, продиктованная политикой царского правительства в отношении населения, жившего в низовьях р. Зеравшан и занимавшегося земледелием⁶³.

В просмотренных нами делах из других частей Бухарского ханства нашло свое отражение лишь состояние орошения Каршинской степи. К 1911 г. относится переписка Туркестанского генерал-губернатора и других официальных лиц по поводу передачи князю Андроникову Каршинского участка для проведения оросительных работ. В этом же деле есть записка «К орошению Каршинской степи Бухарского ханства», к которой приложена небольшая карта, напечатанная в типографии Г. И. Захри, но значительного интереса для нас она не представляет⁶⁴.

К подобного рода проектам следует отнести и широко известную концессию инженера Ананьева, которому эмир Бухарский по договору от 23 февраля 1912 г. передал на орошение земли, находившиеся в Ширабадском и Байсунском бекствах в количестве 72 тыс. десятин⁶⁵. К договору приложена небольшая печатная карта Ширабадской долины

с обозначением земель, «захваченных» жителями по Зангарыку, на которой красным карандашом обозначены освоенные земли⁶⁶.

Позднее, в 1916 г. агроном Бухарского ханства И. Севастьянов отмечал, что у агентов акционерного общества «Ширабад» (бывшая концессия инженера Ананьева) возникали крупные конфликты с населением Ширабадской долины, в частности селения Джаркурган, так как вместо «мертвых земель» общество обнаружило, что значительная часть этих земель издавна занята земледельческим населением, «готовым с отчаянной силой отстаивать свои права на землю»⁶⁷. Трудно представить, как развернулись бы здесь события, если бы Великая Октябрьская социалистическая революция не ликвидировала навсегда всякого рода грабительские концессии и акционерные общества.

В документах архива, относящихся к Хивинскому ханству, вопросы орошения отражены в связи с выяснением пограничных дел. Значительные недоразумения возникали в этом районе между администрацией ханства и Амударьинским отделом по поводу земель по Талдыку. Следует напомнить, что по договору 1873 г. Кунградское хакимство разделилось на правобережную часть, отошедшую к Амударьинскому отделу, и левобережную, оставшуюся в ханстве. Ряд документов с пометкой «весьма нужное» относится к вопросам пользования водой из Талдыка, к спорам между казахами и каракалпаками Талдыкской волости и подданными хана, жившими в Кунградском хакимстве. Последние использовали воду Талдыка путем прорытия пяти каналов — ябов — от плотины Ирниязбугут и четырех ябов от плотины Кабасанбугут. Из переписки начальника Амударьинского отдела с ханом можно вывить время построения плотин Давлетярбугут, Ирниязбугут и Кабасанбугут. Там же сообщается, что при сооружении этих плотин главы родовых групп использовали труд сородичей⁶⁸.

К последующим годам (1904—1906 гг.) относятся сведения о мерах, предпринятых ханской администрацией для орошения земель жителей Кунграда и низлежащих полей, т. е. увеличения воды в Бозябе с помощью сооружения вспомогательной головы из Ишанджекена⁶⁹. По окончании указанных работ «по Таш и Кокузяку вода пошла с ранней весны прекрасно и Куванишджарма водой полна»⁷⁰. В этом же деле находятся материалы об ирригационных работах по проекту инженера Г. В. Гельмана, проводившихся в 1888—1897 гг.⁷¹.

В письме туркестанского генерал-губернатора на имя хана Хивинского излагаются основные положения этого плана. Предполагалось произвести следующие работы: расширить русло канала Лаузан на всем протяжении до 25 саженей в ширину и до одной в глубину, по его берегам устроить дамбы на расстоянии 100 саженей друг от друга; прокопать небольшого размера канал для соединения Диванбегияргана и Есаулбашияргана с Саубьярганом и, наконец, прокопать новый канал, воспользовавшись отчасти старыми каналами для соединения Якубяргана с каналом Ханяб, без нарушения существовавшей тогда системы ирригации. В этом же письме дан подсчет времени работ и количества необходимой рабочей силы, а также произведен расчет предполагавшихся результатов⁷². Там же приложен небольшой чертеж, сделанный от руки с надписями на узбекском языке, на чертеже обозначены места соединительных каналов и расширение старых ябов⁷³.

К 1902 г. относится доклад генерала по особым поручениям при генерал-губернаторе Туркестана Роппа, направленного в ханство для ознакомления с ирригационными работами, начатыми по плану Г. В. Гельмана. Ропп констатировал, что работа по орошению велась энергично только на первых этапах. Тогда был прорыт канал к Дарьялыку, по которому вода дошла до восстановленной плотины, а затем,

вследствие неудачно выбранного места для головы канала и медленного течения воды, произошло заилие и земли по существу были заброшены⁷⁴.

Мы привели только некоторые примеры состояния водного хозяйства в Хивинском ханстве, почерпнутые нами из материалов и документов канцелярии Хивинских ханов.

Особый интерес для авторского коллектива Атласа представляют материалы архива, касающиеся ирригационной карты Туркестанского края.

Еще в 1876 г. в одном из дел Зеравшанского округа (позднее Самаркандской области) были данные, из которых можно заключить, что существовала «общая ирригационная карта прошлогодней топографической съемки Петрова»⁷⁵. Очевидно, имелась в виду общая карта округа. В практике ирригационного дела постоянно ощущалась необходимость в карте, на которой была бы нанесена вся ирригационная система края. Поэтому в материалах Архива время от времени встречаются распоряжения о составлении такой карты.

В докладе чиновника особых поручений по ирригационной части инженера Петрова «О составлении ирригационных карт», утвержденном Советом генерал-губернатора, обосновывается необходимость изучения существовавшей в то время ирригации в Туркестанском крае⁷⁶. Автор перечисляет картографический материал, каким до тех пор пользовались для нужд ирригации: по Ферганской области — это были съемки бывшей Организационной комиссии; в Самаркандской — план долины р. Зеравшан, на котором были нанесены все главные арыки этой системы; по Сырдарьинской — пятиверстная ирригационная карта Ташкентского уезда, составленная бывшей ирригационной администрацией города и уезда, а также верстовая ирригационная карта долины р. Чирчик, на которую были нанесены главные арыки этой системы⁷⁷.

В докладе указано, что на детальных местных ирригационных картах с масштабом 250 саженей в дюйме «должны быть обозначены знаками: а) реки, ручьи, ключи, озера, болота и сеть арыков, как главных, так и распределительных, настолько подробно, насколько это необходимо для общей характеристики пользования водой на полях; арыки и овраги, в которые вливается отработанная вода, должны обозначаться краской особого оттенка; б) земли, занятые рисовыми полями; в) земли, занятые сухими посевами; г) перелог; д) пустопорожние степные пространства; е) высота местности»⁷⁸.

По мнению инженера Петрова, до января 1894 г. в Ферганской области должны были быть обмерены каналы в 46 аксакальствах и 14 арыков, выходящих из Нарына, Карадарьи и Сырдарьи, не представляющие отдельных систем. В Самаркандской области подлежали инструментальному обмеру 83 арыка, выведенные из Зеравшана, 10 горных речек Джизакского и Ходжентского уездов и Дальверзинарык. В Ташкентском уезде Сырдарьинской области предполагалось обозначить 45 арыков из Чирчика⁷⁹. Считалось, что помимо этих детальных карт необходимо иметь еще общую ирригационную карту культурной полосы края, составленную в масштабе 10 верст в дюйме⁸⁰.

Но дело с составлением ирригационных карт затормозилось и долгие годы не давало ожидаемых результатов. В декабре 1909 г. Управление Земледелия и Государственных имуществ направило на имя главного начальника края письмо о необходимости составления общей ирригационной карты Туркестанского края, с предложением выяснить, по каким районам и в каком масштабе могут быть составлены карты⁸¹. Переписка по этому вопросу может пролить свет на ход выполнения

этой работы. Так, заведующий ирригацией Ферганской области сообщает в своем письме от 17 декабря 1909 г. о том, что волостные ирригационные карты к указанному времени закончены по Наманганскому, Андижанскому и большей части Маргеланского и Ошского уездов и что осталось сделать часть Маргеланского, Ошского и весь Кокандский уезды⁸².

К 1910 г. в волостных управлениях Ферганской области имелись некоторые материалы для составления одноверстной ирригационной карты, а карта ирригационных систем области в десятиверстном масштабе, предложенная инженером Петровым, была выполнена Военно-топографическим отделом⁸³. Описание и обмер ирригационной системы Самаркандской области не были завершены, что видно по письму военного губернатора начальнику Управления земледелия и ирригации в августе 1915 г., предлагавшего не использованные по другим статьям средства в сумме около 6 тыс. руб. обратить «на производство работ по обследованию и описанию всех арыков Зеравшанского и Самаркандского районов»⁸⁴. Насколько нам известно, общая ирригационная карта Туркестанского края так и не была составлена.

Из других общих вопросов в делах областных правлений нашла свое отражение многолетняя работа по изучению норм водопользования по обычаю, проводившаяся с привлечением осведомленных лиц. Эта работа включала также составление программы⁸⁵, в целях подготовки всех необходимых материалов к разработке водного закона для Туркестанского края⁸⁶. Составлению водного закона предшествовало проведение ирригационного съезда в марте 1906 г. в Самарканде. В заключении, принятом участниками съезда, подробно излагались обязанности водной администрации — от мирабов до заведующего ирригацией в области⁸⁷. В число обязанностей последних помимо работ технического характера входила научная работа, в частности составление ирригационной карты⁸⁸. В одном из дел представлен Проект Положения о пользовании водами в Туркестанском генерал-губернаторстве⁸⁹.

Заключая обзор дел архива, в которых затрагиваются вопросы ирригации, нельзя не отметить, что для большей части военно-чиновничьего колониального аппарата водный вопрос был связан главным образом со стремлением увеличения орошаемой земли, отведенной под высокопродуктивные культуры, и в первую очередь под посевы хлопка, приносившего огромные доходы байству, крупным землевладельцам, владельцам хлопковых заводов, банкирам и др. Вместе с тем многие документы свидетельствуют о том, что, невзирая на всю сложность водного вопроса в Туркестане, усилия передовой части русских деятелей были направлены на изучение ирригации края, совершенствование техники орошения, облегчение труда народа по орошению земель и водопользованию.

Материалы по теме *земледелие*, обнаруженные нами в архиве, весьма ограничены. В тех делах, которые мы могли просмотреть, они связаны в основном с учетом подлежащих податному обложению земель в областях края, посевов на орошаемых и неорошаемых землях; имеются сведения о видах сельскохозяйственных культур и площадях ими занятых, о размерах фруктовых садов и виноградников. Только в некоторых делах, и то косвенно, можно уловить сведения об истинном положении трудового дехканства, его крайней необеспеченности орудиями производства и семенами, о развивающемся процессе обнищания, причем эту безотрадную картину авторы всевозможных заметок большей частью позволяли себе рисовать, лишь описывая положение дехкан в Бухарском ханстве. Вопросы техники сельского хозяйства в документах почти не затрагивались. Однако есть единичные дела,

из которых можно узнать о проникновении в местное земледелие улучшенных сельскохозяйственных орудий и более производительных земледельческих приемов, заимствованных от русских.

В делах о земледелии Сырдарьинской области запросы сведений о землях с посевами и лугами (по-видимому, имелись в виду клеверные поля) занимают одно из главных мест⁹⁰. Как и в других областях, администрация Сырдарьинской области лишь после учета поливных земельных угодий подошла к учету и перемеру посевов на землях, орошаемых атмосферными осадками (ляльми), или как они называются в делах — на богарных землях. Для этих целей использовали мерильщиков — «танабкеши», находившихся в распоряжении уездных начальников. Недоборы налогов с земель ляльми обычно объяснялись отсутствием их перемеров⁹¹.

В целом ряде дел отмечается незавершенность учета земель, с которых взимался поземельный налог. В рапорте начальника Чимкентского уезда подчеркивается, что поземельно-устроительные работы в уезде не производились⁹². Сведения о налогах по Ташкентскому уезду также сопровождаются сообщением о том, что в уезде учтены только орошаемые земли⁹³. Неорошаемые земли (ляльми, или богара) и необработанные земли показаны в особом дополнительном списке⁹⁴. По Амударьинскому отделу до 1909 г. также не производилось поземельно-устроительных работ. Число облагаемых поземельным налогом земель указано по волостям отдела и по отделу в целом⁹⁵. Ниже следует сводный список обрабатывавшихся земель по областям, включая Ташкентский и Чимкентский уезды и Амударьинский отдел⁹⁶.

В ранних материалах фонда Ферганского областного правления содержатся сведения о танабном измерении земель в целях определения размеров потанабной подати⁹⁷.

Из рапорта начальника Андижанского уезда следует, что потанабная подать в 1876 г. собиралась по подлинным дафтарам ханского правительства, составленным муфтиями Насреддин-бека, а после потанабного измерения дафтары должны были быть сданы на хранение⁹⁸. В 1876—1877 гг. в области приступили к проведению учета земель, подлежащих податному обложению. В частности, по Кокандскому уезду для точности измерения составлялись местные комиссии из «надежных и сведущих лиц» — мираба, муфтия, танабчия, а также местного ами-на, в районе которого производилось измерение⁹⁹.

Документы этого же фонда, но относящиеся к более позднему времени, содержат полезные для наших задач сведения о посевах на арычных системах по волостям и дачам, о соотношении орошаемой и неорошаемой земли; перечисляются арыки и дано подробное их описание — расположение, протяженность¹⁰⁰. К подобным документам относится ведомость за 1907 г. о количестве возделываемой неорошаемой (богарной) и необрабатываемой земли по уездам Андижанскому, Кокандскому и Ошскому¹⁰¹. В этом же деле приведены даты проведения поземельно-податных работ по уездам области (с 1890 по 1906 г.)¹⁰².

О земледелии в Самаркандской области (бывшем Зеравшанском округе) материалов также сравнительно мало. Большой интерес представляет рапорт начальника Каттакурганского отдела, написанный в 1869 г., в котором сообщается о площади обработанной земли отдела и поясняется, из каких земель она складывается — из земель бывш. Каттакурганского бекства, составляющих $\frac{3}{4}$ тумана, т. е. 600 кошей, Пейшамбийского — $1\frac{1}{4}$ тумана, т. е. до 1 тыс. кошей, и митанских земель — менее $\frac{1}{8}$ тумана¹⁰³. Он пишет: «таким образом обрабатываемые земли для садоводства, огородничества и других посевов в Каттакур-

ганском отделе составляют несколько более 1600 кошей, а с вакуфами и мюльками — более 2000 кошей, остальные земли к югу и северу от долины Мианкала — степь, населенная полукочевыми узбеками, занимающимися земледелием, т. е. исключительно сеянием пшеницы во владениях и лощинах, где влажность почвы способствует урожаю пшеницы без искусственного орошения; травосеяние, садоводство и в разных видах огородничество в этих местах по безводию неизвестно»¹⁰⁴. Далее он пишет, что по степени плодородия или обилия искусственного орошения земли Каттакурганского отдела можно разделить на три вида: «а) земли в долине Мианкал, пользующиеся искусственным орошением из р. Зеравшан, б) земли у источников горных потоков и в) степные земли. Плодородная долина имеет до 40 верст протяжения: начиная от Афарикендского тумана, где ширина ее достигает от 12 до 15 верст, полоса эта постоянно суживается двумя известными протоками Зеравшана, Акдарьею и Карадарьею и оканчивается под Хатирчами при слиянии их. В этих границах полоса считается в 1600 кошей (орошаемых земель.— М. С.) на восьми главных арыках Ходжаарык, Минарык, Клычабад, Хазара, Наука, Нарпай, Дамарык и Джангак (митанский)»¹⁰⁵. Затем в рапорте сообщается об установленных для этого района, когда он находился еще в Бухарском ханстве, податях — «кош-пули, или заменяющем эту подать сборе с садов и лугов (ад-пули), и херадж с прочих хлебных растений». Подчеркивается, что размеры обложения изменялись в зависимости от различных свойств местности, главным образом от степени их обеспеченности орошением¹⁰⁶. Довольно полно охарактеризованы земли, пользовавшиеся орошением из горных источников, лежащих у подошвы Актауских, Шахризьябских и Тиштайских гор, а также степная полоса, «где при обилии весенних дождей бывают урожаи пшеницы»¹⁰⁷. К рапорту начальника отдела приложена еще таблица податей и «список кишлакам с подразделением их на тюмени», при этом указывается, на каких водных источниках они расположены¹⁰⁸ и список мюльков по тюменям с обозначением кошей. Например, «Мюльки Каттакурганского тюменя. 1. Найман — 10 кошей без всяких документов. 2. Оглан — 2 коша, тоже. 3. Каракипчак — 3 коша, тоже» и др.¹⁰⁹

К такому же виду материалов следует отнести сведения о посевах в Каттакурганском отделе, причем данные на 1871 г. располагались по амлякдарствам, с указанием сельскохозяйственных культур, садов, виноградников и клевера. В списках сохранена прежняя структура — по источникам орошения, с выделением посевов на амляковых, мюльковых и вакуфных землях¹¹⁰.

При взимании окладного поземельного сбора за 1877 и 1878 гг. в Каттакурганском отделе посевы весенней, или богарной, и осенней, или термайной (от местного термина — тирамой), пшеницы указаны раздельно с припиской, что первые, т. е. весенние, производились с 20 февраля по 20 марта, а вторые — в октябре¹¹¹. В одном из писем начальника Зеравшанского отдела упоминаются посевы «кок» и «ак»¹¹².

В делах Самаркандской области есть такие, по которым видно, что по предложению Казенной палаты здесь, так же как в других областях, были проведены работы по выявлению обрабатываемых неполивных земель (ляльми) и земель необрабатываемых. Измерение производили местные танабкеши, правильность описей которых проверялась уездными землемерами¹¹³. Сведения по этим же землям (по Самаркандскому уезду) за время с 1905 по 1907 г. даны по волостям в десятинах¹¹⁴. Более обстоятельные и полные статистические данные о посевах различных культур в десятинах по волостям

и обществам имеются в материалах о Пенджикентском участке на 1916 г.¹¹⁵

Весьма интересна для Атласа записка и. о. начальника Самаркандского уезда, бывшего начальника Джизакского уезда, написанная в ноябре 1908 г. по требованию ревизии сенатора Палена. Давая объяснение расхождения «мирских», т. е. собранных с населения средств, направленных им на улучшение сельскохозяйственных орудий, он писал: «...теперь киргизы (казахи.— М. С.) Чардаринской волости Джизакского уезда и узбеки Джайльминского общества Узбекской волости того же уезда собирают траву русской косой, а не серпами или просто руками, как это было до моего назначения в Джизакский уезд... ни разу не было в Джизакском уезде падежа скота у киргиз благодаря введению русской косы в обиход киргизского хозяйства; лесные объездчики в той же Чардаринской волости запасают для себя сено сенокосилкой Мак-Кармика на всю зиму... теперь скотовладельцы стригут не... местными ножницами, а немецкими, что дает короткую стрижку и не ранит овец; что теперь в Джизакском уезде засевают: арбузы, морковь, лук, горох, бобы, томаты, тыкву, кукурузу и прочие овощи в гораздо больших размерах... теперь сено собирается граблями, а не пятью пальцами, как это было ранее, теперь некоторые сельские хозяйства веют зерно на веялках и не дожидаются того момента, когда подует в их сторону ветер, колосья хлеба промолачиваются некоторыми хозяевами при помощи гранитных катков, а не копытами животных»¹¹⁶.

Материалов этого периода, относящихся к земледелию в Бухарском ханстве, в просмотренных нами делах архива мало и относятся они в основном к хлопководству. Прежде всего следует отметить те дела, которые сообщают о значительном росте доходов эмирата. Доход слагался из многих статей, в том числе за счет увеличения производства хлопка, каракуля и все возрастающих поборов с населения. По сведениям дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе, доходы эмира Бухарского с 1895 по 1909 г. почти утроились и составляли 7,5 млн. в год вместо 2300 тыс. Даже царским чиновникам бросалось в глаза, что «такое повышение доходов не оправдывается... платежными силами бухарского населения»¹¹⁷. Из рапорта надзирателя хлопковых базаров Халмухаммедова видно, что в 1904 г. « $\frac{1}{5}$ (часть) всех культурных земель засеивается хлопком, $\frac{3}{5}$ другими культурами, а $\frac{1}{5}$ всей площади лежит пустопорожней». Он же констатирует, что $\frac{2}{3}$ всего вывоза хлопка из Бухары в Россию поставляет долина р. Зеравшан¹¹⁸. По сообщению другого хлопководца того же времени, Дадамухаммедова, «в Бухарском ханстве кроме Зеравшанской долины хлопководством в меньшей степени занимается население также в Чарджуйском, Керкинском и Ширабадском бекствах»¹¹⁹. Разведением американского сорта хлопка занимались жители Хатырчинского, Зияуддинского и Ширабадского бекств¹²⁰.

В записке агронома Бухарского ханства И. Севастьянова «Об укладке сельскохозяйственной жизни», поданной в сентябре 1916 г. в Российское политическое агентство, есть сведения о примитивности способов сева и обработки посевов хлопчатника. Он пишет: «при джоячной системе, в силу отсутствия взрыхления всходов хлопчатника создается крайняя пестрота поля — на одних кустах урожай оказывается на земле, в то время как на других и половина коробочек еще не раскрылась. Поля с посевами вразброс, весьма часто встречающиеся в Бухаре, также не лишены этой пестроты. Последний способ посева, называемый чашма, практикуется прежде всего бедняками, тогда как состоятельными применяется грядвая культура при сравнительной дешевизне рабочей силы»¹²¹.

В другом документе, относящемся к 1904 г., мы читаем: «за последние годы площадь посевов хлопка значительно увеличилась за счет культур других посевов и дальнейшее увеличение этой площади идти уже не может»¹²². Автор записки предлагает организовать правильный подвоз хлеба, установить регулирующие цены на хлопок и увеличить посевные площади путем орошения пустующих земель. «При осуществлении этих мер производство хлопка в ханстве может увеличиться по меньшей мере вдвое»¹²³. По другим источникам, 30—40% амляковых земель в ханстве недосевались, несмотря на высокие цены на хлопок. Система, когда амлякдары должны были определить на глазок урожай, а затем разрешить его сбор — сдерживала и вредила развитию хлопководства¹²⁴. В этом же деле сообщается, что в ряде бекств имеются заброшенные, но пригодные для посева земли: в Вабкентском бекстве — 9 тыс. танабов, Пирмастском — 7 тыс. и Каракульском — 25 тыс. танабов. Эти земли не обрабатывались более 10 лет¹²⁵ «вследствие бедности населения и за неимением рабочих рук». В тех же бекствах (кроме Каракуля) под хлопком было занято 120 тыс. танабов, из них 20 тыс. являлись амляковыми землями¹²⁶.

Пустовавшие земли волновали хлопководчиков, представителей правлений банков и других лиц, называвших себя «жителями Новой Бухары». В своих письмах на имя политического агента в Бухаре, датированных концом 1913 г., они писали, что обеспокоены резким падением посевов хлопка — с 1200 тыс. пудов в сезон 1910/11 г. до 600 тыс. в сезон 1912/13 г. Этот упадок они связывали с обнищанием основной дехканской массы, когда «земледельцы оставляют землю без посевов, нанимаются в батраки в Бухарском ханстве и за его пределы». По их словам, в таком же положении находились и хозяйства, имевшие посевы хлебов¹²⁷. Подобная ситуация привела к созыву совещания, организованного в 1913 г. при Российском политическом агентстве, по упорядочению хлопкового дела с участием управляющих банками, представителей торгующих фирм, бухарского правительства, русских и бухарских владельцев заводов, оно рассмотрело также положение с посевами хлопчатника. Среди других предложений об улучшении хлопководства в ханстве было принято предложение о своевременном отпуске воды Бухаре из р. Зеравшан ирригационной администрацией края, главным образом с 10 июня, в период, называемый гармоб (горячая вода), когда вода особенно необходима хлопковым посевам¹²⁸.

О наиболее интенсивных хлопкосоющих районах ханства можно судить, в частности, по списку местных хлопковых базаров, относящемуся к 1911 г. В нем перечислены все места скупки, а также вывоза хлопка, с указанием количества американского и местного сортов в батманах и пудах, что может помочь в определении количества посевов его, за неимением других данных¹²⁹.

Несколько лучше освещено в документах архива земледелия в Хивинском ханстве. Значительную часть архивных материалов из канцелярии хивинских ханов составляют тетради-дафтары с учетом оплаченного налога-салгыта, измерения земель и другие, написанные на узбекском языке арабским шрифтом. Они являются продолжением архива хивинских ханов XIX в., обнаруженного и описанного в свое время П. П. Ивановым¹³⁰, над которым продолжает работать М. Ю. Юлдашев¹³¹. Дафтары сохраняют ту же систему учета, которая велась в канцелярии до присоединения ханства к России. В них зафиксированы земельные участки по местностям и по мечетям, т. е. по административным единицам. Для примера приводим некоторые из них. Дело № 396 относится к 1296—1303 гг. (1878—1879 — 1885—1886 гг.) к мест-

ностям Ярмыш-яба, Шавата, Кармазу и Караташу. При перечислении глав мечетей почти во всех случаях указана принадлежность их к той или иной родовой группе узбеков (дурман, уйгур, кенегес, ойрат, кият-кунград и др.), что должно относиться и к населению мечети. Последнее представляет интерес как источник определения этнических групп населения указанных местностей¹³³. В деле № 403, составленном по округам (таб'и) — Хива, Ильгельды, Кошкूपыр и Газават, указаны категории налогоплательщиков, но без сведений о размерах земельных участков¹³⁴. В деле № 433 приведены сведения о количестве обработанной земли по отдельным населенным пунктам ханства в 1904—1905 гг. В деле № 458 есть данные о деньгах, взимавшихся за воду¹³⁵.

Наиболее интересным, даже уникальным, следует признать дело № 528. Тетрадь написана от руки на 31 листе с оборотами на узбекском языке арабским шрифтом. В ней заключены материалы переписи, проведенной в 1328 г. х. (1910 г.) — первой из известных нам в истории ханства переписи населения и хозяйства¹³⁶. Тетрадь состоит из двух неравных частей. В первой, большей части для каждого хакимства или округа в заголовке дается название округа и указывается численность населения (фукара). Исчисляется оно по домам в округленных цифрах, при этом сделано пояснение, что в среднем на один дом насчитано по семь человек и половина населения отнесена за счет женщин. В танабах указана возделываемая или, более точно, оживленная, восстановленная земля¹³⁷ и невозделываемая, включая тугай и озера в тех местах, где они имелись. Третьим показателем является скот — лошади, быки и коровы (вместе), верблюды, овцы и козы. Особый раздел сведений, для нас очень важный, — это соотношение сельскохозяйственных культур из расчета посева на 100 танабов земли. Над каждым показателем были написаны трех-, четырех- или пятизначные цифры. При дальнейшем изучении удалось установить, что они обозначают абсолютные цифры посевов в танабах, а проведенное сопоставление этих цифр показало, что в основном они совпадают. Таким образом, мы имеем примерное соотношение культур в процентном отношении и в абсолютных цифрах — площади посевов по округам и хакимствам ханства. Далее указаны цены на урожай прошлого, 1909 г. Надо отметить, что они варьировались по округам, например, цена на очищенный рис в окрестностях рисоводческого района Хазараспа была 2 р. 20 к. за пуд¹³⁸, в Қлычбае — 3 руб.¹³⁹, в Кипчаке, где рис не сеялся, — 3 р. 60 к. и т. д.¹⁴⁰.

Следующая группа сведений характеризовала население — народ (халк), проживавший в округе, хакимстве, в том числе и в этническом отношении, например, в Хазараспе отмечались — узбеки, сарты, ходжи и ирони¹⁴¹. В некоторых случаях вместо ирони обозначены кулы¹⁴². В заключении указывалось, в чьем управлении находился округ — в ведении хакима данного хакимства или в управлении соседнего хакима. Например, Чуманай управлялся Ургенчским хакимом¹⁴³, а Дарганата, Садвар и Питняк управлялись хакимом Хазараспа¹⁴⁴. По такой схеме приведены материалы по всем хакимствам и округам хакимств. После сведений о хакимствах следовали списки русских подданных, живших в Ташаузе (50 человек)¹⁴⁵, в Хиве¹⁴⁶, в Ургенче¹⁴⁷ и среди каракалпаков¹⁴⁸. В конце этой части приведены итоговые данные по тем же показателям — число дворов, жителей, количество обрабатываемой и необрабатываемой земли, скота, посевов по культурам в танабах, по ханству в целом¹⁴⁹. Здесь же приведены сведения по справке старосты о жителях немецкого поселка Акмечеть¹⁵⁰.

Интересны данные о пяти родových группах туркмен-иомутов района Тахты, выраженные числом домов (ойлары) в количестве 7 тыс. с населением в 49 тыс. человек; указаны размеры обрабатываемой ими

земли, соотношение сельскохозяйственных культур, количество скота; есть сведения и о четырех родах иомутов в Куня-Ургенче, меньших по численности, но также с данными об их хозяйстве¹⁵¹.

Вторая, меньшая часть тетради занимает девять листов. Каждый лист разделен на две части — на одной сделана запись на узбекском языке, на другой — на русском. Например, «Бешарыкское хакимство: 4 тыс. дворов, в каждом семь человек, кроме русских подданных; обрабатываемой и необрабатываемой земли 40 тыс. танабов. Население (халк): узбеки, сарты и ходжи. Хаким Шахмуратбай, 41 года, стал хакимом десять лет назад»¹⁵². Такого рода сообщения по всем округам и хакимствам идут в той же последовательности, что и в первой части тетради. Затем следуют сведения о местах расселения и численности туркменских родов (уруг) и родовых подразделений в Тахты, Карадашли, Порсу и Куня-Ургенче¹⁵³. Вся эта часть явно предназначалась для осведомления русской администрации, что подтверждается расположением ее в начале книги (по русской пагинации) и последовательностью страниц¹⁵⁴. Этим исчерпывается содержание дела № 528. Но при всей суммарности содержащихся в нем сведений, с нашей точки зрения, оно заслуживает самого пристального внимания и в отношении использования его при составлении карт Атласа, относящихся к территории Хивинского ханства.

Интересно сопоставить материалы переписи 1910 г. с материалами обследования Хорезма, проведенного Экономическим Советом УзССР в 1924 г.¹⁵⁵ Вот некоторые примеры: в 1924 г. в Ханкинской волости посевы зерновых занимали 29,2% посевной площади¹⁵⁶, в Ханкинском хакимстве в 1910 г. — 30%¹⁵⁷, хлопок соответственно — 25,8 и 25%; джугара — 22,4 и 20%; люцерна — 16 и 15%; в Шаватской волости под зерновыми было занято 32,8% посевной площади, в округе Шават — 30%; под хлопком — 14,6 и 15%; джугарой — 17,5 и соответственно 20%; под масличными — 4,2 и 5%; дыни, арбузы и другие бахчевые культуры занимали соответственно — 5,8 и 5% посевной площади, люцерна — 18,3 и 15%¹⁵⁸. Это сравнение показывает довольно устойчивое соотношение земель, занятых под определенные виды посевов, в чем сказывалась, по-видимому, определенная традиция, выработанная населением оазиса на протяжении длительного времени.

При работе в архиве в отношении земледелия мы также выделяли некоторые общие вопросы, касающиеся землепользования и обычного права. Несколько документов относятся к определению форм земледелия и землепользования, способов измерения участков земли и земельных мер.

Так, в 1869 г. начальник Зеравшанского округа Абрамов обратился к начальнику Каттакурганского отдела Карганову с запросом, что такое мульк, на что получил рапорт Карганова с неточным и уклончивым определением, но близким к его подлинному значению¹⁵⁹.

Для уточнения значения термина «земли амляковые» в феврале 1895 г. было проведено заседание специальной комиссии, в состав которой в числе других входили: Корольков, Хомутов, Остроумов, Васильев, Тверетинев, Наливкин, Гейер и несколько знатоков из местной интеллигенции, таких, как Саттархан Абдугафаров, Ишанхан и др. Объяснение сущности категории амляковых земель в делах комиссии было дано с позиции мусульманской схоластики¹⁶⁰. В протоколе той же комиссии был затронут еще вопрос об общинных землях. Определение их свидетельствует о шедшем в то время распаде общинных отношений. «Земли, оживленные обществом, составляют достояние общества и находятся в общинном владении, но сидящие на них имеют право выделить эту землю во владение подворно-участковое. Общинная

форма владения в настоящее время имеет место в городах: Чимкенте, Перовске, Казалинске и Аулиеата. Некогда она существовала в некоторых махалля г. Ташкента; в настоящее время в г. Ташкенте общинные земли уже поделены»¹⁶¹.

К такому же роду материалов следует отнести дело «По поводу существующего у оседлого населения Туркестанского края обычая шафи. По сообщениям мусульманских законников, этот обычай заключался в том, что оседлое население края имело преимущественное право приобретения участка земли соседа — шифат. Пользующийся этим правом назывался шафи»¹⁶².

Следует упомянуть и о записке начальника Зеравшанского округа с предложением основательно заняться изучением местных способов измерения земельных участков, привлекая для этого местных знатоков. Дело это поручалось подполковнику Зацепину, собравшему интересный материал¹⁶³.

К 1909 г. относятся ответы начальников некоторых уездов Сырдарьинской области на запрос Казенной палаты о местных мерах земельных площадей. Начальник Ташкентского участка пишет, что имелись две меры земельных площадей — танаб, равный 400 квадратных сажень, и батман, включавший в себя шесть танабов, что составляло одну десятину¹⁶⁴.

Пристав 2-го участка г. Ташкента сообщал, что принятой местной мерой измерения являлся батман, который содержал восемь танабов, или 3200 квадратных сажень, и танаб, состоявший из 400 квадратных сажень¹⁶⁵. Из рапорта начальника Чимкентского уезда следует, что местными мерами земельных площадей принято было считать один кош, равный пяти десятинам; шесть танабов, составлявших одну десятину, а также один батман, равный 1,5 десятины (3600 квадратных сажень) ¹⁶⁶. По сообщению начальника Амударьинского отдела местной мерой для определения площадей служил танаб, равный 900 квадратным саженьям¹⁶⁷. Заметим, что в тех уездах, где не было коренного оседлого населения, не было и местных земельных мер, а применялись только русские меры.

Заключая обзор материалов ЦГА УзССР, мы считаем, что из архива могут быть извлечены материалы для указанных тем атласа — для составления карт и картосхем поливных и неполивных земель в целом ряде районов и местностей Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской областей Туркестана, Бухарского и Хивинского ханств. Как видно из общего обзора фондов, для этой же цели могут быть использованы материалы для составления крупномасштабных карт и схем отдельных важнейших оросительных систем, например, по рекам Чирчик, Зеравшан, Чимбайской системы в низовьях Амударьи и др. Материалы архива могут послужить основанием для составления таблиц и чертежей различных видов головных ирригационных сооружений (дамб, плотин, регуляторов на магистральных и разделительных каналах), а также позволяют проследить их постепенное изменение и усовершенствование. Архив дает материалы для составления карт и картосхем по отдельным сельскохозяйственным районам с обозначением важнейших культур, определявших специфику земледелия различных местностей.

¹ В дальнейшем ЦГА УзССР.

² ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 14954, лл. 1—3.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же, л. 19.

⁵ Там же, лл. 16.

⁶ Там же, лл. 112 и 114.

- ⁷ Н. Дингельштедт, Опыт изучения ирригации Туркестанского края, т. I, СПб., 1893.
- ⁸ ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 14954, л. 138 с оборотом, 1893 г.
- ⁹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 30846.
- ¹⁰ Там же, лл. 2—8.
- ¹¹ Там же, лл. 9—10.
- ¹² Даты, приводимые по всей статье, даются в старом стиле без перевода на современное исчисление.
- ¹³ ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 31914, лл. 14—15.
- ¹⁴ Там же, лл. 90—92. 1908 г.
- ¹⁵ Там же, лл. 58—60. 1909 г. В сообщении Чадакского пристава приведены также сведения о способе измерения воды. Единицей измерения был таш — количество воды, орошающее в сутки при средних условиях 25—30 танабов земли.
- ¹⁶ ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 2, д. 1340, л. 66 и далее. Подлинные документы — лл. 97—104, 105.
- ¹⁷ Там же, л. 138.
- ¹⁸ Там же, л. 99. Эти и подобные материалы были использованы Паленом и частично опубликованы в приложении к его отчету, — «Орошение в Туркестанском крае», СПб., 1910.
- ¹⁹ ЦГА УзССР, д. 19, оп. 2, д. 1340, лл. 1—9.
- ²⁰ Там же, л. 5.
- ²¹ Там же, л. 6.
- ²² Там же, оп. 1, д. 32095-а, 1915 г.
- ²³ Там же, д. 31995, лл. 2—3, 1903 г. См. также: К. Н. Синявский, К вопросу об искусственном орошении свободных земель Ферганской области, Скобелев, 1909.
- ²⁴ А. Мамбетов, Русские ученые и развитие ирригации Средней Азии, Ташкент, 1965, стр. 98.
- ²⁵ ЦГА УзССР, ф. 22, оп. 1, д. 17 (на 19 листах).
- ²⁶ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 30, л. 13 и перевод л. 18.
- ²⁷ ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 30. Зеравшанский округ существовал с 1868 по 1886 гг.; после введения Положения об управлении Туркестанского края в 1886 г. он был преобразован в Самаркандскую область.
- ²⁸ ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 9226.
- ²⁹ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 174, 1903 г.
- ³⁰ Там же, ф. 3, оп. 2, д. 353, 1913—1914 гг.; ф. 3, д. 550, 1913—1915 гг., д. 907, 1916 г.; ф. 3, оп. 2, д. 848, 1918 г. и др. Архивные документы, связанные с вопросом пропуска вод Зеравшана в Бухарское ханство, исследованы в монографии А. Р. Мухамеджанова «История орошения низовьев Зеравшана» (на узб. яз.), Ташкент, 1972.
- ³¹ Там же, ф. 22, оп. 1, д. 1523, л. 3 (на узб. яз. с пер.).
- ³² Там же, ф. 18, оп. 1, д. 9226, лл. 1—42 и л. 92.
- ³³ Там же, оп. 1, д. 9299, л. 6 и др.
- ³⁴ Там же, лл. 38—40, а также ф. 3, оп. 1, д. 437, протокол № 1, лл. 16—17, приложения №№ 1, 2, 3, лл. 18—21, протокол № 2, лл. 22—23.
- ³⁵ Там же, ф. 18, оп. 1, д. 9299, л. 38.
- ³⁶ Там же, приложение № 2 (самой карты в делах нет).
- ³⁷ Там же, л. 39.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 69, л. 15.
- ⁴⁰ Там же, ф. 18, оп. 1, д. 924, 1898 г. Дело позволяет увидеть весь ход событий, начиная с заявления доверенных лиц от жителей волости, кончая всеми инстанциями, от которых зависело разрешение на постройку ирригационного сооружения.
- ⁴¹ Там же, ф. 18, д. 9242, 1898—1903 гг. (с несложными чертежами).
- ⁴² Там же, л. 70.
- ⁴³ Там же, д. 5927, 1913.
- ⁴⁴ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 630, 1915 г.
- ⁴⁵ «Отчет по ревизии Туркестанского края К. К. Палена», т. IV. «Орошение в Туркестане», СПб., 1910, стр. 160.
- ⁴⁶ ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 9240 (1899—1904 гг.).
- ⁴⁷ Там же, д. 9249, л. 43. План арыка Даргом, где устраивался вододелитель, л. 81. Проект вододелительной плотины на арыке Даргом, л. 83.
- ⁴⁸ Водосбросы местного типа (там же, лл. 4, 5, 6, 14, 15). Проект затвора в деревянном варианте.
- ⁴⁹ Там же, лл. 34—35. Проектный и исполнительный чертежи каменного водосброса из Шаарарыка в Аркарык.
- ⁵⁰ Генерал-губернатор Н. А. Иванов (там же, л. 24).
- ⁵¹ Там же, лл. 27, 37.
- ⁵² Там же, ф. 3, оп. 1, д. 550, лл. 8—11.
- ⁵³ Там же, лл. 21, 23.
- ⁵⁴ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 641.
- ⁵⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 907, лл. 114—115. Строительство Раватходжинского водного узла, спроектированного инженером Савицким, производившееся в 1913—1914 гг.,

- не было завершено. Сооруженная же дамба была разрушена большими селями в 1921 г. (А. Мамбетов, Русские ученые..., стр. 42).
- ⁵⁶ Там же, ф. 22, оп. 1, д. 1523, лл. 228—240. Последовательность в перечислении сельскохозяйственных культур сохранена нами по документу.
- ⁵⁷ Там же, ф. 22, оп. 1, д. 1523, лл. 259—270.
- ⁵⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 907, л. 71.
- ⁵⁹ Там же, оп. 2, д. 353, л. 6.
- ⁶⁰ Там же, лл. 43, 44.
- ⁶¹ Там же, л. 45.
- ⁶² Там же, ф. 18, оп. 1, д. 9792, лл. 123—127.
- ⁶³ Там же, ф. 3, оп. 2, д. 848, лл. 35—37.
- ⁶⁴ Там же, оп. 1, д. 369.
- ⁶⁵ Там же, д. 431, лл. 31—35. Договор на русском и персидском языках.
- ⁶⁶ Там же, л. 104.
- ⁶⁷ Там же, д. 904, л. 11.
- ⁶⁸ Там же, ф. 125, оп. 1, д. 45, лл. 2—3 и 4—7. Март — май 1895 г.
- ⁶⁹ Там же, д. 200, лл. 1—3.
- ⁷⁰ Там же, д. 219, лл. 2—3, 9.
- ⁷¹ О работах по Лаудану и прилегающей к нему части ханства см.: А. Садыков, Некоторые данные из истории орошения и водопользования в Хивинском ханстве, — «Труды САГУ», новая серия, вып. ХС, исторические науки, кн. 14, Ташкент, 1957; А. Л. Троицкая, Аму-Дарья и Узбой, — «Труды Академии наук ТаджССР, т. XX», 1960 стр. 212 и др.
- ⁷² ЦГА УзССР, ф. 125, оп. 1, д. 33^a, лл. 8—9.
- ⁷³ Там же, л. 12.
- ⁷⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 147, лл. 3—4.
- ⁷⁵ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 276, л. 3 (ноябрь 1876 г.).
- ⁷⁶ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 14954, лл. 89—96. Журнал Совета 29 апреля 1893 г., № 15.
- ⁷⁷ Там же, л. 92.
- ⁷⁸ Там же, л. 91 и об.
- ⁷⁹ Там же, л. 93 и об.
- ⁸⁰ Там же, л. 92.
- ⁸¹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 31975, л. 1.
- ⁸² Там же, л. 3.
- ⁸³ Там же, д. 31995, л. 14.
- ⁸⁴ Там же, ф. 18, оп. 1, д. 9597.
- ⁸⁵ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 31914, май 1906 — декабрь 1909 г.
- ⁸⁶ Там же, д. 31995, 1909—1912 гг.
- ⁸⁷ Там же, д. 31902^a, лл. 6—19.
- ⁸⁸ Там же, л. 12.
- ⁸⁹ Там же, оп. 1, д. 31995, лл. 221—252 (отпечатан типографски). Как известно, до Великой Октябрьской социалистической революции водный закон Туркестанского края так и не был принят.
- ⁹⁰ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 15062, 1894 г.
- ⁹¹ Там же, д. 15324, 1897 г.
- ⁹² Там же, д. 16592, л. 2.
- ⁹³ Там же, л. 12.
- ⁹⁴ Там же, л. 13.
- ⁹⁵ Там же, лл. 15—16.
- ⁹⁶ Там же, лл. 17—18.
- ⁹⁷ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 22513, л. 6.
- ⁹⁸ Там же, л. 45.
- ⁹⁹ Там же, л. 4.
- ¹⁰⁰ Там же, д. 33543 на 46 листах, 1902 г.
- ¹⁰¹ Там же, д. 33614, л. 15.
- ¹⁰² Там же, л. 23.
- ¹⁰³ Там же, ф. 22, оп. 1, д. 10, л. 14. Кош определяется в 50 танабов.
- ¹⁰⁴ Там же, л. 15 и об.
- ¹⁰⁵ Там же, л. 16.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 16 и об.
- ¹⁰⁷ Там же, л. 17 и об.
- ¹⁰⁸ Там же, лл. 9, 26—28.
- ¹⁰⁹ Там же, лл. 50—56.
- ¹¹⁰ Там же, д. 1434. Судя по письму начальника округа Абрамова, подати с вакуфных земель собирались в тех же размерах, что и с других видов земель, а затем из казны духовенству выдавалась $\frac{1}{3}$ от собранного (там же, д. 1435, л. 62).
- ¹¹¹ Там же, д. 1523, л. 5 и далее.
- ¹¹² Там же, ф. 5, оп. 1, д. 120, л. 12 и об. О значении этих терминов см. ниже (ст. Р. Я. Рассудовой, стр. 129).
- ¹¹³ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 152, л. 258.

- ¹¹⁴ Там же, д. 364. Сведения даны в связи с ревизией Палена.
- ¹¹⁵ Там же, ф. 22, оп. 1, д. 1338, лл. 1—54.
- ¹¹⁶ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 364, лл. 107—113, об.
- ¹¹⁷ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 252, л. 119.
- ¹¹⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 247, лл. 86—94.
- ¹¹⁹ Там же, л. 84.
- ¹²⁰ Там же, л. 89.
- ¹²¹ Там же, д. 904, лл. 3—6.
- ¹²² Там же, д. 247, л. 12.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же, лл. 16—20.
- ¹²⁵ Приблизительно с 1894—1895 гг.
- ¹²⁶ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 247, лл. 77—78.
- ¹²⁷ Там же, д. 368, лл. 124—125.
- ¹²⁸ О паводке теплой воды «гарм-об» см.: А. Р. Мухамеджанов, К истории водного хозяйства Зеравшанской долины, — «Известия АН УзССР», серия общественных наук, 1960, № 4, стр. 45—50; ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 358, лл. 28—31.
- ¹²⁹ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 368, лл. 21—24.
- ¹³⁰ П. П. Иванов, Новые материалы по истории Средней Азии (по поводу открытия архива хивинских ханов), — «Записки Института востоковедения Академии наук СССР», вып. VII, М.—Л., 1939, стр. 5—26; «Архив хивинских ханов XIX века. Исследование и описание документов с историческим введением», Л., 1940.
- ¹³¹ М. Ю. Юлдашев, Государственный архив феодальной Хивы XIX века, — «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, секция Ирана, Армении и Средней Азии», М., 1954, стр. 209—230; его же, Новые архивные источники по истории Средней Азии, — «Краткие сообщения Института Востоковедения Академии наук СССР», Л., 1951, № 1, стр. 35—41; М. И. Иулдошов, Ўзбек халқи тарихининг қиммат боҳо едгорлиги, — «Известия Академии наук УзССР», Ташкент, 1957, № 1, стр. 27—32; его же, К вопросу о характере поземельного налога в Хиве в XIX веке, — «Известия Академии наук УзССР. СОИ», Ташкент, 1957, № 2, стр. 19—24; его же, К вопросу об особенностях развития феодального землевладения в Хиве в XIX веке, — «Первая всесоюзная конференция востоковедов, 1957», Ташкент, 1958, стр. 621—627; его же, Некоторые выводы из анализа документов государственного архива хивинских ханов XIX в., — «Известия Академии наук УзССР. СОИ», Ташкент, 1958, № 1, стр. 5—11; его же, Феодальное землевладение в Хиве XIX в. до присоединения к России, — «Известия Академии наук УзССР. СОИ», Ташкент, 1959, № 3, стр. 33—47; его же, Землевладение и государственное устройство Хивы XIX в., Ташкент, 1959, стр. 600 (на узб. яз.); его же, Расшифровка 34 дафтара из Архива хивинских ханов (к вопросу о земельных отношениях в Хиве XIX в.), — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва 9—16 августа 1960 г.», т. III, заседание X секции. М., 1960, стр. 66—71.
- ¹³³ ЦГА УзССР, ф. 125, оп. 1, д. 396.
- ¹³⁴ Там же, д. 403, 1885—1908 гг.
- ¹³⁵ Там же, д. 458, 1322 г. х. (1904—1905 гг.). О «су», — см.: П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, стр. 64 и 123.
- ¹³⁶ Там же, д. 528. Есть сведения, что народно-хозяйственная перепись была проведена еще в 1916 г., но, насколько нам известно, результаты ее не были опубликованы и где хранятся — неизвестно.
- ¹³⁷ «Ахия ерлари» — оживление, возвращение к жизни (Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. 1, СПб., 1869, стр. 17).
- ¹³⁸ ЦГА УзССР, ф. 125, оп. 1, л. 4.
- ¹³⁹ Там же, л. 23.
- ¹⁴⁰ Там же, л. 22.
- ¹⁴¹ Там же, л. 29.
- ¹⁴² Там же, л. 24. Население округа Ильялы. Ирони или кулы — рабы, большинство которых в Хивинском ханстве составляли персы.
- ¹⁴³ Там же, л. 20.
- ¹⁴⁴ Там же, л. 31—32.
- ¹⁴⁵ Там же, л. 18.
- ¹⁴⁶ Там же, лл. 17, 16.
- ¹⁴⁷ Там же, л. 15.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же, л. 13.
- ¹⁵⁰ Там же, л. 12.
- ¹⁵¹ Там же, л. 11.
- ¹⁵² Там же, л. 1, об.
- ¹⁵³ Там же, лл. 6—8.
- ¹⁵⁴ О том, что наши предположения верны, подтверждает и та часть записки начальника Амударьинского отдела полковника Н. С. Лыкошина, написанной в 1912 г.,

где им приведена численность населения ханства, сообщенная первым министром ханства Сеид Ислам Ходжей. Эти данные, выраженные числом дворов, приведены на основе переписи 1910 г. в деле № 528 (ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 314, л. 24).

¹⁵⁵ И. Ш а с т а л. Материалы по районированию Средней Азии, кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2, Хорезм, гл. V. Сельскохозяйственные районы Хорезма, Ташкент, 1925.

¹⁵⁶ Там же, приложение, таблица № 1, стр. 138—139.

¹⁵⁷ ЦГА УзССР, ф. 125, оп. 1, д. 528, л. 27.

¹⁵⁸ Там же, таблица и д. 528, л. 25.

¹⁵⁹ Там же, ф. 22, оп. 1, д. 10, лл. 62, 63.

¹⁶⁰ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 15135, лл. 1—2.

¹⁶¹ Там же, д. 1535, л. 3.

¹⁶² Там же, д. 15954, 1903 г. Шоф'э — преимущественное право соседей на покупку дома или иной недвижимости (при условии уплаты той цены, какую дают третьи лица). См.: Б. В. Миллер, Персидско-русский словарь, М., 1953, стр. 313.

¹⁶³ ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 11, лл. 41—42. 16 сентября 1869 г., за подписью генерала Абрамова Г. М. См.: Д. К. Зацепин, О способах измерения земли у туземцев Туркестанского края. Материалы для статистики Туркестанского края, III, СПб., 1874, стр. 151—161 (с чертежами).

¹⁶⁴ ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 16665, л. 5.

¹⁶⁵ Там же, л. 7.

¹⁶⁶ Там же, л. 11. Напомним, что батман является мерой сыпучих тел, в данном случае он обозначал то количество земли, для засева которой нужен один батман зерна.

¹⁶⁷ ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 16665, л. 4.

Б. В. Андрианов

ВОПРОСЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ АТЛАСЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Картографический метод изучения пространственного размещения, сочетания и взаимосвязей явлений широко применяется не только в кругу географических наук, давно использовавших картографирование в качестве важнейшего инструмента познания общих и частных закономерностей, но и в исторических науках, в частности, в этнографии. В настоящее время работы по картографированию и систематизации этнографических фактов приобрели большое значение. Свидетельство тому — работа над созданием обобщающих трудов — карт и атласов у нас и за рубежом. С одной стороны, это попытка решить проблемы учета и организации обширнейшей информации, с другой — выявить в многообразии явлений обобщающие закономерности и подготовить материал для различных ретроспективных исследований истории материальной и духовной культуры народов, их этнической истории. Основной объект этнографической науки — культурно-бытовые особенности различных народов и отдельных этнографических групп. Отсюда ясно, что изучение того или иного этнографического явления и его территориального распространения, или, как сейчас принято говорить, ареального исследование, должно начинаться с установления этнического состава населения, с определения этнических границ и территорий.

Советские этнографы добились больших успехов в области картографирования национального состава населения как отдельных регионов, стран, так и всего мира в целом. Хорошо разработана и методика этих исследований¹.

Карта должна отразить географическое размещение всех живущих в данном районе этнических групп населения, не только в районах, «заселенных сплошь одной какой-либо национальностью, но и в смешанных районах, заселенных представителями разных национальностей»².

Выявление на карте смешанных в этническом отношении районов имеет большое практическое значение при картографировании отдельных элементов культуры, так как именно в этих ареалах наиболее сильно сказываются последствия влияния народов друг на друга — заимствования чужих обычаев и культурно-бытовых особенностей. Для изображения подобных районов в этнической картографии существует ряд графических приемов (здесь следует предостеречь от увлечения как методом ареальных вкраплений, основанных на мажоритарном

принципе, так и методом цветных полос, ширина которых выбирается в зависимости от удельного веса национальностей, их следует сочетать). На карте наряду с оседлоземледельческими, сравнительно густонаселенными территориями, должны быть выделены особым условным знаком территории с редким населением, преимущественно в пустынных и горных районах. Именно эти принципиальные установки были выбраны нами при создании бланковых этнических карт отдельных регионов Средней Азии и Казахстана. Большое внимание было уделено национальным меньшинствам в районах со смешанным населением и отдельным этническим вкраплением в крупные этнические массивы. Так, на карте-бланковке Казахстана выделены участки русских и украинских переселенцев начала XX в., которые были широко разбросаны по необъятным пространствам казахской степи.

В настоящее время составлены бланковые карты Казахстана и Каракалпакии, идет работа над картами Туркмении, Таджикистана и Киргизии. По этим территориям имеются детальные этнические карты с отражением численности по каждому населенному пункту, составленные Я. Р. Винниковым на основании переписи 1926 г. Они явились хорошей основой для создания более обобщенных карт со сплошной фоновой закраской этнических территорий. Мною, в частности, была составлена общая карта народов Средней Азии и Казахстана в масштабе 1 : 5 000 000, с привлечением поселенных карточек переписи 1926 г. и ряда опубликованных карт 20-х годов³.

Перед составителями атласа стоят задачи создания региональных карт для территорий Бухарского и Ташкентского оазисов и некоторых других территорий, недостаточно обеспеченных картографическими материалами, характеризующими этнический состав населения. Детальные этнические карты являются важной основой для работы над многими разделами атласа⁴.

Особенности этнической географии Средней Азии и Казахстана не ограничиваются наличием смешанных в национальном отношении районов. Этническая история среднеазиатских народов богата многочисленными переселениями и передвижениями больших групп населения, смешениями различных племен и народностей. Основные народности этого района сложились около тысячи лет назад. В процессе этногенеза многие народы древности и раннего средневековья вошли в состав крупных народов — узбеков, таджиков, туркмен, казахов, киргизов и каракалпаков. До начала XX в. они сохранили известную культурную обособленность и прежние этнические названия, образуя многочисленные родо-племенные, этнографические группы. Картографирование последних требует специальных историко-этнографических исследований, основанных как на полевых этнографических материалах, так и на данных письменных источников. Много сделали в этой области советские этнографы: Г. И. Карпов, С. П. Толстов, Т. А. Жданко, Г. П. Васильева, Я. Р. Винников, С. М. Абрамзон и др. Существуют отдельные картографические публикации⁵. Правда, на детальной этнической (родо-племенной) карте Средней Азии и Казахстана еще очень много белых пятен, общие сводки отсутствуют даже по крупным среднеазиатским оазисам. Эта сложная трудоемкая работа только начата⁶. Она требует широкого комплексного подхода и привлечения помимо историко-этнографических, также фольклорных, лингвистических (топонимических и диалектологических) и археологических материалов. Первоочередная задача дальнейшего изучения территориального размещения (на определенную дату) этнографических групп и крупных подразделений родо-племенного состава кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Казахстана заключается, прежде всего, в общей сводке и первого,

приближенного, картографирования населения крупных историко-этнографических районов, таких, как низовья Амударьи и Сырдарьи, Бухарский оазис, Южная Туркмения и т. д.

Если в области составления этнических карт Средней Азии и Казахстана уже накоплен сравнительно большой опыт, то методика картографирования этнографических явлений (отдельных элементов материальной и духовной культуры) нуждается в особых проработках на конкретном историко-этнографическом материале⁷. Перед составителями среднеазиатского атласа встает целый ряд сложных методологических вопросов. Многие из них обусловлены, прежде всего, специфическими особенностями изучаемой области, отличающейся большой глубиной этнического состава населения, контрастами хозяйственно-культурных различий и разнообразием локальных проявлений традиционной культуры и быта народов⁸.

Не менее важное значение имеют вопросы хозяйственно-культурной типологии народов, их культурно-этнических подразделений, культурно-бытовое районирование (выделение областей, районов и более мелких территориальных единиц), выявление пространственных и временных ареалов распространения культурных комплексов. Последние часто не совпадают с географическими границами расселения народов. Именно поэтому так важна не только картографическая характеристика этнического состава населения Средней Азии, но и хозяйственно-культурная типология отдельных групп населения. Сложность решения подобных задач заключается в том, что эти исследования должны вестись одновременно на разных уровнях для установления как частных, так и более общих закономерностей.

Сегодня в центре внимания — системно-структурный подход. Попытки решать частные вопросы, выявлять детали, игнорируя более широкие закономерности, как правило, неудачны. Так, горячая дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Советская этнография» по вопросам этнической специфики в народной земледельческой культуре Европейской России⁹, выявила узость методологической базы и слабость позиций тех исследователей, которые строили свои выводы лишь на анализе отдельно взятых, изолированных друг от друга культурных явлений (в данном случае — типов сельскохозяйственных орудий и животноводческих построек у народов Европейской России).

В этнографии, как и в других науках, идет процесс дифференциации методов и тематической специализации, что, с одной стороны, способствует углубленной и детальной проработке частных закономерностей, с другой — рождает необходимость широкого обобщения, синтеза результатов специальных исследований¹⁰. Только такое диалектическое сочетание частного и целого может обеспечить наиболее полное раскрытие общих закономерностей в культурно-бытовом многообразии этнических явлений¹¹.

Современное хозяйственно-культурное многообразие — результат исторического развития хозяйственно-культурных типов в конкретных историко-генетических и природно-географических условиях. На территории Средней Азии и Казахстана к концу XIX в. существовали три основные типа, границы которых не совпадали ни с этническими территориями, ни с языковыми границами — это оседлые пашенные земледельцы с ирригацией в оазисах и в зоне гор; полуоседлые скотоводы-земледельцы дельт больших рек, равнин и гор и кочевники-скотоводы пустынь, степей и гор¹².

К первому типу на рубеже XIX и XX вв. принадлежало большинство таджиков, узбеков, туркмен и часть каракалпаков; ко второму — каракалпаки, многие группы узбеков и сырдарьинских казахов; к третьему

му — казахи и киргизы, отчасти туркмены (прибалханские и др.). Между этими основными типами существует целый ряд переходных групп и каждый тип разделяется на подтипы.

По историко-этнографическим исследованиям в Азии хорошо известно, что целый ряд развитых народов сочетал различные хозяйственно-культурные типы, чем подтверждается тезис К. Маркса о том, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»¹³.

Изучая оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов Средней Азии, советские этнографы выявили своеобразный хозяйственно-культурный тип — полuosедлое население с архаическими традициями комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовного хозяйства (каракалпаки, часть туркмен, казахи побережья Арала и др.)¹⁴.

В заключение следует остановиться на некоторых вопросах составления легенд к историко-этнографическим картам атласа.

Главная задача при составлении любой специальной карты, будет ли это карта, посвященная типам сельскохозяйственных орудий, или способам орошения, или каким-либо элементам культуры — это разработка научной легенды, отражающей типологию изучаемых явлений. Всю информацию о предмете надо уложить в строго классифицированную, рациональную систему условных знаков, с помощью которых передаются закономерности пространственного размещения локальных вариантов. Эта форма графического изображения условных знаков называется семиотикой. Для историко-этнографических явлений она зависит от генетической группировки, характеризующей происхождение и основные этапы исторического развития¹⁵. Перед составителем такой историко-этнографической карты (например, карты способов орошения или типов орошаемого земледелия) встает задача выявить не только территориально-географические модификации явления, но и установить хронологические рамки и динамику. Сочетание пространственных и временных аспектов любого историко-этнографического явления¹⁶ обеспечивает более полное раскрытие тех или иных закономерностей.

¹ П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, М., 1951; С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии, — СЭ, 1961, № 5; С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии (методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования), М., 1964, и др.

² П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории..., стр. 81.

³ См. подробнее: Б. В. Андрианов, Карта народов Средней Азии и Казахстана (по данным переписи 1926 г.). Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана, М.—Л., 1961, стр. 15—23.

⁴ Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана (принципы и методы составления), — СЭ, 1971, № 4, стр. 34.

⁵ Т. А. Жданко и Б. В. Андрианов, Этнографическая карта Кара-Калпакской АССР, — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952; Я. Р. Винников, Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1956.

⁶ Л. С. Толстова, Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпачков, — СЭ, 1971, № 2; Г. П. Снесарев, Опыт картографирования некоторых элементов духовной культуры в сочетании с картографированием этническим и диалектологическим (на примере населения Хорезмской области Узбекской ССР), — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии», Л., 1971, стр. 22—24.

⁷ С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии; «Атлас народов мира», М., 1964; С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы, — СЭ, 1964, № 4; Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана, — СЭ, 1971, № 4 и др.

⁸ Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас..., стр. 39 и сл.

⁹ СЭ, 1967, № 1, 3, 6; 1968, № 6; 1971, № 3.

¹⁰ В. С. Добриянов, Методологические проблемы теоретического и исторического познания, М., 1968; И. Барабаш, Пространство и время в историко-этнографическом исследовании,— СЭ, 1971, № 6 стр. 81—88.

¹¹ С. А. Артановский, Историческое единство человечества и взаимовлияние культур, Л., 1967.

¹² Б. В. Андрианов и Н. Н. Чебоксаров, Вопросы картографирования хозяйственно-культурных типов,— СЭ, 1972, № 2.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Маркс—Энгельсу в Манчестер, 2 июня 1853 г.,— Сочинения, т. 28, стр. 214.

¹⁴ В развернутом виде эти вопросы излагались С. П. Толстовым в курсах общей этнографии, прочитанных на историческом факультете МГУ, а также в работах: Т. А. Жданко, Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана,— СЭ, 1961, № 2; ее же, Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы),— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 274—281; Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962, стр. 32—37; т. II, М., 1963 (приложение-карта «Хозяйственные типы Средней Азии и Казахстана»).

¹⁵ В. Б. Сочава, Интегральные задачи тематического картографирования,— «Проблемы тематического картографирования», Иркутск, 1970, стр. 12.

¹⁶ И. Барабаш, Пространство и время в историко-этнографическом исследовании, стр. 84.

Г. П. Васильева

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ТУРКМЕНИИ

Известно, что в XIX—начале XX в. у туркмен, как и у ряда других среднеазиатских народов, деление на племена и роды имело реальное значение в жизни. Отдельные племена сохраняли своеобразие в культуре, в значительной степени обусловленное этническими особенностями и указывавшее на различные этнические компоненты, в разное время вошедшие в состав того или иного племени.

Народы, сохранявшие родо-племенное деление, не прошли стадии капиталистического развития, и процесс их национальной консолидации не был завершен, отчего они были менее монолитны и сохраняли больше локальных особенностей в своей культуре, нежели народы, перед установлением Советской власти находившиеся на различных ступенях капиталистического развития. Таким образом, при работе над Историко-этнографическим атласом народов Средней Азии и Казахстана важно иметь также карты расселения народов с родо-племенным делением, хотя бы на конец XIX в. Для составления таких карт в Туркмении проводилась и проводится большая работа.

Из материалов, относящихся к рассматриваемому периоду, следует отметить те, которые были изданы до революции, например, этнографическую и ковровую карты, составленные Ф. Михайловым к альбому ковровых изделий, изданному А. А. Боголюбовым¹. Эти карты часто незаслуженно забываются. На одной из них показана территория расселения туркменских племен, а на другой — распространение ковроткачества у этих племенных групп туркмен. Несмотря на то, что в настоящее время мы располагаем значительными полевыми материалами советских исследователей, для нас очень важны сведения дореволюционных авторов о расселении племен и родов. Первая карта племенного расселения туркмен была далека от совершенства, в ней было много неточностей и не везде правильно были проведены границы между территориями расселения отдельных племен, но, несмотря на это, она давала общее представление о расселении туркменских племенных групп к началу XX в. и о величине занимаемой ими территории. Подобные сведения не всегда удается получить в наше время даже путем ретроспективного исследования. Во всяком случае до составления этнографической карты Туркмении, помещенной в книге «Народы Средней Азии и Казахстана» (т. II) к статье «Туркмены»², мы не имели другой этнографической карты Туркмении.

Для представления о расселении родо-племенных групп в прошлом большой материал по отдельным районам Туркмении можно почерпнуть у ряда дореволюционных авторов — Ф. А. Михайлова, К. Бодэ, Г. С. Ка-

релина, А. Борнса и др.³ Для Западной Туркмении очень подробные данные имеются также в работе М. Н. Галкина⁴.

Чрезвычайно интересные сведения для составления карты родоплеменного состава туркмен можно найти в статьях Г. И. Карпова, который с 20-х годов собирал этот материал среди всех туркменских групп и обобщил его впоследствии в своей кандидатской диссертации⁵. Последняя содержит огромный фактический материал, необходимый как этнографам, так и историкам. Для работы же над атласом значение сведений, заключенных в этой диссертации, неопределимо. К сожалению, эта работа не была опубликована, а рукопись сохранилась лишь в одном экземпляре в библиотеке МГУ им. А. М. Горького.

Большой материал, уже частично использованный рядом советских этнографов, собрал в 1924—1925 гг. И. П. Магидович, изучавший состав населения ряда районов Средней Азии. Эта работа проводилась для сбора данных, необходимых Комиссии по национальному размежеванию среднеазиатских республик. Материал И. П. Магидовича по туркменам относится к территории Бухарского и Хивинского ханств — районов этнически очень сложных, со смешанным населением⁶.

Советские этнографы, занимавшиеся сбором сведений по родоплеменному составу, составили ряд карт по отдельным районам Туркмении. Они были опубликованы в различных центральных и местных республиканских изданиях. Прежде всего надо отметить карты к статье «Туркмены» во II томе «Народов Средней Азии и Казахстана» (сер. «Народы мира»)⁷. Кроме этих общих карт имеются еще этнические карты по отдельным районам Туркмении. Среди них — карта расселения родоплеменных групп туркмен Чарджоуской области (автор Я. Р. Винников)⁸, карта расселения родоплеменных групп туркмен Ташаузской области (автор Г. П. Васильева)⁹. Следует назвать также карту расселения туркмен-нохурли¹⁰ и схематическую карту расселения туркмен-атинцев Дарган-Атинского района, составленные Г. П. Васильевой, карту-схему родового расселения туркмен-текинцев Мургабского района, составленную Я. Р. Винниковым¹¹, и карту-схему расселения прибалханских иомутов в конце XIX — начале XX в., автором которой является А. Оразов¹².

Все перечисленные карты дают определенную картину размещения родоплеменных групп туркмен на значительной части Туркмении к началу XX в. К сожалению, до сих пор накоплено еще очень мало материала для карты родоплеменного состава Южной Туркмении, главным образом текинцев и мелких туркменских групп, живших в Атеке и Ахале в XIX — начале XX в.¹³ В последние годы туркменские этнографы поставили перед собой задачу восполнить этот пробел.

Несколько подробнее остановимся на материалах, собранных Туркменским этнографическим отрядом Института этнографии АН СССР, сначала в Северной, а затем в Западной Туркмении. Работа отряда в составе Хорезмской экспедиции велась на территории Хорезмского оазиса в течение ряда лет. В 1955—1956 гг. собирался материал непосредственно для карты. Для этого использованы полевые материалы более ранних лет (1948 и 1951 гг.), а также сведения дореволюционных источников и карт конца XIX — начала XX в. Итогом этой работы явилось создание двух карт: национального состава и расселения родоплеменных групп туркмен Северной Туркмении¹⁴.

На одной из карт показаны этнографические группы туркмен, узбеков, а также казахов и каракалпаков, поселившихся среди туркменского населения в разное время. Карта дает картину расселения на начало XX в. Кроме того, по нашим материалам и данным археолого-этнографического отряда Хорезмской экспедиции под руководством Б. И. Вайн-

берг, с использованием сведений дореволюционных авторов, создана карта расселения туркменских групп на конец XVIII — первую половину XIX в. Эта карта вошла в книгу «Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане»¹⁵.

Таким образом, по северной части республики имеются карты расселения родо-племенных групп туркмен по тем периодам, которые нужны для атласа. Карта на конец XIX — начало XX в. дает возможность увидеть изменения в расселении различных туркменских групп после присоединения к России. По Западной Туркмении до сих пор еще не создано этнографической карты¹⁶.

В отличие от Северного Туркменистана, на территории которого кроме иомутов жили и другие довольно многочисленные туркменские племена (чоудоры, емрели и более мелкие — карадашлы и другие), а также небольшие группы каракалпаков, казахов и узбеков (особенно на востоке этого района), территория Западной Туркмении более однородна по своему этническому составу. Это объясняется тем, что ее основное население как до присоединения к России, так и в более позднее время, вплоть до начала развития в 30-е годы XX в. нефтяной промышленности и появления новых населенных пунктов, составляли почти сплошь туркмены-иомуты, а на юго-востоке — гоклены.

Однако сами туркмены-иомуты разных районов не были едины по культуре и, по-видимому, по своему происхождению. Своеобразие их культуры соответствовало хорошо сохранившейся почти до наших дней родо-племенной структуре: западные иомуты принадлежали в основном к одному из двух отделов иомутов — кара-чока, в то время как северные — составляли отдел байрам-шали. Кара-чока делились на атабайцев и джафарбайцев, а каждое из этих двух подразделений на еще более мелкие родовые группы.

Несколько обособленно, не входя в состав ни джафарбайцев, ни атабайцев, а лишь примыкая к ним, стояли такие крупные роды иомутов, как даз, эймир, дюеджи, татар, бага-бехельке, машрык и т. д. Все они, а также крупный атабаевский род тана или небольшое джафарбаевское подразделение пан (панг) еще в недавнем прошлом занимали более или менее компактную территорию, сохраняли представление об особом происхождении и некоторые особенности в культуре. Все это необходимо было учесть при работе над этнической картой Западной Туркмении.

До присоединения к России родо-племенные группы туркмен расселялись на широких пространствах, так как твердо установленной границы между Ираном и туркменской территорией не было. Значительные группы иомутов перекочевывали с юга от р. Карасу в Деште-Горгане (Туркменская степь) на север до Узбоя. После присоединения к России и образования Закаспийской области некоторые группы иомутов и гоклен остались в Иране, остальные расселились на территории к северу от Атрека. В конце XIX в. с Устюрта стали спускаться казахи, потеснившие иомутов и заставившие их уходить с насиженных мест. После проведения Закаспийской железной дороги от Красноводска до Самарканда (1880—1898 гг.) в расселении иомутов также произошли некоторые изменения. К началу XX в. образовалось два района их расселения: северный, к северу от железной дороги, на Балханах и в Прибалханье, и южный, к югу от железной дороги до иранской границы по Атреку.

По данным наших информаторов, материалам сельскохозяйственных переписей 1914 и 1917 гг. и литературным источникам, население Западной Туркмении на начало XX в. было размещено следующим образом: джафарбайцы жили на западных окраинах Туркменистана,

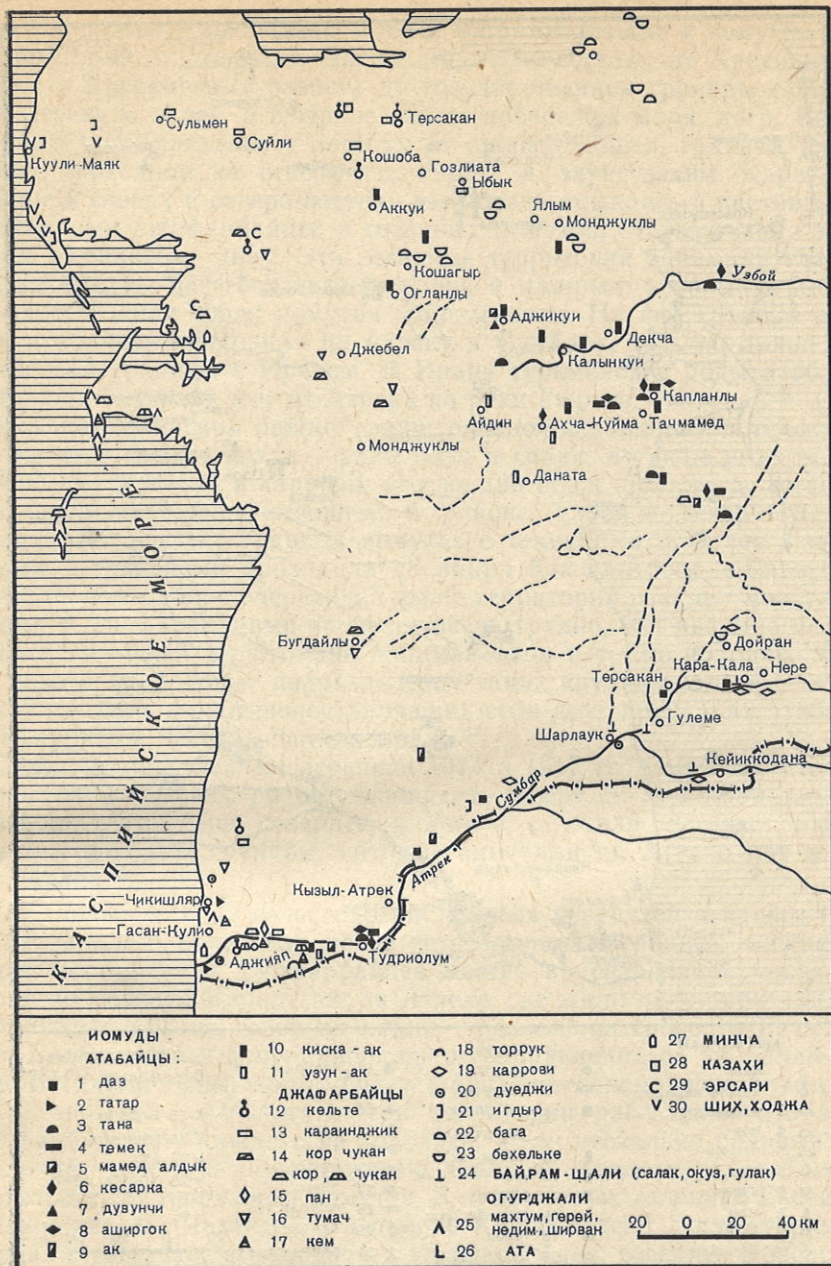

Рис. 1. Расселение родо-племенных групп туркмен Краснодарского уезда Закаспийской области в конце XIX — начале XX в. (по архивным и литературным данным)

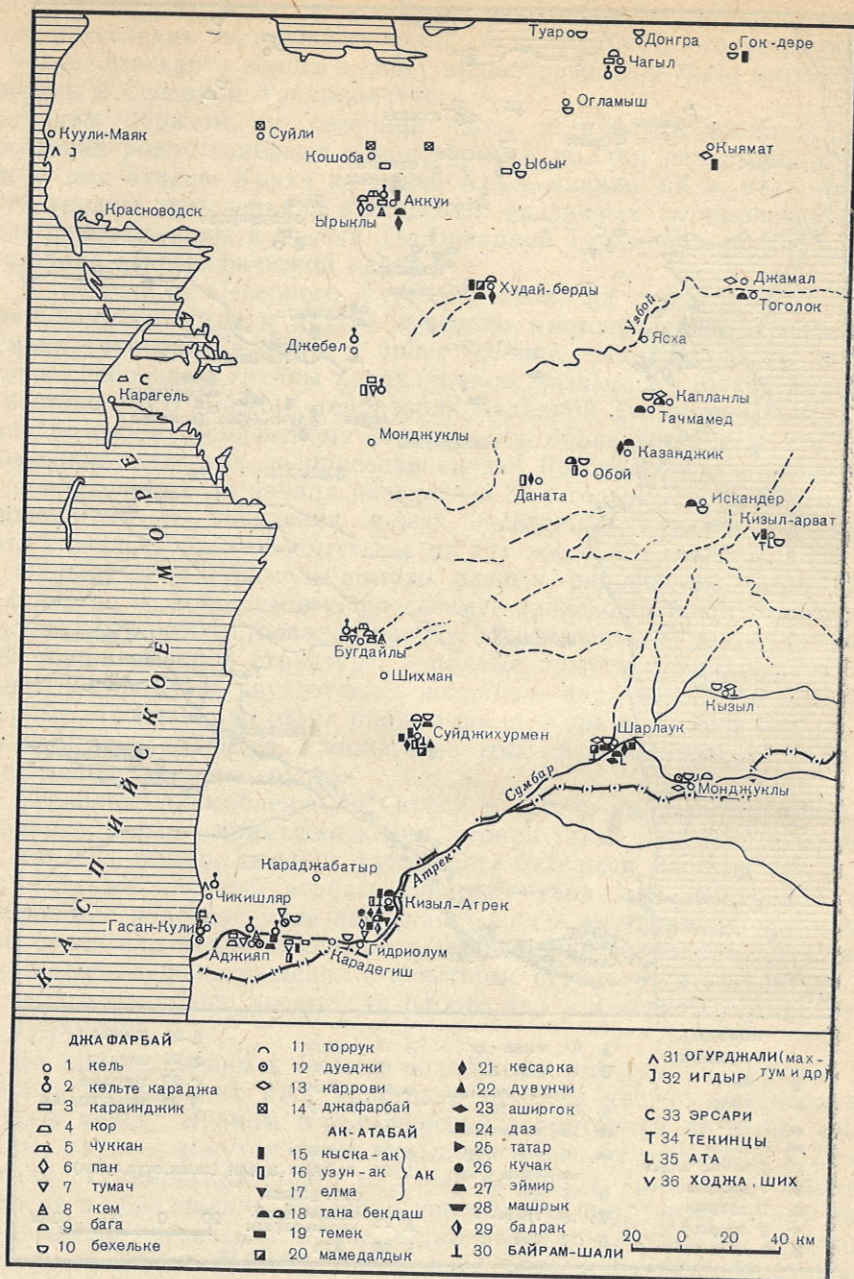

Рис. 2. Расселение родо-племенных групп туркмен Краснодарского уезда Закаспийской области в конце XIX — начале XX в. (по полевым материалам)

вдоль побережья Каспийского моря и в примыкающих к нему степях — на территории от колодцев Чагыл (к северо-востоку от Красноводска, по пути к Хорезмскому оазису) до государственной границы с Ираном по р. Атреку и далее, а в Иране, вдоль побережья моря, до р. Карасу; атабайцы располагались к востоку от джафарбайцев, граница их расселения проходила на севере по Узбою и заунгузским Каракумам, в районе к северу и северо-востоку от Чагыла смыкаясь с пастбищными территориями джафарбайцев и северных иомутов, считавшихся подвластными Хивинскому хану. Эти северные территории занимали главным образом иомуты бага-бехельке, каррови и машрык, которые в Хорезмском оазисе жили среди иомутов байрам-шали. На юге граница расселения атабайцев проходила по Атреку и Сумбару, т. е. по линии государственной границы с Ираном. В Иране туркменские роды атабайцев до сих пор обитают к югу от Атрека до реки Гюрген.

В Кара-Калинском районе среди гокленов издавна жили представители иомутов байрам-шали — роды окуз и салак, а также иомуты-джафарбайцы — бехельке и каррови; эти же два рода, а также род машрык жили среди атабайцев севернее, в районе Узбою и северного Прибалханья. На востоке граница иомутов с текинцами и более южными соседями — гокленами проходила по линии Кызыл-Арват — Кара-Кала. В центральном районе очерченной выше территории границу между атабайцами и джафарбайцами провести очень трудно, так как многие роды кочевали на общей территории, занимая одни и те же колодцы; более того, некоторые родовые подразделения таких крупных и самостоятельных групп, обычно противопоставлявших себя друг другу, как атабайцы и джафарбайцы, имели общие колодцы¹⁷.

Сельскохозяйственные переписи 1914 и 1917 гг. отмечают, что зимние пастбища многих родов, живших к северу от железной дороги и кочевавших летом еще севернее, к Узбою, служили летними пастбищами тем родовым группам, которые зимовали на Атреке или в пределах Ирана¹⁸.

По данным тех же сельскохозяйственных переписей и нашим полевым материалам, более или менее четко провести границу между кочевьями атабайцев и джафарбайцев можно в центральной части территории, от селения Карадегиш на Атреке, где жили представители обоих подразделений, на север по линии — развалины крепости Гечи-кала и Яма Егедже, далее в меридиональном направлении по колодцам восточнее Бугдайли к Нефтяному бугру (западнее современного Кум-дага), по Балханам к с. Ак-куи. Внутри территории расселения атабайцев и джафарбайцев, у каждого из колодцев, жили несколько родовых подразделений, зачастую находящихся в довольно далеком родстве, о чем свидетельствуют генеалогии иомутов. В прибрежных селениях Гасан-Кули, Чекишляр, на Челекене и в районе Красноводска жили туркмены огурджали, включавшиеся в состав джафарбайцев; севернее Красноводска — туркмены игдыр, ходжа и шиши, а также казахи.

Среди джафарбайцев в районе Б. Балхан и севернее встречались эрсари, потомки тех, которые отстали от своего племени, переселившегося в XVII в. на Амударью. Сейчас они слились с иомутами и ничем не отличаются от них по культуре, однако они до недавнего прошлого помнили свое происхождение и родовую принадлежность. Все это отражено на карте, представленной здесь в двух вариантах: первый — составлен по данным сельскохозяйственных переписей и литературным источникам последней трети XIX в.; второй — по нашим полевым этнографическим материалам 1955, 1958, 1968—1969 гг., причем во всех случаях мы старались получить от информаторов сведения на начало XX в., а если было возможно, то и на более ранний период.

- ¹ А. А. Боголюбов, Ковровые изделия Средней Азии, т. I, СПб., 1908; т. II, СПб., 1909.
- ² «Карта расселения родо-племенных групп туркмен в дореволюционный период», сост. Я. Р. Винников, — «Народы Средней Азии и Казахстана», серия «Народы мира», т. II, М., 1963.
- ³ Ф. А. Михайлов, Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографические очерки, Ашхабад, 1900; К. Бодэ, О туркменских поколениях ямудах и гокланах, — «Записки РГО», кн. II, 1847; Г. С. Карелин, Путешествие по Каспийскому морю; его же, Журнал или дневные записки экспедиции 1836 г. и др., — все в «Записках РГО по общей этнографии», т. X, СПб., 1883; А. Борнс. Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849.
- ⁴ М. Н. Галкин, Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868.
- ⁵ Г. И. Карпов, Этнический состав туркмен, Ашхабад, 1942, (рукопись канд. дисс.).
- ⁶ Материалы по районированию Средней Азии. И. П. Магидович, Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1, Бухара; ч. 2, Хорезм, Ташкент, 1926.
- ⁷ Я. Р. Винников, Карта расселения родо-племенных групп туркмен в дореволюционный период, — «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, М., 1963; его же, Этнографическая карта Туркменской ССР (по данным переписи 1959 г.), — там же.
- ⁸ Я. Р. Винников, Карта дореволюционного родо-племенного расселения туркмен и узбеков Чарджоуской области ТССР, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VI, сер. этнографии, Ашхабад, 1962.
- ⁹ Г. П. Васильева, Расселение родо-племенных групп населения Ташаузской области Туркменской ССР (по историко-этнографическим материалам 1955—1956 гг.), — «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», — Труды ИЭ, новая серия, т. 48, М., 1961.
- ¹⁰ Г. П. Васильева, Схематическая карта расселения туркмен-нохурли и их соседей в конце XIX в., — «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 1, Труды ИЭ, новая серия, т. 21, М., 1954; ее же, Этнографическая карта Дарган-атинского р-на Чарджоуской области ТССР, — «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952.
- ¹¹ Я. Р. Винников, Карта-схема родового расселения туркмен-текинцев Мургабского оазиса Закаспийской области к началу XX в., — «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 1.
- ¹² А. Оразов, Схема расселения прибалханских иомутов в конце XIX — начале XX в., — «Вестник Московского университета», 1961, № 6.
- ¹³ В качестве приложения к кандидатской диссертации К. Нурмухамедова «Этническая история и хозяйство туркменского населения Ахала в XVIII—XIX вв.» (находится в библиотеке МГУ, 1962) имеется карта расселения родо-племенных групп текинцев Ахала. Эта карта нигде не опубликована.
- ¹⁴ Об одной карте уже говорилось (см. сноску 9). Карта национального состава Ташаузской области опубликована там же.
- ¹⁵ Г. П. Васильева, Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969.
- ¹⁶ Расселение туркмен в Прибалханье, т. е. в центральной части Западной Туркмении, показано на упоминавшейся карте-схеме, составленной А. Оразовым (см. сноску 12).
- ¹⁷ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. I, д. 28, л. 199.
- ¹⁸ Там же, ф. 127, оп. 5а, д. 236, лл. 10, 14. Вплоть до установления Советской власти граница между русскими владениями в Средней Азии и Ираном нарушалась туркменами, особенно в засушливые годы или при эпизоотиях.

Г. П. Снесарев

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К «КАРТЕ РАССЕЛЕНИЯ УЗБЕКОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ХОРЕЗМСКОЙ ОБЛАСТИ
(конец XIX — начало XX в.)»

Составить абсолютно точную и детальную карту с границами расселения узбекских родо-племенных подразделений в Хорезме к началу XX в. при существующей степени изученности вопроса трудно. Причина — отсутствие фактического материала.

Качественного материала, необходимого для картографирования, мы не находим в работах исследователей как советского, так и дореволюционного периодов. Не предоставляют их нам и архивы. Лишь для некоторых отдельных частей территории Хорезмской области есть возможность положить на карту населявшие их в XIX — начале XX в. родо-племенные группы узбеков. Для севера оазиса это уже было проделано К. Л. Задыхиной, а для юга, отчасти, М. В. Сазоновой (по собранным ими полевым материалам).

Дореволюционные авторы без существенных оговорок писали, что северная часть Хорезмского оазиса — территория, почти исключительно заселенная узбеками позднего дештикипчакского происхождения, а южная — почти исключительно сартами, т. е. той группой, которая не имела родо-племенных делений. Как показали позднейшие исследования, расселение оказалось значительно сложнее.

Выяснение подлинной картины расселения в прошлом разных групп узбеков на территории Хорезмской области требует сплошного этнографического обследования, как это было сделано для других мест Узбекистана.

Предлагаемую нами карту расселения узбекских групп на территории Хорезма следует рассматривать как сугубо предварительное обобщение различных по своей значимости данных, полученных из разных источников. Она является как бы канвой для дальнейшего насыщения карты расселения сведениями о более мелких группах, более дробных делениях и границах их обитания.

Источники, из которых мы извлекаем нужные нам материалы, включая, не одинаковы по своему значению и большей частью не дают нам чего-то цельного, факты приходится извлекать буквально по крупницам. Если состав узбекских племен по Хорезму можно представить еще довольно четко, то привязать то или иное родо-племенное подразделение к местности, т. е. непосредственно картографировать, крайне сложно.

Источники, из которых мы извлекаем нужные нам материалы, включают в себя дневники, записки, путевые очерки русских путешественников, военных, представителей администрации, в разное время побывавших в Хорезме в период ханского владычества.

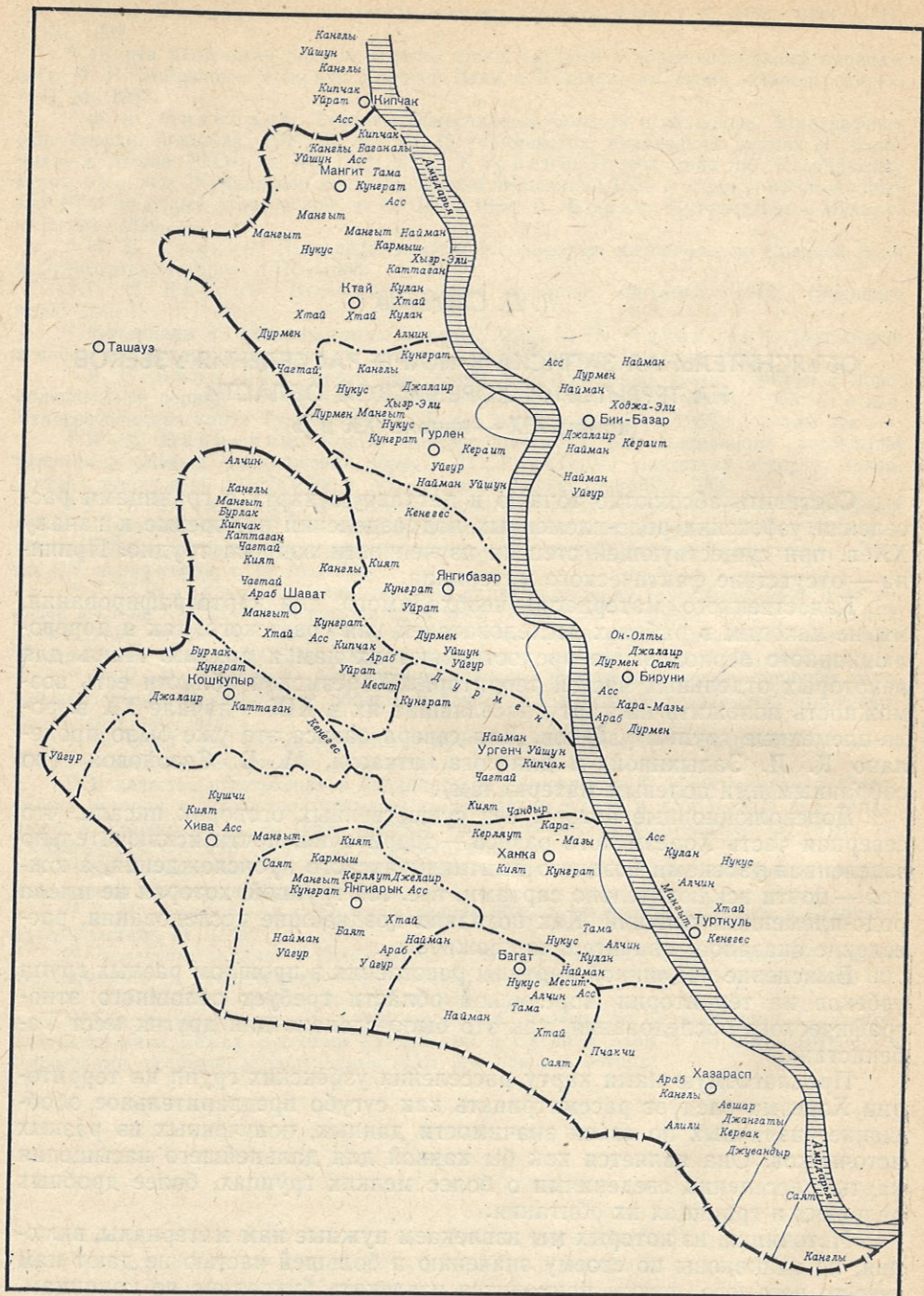

Рис. 1. Расселение узбеков Хорезма в XIX — начале XX в.
(составитель Г. П. Снесарев)

Например, Гладышев и Муравин¹, оперируя преимущественно термином «аральцы» в отношении северных узбеков Хорезма, дают лишь примерную зону их расселения и южную ее границу. Упомянув о 32 родах хорезмских узбеков, объединенных в четыре тубе, они называют лишь четыре крупных племени — мангит, кунграт, кипчак и ходжаэли. Еще меньше полезного для картографирования можно извлечь из записок Муравьева²; он сообщает лишь известные данные о существовании четырех отделов племен (парных). Каульбарс³ очень кратко говорит о местах, где располагаются узбеки дельты — «аральцы», как он их именует, и не вдаётся в детали родо-племенного деления. В отношении же узбеков центральных районов ханства интересна его ссылка на данные Абульгази о том, что в районе башни Хаст проживали так называемые черные уйгуры. Об уйгурах как племени, восстание которых было подавлено ханами, упоминает и Килевейн⁴; в остальном он придерживается лишь традиционного деления обитателей этого района на сартов и узбеков.

Данилевский⁵ среди основного населения выделяет лишь три группы: сартов, узбеков и узбеков-аральцев и при своем описании различных мест ханства оперирует этими названиями, не вдаваясь в подробности родо-племенного деления. Приводимые Данилевским названия каналов и их ответвлений представляют интерес для картографирования, так как отражают родо-племенные этнонимы — каналы Хитай, Тами (племя тама), Мастет (племя месит), Найман, Саят в системе Газавата; Нукус, Югур (уйгур) в системе Клыч-Нияз-бая, а также родо-племенные названия населенных пунктов (Кенегес, Ктай, Найман и др.).

Среди дореволюционных авторов хочется особо выделить А. А. Куна⁶. Следуя за Куном, совершившим поездку по ханству, можно извлечь много полезного из его путевых дневников. Он пишет об узбекских племенах кипчак, канглы, нукус, ходжаэли, кенегес, уйрат, чага-тай. Несмотря на то, что данные Куна более обстоятельны, чем данные других авторов, они не дают точной привязки того или иного узбекского рода или племени к местности. М. В. Сазонова, работавшая над архивом Куна в Институте востоковедения, любезно предоставила нам свои выписки из этих материалов, касающиеся в основном Хазараспского и Ханкинского районов. В этих материалах очень подробно перечислены административные единицы (мечеткоумы), но, к сожалению, родо-племенной принадлежности узбеков Кун в них не касается.

В целом данные о родо-племенных группах узбеков Хорезма и о их расселении, содержащиеся в дореволюционной литературе, не имеют для нас самостоятельного значения и могут быть использованы лишь в совокупности и сопоставлении с данными других источников.

В материалах хивинских хроник (в доступной для нас части, опубликованной на русском языке⁷) и хивинских архивов, систематизированных, в частности, в работах П. П. Иванова⁸, о размещении племен и родов узбеков можно узнать лишь косвенным путем весьма предположительно и только в тех случаях, когда в излагаемых событиях замешаны те или иные племена или сообщаются имена племенных начальников.

Правда, материалы этих источников позволяют довольно ясно представить себе племенной состав хорезмских узбеков. Этому помогает существовавшая у этих народов традиция прибавлять к имени того или иного лица этноним, обозначающий его племенную принадлежность. Суммировав только эти данные, удалось установить, что в составе хорезмских узбеков имелись следующие деления:

дурмен	джалаир	мангит	уйгур
найман	нукус	кенегес	кунграт
минг	уйрат	кыят	асс
уйшун	мугол	тама	юз

Картографический материал также очень ценен в этом отношении. Ценность его заключается в том, что не только отдельные урочища, но и населенные пункты, и особенно крупные и мелкие каналы, очень часто имеют этнонимические названия. Конечно, этот материал приходится очень тщательно исследовать — сопоставлять материалы различных карт, а также сличать с текстовым материалом тех же хроник и архивов. Приведу пример: имелись лишь приблизительные сведения о составе населения Бешарыка (Багатский район); карта Лобачевского 1905 г. показала, что именно здесь имеются селения, носящие племенные названия Нукус, Найман, Массуд (т. е. месит); материалы современных карт подтвердили эти данные и дополнили их [селения Аз (Асс), Кулан, каналы Тама, Хтай]. Окончательно бывший племенной состав населения этого участка был проверен при выезде сюда в 1968 г.

Архивные материалы советского периода на местах (г. Ургенч) не дают ничего существенного, так как по изучаемому нами периоду в них имеются только немногие разрозненные списки, в которых данных о племенном составе не обнаружено.

Наиболее основательным источником получения сведений явились материалы полевых экспедиционных исследований, проведенных после революции. Уже в первые годы Советской власти начались работы по детальному изучению состава населения Средней Азии, необходимые для экономического районирования и национально-государственного строительства.

Среди этих работ прежде всего большое значение имеет работа И. Магидовича⁹, подытожившего результаты обследования, проведенного в 1924 г., в период подготовки районирования. До сих пор эта работа остается наиболее полным собранием сведений о хорезмских узбеках и их родо-племенном делении.

Однако и материалы Магидовича требуют уточнений, так как, во-первых, нахождение тех или иных племен на местности дается им все же весьма приблизительно, не по точным географическим ориентирам, а по участкам, тяготеющим к тому или иному административному центру, а, во-вторых, в его перечне отсутствуют некоторые родо-племенные подразделения и их локальные ответвления, выявленные более поздними полевыми работами.

Результатом полевых историко-этнографических исследований является работа К. Л. Задыхиной¹⁰, которая помогла нам ориентироваться в составе хорезмских узбеков в целом, однако непосредственно для нашей карты ее данные использованы частично, так как основная группа узбеков (кунграт), представленная на составленной ею карте, выходит за пределы нашей карты.

В опубликованной работе М. В. Сазоновой¹¹ о южнохорезмских узбеках имеется схематическая карта Ханкинского района, на которой нанесено расселение сартов и узбеков, без указания, однако, родо-племенной принадлежности последних.

В нашем распоряжении были также некоторые выписки из полевых записей М. В. Сазоновой. В большинстве своем — это опросы одиночных лиц об их родо-племенной принадлежности. На этом основании трудно судить о расселении племен и родов, но в ряде случаев эти данные подтверждают материал других источников о локализации тех или иных родо-племенных групп на юге оазиса.

Довольно значительный материал о составе хорезмских узбеков и

об истории их расселения содержится в полевых записях автора этой статьи. Узбекский отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, с которым автор выезжал на полевые работы начиная с 1955 г., не ставил перед собой задачи сбора материалов о родо-племенном составе и расселении узбеков, так как интересы и автора и других сотрудников отряда лежали совсем в иной плоскости. Тем не менее многочисленные маршруты, совершенные автором по оазису, позволили собрать значительный материал, который вместе с данными И. Магидовича лег в основу нашей карты.

К сожалению, и после этих работ на карте района осталось довольно много белых пятен. К таким малоизученным местам оазиса относится часть окрестностей Хазараспа, южные окрестности Хивы, самый центр области на стыке Ургенчского, Хивинского и Янги-Арыкского районов (по новому районированию); окрестности Янги-Базара и некоторые другие участки.

За основу картографирования была взята территория Хорезмской области, однако в ряде случаев мы вышли за ее пределы, захватив некоторые соседние области Каракалпакской АССР (часть побережья Амударьи, а также район Кипчака и Мангита).

Родо-племенной состав хорезмских узбеков. Суммируя материалы наших источников, мы имеем следующий перечень родо-племенных подразделений хорезмских узбеков:

1. авшар	20. канглы	39. он олты
2. алили	21. кипчак	40. пчакчи
3. асс	22. кенегес	41. пешкаклы
4. алчин	23. кушчи	42. саяпыр
5. аджюли	24. кара мазы	43. сюрюм
6. араб	25. карвак	44. саят
7. бакай	26. катаган	45. таз
8. бурлак	27. кармыш	46. тама
9. байрачи	28. кулан	47. уйгур
10. баймак	29. кераит	48. уйшун
11. баганалы	30. керляут	49. уйрат
12. балгалы	31. карашапак	50. урманчи
13. баят	32. курбанак	51. ходжаэли
14. дурмен	33. мангит	52. хтай
15. джалаир	34. муйтен	53. хизрэли
16. джетти кара	35. мисит	54. чагатай
17. иргаклы	36. нугай	55. чандыр
18. кунграт	37. найман	56. юз
19. кият	38. нукус	

В связи с данным перечнем необходимо сделать несколько замечаний.

Во-первых, в него не вошла одна из самых интересных по своему этногенезу группа хорезмских узбеков — группа сарт¹². В эту группу входило большинство исконного населения южной части оазиса, не знавшее родо-племенных делений (по этой причине они и не фигурируют в перечне). На карте мы имеем возможность лишь выделить весьма обширную зону преимущественного распространения сартов (см. карту 2, зона огузского наречия).

Во-вторых, в перечне в равной степени фигурируют названия и крупных, широко известных узбекских племен и более мелких подразделений. В силу ряда причин (даже среди старшего поколения трудно найти сейчас людей, помнящих мелкие родо-племенные подразделения)

установить четкую структуру и соподчиненность племен и их подразделений для Хорезма нам не удалось.

В-третьих, не все из указанных в перечне групп могут быть с полной уверенностью отнесены к родо-племенным подразделениям; некоторые названия могут принадлежать чисто локальным группам населения. В-четвертых, отсутствие необходимых данных не позволило нам в связи с составом хорезмских узбеков коснуться вопроса о их численности по родо-племенным подразделениям.

И, наконец, в-пятых, не все подразделения помещены на карту. Основным критерием для включения той или иной группы в перечень родо-племенных подразделений было наличие аналогичных названий в составе узбеков других мест, а также у соседних родственных народов.

В результате сравнения состава хорезмских узбеков с составом узбеков других районов Узбекистана выясняется, что далеко не все из широко известных племен и их подразделений представлены в Хорезмском оазисе. Некоторые вообще не имели здесь компактного расселения и существенного значения. Таковы группы — локай, барлас, карлук, туман, ички, кырк, юз и минг. Возможно, что особенность состава хорезмских узбеков сказалась на своеобразии материальной и духовной культуры, присущей узбекскому населению Хорезма.

Основа для карты и этнолингвистические параллели. В качестве основы для картографирования расселения узбекских племен на территории дореволюционного Хорезма нас привлекла карта хотя крайне схематичная и дающая возможность лишь приблизительно ориентироваться на местности, но зато обладающая ценным качеством — способностью наглядно показать, что может дать картографирование родо-племенного расселения в сочетании с картографированием диалектологическим.

В 1967 г. из печати вышла монография Фаттаха Абдуллаева «Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кипчакского наречий узбекского языка» (Ташкент). Эта работа обобщила полевые лингвистические материалы исследований автора, собранные им на территории Хорезмской области. На основе исследований Ф. Абдуллаев составил диалектологическую карту, явившуюся отправной точкой, с которой мы начали этнографическое картографирование.

Ф. Абдуллаев на карте Хорезмской области (с захватом небольшой части Каракалпакии на севере) выделяет две основные языковые зоны: северную — соответствующую кипчакскому наречию хорезмско-узбекского языка, и южную — соответствующую огузскому его наречию. В пределах зон автором отмечены территории смешанных говоров — кипчакско-огузских и огузо-кипчакских, а также выделены особые говоры одного и того же наречия (см. карту 2).

Как и многие языковеды, Ф. Абдуллаев не делает каких-либо попыток сопоставить языковые градации с родо-племенным делением. Однако при внимательном знакомстве с его диалектологической картой мы убедились в том, что собранные нами данные о расселении узбекских родо-племенных групп в ряде случаев поразительно соответствуют локализации на карте Ф. Абдуллаева тех или иных наречий и говоров хорезмских узбеков.

Попробуем в общих чертах рассмотреть диалектологическую карту Ф. Абдуллаева, чтобы определить, что именно обращает на себя внимание в аспекте совпадения языковых и родо-племенных данных.

Это прежде всего зона распространения огузского наречия — территория, которая, по нашим данным, действительно была заселена главным образом «сартами» (позднее носившими локальные наименования

«ханкалы», «хивалы» и др.), или узбеками, не помнившими родовых делений.

Особенно целостна в этом отношении территория, примыкающая к Хиве, где Абдуллаев не выделяет почти никаких говоров кипчакского наречия. Нам также почти не удалось обнаружить на этой территории следов обитания родо-племенных групп. Исключение составляет лишь небольшая группа киятов, живущих севернее Хивы, которая на карте Абдуллаева не выделяется. Он считает, что в языковом отношении она утратила особенности кипчакского наречия под влиянием огузского языкового окружения.

Обращает на себя внимание и то, что по северной границе зоны огузского наречия (севернее Ургенча) на карте Ф. Абдуллаева тянется полоса, заселенная узбеками со смешанными кипчакско-огузскими говорами (преобладают кипчакские элементы). По нашим данным, именно здесь, начиная с прибрежной полосы восточнее Ургенча и далее вдоль границы зоны, жили кипчаки, уйшуны, уйгуры и дурмены, некогда переселившиеся с севера и смешавшиеся с сартами.

Далее, в Кош-Купырском районе, вдоль его северо-восточной границы с Шаватским и Ургенчским районами, Ф. Абдуллаев выделяет население со смешанным кипчакско-огузским говором и с кипчакским наречием особого «экающего» говора. Именно здесь, по нашим данным, проживали катаганы и кенегесы.

Интересен также большой массив населения со смешанным кипчакско-огузским говором, проживавшего в центре южной части оазиса на границе Янгиарыкского, Ханкинского, Багатского и Хазараспского районов. К сожалению, и здесь Абдуллаев никак не стремится связать его с родо-племенным делением. Наши данные, с этой точки зрения, вносят более дробные и определенные градации в этот массив: в этой местности (ее старое название — Бешарык) жили найманы, нукусы, кунграды, тама, ассы, куланы и несколько к югу — хтаи, т. е. носители кипчакского наречия (различных говоров), также переселившиеся в зону сартского населения.

Весьма показательно на этой карте то, что в самом юго-восточном углу оазиса (район Питняка) очень четко в языковом отношении были разграничены канглы с кипчакским наречием и саяты — с огузским.

Далее, на этой же карте к северо-западу от Хивы Абдуллаев выделяет изолированный островок населения с кипчакско-огузским говором. Нами установлено, что это — место довольно позднего расселения уйгуров, выселенных в свое время с их исконных земель к северу от Ургенча, т. е. с границы двух зон — кипчакского и огузского наречий.

К северо-западу от Шавата Абдуллаевым выделено население с «экающим» говором кипчакского наречия. По нашим данным, среди этого населения было много вкраплений: канглы, алчин, мангит, бурлак, кипчак, катаган и др. Пока трудно сказать, кто из них определил особенность отмеченного здесь Ф. Абдуллаевым говора.

Обращает на себя внимание и зона (северная) сплошного населения с кипчакским наречием (за исключением прибрежной полосы), которая также является весьма показательной. Здесь проживали представители почти всех основных узбекских племен, после переселения из Дешти-Кипчака постепенно передвигавшихся по территории оазиса с севера на юг.

Представляя карту «Расселение хорезмских узбеков конца XIX — начала XX в.» (см. карту 1), составленную на основании добытых материалов, мы не видим необходимости в расшифровке ее легенды. Весь материал можно выявить при непосредственном обозрении карты. Что касается сартов и тех узбеков, которые на юге уже давно утратили

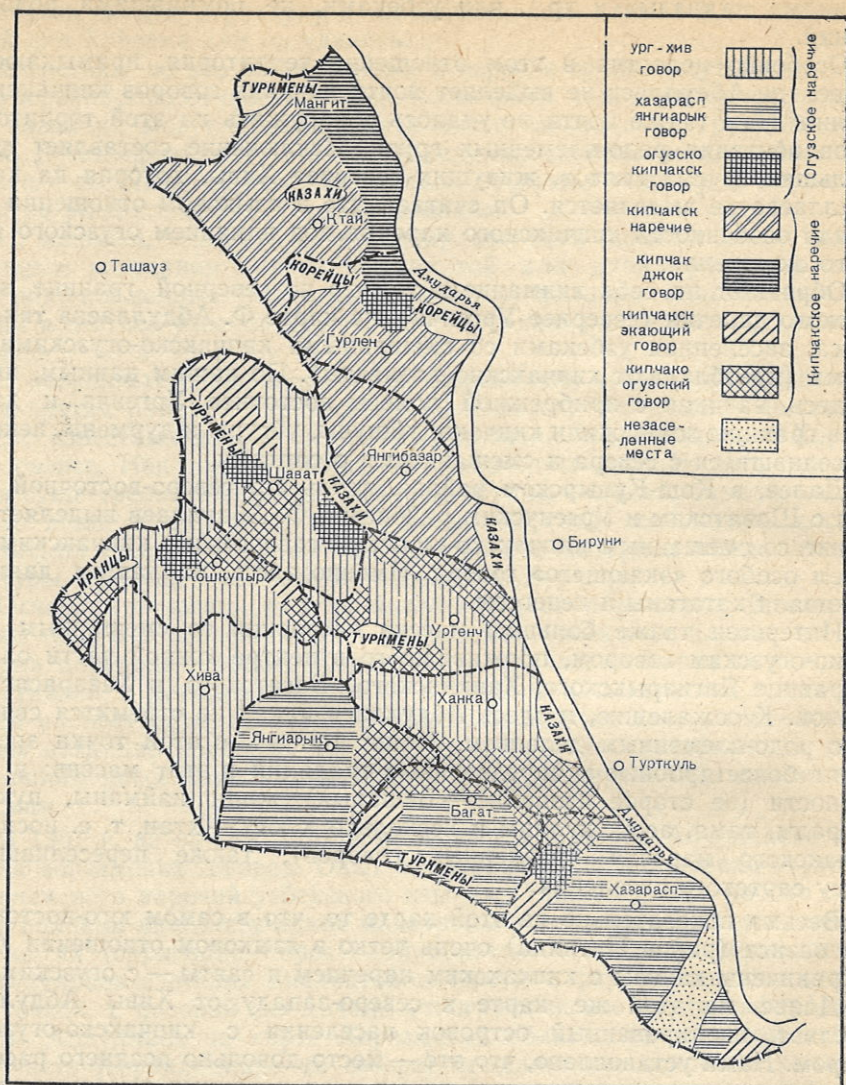

Рис. 2. Наречия и говоры узбеков Хорезма
(составитель Ф. Абдуллаев)

всякое представление о своей родо-племенной принадлежности, то всю зону их распространения мы отмечаем в целом, намечая ее границы, совпадающие с границами зоны огузского наречия.

Расселение хорезмских узбеков в связи с некоторыми моментами их этнической истории. Исторические сведения о заселении территории Хорезма десятикипчакскими узбеками крайне скудны. Абулгази даже не упоминает названий племен, которые в XVI в. переселились в Хорезм вместе с внуками Ядигера — Ильбарсом и Бильбарсом. Столь же ничтожны сведения об их дальнейших судьбах; об этом, а также о путях расселения этих племен на территории оазиса можно судить лишь по косвенным свидетельствам. Однако совершенно очевидно, что при освоении оазиса эти племена держались направления с северо-запада на юго-восток, от района Куны-Ургенча — Вазира, где впервые обосновались чингизиды, призванные из Дешти-Кипчака. Вряд ли слу-

чайно, что северо-запад — это зона преимущественного расселения узбекских племен дештикипчакского происхождения, что видно даже на карте Ф. Абдуллаева (см. карту 2), хотя она не охватывает самых северных районов Хорезма.

Уйгур и найман. Только об этих двух племенах можно с уверенностью сказать, что они, еще на своей родине являясь опорой дома Ядигера¹³, пришли в Хорезм с султанами, его внуками, и в течение XVI столетия занимали привилегированное положение при дворах хорезмских правителей. С конца XVI в. уйгуры и найманы теряют былое значение¹⁴. Видимо, это связано с целой серией восстаний и заговоров, происходивших еще при Ходжи-Мухаммед-хане и особенно усилившихся после правления Араб-Мухаммед-хана, в которых уйгуры и найманы выступают как главная сила. Неудачи этих восстаний заканчиваются полным разгромом этих племен при Исфендиар-хане¹⁵.

К этим фактам истории Хорезма мы обратились потому, что они объясняют крайнюю раздробленность и разбросанность уйгуров и найманов по территории оазиса; это явно бросается в глаза при первом же знакомстве с нашей картой расселения.

Потомков найманов мы встречали в Куня-Ургенче, в Ходжейли и южнее — на территории туркменов, в окрестностях Гурлена, Бий-Базара, Бируни, в районе Ургенча, вплоть до Багата, где они образовали довольно значительный массив. Уйгуры жили в Куня-Ургенче и севернее Ургенча, где, видимо, были расположены земли их древнейшего расселения; уже в качестве уйгуров-биватан (т. е. отколовшихся, высланных) они поселились в Ташаузе, северо-западнее Хивы, южнее Янгиарыка и небольшими вкраплениями около Гурлена, а также в районе Бируни.

Дурмены. К племенам, пришедшим в Хорезм вместе с Ильбарсом и Бильбарсом, несомненно принадлежали и дурмены. Уже позднее, вероятно при Ходжи-Мухаммед-хане, дурмены были поселены к северу и северо-западу от Ургенча на землях, ранее принадлежавших уйгурам, высланным с этих мест в результате репрессий хивинских властей. Потомки дурменов, теперь ничем не отличающиеся от окружающих их исконных земледельцев, и поныне проживают в этом районе вдоль канала, носящего их племенное название.

Мангиты. Их расселение также отражает судьбу племени, некогда отколовшегося от одного из известнейших племенных союзов Дешти-Кипчака и позднее обитавшего на р. Эмбе и на Мангышлаке. Отсюда, теснимые калмыками, они проникли в Хорезм, и вероятно, уже после других племен. Обосновавшись в дельте на протоке Карабайли, где они имели свою крепость, мангиты в 90-х годах XVII в., после неудачных попыток отложиться от Хивы, были переселены оттуда и образовали довольно плотный массив в районе современного Мангита. Более мелкие ответвления этого племени жили в окрестностях Янгиарыка, Ханки и Питняка.

Нукус. Это племя, близкое мангитам и ранее проживавшее в непосредственном соседстве с ними на Карабайли, разделило судьбу мангитов. Оно было переселено в район Гурлена (а частично, видимо, тогда же в Бешарык). Нигде в Средней Азии, кроме Хорезма, нукусы не имели самостоятельного значения.

Тама и мисит. Эти племена известны как компоненты тройственного союза — уч-уру¹⁶. В местах позднейшего расселения (район Кипчака, а также Багата) эти племена появились в 20-х годах XVIII в., после насильственного переселения их из центра дельты, о чем имеются исторические свидетельства. Тама и мисит имеют в языке и обычаях немало поздних дештикипчакских черт; можно предполагать, что

они тоже появились в Хорезме после переселения сюда султанов Беркидов в XVI в.

Кулан. Это племя не упоминается ни дореволюционными, ни советскими авторами, за исключением Вамбери, несколько исказившего их племенное название. По косвенному свидетельству Баяни, они мельком упоминаются в хивинских хрониках; можно предположить, что в дельте они проживали вместе с тама¹⁷.

Топонимика помогла нам обнаружить кишлаки куланов в районе Багата, где они были расселены также по соседству с тама.

Алчин. Алчин также не упоминают авторы, писавшие о составе хорезмских узбеков, кроме того же Вамбери; их потомки были обнаружены нами в районе Ханки и на противоположном берегу около Турткуля. Жили алчины и в районе Ташауза. Учитывая близость алчинов к тама и куланам, можно предполагать, что они тоже более поздние обитатели оазиса и расселение их шло с севера на юг.

Если перечисленные нами племена (равно как и некоторые другие более мелкие подразделения нашего перечня) по всем данным появились в Хорезме одновременно с переселением сюда дештикипчакских султанов в XVI в. или в более позднее время, то этого нельзя с полной уверенностью сказать о тех племенах, о которых пойдет речь ниже.

Кунграт. Сказанное выше прежде всего можно отнести к кунгратам, имея в виду известное высказывание Рашид-ад-дина о том, что эти племена еще на рубеже XIII—XIV вв. проживали вблизи Хорезма. Не касаясь истории этого племени на его территории¹⁸, отметим лишь, что наибольшей компактности расселение кунгратов достигало в дельте, вблизи одноименного центра (уже вне пределов нашей карты). Временное или постоянное расселение их в других местах (вблизи Ургенча, Янгиарыка, Багата, Ханки) было связано либо со стремлением хивинских ханов иметь политическую опору в их лице (последняя династия вышла из числа кунгратов), либо с более поздними репрессивными мерами, направленными к ликвидации мятежных очагов соплеменников в дельте.

Кият. Исторические судьбы киятов на территории Хорезма неразрывно связаны с кунгратами, вместе с которыми с очень ранних времен они составляли парный союз¹⁹. Это отразилось на их расселении — и в дельте, и в местах более позднего освоения кияты неизменно сопутствуют кунгратам.

Кипчак и канглы. С еще большей степенью достоверности, чем в отношении кунграт, можно предполагать давнее проникновение кипчак и канглы в Хорезм. Это может относиться если не ко всему племени, то к какой-то его части. Заключение А. А. Семенова о заселении узбеками Мавераннахра²⁰ применимо и к Хорезму. Исторических свидетельств о том, что уже в хорезмшахский период, начиная с XI в., кипчаки и канглы играли заметную роль в жизни Хорезма, немало. В отношении канглы, которые рассматриваются как одно из подразделений в составе кипчаков, такие свидетельства особенно определены. Мы имеем в виду сведения, приводимые Абульгази, о переселении в Хорезм при султани Мухаммеде 60 тыс. хозяйств канглы²¹.

Проследить какое-либо отражение истории в расселении этих племен трудно. На рубеже нашего столетия они жили разбросанно. Старые места в дельте были ими покинуты, а повсюду, где мы находили их селения (особенно в районе Кипчака), парность и соседство этих племен (за исключением мелких ответвлений) прослеживается четко.

К сказанному добавим лишь, что о канглы в районе Хазараспа

имеются любопытные предания, утверждающие, что их предки пришли в этот район «очень давно из Ферганы».

Хтаи. Почти такие же предположения можно высказать и в отношении хтаев, генетическая близость которых киданям (кара-китайцам) не вызывает сомнения. Потомками последних, возможно, следует считать какую-то часть хорезмских хтаев, учитывая, что кара-китайцы нередко вторгались на территорию государства хорезмшахов и частично находились у них на службе²². Любопытно предание, рассказывающее об этом. В нем говорится, что богатские хтаи «переселились сюда во времена Чингиза». Любопытен также и сохранившийся за ними этноним «кара-хтай».

Джалаир и чагатай. Эти племена несомненно появились в Хорезме уже давно. Имеются определенные свидетельства о том, что часть джалаиров и чагатаев была переселена сюда с юга во времена Тимура²³.

Асс. Название «асс» часто встречается в Хорезме и как топоним и как этноним, однако, пока трудно решить, с каким именно периодом активности этой хорошо известной этнографической группы связаны указанные названия²⁴.

Об исторических судьбах на территории Хорезма многих других родо-племенных подразделений узбеков, к сожалению, ничего определенного пока сказать нельзя. Видимо, многие из них не играли здесь самостоятельной роли и входили в состав других более крупных племен. Возможно, что часть их (подразделения уйшун, уйрат, баймак, балгалы, пешкаклы, урманчи и ряд более мелких осколочных групп) принадлежала к группе он торт уру, состав которой до сих пор не совсем ясен.

* * *

В составе хорезмских узбеков имеется особая группа родо-племенных подразделений, на которой необходимо остановиться несколько подробнее. Мы имеем в виду подразделения: хизрэли, саят, баят, алаулик, чандыр, алили, а также некоторые другие племена, которым не было еще уделено должного внимания. Исследователи предполагают, что все эти племена в своей основе туркмены, подвергшиеся узбекизации. Наши информаторы в Хорезме также утверждали, что такие подразделения, как хизрэли, баят и другие, — «асли туркмен», т. е. в основе туркмены, ссылаясь при этом на некоторые их языковые особенности.

По-видимому, нельзя ограничиваться только констатацией того, что описанные выше подразделения подверглись узбекизации, очевидно, она была лишь последним завершающим этапом в процессе их этнической истории, которая нам представляется значительно более сложной и восходящей к более ранним этапам сложения населения Хорезма. Достаточно вспомнить, что подразделение баят входило в состав огузов и что чандыры — это позднее искажение названия чаудоров, т. е. огузского подразделения джуалдар (Махмуда Кашгарского), джаулдур (Рашид-ад-дина).

Вернемся снова к диалектологической карте Ф. Абдуллаева.

В Южном Хорезме Ф. Абдуллаев выделил весьма обширную область господства огузского наречия. Переводя на наши категории картографирования — это территория, издавна заселенная сартами, т. е. населением, образовавшимся на ранних этапах смешения тюркоязычных пришельцев с аборигенным оседлым населением края. Последние теряли свой исконный язык, а пришельцы, оседая, утрачивали родо-племенную специфику и подвергались влиянию местной культуры — материальной и духовной. Процесс тюркизации — явление дав-

нее, особенно интенсивно он, очевидно, происходил в период огузской экспансии. Приоритет огузских языковых особенностей в Южном Хорезме вряд ли случаен.

На плотно фоне огузского наречия в Южном Хорезме Ф. Абдуллаев выделяет две зоны особых его говоров: ургенчско-хивинского и хазараспско-янгиарьковского. Первый говор распространен в Ургенчском, Хивинском, Шаватском и Ханкинском районах, второй — в Хазараспском, Багатском и Янгиарьковском районах (административные деления времени составления диалектологической карты). К сожалению, Ф. Абдуллаев не пытается ставить вопрос о происхождении этих двух различных говоров огузского наречия, что было бы крайне важно.

Обращает на себя внимание зона хазараспско-янгиарьковского говора огузского наречия, которая, начинаясь от восточных окрестностей Хивы, тянется на юго-восток, имея на севере примерной границей канал Палван-яб; в крайнем юго-восточном углу оазиса она захватывает все окрестности Хазараспа, включая часть Питнякской луки.

Если мы отвлечемся от всех позднейших кипчакских, т. е. северохорезмских, племенных вкраплений в этой зоне, то обнаружим, что именно в ней были сосредоточены те племенные подразделения, которые мы условно называем «туркменскими», хотя алаулик и чандыры (чандыр-кият) выходили на севере за пределы зоны, но не отделялись от нее намного²⁵. На западе зоны мы обнаружили потомков саятов, к северу от Янгиарька — кармышей в двух вариантах (кармыш и кармыш-биватан); к югу от Янгиарька — баятов; далее на восток — еще одну маленькую группу саятов; в окрестностях Хазараспа — алилинцев и группу пчакчи (о ней подробнее мы скажем ниже) и, наконец, на крайнем юго-востоке — вновь саятов, вместе с пока неясным для нас подразделением саяпыр.

Кроме того, в этой зоне мы обнаружили селения, урочища и каналы (особенно компактно размещенные в окрестностях Хазараспа), топонимика которых нам кажется весьма примечательной — Теген, Авшар, Джувандыр, Джангаты, Караджа, Кервек. На них мы остановимся особо.

Интересно выяснить, какова же история упоминавшихся выше «туркменских» групп? Напрашивается как будто вполне логичный ответ: указанные группы — осколки туркменских племен, обузбеченных в свое время. Действительно, южная окраина ханства, районы Янгиарька и Багата были местом, где периодически селились туркменские племена. В 60-х годах XVIII в. там жили иомуты, а в конце столетия, недолго — текинцы. В начале XIX в., возможно до 50-х годов, к востоку от Янгиарька обитали имрелинцы. Однако трудно предположить, что баяты, саяты, кармыши и др. — остатки этих туркменских поселенцев. В составе иомутов, теке и имрели таких подразделений нет, и автор диалектологической карты ничем не выделяет их из общей массы носителей хазараспско-янгиарьковского говора, т. е. сартов.

Некоторые интересующие нас подразделения несомненно являются потомками тех групп, которые откололись от собственно туркменских племен и их союзов. К последним принадлежат хизрэлинцы, жившие в основном около Гурлена и Ургенча²⁶. Ф. Абдуллаев на своей карте выделяет место их проживания около Гурлена как очаг особого огузско-кипчакского говора с приоритетом огузских элементов. Если на той же карте мы обратимся к западным окрестностям Хазараспа, то обнаружим аналогичный очаг того же говора. Здесь, по нашим данным, проживает группа пчакчи, известная как подразделение хизрэлинцев. Возможно, часть пчакчи откололась от хизрэлинцев во время их передвижения на юго-восток, в пределы Бухары.

Поздними насельниками, возможно, являются и чандыры, обособившиеся около Ургенча (чандыр-кият). Вероятно, они передвинулись на юг вместе с киятами, с которыми они тесно спаяны. То же следует сказать и о группе алаулик, жившей в центре южного Хорезма (юго-западнее Ургенча).

Непосредственно вблизи Хазараспа жила еще группа алили. Естественнее всего предположить, что хазараспские алилинцы — осколок племени, которое по Абульгази дислоцировалось на Узбое, а позднее частично переселилось в Хорезм и несомненно передвинулось по тому же пути, что и баяты, саяты, кармыши, т. е. на среднюю Амударью, где их потомки были обнаружены Я. Р. Винниковым. Интересно, что среди них живут предания о переселении из Хорезма²⁷. Правда, никто из специально опрошенных информаторов не смог назвать хотя бы какие-нибудь черты, которые сближали бы хазараспских алилинцев с туркменами. Судя по данным Ф. Абдуллаева, в языковом отношении они не отличались от сартов.

Труднее решить вопрос о баятах южных окрестностей Янгиарыка. Хорезмские баяты упоминаются у Абульгази как чисто туркменский род (в 1593 г. Абдулла-хан бухарский отдал во владение ургенцским туркменам из рода баят городок Кят²⁸). Действительно, некоторые информаторы говорят, что язык баятов «больше напоминает туркменский»; исследовавший же население этих мест, южнее Янгиарыка (район Астаны), Ф. Абдуллаев ничем не выделяет баятов в языковом отношении из основной массы сартов. Можно высказать предположение, что предки какой-то части хорезмских баятов в составе узбеков (точнее, сартов) восходят к одноименному огузскому племени, вложившему свою лепту в тюркизацию аборигенов оазиса. Характерно расселение баятов от Хорезма до Средней Амударьи; островки, населенные этим племенем, могли некогда образоваться при передвижении баятов-огузов в Хорасан, где в XIII—XIV вв. находилась их основная масса.

Интересно, что на этой же трассе (от пределов Хивы, через Хазарасп, Питняк вверх по Амударье вплоть до границ Хорасана) обнаружены следы обитания саятов либо в виде сообщений стариков о былой принадлежности к ним, либо в связанных с ними топонимах. Саяты несомненно сыграли значительную роль в этногенезе узбекского населения оазиса и, видимо, на довольно ранних его этапах, так как ни информаторы, ни диалектологи абсолютно ничем не выделяют саятов из сартовского населения. Все группы саятов — янги-арыкская, хазараспская, питнякская — говорят на хазараспско-янгиарыкском говоре огузского наречия. Невыясненной остается лишь небольшая группа саятов дельты, выявленная К. Л. Задыхиной.

Еще более интересно подразделение кармыш, представители которого живут к северу от Янгиарыка. Никем из исследователей Хорезма оно не было зарегистрировано как самостоятельное подразделение. Кармыши Хорезма ничем не отличаются от окружающих сартов, за исключением некоторых особенностей языка, на которые обращают внимание информаторы, говоря при этом, что кармыши — «асли туркман», т. е. в своей основе туркмены. Ф. Абдуллаев опять не выделяет их на своей карте из окружающих носителей хазараспско-янгиарыкского говора огузского наречия. Местами информаторы называют их «чаудор-кармыш», что весьма важно для выяснения генезиса этого подразделения.

Б. Х. Кармышева, обнаружившая подразделение кармыш у узбеков-локайцев, сообщает о существовании аналогичного подразделения у киргизов-кипчаков и казахов-кипчаков²⁹. Связь кармышей с кипчаками примечательна, она отнюдь не противоречит нашему предполо-

жению об огузско-туркменской первооснове этого подразделения, имея в виду древние огузско-кипчакские исторические связи.

Обратим внимание еще на одно место у Абульгази, где он пишет «о девушках, которые были беками в огузском иле». Отцом одной из них — Барчин-Салор — он называет Кармыш-бея. Перечисление имен отцов других девушек в том же тексте пестрит родо-племенными названиями: салор, кайы, чавулдур, каркын, кынык³⁰. На этом основании можно предположить, что и имя Кармыш фигурирует как родо-племенное название. На Средней Амударье известно селение Кармыш, где проживают салоры, не знавшие родовых делений, однако, как самостоятельное родо-племенное подразделение кармыш здесь не зафиксированы.

Помимо отмеченных нами «туркменских» племен, интересующая нас зона хазараспско-ургенчского говора огузского наречия богата отдельными группами населения, в родо-племенном характере этнонимов которых мы не уверены, правда, с этими этнонимами связаны топонимы, представляющие для нас исключительный интерес для выяснения вопроса о генезисе сартовского населения данной зоны. Запад зоны беднее такими топонимами, здесь нас заинтересовала лишь местность Мультаг, население которой по некоторым информциям «близко туркменам». Там же имеется урочище и селение Теген. Это название встречается в Южном Хорезме и самостоятельно, и с приставкой «хас» (Хастиян — Хастеген)³¹.

Топонимика Южного Хорезма пестрит термином хас, здесь разбросаны селения с весьма древними названиями (некоторые из них были известны, например, Макдиси): Наухас, Пирнаухас, Зенонхас, Найзахас, Садирхас, Чорхас и др. Селение Теген также входит в зону местного говора огузского наречия.

О родо-племенной принадлежности населения янгиарьского Тегена нам ничего не известно, однако под этим названием на Средней Амударье имеется мелкое подразделение рода караджа (о хазараспских караджа мы скажем ниже), входящее в племя эрсари³². Хастеген расположен в районе Гуджи, в центре Южного Хорезма.

На востоке зоны, в окрестностях Хазараспа, на территории господства огузского наречия, без каких-либо позднейших вкраплений, сплошным массивом расположены урочища, селения и каналы, носящие названия, частично совпадающие с названиями племен огузов: Авшар, Джувандыр, Джангаты, Карвак, Караджа и др.

Авшар. Название этого урочища, канала и селения полностью совпадает с названием известного племени огузов и, по нашему мнению, является следом пребывания огузов в юго-восточной части оазиса, иного объяснения нет. Среди поздних туркмен Хорезма авшаров нет, они не зафиксированы на Средней Амударье и в Бухаре, нет их в известных списках узбекских племен разного происхождения (списки Вамбери, Хорошкина, Ханькова и Логофета). В то же время авшары хорошо известны в Иране и Турции, т. е. среди потомков тех огузов, которые в XI в. передвигались из Приаралья на юг.

О характере населения хорезмского Авшара сведения несколько противоречивы. Кун в этих местах сартов не обнаружил, а М. В. Сазонова, побывавшая здесь, говорит, что население Авшара — узбеки, не знавшие родовых делений, т. е. — сарты. Хазараспские информаторы категорически отрицают какие-либо отличия авшарцев от остального сартского населения округа Хазараспа и не говорят об их сходстве с туркменами. Ф. Абдуллаев без оговорок помещает авшарцев на своей карте в зоне распространения хазараспско-янгиарьского говора огузского наречия.

Любопытна одна деталь: информаторы, либо по обычной склонности осмыслять название по сходному звучанию (ов — по узб. — охота, овчи — охотник), а может вследствие какой-то древней традиции, называют хорезмских авшарцев исконными охотниками; это невольно заставляет вспомнить о том, что у огузского племени авшаров онгоном был белый сокол — охотничья птица, а также слова Рашид-ад-дина, называвшего огузов-авшаров «к охоте и соколам страстными»³³.

Джувандыр. Урочище, канал и селение, расположенные почти по соседству с Авшаром. Здесь, по свидетельству Куна, проживали только сарты. Язык местного населения, по Ф. Абдуллаеву, тот же хазараско-янгиарыкский говор огузского наречия. Выяснение этимологии названия ведет нас к спискам огузских племен Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-дина. Внимание привлекает чрезвычайно сходное звучание с названием огузского племени джувалдар (М. Кашгарский), джавулдур (Рашид-ад-дин), причем именно с этими архаическими формами, а не с этнонимом чавдур позднейших туркмен. Упомянем еще название этого же огузского племени в государстве Сельджукидов (анхарская топонимика и этнонимика) — чавундур, очень сходное с хазараским (джувандыр)³⁴.

Позволим себе, пока весьма гипотетично, привести сравнение хазараского топонима «джувандыр» с этнонимом «жаунгыр» (каракалпаков и узбеков дельты), напомнив, что, по словам Т. А. Жданко, каракалпаки «жаунгыры считают себя ранними обитателями культурных земледельческих районов Хорезма»³⁵. Сравнение это нам кажется уместным, учитывая давнюю и длительную активность огузских племен в районе дельты Амударьи.

Джангаты. Название селения и канала, позднее искаженное, согласно материалам архива хивинских ханов, звучит более точно — Дженкет. Расположенное в той же группе урочищ, окружающих Хазарасп, что и Авшар и Джувандыр, оно не менее их примечательно своим происхождением, У В. В. Бартольда относительно населения Дженкета имеется весьма интересное свидетельство. Он пишет, ссылаясь на Мунису и Агехи: «Джанкент (он имеет в виду Янгикент в низовьях Сырдарьи, который, как и Дженд, находился в зоне старого расселения огузских племен.—Г. С.). Жители этой крепости по преданию переселились в Хиву и образовали около Хазараспа селение, которое от них получило название Джанкети»³⁶. Мы не знаем точно, к какому времени относится данное событие, но оно лишней раз подчеркивает связь населения интересующих нас окрестностей Хазараспа и низовий Сырдарьи, где был старый юрт огузских племен. Нельзя не упомянуть и о том, что здесь, в окрестностях Хазараспа на Хасса-ябе имеется селение, носящее имя Муллы Абдрахмана Дженди, т. е. из Дженда.

Караджа. Это — встречающиеся юго-восточнее Хазараспа в районе Янги-базара и на противоположном берегу Амударьи в районе Ак-Камыша топонимы. Население этих мест по языку ничем не отличается, судя по карте Ф. Абдуллаева, от окружающего сартского населения. О том, что караджа некогда было родо-племенным подразделением, можно судить по тому, что одноименные группы имеются в структуре племен разных народов³⁷.

Обратимся к кругу этнонимов и топонимов огузско-туркменского цикла. Подразделение караджа имелось у эрсаринцев Средней Амударьи³⁸, т. е. на одном из тех путей, которыми проходили огузы на юг, оставляя за собой отстающие подразделения. Абульгази упоминает имя одного из внуков Огуз-хана — Караджык — сходное по звучанию с интересующим нас названием³⁹.

Хазараспские караджа примечательны совершенно уникальным способом захоронения, открытым нами на некрополе Шейх Касим-бобо, аналогий которому мы пока не обнаружили. Караджинцы хоронили (и хоронят сейчас) своих умерших в четырех подбоях, расположенных по четырем сторонам огромного, глубиной до трех метров могильного шурфа.

Карвак. Этимология этого названия пока неясна и в целом об этой группе населения окрестностей Хазараспа сказать что-либо без непосредственного ознакомления с нею трудно. Заметим лишь, что хазараспские информаторы, когда речь заходит о каких-либо особенностях в быту и материальной культуре, обязательно ссылаются на население Карвака.

Заинтересовавшие нас топонимы в глазах населения уже давно утратили какую-либо связь с родо-племенными делениями, но их пытаются, как это часто бывает, осмыслить, прибегая к местному фольклору.

В окрестностях Хазараспа и вообще в юго-восточном углу оазиса, в своего рода «воротах Хорезма», пользуются популярностью легенды, связанные с именем сельджукского султана Санджара. В них рассказывается, что именно здесь легендарный Санджар пытался закрыть течение Амударьи плотиной; что здесь есть другие памятные места, связанные с его именем. Нам представляется, что почва для подобного рода легенд не лишена реальности, учитывая ту роль, которую огузские племена сыграли в истории этой части оазиса.

Исходя из исторических свидетельств о пребывании огузов-сельджуков в районе Шурахана, мы, естественно, обратили внимание на правый берег, на места, находящиеся почти напротив заинтересовавшего нас района Хазараспа. Знакомство с топонимикой пока не дало ничего существенного, пожалуй, только названия двух обществ, зафиксированные материалами Переселенческого Управления, обратили на себя внимание — это Согдион-бой и Шурахан-бой. Интересны как само название «Согдион», так и приставка «бой» в обоих названиях. Конечно, это может обозначать «берег» (буй), берег канала, реки, озера, однако, в старотюркских языках бой имело и иное значение. В. А. Гордлевский пишет: «Старая организация огузов... несомненно отразилась в документах XVI—XVIII веков о турецких аширетах (кочевых племенах)...». Здесь наряду с арабскими терминами, жили и турецкие, и, в частности, «бой» (общество, эквивалент термину «джамоат») ⁴⁰. Если шурханско-турткульский термин «бой» имеет именно такое значение, то можно говорить, что он отражает очень древнюю тюркскую языковую традицию, быть может связанную с пребыванием в этих местах в XI в. огузских племен.

В трех местах Южного Хорезма, в зоне огузского наречия, нам встретился топоним Дургадык. На правом берегу такое название носит канал, выведенный из Шурахана (напомним, что Шурахан — древнее название канала, встречающееся еще у Макдиси). На левом берегу в районе Ханки так называются урочище и селение, жители которого интересны тем, что сохранили многие исконные сартские традиции, вплоть до того, что старшее поколение весьма долго сохраняло самоназвание сарт. Помимо Дургадыка ханкинского, нами зафиксировано еще одно селение с таким же названием в окрестностях Янгиарыка. Ознакомление со старой огузской и позднее — туркменской терминологией заставило нас обратить внимание на некоторые сходные по звучанию родо-племенные термины. Это относится к названию одного из огузских племен Дудурга (Рашид-ад-дин), Тутырга

(Махмуд Кашгарский), Дудурга (Абульгази). Интересно также название туркменского племени в государстве мамлюков — «дулгадир»⁴¹.

Анализ южнохорезмских топонимов на предмет отыскания следов пребывания огузов на территории оазиса можно было бы продолжить, однако это специальная задача. Мы хотели лишь на некоторых примерах показать, что вопрос о тюркизации исконных жителей Хорезмского оазиса и о сложении группы «сарт» — основной этнографической группы узбекского населения этой территории — невозможно решать, не обращаясь к огузскому этническому пласту как к одному из наиболее ранних и активных компонентов в этом процессе.

Огузы в течение длительного периода времени «обживали» Хорезмский оазис. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский пишут по этому поводу: «В Хорезме мы наблюдаем тот же процесс оседания кочевников огузов (туркмен), с одной стороны, и кипчаков, с другой, не только на территории, смежной с Хорезмом, но и в нем самом»⁴². Именно это, по словам авторов, уже к XIII в. привело к отуречиванию распространенного здесь хорезмского языка. По свидетельству Макдиса, еще в X в. Хорезм являлся местом «торговли с гузами и тюрками»⁴³.

Торговля с кочевниками всегда приводит к тому, что часть их оседает на той территории, где происходит обмен. По свидетельству Бируни (X—XI вв.), «царям Хорезма» приходилось «отгонять тюрков-гуззов от своих границ»⁴⁴. При Алтунташе-хорезмшахе огузы, по словам Бейхаки, часто зимовали в Хорезме⁴⁵. При его наследнике Харуне в 1034 г. огузским племенам были предоставлены земли в районе Шурахана⁴⁶. «Юрт огузского иля был расположен у устья реки Сыр, по обе стороны Аму-Дарьи, а в песках — между Ургенчем и Мервом»⁴⁷, т. е. Хорезмский оазис был фактически окружен огузскими кочевьями.

Новая волна пришельцев из огузского юрта, расположенного в низовьях Сырдарьи, в Хорезм, вероятно, была связана с воцарением в Хорезме Шахмелика — правителя Дженда в 40-х годах XI в. Экспансия огузов в Хорезм продолжалась и в XII в. Судя по письму хорезмшаха Атсыза огузскому эмиру Дудубеку, этот хорезмшах часто оказывал огузам гостеприимство. «Очевидно они приходили туда на зимовку, как в XI веке при Алтунташе»⁴⁸, — заключает В. В. Бартольд. Активизации огузских элементов в Хорезме могло немало способствовать то обстоятельство, что сама последняя хорезмшахская династия вышла из огузско-сельджукских сфер.

Итак, переселение огузов в Хорезм на шураханские земли в 30-х годах XI в., описанное Бейхаки, можно считать лишь эпизодом длительной инфильтрации огузских племен в оазис. Нам кажется, что именно с этим событием связана концентрация огузских элементов на противоположном, левом берегу в районе Хазараспа, где отдельные части огузских племен, разбитых Шахмеликом джендским, могли искать убежища. Подтверждением этой мысли является свидетельство Бейхаки, писавшего, что уцелевшие огузы «спасались бегством через реку, покрытую льдом»⁴⁹. Часть этих огузов могла здесь остаться, осесть и раствориться среди местного населения, в результате чего в этих местах появились сарты — авшары, сарты — джувандыры, сарты — джангатины и др.

Другие огузы, поселившиеся на территории Хорезма, могли долгие сохранять в виде обособленных групп, формируясь как собственно туркменские племена и уже позднее сливаясь с земледельческим населением оазиса (баяты, саяты, кармыши).

Сконцентрированные в зоне хазараспско-янгиарыкского говора огузского наречия группы населения — баяты, саяты, кармыши, тегены,

авшары, джувандыры, джангатинцы, пчакчи, караджинцы, алилинцы и др., восходящие генетически к огузскому племени, — представляются нам потомками тех племен, которые в разной степени и на разных этапах принимали участие в тюркизации старого аборигенного населения оазиса. Одни из них, более ранние, непосредственно вошли составным элементом в группу «сарт», оставив нам от своего огузского прошлого только названия, главным образом в виде топонимики, другие — включившиеся в этот процесс позднее, в силу ряда исторических причин развивались обособленно и достигли тех специфических особенностей, которыми отличались туркменские племена средневековья, затем, сливаясь с основным населением, они их теряли, и об их принадлежности когда-то к туркменам можно судить лишь по скудным сообщениям информаторов, которые эти группы называют «асли туркман», т. е. в основе своей туркмены. Наконец, третьи — осколки собственно туркменских племен, по тем или иным причинам оторвавшиеся от них и их союзов и задержавшиеся в составе узбеков; здесь можно уже говорить об узбекизации, так как вхождение их в состав узбеков происходило после сложения последних в народность как в Хорезме, так и вообще в Узбекистане.

Из сказанного отнюдь не следует делать вывод, что тюркизация старых насельников оазиса и сложение группы «сарт» связаны лишь с огузским периодом истории Хорезма. Здесь могли сыграть роль и ранние тюрки, проникавшие на территорию Хорезма в I тысячелетии нашей эры. Почти одновременно с огузами в Хорезме появились кипчаки, канглы, кара-китан; новую волну тюркоязычных племен принесло в Хорезм монгольское завоевание; вхождение Хорезма в состав Золотой Орды открыло ворота оазиса для проникновения в него тюркоязычных племен с севера; наконец, переселение узбеков из Дешти-Кипчака в XVI в. завершило этот процесс.

Этнографическое изучение состава населения оазиса для выяснения ранних этапов этнической истории, и прежде всего вопросов тюркизации, особенно перспективно именно в Южном Хорезме, где этнографическая группа «сарт» долгое время сохранялась довольно рельефно, а в ряде мест и весьма компактно. На севере пласт поздних пришельцев из Дешти-Кипчака был слишком мощным, скрывшим следы раннего населения этих мест.

Наши мысли в отношении групп населения юго-восточной и южной части оазиса весьма гипотетичны, так как без непосредственного знакомства с каждой из этих групп, с их материальной и духовной культурой, а также родо-племенными преданиями, никаких окончательных выводов сделать невозможно. Но мы сочли необходимым привести в некую систему разносторонние данные о населении Южного Хорезма, так как вопрос о его этнической истории и ранней тюркизации исконных насельников этой части оазиса возник непосредственно в процессе картографирования с использованием некоторых материалов диалектологии.

* * *

Что же в целом дало нам картографирование населения Хорезмского оазиса?

Суммировав все привлеченные материалы и положив их на карту, мы получили полное представление об исторически сложившемся составе хорезмских узбеков, об их основных этнических компонентах, что представляется нам весьма важным для дальнейшего картографирования элементов материальной и духовной культуры.

Картографирование помогло нам восстановить и уточнить харак-

тер расселения в XIX—начале XX в. родо-племенных подразделений хорезмских узбеков, внести известные коррективы в прежнее представление о якобы компактном заселении оазиса определенными племенами и выявить ту же пестроту в их расселении, которая была характерна и для других мест Средней Азии. Расселение в известной мере отразило исторические судьбы ряда племен в прошлом.

Сопоставление с диалектологической картой позволило подкрепить и уточнить наши выводы о родо-племенной принадлежности ряда групп населения в их прошлом, а для южной части оазиса выявить этнографические группы огузско-туркменского генезиса и поставить вопрос о роли их в историческом процессе тюркизации аборигенного населения оазиса.

¹ Гладышев и Муравин, Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах, СПб., 1851.

² Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., ч. 1—2, М., 1822.

³ А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи по собственным исследованиям в 1873 г.,—ЗРГО по отд. географии, т. IX, СПб., 1881.

⁴ Г. Я. Килевейн, Отрывки из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мухаммед-хана 1856—1860 гг.,—ЗРГО, кн. 1, 1861.

⁵ Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства, составленное в 1843 году подполковником штаба Г. И. Данилевским,—ЗРГО, кн. V, СПб., 1851.

⁶ А. А. Куц, Поездка по Хивинскому ханству в 1877 г.,—ИИРГО, вып. 1, т. X, 1874.

⁷ «Материалы по истории туркмен и Туркмени», ч. II, М.—Л., 1938; «Материалы по истории каракалпаков»,—Труды Института востоковедения АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935.

⁸ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в., Л., 1940.

⁹ И. П. Магидович, Население,—«Материалы по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма», ч. 2. Хорезм, Ташкент, 1926.

¹⁰ См.: К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи,—«Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952.

¹¹ М. В. Сазонова, К этнографии узбеков Южного Хорезма,—Там же, стр. 248.

¹² У некоторой части населения Хорезма этноним «сарт» был распространен еще в недавнем прошлом.

¹³ Абульгази, Родословное древо тюрков.—ИОАИЭ при Казанском университете, т. XXI, вып. 5—6, Казань, 1905, стр. 163—164.

¹⁴ «„Фирдаус-уль-икбаль“ Сочинения Муниса»,—«Материалы по истории туркмен и Туркмени...», ч. II, стр. 326.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Третий компонент — ябы (джабы) у узбеков Хорезма не зафиксирован.

¹⁷ Б. В. Андрианов, Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.),—«Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III, М., 1958, стр. 56.

¹⁸ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи.

¹⁹ Большой интерес, в частности, представляют брачные связи этих двух племен, отмеченные еще Рашид-ад-дином у монголов.

²⁰ «Пришедшие в Мавераннахр узбеки нашли в нем ряд тех же самых тюрко-монгольских племен, которые имелись и у них...» А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана,—«Труды АН ТаджССР», т. XII, вып. 1, 1954, стр. 36.

²¹ Абульгази, Родословное древо тюрков..., стр. 35.

²² В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, гл. III, Каракистан и хорезмшахи,—Сочинения, т. I, стр. 386—445.

²³ Мунис, Фирдаус-уль-икбаль, 5364, л. 55 (Библиотека Института востоковедения АН УзССР).

²⁴ В связи с давней активностью ассов-аланов на территории Хорезма упомянем, что по старым картам нами обнаружены в юго-восточной части оазиса интересные топонимы: урочище Кырк-алан (сорок аланов) на правом берегу Амударьи и канал Алан-Яб на левом, в районе Питняка.

²⁵ Только основная часть хизрелинцев проживала в районе Гурлена.

²⁶ Хизрелинцы исследованы Г. П. Васильевой. См. «Работы туркменского этногра-

фического отряда в 1954—1956 гг.», — «Материалы Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1959.

²⁷ Я. Р. Винников, Родо-племенной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», серия этнографическая, т. VI, Ашхабад, 1962, стр. 62—63.

²⁸ Абульгази, Родословное древо тюрков, стр. 234—235.

²⁹ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы южного Таджикистана, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР» т. XXVIII, 1954, стр. 17.

³⁰ А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 78.

³¹ Хас — арабский термин. В государстве сельджуков «хасс» был административным термином, обозначающим земли, пожалованные за исполнение административных обязанностей (В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, — Избранные сочинения, т. I, стр. 101).

³² Я. Р. Винников, Родо-племенной и этнический состав...,

³³ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I. М.—Л., 1952, стр. 88.

³⁴ В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов, т. I, стр. 72.

³⁵ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 62.

³⁶ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, — Сочинения, т. III, стр. 231.

³⁷ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы..., стр. 17.

³⁸ Я. Р. Винников, Родо-племенной и этнический состав..., стр. 47.

³⁹ А. Н. Кононов, Родословная туркмен, стр. 51.

⁴⁰ В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов, т. I, стр. 91.

⁴¹ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, — Сочинения, т. II, стр. 581.

⁴² Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 19.

⁴³ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», ч. I, стр. 186.

⁴⁴ Абурейхан Бируни, Памятники минувших поколений, — Избранные произведения, Ташкент, 1957, стр. 257.

⁴⁵ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Сочинения, т. I, стр. 360.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ А. Н. Кононов, Родословная туркмен, стр. 66. О расселении огузов см. С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии (IX—XIII вв.), Ашхабад, 1969.

⁴⁸ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, — стр. 582.

⁴⁹ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Сочинения, т. I, стр. 360.

А. Аскарлов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

На территории Средней Азии земледелие известно с эпохи неолита¹. Однако, как показывают археологические исследования, произведенные в районах раннего сложения древнеземледельческой культуры, датировать время возникновения земледелия для всех районов Средней Азии одним хронологическим периодом невозможно. В различных местах оно возникало в разное время, в зависимости от местных условий и от наличия тех видов растений, которые могли быть культивированы. Это подтверждается археолого-топографическими и гидрогеографическими исследованиями, произведенными в районах распространения археологических памятников и археологическими находками на территории Узбекистана.

Территория Узбекистана богата памятниками оседлого населения, но земледельческие поселения эпохи неолита здесь еще не обнаружены. По данным археологии, облик материальной культуры и быта древних земледельцев со всей очевидностью показывает, что общины, жившие как в предгорной зоне, так и в разливах затухавших протоков крупных рек на территории Узбекистана, освоили культуру земледелия гораздо позднее, чем древнеземледельческие общины Южного Туркменистана.

Результаты археологических работ показали, что районом самого раннего возникновения земледельческой культуры в Узбекистане являются низовья Зеравшана. Здесь исследовано большое количество стоянок энеолитического времени и памятников бронзового века с фрагментами орудий труда, имеющих прямое отношение к земледелию.

Самые ранние памятники в этом районе, давшие находки орудий земледелия в виде вкладышей составных серпов и зернотерок — энеолитические стоянки Каптарникуми-7, Большой Тузкан-35 и многие другие; здесь обнаружено более 13 экземпляров кремневых серпов с зубчатой ретушью по одному продольному краю². Изучение этих орудий под бинокулярным микроскопом показало, что рабочая поверхность их в результате длительного употребления заполировалась до зеркального блеска, а на спинке и на брюшке серпов остались линейные следы работы. Все это дает нам возможность говорить о наличии орудий земледелия на раннем этапе культуры бронзового века. Исследователи считают, что кремневые серпы тузканских памятников с точностью повторяют по оформлению рабочего края джейтунские вкладыши серпов позднего этапа.

Существование серпов с развитыми вкладышами в энеолитических памятниках низовьев Зеравшана свидетельствует о зачатках земледелия, получившего свое дальнейшее развитие в период заман-бабинской культуры эпохи бронзы данного района.

У археологов одним из убедительных признаков, определяющих наличие земледелия, считается нахождение в культурных слоях помимо различных орудий труда, употребляемых в земледелии, остатков хлебных растений. Если учесть это, то памятники заман-бабинской культуры несомненно относятся к одним из первых памятников древнеземледельческой культуры на территории Узбекистана. Известно, что при раскопках поселения Заман-баба на полу землянки и на развалинах керамической печи было найдено несколько кусков глиняной обмазки. По определению профессоров М. М. Якубцинера (Всесоюзный институт растениеводства) и Ф. Х. Бахтеева (Всесоюзный ботанический институт) в этих обмазках имеются следы цветочных пленок и обильные отпечатки соломы пшеницы и ячменя, а также зерноплечатого ячменя³. В некоторых могилах (№ 11, 40) могильника Заман-бабы также были найдены обуглившиеся зерна культурных злаков.

К числу земледельческих орудий, обнаруженных в комплексах культуры Заман-бабы, можно отнести вкладыши серпов, каменные мотыги, зернотерки, пестики и другие орудия (они представлены довольно широко). Их можно встретить как в могильном комплексе, так и в культурном слое поселений⁴.

Вопрос о самобытности культивируемых злаков у земледельцев низовьев Зеравшана носит довольно спорный характер, поскольку носители Заман-бабинской культуры, как земледельцы, выходят на историческую арену значительно позже своих юго-западных соседей (ранних оседлых земледельцев, населявших древние оазисы к северу от Копетдага) обитателей Джайтуна, Анау, Намазгадапа, Карадепа и др. Свидетельством этого служат археологические материалы, отчетливо демонстрирующие активную связь заман-бабинцев с племенами этой историко-культурной зоны — одного из древнейших очагов возникновения культуры земледелия; поэтому вполне допустимо предположение о заимствовании заман-бабинцами культурных злаков у юго-западных соседей.

Древние земледельцы времени описываемой культуры еще не могли регулировать воды равнинных русел и поддерживать устойчивое водообеспечение земель на одном и том же участке; об этом свидетельствует отсутствие здесь следов фундаментальных жилых построек, характерных для древних районов распространения оседлого земледелия в Средней Азии⁵.

Расположение поселений заман-бабинцев вдоль небольших затухающих русел и озер, в самых ближних к руслу пунктах и в устье самой реки также указывает на то, что ранние земледельцы этих районов использовали для посевов лишь небольшие заболоченные участки территории пересыхающих озер и огромные низменные тугаи, прилегающие к реке. Наряду с этим, видимо, практиковалось дамбирование старых русел с целью искусственного затопления прилегающих полей, на которых путем обводнения пониженных участков или просто отведения воды в естественные углубления накапливалась влага для посевов⁶. Такие отводы сохранились местами на участках, прилегающих к озерам Заман-баба и Малый Тузкан; они встречаются в районе Каптарникуми, где местность изобилует памятниками бронзового века и следами мелких оросительных сетей, выведенных путем дамбирования старых русел.

Наибольший интерес в изучении раннего сложения земледельче-

ского оазиса на равнинных территориях Узбекистана представляют обширные районы древнего Хорезма.

Работами С. П. Толстова и Я. Г. Гулямова выяснено, что земледелие в древнем Хорезме возникло еще при первобытнообщинном строе, вначале на участках естественного орошения⁷.

Эти естественно орошаемые поля в лиманных разливах низовий затухавших протоков дельт равнинных рек являлись древними оазисами каирного⁸ и лиманного земледелия. Как пишет С. П. Толстов, каирное земледелие, основанное на естественном орошении, прослеживается по берегам ачкадарьинской дельты в Хорезме, начиная со времени андроновско-тазабагыбской культуры⁹.

Открытие следов древней ирригации естественного орошения близ могильника Кокча-3, древних арыков близ стоянок Базар-1 и Базар-3 подтвердило предположение С. П. Толстова о том, что земледелие в древнем Хорезме в эпоху развития бронзы было ирригационным. Эти тезисы нашли свое подтверждение благодаря открытию в 1964 г. целого заповедника древних ирригационных сооружений с системой арыков и полей времени тазабагыбской культуры¹⁰.

Археологические и гидрогеографические исследования района, произведенные сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1965—1966 гг., показали, что эти стоянки представляют собой скопления чаще всего двух-трех домов, расположенных вдоль боковых протоков дельты и окруженных прекрасно сохранившейся ирригационной сетью и полями. Интересно, что из основных арыков берут свое начало маленькие арычки, «составляющие множество ответвлений», между которыми расположены квадраты полей. Следы арыков в этом районе сохранились на протяжении 100—150 м, поля же здесь все маленькие, размером 10×10, 12×10 м и т. п. О синхронности появления ирригационной сети и поселений свидетельствует то, что арыки не пересекают дома и, кроме того, в данном районе нет никаких памятников более позднего времени, т. е. выходящих за пределы II тысячелетия до н. э. Таким образом, исследования в этом районе, особенно изучение поселений Кокча-15 и -16 с хорошо сохранившимися ирригационными системами, дают возможность говорить об ирригационно-земледельческом характере хозяйства обитателей стоянок.

Можно полагать, что М. А. Итина, исследователь тазабагыбской культуры Хорезма, права в том, что в создании этой культуры в качестве одного из основных компонентов участвовало местное хорезмийское население¹¹, находившееся в тесном контакте с древнеземледельческим миром юго-западных районов Средней Азии с эпохи неолита.

Арычная система орошения полей поселений Кокча-15 и -16 позволяет допустить, что в этот период мы имеем дело не с каирным земледелием, а с уже развитым мотыжным земледелием¹².

Несмотря на открытие здесь столь древней сложной ирригационной системы с полями, земледелие в районах степной зоны Средней Азии еще не составляло основной базы хозяйственной деятельности первобытных племен.

Отсутствие постоянного водного режима не создавало условий для значительного развития в этих районах оседлого земледелия. Часто выпадали такие сезоны, когда земледельцы из-за перемещения протоков дельт и резкого изменения режима разливов не имели возможности засеять свои прежние участки. Нередко им приходилось менять прежние места обитания и осваивать новые, более надежные участки.

Непостоянный характер разливов равнинных рек, как отмечается выше, не гарантировал возможности ведения здесь устойчивого осед-

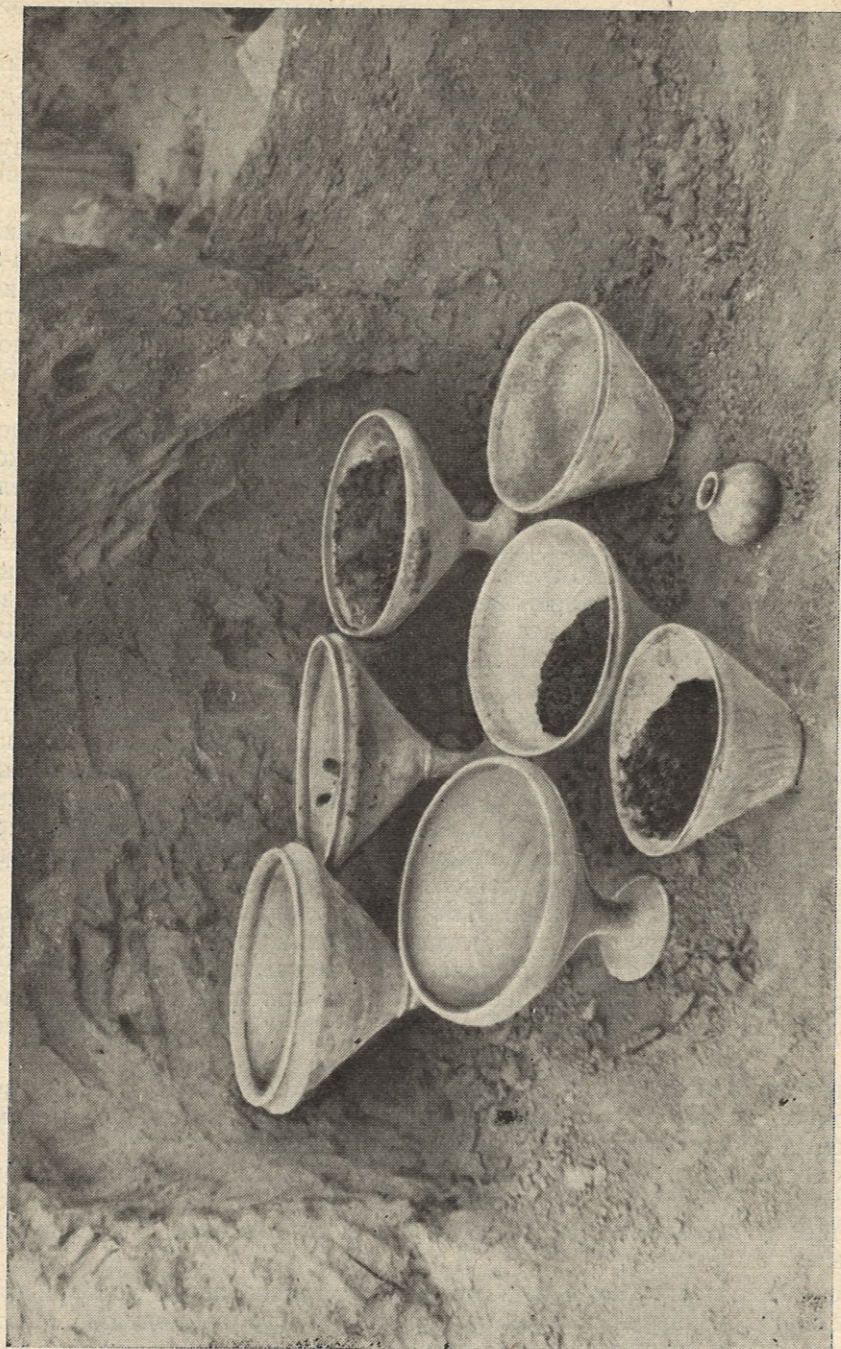

Рис. 1. Раскопки поселения Сапалли тепа. Сосуды с пищей

лого земледелия и возникновения постоянных земледельческих поселений типа холмов Анау, Намазга, Карадепа в Южной Туркмении и Сапалли тепа (Сурхандарьинская обл.), Чуст, Дальверзин, Ашкалтепа — в северо-восточной части Ферганской долины. В экономической жизни племен степной зоны развивается подвижный скотоводческий характер хозяйства. Ранее же возникновение в районах расположения поселений Кокча-15 и -16 следов земледелия с арычной системой ирригации объясняется тем, что жаркие климатические условия Средней Азии заставили первобытного земледельца овладеть новыми способами орошения и создавать искусственные сети орошения. Один из ярких примеров этого мы наблюдаем на землях древнего Хорезма.

Археологические материалы, свидетельствующие об оседлом земледельческом характере хозяйства первобытных племен, получены и в предгорных зонах Узбекистана. Одним из таких районов является правобережье Амударьи в пределах Сурхандарьинской области, где открыто и исследовано поселение Сапалли тепа — уникальный памятник самых ранних оседлых земледельцев на территории Узбекистана.

Открытие и исследование поселения Сапалли тепа в предгорной полосе Кугитанг-тау (юго-западные отроги Гиссарского хребта) изменило прежнее представление о начальной дате возникновения ирригационного земледелия у оседлых племен, обитавших на территории Узбекистана. Фундаментальные жилые и хозяйственные помещения, построенные из сырцового кирпича больших размеров с четкой планировкой архитектуры, характерные для общин Анауско-намазгинского круга времени поздней Намазга V и ранней Намазга VI и большой комплекс археологического материала имеют прямые аналогии в материальной культуре южнотуркменистанских древнеземледельческих общин.

Благоприятные естественно-географические условия, плодородная почва, содержащая мощные аллювиальные наносы в этом районе, способствовали сложению здесь культуры оседлого земледелия, основанного на искусственном орошении (при помощи небольших каналов). Однако в настоящее время в связи с освоением территории Сурхандарьинской области невозможно проследить здесь остатки древних каналов и полей. Единственным источником, позволяющим судить о типе орошения, так же как и о характере хозяйства населения этого района, является богатый археологический материал, полученный во время раскопок поселения Сапалли тепа.

Памятник представляет собой сильно оплывший холм, высотой более 2 м, вытянутый с востока на запад. В центре его выделяется почти квадратная возвышенность, со всех сторон обнесенная тремя кольцами стен, построенных из крупных прямоугольных сырцовых кирпичей. Раскопки, произведенные здесь, кроме глинобитной архитектуры выявили массу материалов, подтверждающих земледельческий характер хозяйства обитателей поселка. К числу земледельческих орудий, в первую очередь, относятся каменные мотыги и ступы, пестики и зернотерки, которыми изобилует поселение. Здесь нет кремневых вкладышевых серпов, но имеются костяные ручки от металлических серпов.

На полу многих помещений местами сохранились обуглившиеся зерна пшеницы. Особенно интересно то, что в сосудах, найденных в некоторых могилах, раскопанных под полом комнаты, сохранилась древняя пища, изготовленная из пшеницы и ячменя. На дне некоторых сосудов находились косточки джиды и еще какого-то фруктового дерева или винограда, что свидетельствует о домашнем виноделии. Найдено также несколько плетеных сосудов, сделанных из пшеничной соломы. Если обобщить все эти убедительные данные, то вполне можно допустить, что древнеземледельческие общины юга Узбекистана по обще-

ственным и экономическому уровню развития были равны общине древних земледельцев анаусско-намазгинского круга протогородской цивилизации Востока. Развитый древнеземледельческий характер хозяйства обитателей Сапалли тепа подтверждает также изготовление высококачественных глиняных сосудов на гончарном круге быстрого вращения с отличной термотехникой.

Археологические обследования, произведенные в предгорной зоне Узбекистана, не позволили пока выявить в других районах республики оседлоземледельческие памятники более ранних периодов, чем поселения Сапалли тепа или хронологически одновременные последним.

Однако древнеземледельческие культуры последующих периодов широко известны. Они открыты и исследованы в северо-восточной части Ферганской долины и на территории Сурхандарьинской области. Это памятники чустской культуры¹³ и поселение Кучук-тепе, материальная культура которых характеризует хозяйство оседлоземледельческих племен времени поздней бронзы. Исследователи считают, что развитие земледелия в эпоху чустской культуры строилось на базе использования искусственного орошения¹⁴. Наскальные рисунки из Саймали-таша, где видны быки в упряжке — сцены изображения пахоты¹⁵, свидетельствуют о существовании в этот период даже плужного земледелия¹⁶.

При раскопках Чустского и Дальверзинского поселений в большом количестве обнаружены семена ячменя и пшеницы. В первом поселении были выявлены ямы, которые специально служили для хранения зерна и других продуктов земледелия. В некоторых из этих ям на полу в значительном количестве были найдены зерна различных злаков¹⁷.

Особый интерес в Чусте представляют находки зерен просовидного растения, неизвестного до сих пор в памятниках эпохи бронзы Средней Азии. К числу орудий для обработки почвы относятся каменные мотыги из Дальверзинского поселения. Из других предметов, связанных с земледелием, найдены зернотерки, каменные песты; они встречаются в большом количестве и на Чусте, и на Дальверзине. Уникальными находками орудий труда, имеющих прямое отношение к земледелию, являются каменные и бронзовые серпы, обнаруженные во всех памятниках чустской культуры.

Почти аналогичную картину, характерную для земледелия Чустской культуры Ферганы, мы наблюдаем и на поселении Кучук-тепе Сурхандарьинской области, время существования которого, как и Чустских поселений, определяется концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Таким образом, археологическое изучение памятников в Узбекистане дает ценные материалы не только для характеристики культуры и быта древнейшего населения, но и для суждения о времени возникновения и развития земледелия, о характере и способах орошения в зонах как предгорных оазисов, так и дельтовых оазисов больших равнинных рек — Амударьи, Сырдарьи и Зеравшана.

Нахождение в культурных слоях остатков культурных злаков, земледельческих орудий труда (серпов, каменных мотыг, зернотерок), а также наскальных рисунков с изображением пахоты, наличие поселений оседлого типа и многое другое дают возможность говорить о существовании культуры каирного земледелия в Узбекистане, начиная с эпохи ранней бронзы, мотыжного земледелия со времени культуры развитой бронзы и плужного земледелия со времени поздней бронзы.

- ¹ В. М. Массон, *Средняя Азия и Древний Восток*, М.—Л., 1964, стр. 82—122.
- ² Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарлов, *Первобытная культура в низовьях Зарафшана*, Ташкент, 1966, стр. 168.
- ³ Ф. Х. Бахтеев, К археологическим раскопкам в Кызыл-кумах,— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1962, № 11, стр. 65—66.
- ⁴ Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарлов, *Первобытная культура...*, стр. 151—153.
- ⁵ Там же, стр. 16—17.
- ⁶ Я. Г. Гулямов, История формирования и проблема освоения земель древнего орошения в Бухарской обл.— «Доклад, прочитанный на Объединенной научной сессии, посвященной 40-летию УзССР и Коммунистической партии Узбекистана (январь, 1965 г.)».
- ⁷ Я. Г. Гулямов, *История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней*, Ташкент, 1957, стр. 50—70.
- ⁸ Под каирным земледелием мы подразумеваем земледелие на участках естественного орошения, без арыков и без предварительной обработки полей.
- ⁹ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г.— «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 97—98.
- ¹⁰ Б. В. Андрианов, *Древние оросительные системы Приаралья*, М., 1969, стр. 98—113.
- ¹¹ М. А. Итина, О месте тазабагыбской культуры среди культуры степной бронзы,— СЭ, 1967, № 2.
- ¹² Под мотыжным земледелием мы подразумеваем более высокую стадию его развития, где уже требовалось коренное улучшение плохих почв при помощи мотыги, т. е. суковатой палки с прикрепленным к ней заостренным камнем (прототип среднеазиатского кетменя).
- ¹³ В. И. Спришевский, Чустское поселение, Ташкент, 1963 (автореф. канд. дис.); Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы,— МИА, 1962, № 118, стр. 71—88; «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 53—54.
- ¹⁴ Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая..., стр. 73.
- ¹⁵ А. Н. Бернштам, *Наскальные изображения Саймалы-Таш*,— СЭ, 1952, № 2, стр. 64.
- ¹⁶ Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая..., стр. 75; «История Узбекской ССР», т. I, стр. 75.
- ¹⁷ В. И. Спришевский, *Раскопки Чустского поселения*, 1956,— «Советская археология», 1958, № 3, стр. 186.

А. Р. Мухамеджанов

ИЗ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ И АГРОТЕХНИКИ В НИЗОВЬЯХ ЗЕРАВШАНА

Долина Зеравшана — один из древнейших районов поливного земледелия в Средней Азии. Система ирригации, создававшаяся здесь на протяжении многих веков, характеризуется некоторыми специфическими особенностями. К их числу относится своеобразное распределение воды на орошение в средней и нижней частях Зеравшанской долины. На основе многолетнего опыта, зеравшанские ирригаторы и водопользователи разработали определенный порядок регулирования воды между этими земледельческими районами.

Водораспределение всегда зависело от уровня воды в Зеравшане, который изменяется в зависимости от времени года. Поэтому здесь, как и в Хорезмском оазисе¹, на основании наблюдений был создан народный календарь времени паводков.

Первый паводок по этому календарю называется «нарзоб»² («паводок подаренной воды») или «Баховуддининг суви» («вода Багауддина»). Он начинается в 20-х числах марта и продолжается до 20-х чисел апреля³. Земледельцы Зеравшанской долины придавали большое значение паводку нарзоб, считая его очень полезным для поливов ранних посевов. Его начало почти совпадает с наступлением паводка на Амударье, так называемого «кук камиш ташуви» («паводок зеленого камыша») ⁴.

Второй паводок называется «лойоб» («паводок мутной воды») ⁵, так как во время него вода в Зеравшане становится мутной из-за большого количества наносов. Паводок «лойоб» начинается на 10—15 дней позже третьего паводка на Амударье, называемого «юлдуз ташуви» («паводок созвездия Плеяды») ⁶, наступающего в середине мая.

Начало паводка «лойоб» совпадало с периодом посева риса в средней части Зеравшанской долины. Поэтому обычаем было установлено, что во время него воду получали главным образом земледельцы этой части долины. Земледельцы Самарканда с большим вниманием готовились к его наступлению.

Третий паводок — «гармоб» («паводок теплой воды») ⁷, продолжается с конца июня или начала июля до начала августа. Он совпадает с четвертым паводком на Амударье — «кирк чилгав ташуви» («паводок периода сорокадневной жары») ⁸. Земледельцы Зеравшана считают, что «гармоб» обеспечивает нормальное созревание посевов и богатый урожай сельскохозяйственных культур.

Народный календарь паводков р. Зеравшан свидетельствует о давности существования паводковых каналов в Самаркандском и Бухарском оазисах.

Описанный нами водный календарь имел большое значение для земледельцев описываемого района, так как по нему они определяли время поливов сельскохозяйственных культур и начало других работ в течение вегетационного периода.

Кроме приведенной системы счета времени по режиму воды в реке существовало и другое определение состояния вод в Зеравшанской долине. Так, по общему состоянию водного баланса Зеравшана ирригаторами были твердо установлены три периода изменения состояния воды в реке. Первый из них называется «вакти пуроб»⁹, т. е. «период половодья» или же «высокой воды», второй — «вакти мийаноб»¹⁰ (период средневодья), третий — «вакти киллат»¹¹ («период маловодья»).

Для каждого периода был разработан определенный порядок регулирования водораспределения в средней и нижней частях Зеравшанской долины. В половодье воды хватало для орошения обеих частей долины. В это время проводились лишь мероприятия по укреплению берегов реки: строительство насыпей по берегам магистральных каналов и ирригационных сооружений.

В период средневодья земледельцы долины более экономно и рационально использовали воду, строго соблюдая установленный порядок водораспределения. В период посевного, а также поливного сезона воды Зеравшана на определенное время сбрасывались в нижнюю часть долины. Этот процесс усиленного пропуска воды в низовья реки назывался «обпартаб» или «обпарта» («сброс воды») и «нимджуй» («сброс половины воды») ¹². Первый из этих видов применялся тогда, когда уровень воды в реке был средним, а второй — когда уровень был выше среднего. В вегетационный период «обпартаб» или «нимджуй» осуществлялся дважды: один раз во второй половине апреля, второй раз в середине августа. В обоих случаях он продолжался в течение двух — четырех недель. Как пишет А. Гребенкин, «в остальное время года обпарта не делалась даже при недостаточном количестве воды в Зеравшане, так как большой разбор воды для орошения полей Бухарского округа бывает только в апреле месяце и в конце лета» ¹³.

«Обпартаб» и «нимджуй» должны были проводиться только по распоряжению эмира. Однако в большинстве случаев распоряжение об усиленном пропуске воды «делалось местными беками, для которых эта работа составляла хорошую доходную статью» ¹⁴. Во время «обпартаб» закрывались все главные магистральные каналы средней части Зеравшана ¹⁵.

Сброс воды описываемым способом не всегда обеспечивал водой все орошаемые районы нижней части долины Зеравшана. В период средневодья земледельцы Каракульского оазиса и низовьев таких крупных каналов, как Рамитан, Занданы, Шапуркан, Хайрабад и ряда других, сильно нуждались в воде. Особенно тяжело с водоснабжением было на территории нынешнего Каракульского района. Этот район даже не входил в список водораспределения между тумениями, т. е. районами Бухарского ханства. Он пользовался водой, сбрасываемой после полива земельных угодий районов Бухарского ханства, расположенных выше по течению реки, и то лишь в случае, если в этих районах оказывались излишки воды.

В регулировании распределения воды Зеравшана в период средневодья между средней и нижней частями долины особое место занимало обеспечение водой Зиауддинского района, расположенного на границах обеих частей этой долины.

В период половодья этот район полностью обеспечивался водой. Однако во время средневодья положение уже затруднялось. Поэтому для обеспечения водой Зиауддинского района строились две искусствен-

ные плотины: первая — у возвышенности Чопан-Аты под Самаркандом, где Зеравшан разветвляется на два рукава (Акдарью и Карадарью), а вторая — на Карадарье недалеко от гор. Каттакурмана. В этом месте от Карадарьи отходит канал Нарпай, орошающий и часть Каттакурманского района. Первая плотина обеспечивала увеличение количества воды в Карадарье, а вторая давала возможность пропуска воды из последней по Нарпаю. Несомненно, оба эти ирригационные сооружения имели первостепенное значение в орошении территории Зиауддинского и Каттакурманского районов. Устройство плотин производилось на средства жителей Зиауддинского бекства Бухарского ханства и Африкентского, а также Каттакурманского туменей Самарканда, получающих воду из Карадарьи¹⁶.

Организация этой работы была возложена в основном на зиауддинского бека. «С древнейших времен забота об устройстве плотин (банди) на Ак-Дарье при отделении ее от Кара-Дарьи, — пишет А. Гребенкин, — лежала на обязанности Зиауддинского бека. С занятием Зарафшанского округа русскими Зиауддинский бек по-прежнему остался хозяином банди и ежегодно устраивал ее совместно с зарафшанцами»¹⁷.

Эти плотины размывались водами реки и ежегодно приходилось их восстанавливать или же заново строить. Поэтому «в конце мая обыкновенно в округ приезжают зиауддинский амлякдар с рабочими для возведения плотины на Ак-Дарье, у Чопан-Аты и на Кара-Дарье недалеко от Катта-Курмана, при выходе Нары-Пая»¹⁸.

Обе плотины представляли «барьер из мелкого леса, хвороста, травы, камней, дерна, песка»¹⁹. Длина Чопан-Атинской плотины составляла около 3,5 км, поперечный профиль в основании от 2 до 4 м, высота от 1 до 1,5 м²⁰. Устройство этих плотин требовало большого количества рабочей силы, а также строительных материалов — хвороста, дерна, бревен и др. В строительстве первой плотины участвовало 2 тыс. рабочих²¹, по отдельным данным, количество рабочих иногда доходило и до 5 тыс.²². Работа по восстановлению Чопан-Атинской плотины длилась от 8 до 12 дней²³.

Однако, как было упомянуто выше, река часто размывала плотину, особенно в период весенних и летних паводков (по 2—3 раза прорывалась вода). Каждый раз приходилось или заново ее восстанавливать, или производить капитальный ремонт. Так, «в 1871 году ее исправили 3 раза. В первый раз рабочих было 150, арб 25, работа продолжалась 13 дней. Во второй раз работало 1500 человек 7 дней, арб было 30. В третий раз на исправление плотины было приведено из Катта-Курманского отдела 1200 рабочих и 13 арб. Плотина была исправлена в 8 дней. Лес доставил зиауддинский бек»²⁴.

Таким образом, обеспечение водой земледельцев Зиауддинского бекства было сопряжено с большими трудностями. Для ее получения затрачивалось много времени, труда, сил и средств. Поэтому во время «обпартаб» или «нимджуй» мирабы в низовьях Зеравшана не закрывали канала Нарпай, которым орошались зиауддинские земли.

В период маловодья особенно сильно в воде нуждались земледельцы Бухарского оазиса. В этот период водой пользовались в основном земледельцы средней части долины, и только иногда воды реки сбрасывались в низовья, для чего применяли «обпартаб», и то вода доходила до Бухары с большими трудностями.

«Обпартаб», осуществляемый в период маловодья, по своей организации отличался от «обпартаб» периода средневодья. В период маловодья перекрывались не только магистральные каналы Самаркандского оазиса, но и второстепенные каналы, а также все каналы Каттакурманского, Кенимехского и Кермининского бекств²⁵.

В результате в период маловодья земледельцы нижней части долины Зеравшана, несмотря на «обпартаб», часто оставались почти без воды. В некоторые годы сельскохозяйственные культуры погибали от засухи — маловодье было причиной неурожая и наступления голода в стране. «Были... года, — пишет Л. Н. Соболев, — когда воды было совершенно мало, и тогда ее не хватало ни в Бухару, ни в Зиауддинский округ. Какие бы меры не были приняты в то время, воды все-таки не доставало бы...

12 лет тому назад, при Эмире Насрулле, — продолжает он, — воды было в Зеравшане так мало, что ее не хватало в Кармининском бекстве. В Бухаре воды в тот год летом вовсе не было, а в Зиауддинском округе было очень мало. Замечательно, что в этот год не было голода в Бухаре: было подвезено много хлеба из Хивы, Карши и др. мест»²⁶.

Вследствие острой нужды в воде в обеих частях долины Зеравшана все мероприятия были направлены на удовлетворение нужд земледельческого населения, в первую очередь это касалось нижней части долины, особенно Бухары, являвшейся столицей Бухарского ханства.

Маловодность в низовьях диктовала строгое водораспределение между Самаркандом и Бухарой и сильно влияло на агротехнические условия низовьев Зеравшана.

В связи с постоянной нехваткой воды в Бухарском оазисе местное земледельческое население постепенно выработало особый прием агротехники выращивания зерновых культур, получивший название «каклама»²⁷ («вяление»).

Подготовка площади к посеву под «каклама» начиналась ранней весной или даже зимой. В нижней части долины Зеравшана из-за близости грунтовых вод орошаемые земли быстро подвергаются засолению, отчего в зимний период здесь приходится производить промывку полей. Площадь под «каклама», если она была засоленной, также промывалась еще зимой, и эта промывка называлась «яхоб». «Каклама» заключалась в многократной вспашке полей, с перерывами. Первая очередь вспашек производилась до середины лета. С наступлением «чилла» («периода сорокадневной жары») — с 25 июня до 4 августа — вспашки приостанавливались и пашня оставлялась под солнцем на 40 дней. Это называлось «лоллаби шудгар» («оставление под зябь»). В этот период под жаркими лучами солнца уничтожались вредные насекомые и высыхали корни сорных трав. С августа начиналась вторая очередь вспашек (число последних доходило до 6—10 в каждую очередь), затем приступали к боронованию зубчатой бороной («дандана мала»). Бороновали также 4—6 раз, сначала вдоль, а затем поперек («чапираст»). В результате такой обработки почва превращалась в мелкий порошок «хак».

Пригодность почвы к севу определяли следующим образом: брали комок глины и бросали его в распаханную землю, если упавший комок тонул в почве, то она считалась готовой. С конца сентября приступали к севу, который сопровождался неоднократным боронованием зубчатой бороной, после чего производили окончательное плотное боронование плоской стороной малы. На этом завершался весь процесс подготовки и сев под «каклама».

Столь тщательная обработка почвы позволяла обеспечить участок достаточным количеством влаги за счет зимних и весенних атмосферных осадков. Зерновая культура на «каклама» (пшеница, реже ячмень) давала урожай на следующий год, отчего местные земледельцы называли эти неполивные посевы «салий» или «йиллик» («годовыми»).

По рассказам стариков, посевы «каклама» по своей урожайности не уступали нормальным посевам на орошаемых землях. По отдель-

ным данным, пшеница на участках, обработанных таким способом, давала до 60—80 пудов с десятины (10—13 ц/га). Посевы «каклама» были широко распространены на территории современных Рамитанского, Вабкентского и Каракульского районов Бухарской области. Дехкане Каракуля считали «каклама» своим изобретением в агротехнике²⁸. Время появления этого приема нам пока не известно. Судя по отдельным рукописям и полевым этнографическим данным, посевы «каклама» широко применялись в низовьях Зеравшана во второй половине XIX — начале XX в.

Таким образом, исключительно трудоемкий метод выращивания зерновых культур на поливных землях без орошения по способу «каклама» был своеобразным агротехническим приемом, выработанным земледельцами низовьев Зеравшана из-за постоянной нехватки оросительной воды.

Сейчас в результате крупных ирригационных работ сток р. Зеравшан полностью урегулирован, а Бухарский и Каракульский оазисы полностью обеспечены орошаемой водой. Плодородные земли низовьев реки навсегда избавлены от угрозы засухи.

В заключение хочется еще подчеркнуть, что выработанный народной практикой метод «каклама» представляет для нас интерес как один из своеобразных и любопытных способов, применявшихся в земледелии Узбекистана, свидетельствующий о большом опыте и трудолюбии сельского населения этого древнего земледельческого края.

¹ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 237, 293.

² Правильнее «назираб».

³ По местному солнечному календарю паводок «назируб» наступает в первых числах месяца хамал и продолжается до начала следующего месяца саур.

⁴ Я. Г. Гулямов, История орошения..., стр. 237, 239.

⁵ По солнечному календарю «лойоб» наступает в начале месяца джавза и продолжается до середины этого месяца.

⁶ Я. Г. Гулямов, История орошения..., стр. 237—238.

⁷ По солнечному календарю «гармоб» наступает в 10—16-х числах месяца саратак и продолжается до конца месяца асад.

⁸ Я. Г. Гулямов, История орошения..., стр. 238—293.

⁹ А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, — «Советское востоковедение», М.—Л., 1948, № 5, стр. 145; «Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР», инв. № 237, л. 18-а-б.

¹⁰ «Ирригационная система реки Зарафшана», — «Туркестанский сборник», т. 152, стр. 41.

¹¹ «Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР», инв. № 237, л. 18-б.

¹² Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зарафшанском округе, — «Записки русского географического общества», т. VI, СПб., 1874, стр. 267.

¹³ А. Гребенкин, О причинах неурожая в Бухарском ханстве, — «Туркестанские ведомости», 1872, № 17, 18.

¹⁴ «Ирригационная система реки Зарафшана», стр. 42.

¹⁵ А. Гребенкин, О причинах...

¹⁶ «Ирригационная система реки Зарафшана», стр. 46.

¹⁷ А. Гребенкин, О причинах...

¹⁸ Л. Н. Соболев, Географические..., стр. 265.

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 14, д. 324, л. 20.

²⁰ Там же, л. 18—20.

²¹ А. Гребенкин, О причинах...

²² В. В. Радлов, Средняя Зарафшанская долина. Записки Русского Географического общества, т. VI, СПб., 1880, стр. 20—21.

²³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 14, д. 324, л. 20—21.

²⁴ А. Гребенкин, О причинах...

²⁵ Там же.

²⁶ Л. Н. Соболев, Географические..., стр. 267.

²⁷ Бухарский историко-краеведческий музей, Рукописный фонд, инв. № 2831/12, л. За.

²⁸ Из сообщений жителя кишлака Караун Каракульского района, Бухарской области, 78-летнего Муллы Бердибобо. (Полевые записи автора за 1958 г.)

Б. С. Гамбург

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОРУДИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ
ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ И ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА
КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.**

Перечень и обобщенные описания основных видов сельскохозяйственных традиционных орудий населения Средней Азии и Казахстана широко известны. Но этого оказалось совершенно недостаточно для их классификации и картографирования, так как отсутствовали конкретные сведения о типах и формах орудий, территории их бытования и прочие данные, необходимые для соответствующего раздела историко-этнографического регионального атласа. Потребовалось изучение орудий сельского хозяйства в каждой области региона, выяснение многообразия их форм, особенностей использования, границ распространения, терминологии и т. п. Такая работа была проведена в 1968 г. на территории Андижанской, Наманганской, Ферганской и Ташкентской областей Узбекской ССР¹.

Основой для полевой работы послужили литературные материалы и собрания центральных и местных музеев. Многочисленная литература содержит упоминания, характеристики, иногда очень подробные, и крайне редкие иллюстративные материалы по орудиям². Музейные коллекции, имеющие весьма интересные, типичные и разнообразные формы орудий, как правило, не располагают комплексами инвентаря из определенной области, района³, а зачастую нуждаются в точном определении и научной аннотации. Тем не менее именно изучение предметов из фондов музеев позволило в дальнейшем установить ряд специфических деталей и форм орудий.

В маршрут обследования вошли старые торгово-ремесленные центры разной значимости, районы с пестрым этническим составом населения и разнообразными естественно-географическими условиями. Это позволило выяснить ряд вопросов, связанных с изготовлением орудий, особенностями их локальных форм, установить степень зависимости инвентаря от местных условий, отраслей полеводства, собрать данные по терминологии. В целом выявлен типичный комплекс орудий земледельцев конца XIX — первой четверти XX в. Ташкентско-Ферганского региона⁴, а также некоторые орудия и приспособления узколокального использования.

Первым орудием, которое мы должны рассмотреть, будет омач (умоч, омоч, исфор) — единственный вид местного пахотного орудия. Многие авторы, даже в специальной литературе, называют его по-русски то сохой, то плугом. Этот распространенный перевод-объяснение широко используется в словарях и, к сожалению, этнографами. Известно, что омач, соха и плуг принципиально разные орудия. Омач работает как

почвоуглубитель, на что уже обращали внимание некоторые специалисты⁵. По-видимому, это специфическое пахотное орудие имеет право на существование в литературе под своим наиболее распространенным названием — омач, подобно сохе, ралу, сабану и прочим орудиям.

Производством омачей занимались мастера-тележники (арвасоз), плотники (дурадгор) и реже сами крестьяне. Лучшими специалистами считались арвасозы. Омачи их работы служили образцами для плотников и дехкан⁶. Но поскольку арвасозов было сравнительно немного, да к тому же их мастерские имелись только в городах и крупных поселениях — Коканде, Маргилане, Андижане, Ташкенте, Шаханде (Наманганский уезд), Шарихане (Андижанский уезд) и других местах, основную потребность населения в пахотных орудиях удовлетворяли плотники. Наиболее искусных в изготовлении омачей мастеров называли омачустоси (мастер по омачам). Некоторые крестьяне, владевшие навыками плотницкой работы, при наличии удачного образца и подходящего материала, делали омач сами. Омачи, как правило, изготовляли по заказу из материала заказчика. Лишь при наличии свободного времени и материалов мастера делали омачи для продажи на базаре⁷.

Омач собирался из корпуса, дышла, чек, клиньев и рукоятки (рис. 1, 1). Корпус (собственно омач, или кунда), вытесанный из одной, чаще прикорневой, части дерева, состоял из наклонной стойки и полоза (рис. 1, 1, а, б), под углом 100—120°. В верхней, сужающейся части стойки делалась круглая сверлина, обычно сквозная, для рукоятки (кулок, даста, козик, тутка, соп), вставлявшейся в одной плоскости с полозом сзади (реже с передней стороны) горизонтально или слегка наклонно книзу (рис. 1, 1, в). В нижней, утолщенной части стойки перпендикулярно ее оси прорезали сквозной прямоугольный паз для дышла. Стойка, как правило 4—8-угольная в сечении, имела впереди ниже паза срединное продольное острое ребро, продолжавшееся на полозе до места (тишлик, омач, учи), на которое насаживался металлический наконечник орудия (рис. 2, 1, 2). Ребро способствовало развалу комьев земли при пахоте. Переход от стойки к полозу старались сделать плавным, избегая резкого перегиба, чтобы не застревали комья. Подошва сужающегося впереди полоза была слегка вогнутой, так что омач стоял на земле пятой (товон, товонча) и передним концом полоза (рис. 2).

Для корпуса использовали породы деревьев с плотной, крепкой древесиной — абрикос (урик, зардоли), вяз Андросова (бузун кайрагоч), орех (ёнгок), шелковицу (тут) и лох (жйда).

В некоторых районах крестьяне предпочитали омачи из урюка, кайрагача, ореха, так как, по их словам, к туту сильно прилипает глина и он чаще ломается (колется). В других местах (Паркент) лучшим считался омач из тута. Его дышло и клинья делали обычно из дерева с плотной древесиной — белого карагача, использовали также и иву (тол).

В данном регионе дышло (ук, тир) закрепляли в корпусе с помощью длинного (до 70 см) клина (пона, овулгаз, овгаз, ёстик, шина), обеспечивавшего прочное и в то же время жесткое крепление (рис. 1, 1, г, д). Клиновое крепление позволяло легко регулировать угол наклона дышла, отчего зависела глубина пахоты. Угол регулировал мастер по указаниям заказчика. Крестьяне могли это делать и сами. Нередко мастера к новому омачу давали два-три запасных клина, из-за его быстрой снашиваемости.

Задний конец дышла затесывался для паза. На выступающем позади корпуса конце дышла сверлили поперечное сквозное отверстие для чеки (чуп, чиллак, кичкина, козик, кумишек), предотвращавшей отделение дышла от корпуса омача (рис. 1, 1, ж).

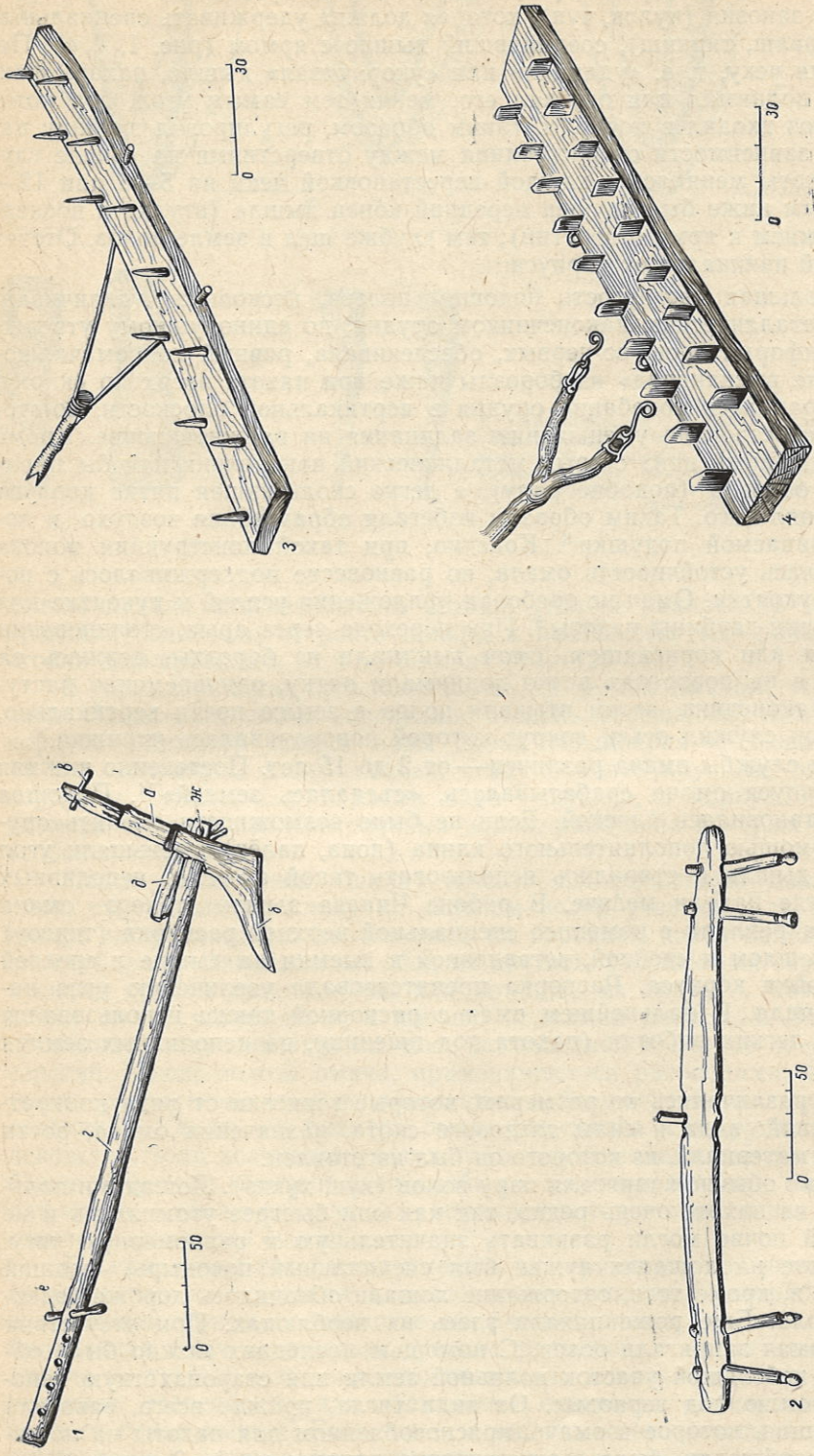

Рис. 1. Земледельческие орудия:

- 1. Омач; а — стойка; б — полоз; в — рукоятка; г — дышло; д — клин; е — передняя чека; ж — задняя чека (Ферганская область).
- 2. Ярмо (Ташкентская область).
- 3. Борона с деревянными зубьями (Ташкентская область).
- 4. Борона с железными зубьями (Наманганская область).

В передней части дышла делали от трех до семи (обычно три-четыре) сквозных отверстий (тешик кулок) для горизонтальной поперечной чеки-занозки (кулок, чуп), которая должна удерживать специальный тяж (тиркаш, тиркиш), соединявший дышло с ярмом (рис. 1, 1, е). Переставляя чеку, т. е. «удлиняя» или «укорачивая» дышло, пахарь фактически поднимал или опускал его, меняя тем самым угол, под которым полоз входил в почву, и, таким образом, регулировал глубину пахоты. В зависимости от расстояния между отверстиями на дышле глубина пахоты менялась с каждой перестановкой чеки на 5—6 или 12—15 см. Чем ниже был опущен передний конец дышла (втулка в последнем ближнем к ярму отверстии), тем глубже шел в земле полоз. Отсчет отверстий начинался от корпуса.

Небольшая изогнутость подошвы полоза, несколько увеличивавшаяся металлическим наконечником орудия, по единодушному утверждению информаторов, во-первых, обеспечивала, ровный ход омача, который «не выскакивал» из борозды даже при пахоте вверх по склону, т. е. устранялось колебание орудия в вертикальной плоскости, во-вторых, способствовала уменьшению залипания на влажной почве. Кроме того, опущенный вниз острый металлический наконечник как бы царапал дно борозды (подобно ралу), а легко скользившая пятка корпуса не уплотняла его. Таким образом избегали образования воздухо- и водонепроницаемой подушки⁸. Конечно, при такой конструкции полоза уменьшалась устойчивость омача, но равновесие поддерживалось с помощью рукоятки. Омач не требовал приложения усилий к рукоятке для регулирования глубины пахоты⁹. При переходе через арык, столкновении с камнем или корневищем, омач вынимали из борозды, держась за рукоять, а на поворотах резко поднимали пятку, одновременно наступая на наконечник, затем втыкали полоз в землю почти вертикально, так что он служил осью, вокруг которой поворачивалась упряжка¹⁰.

Срок службы омача различен — от 2 до 15 лет. Постепенно нижняя часть корпуса омача срабатывалась, «съедалась землей»¹¹. Подошва полоза становилась плоской. Если не было возможности сменить орудие, с помощью дополнительного клина (пона, палён) уменьшали угол наклона дышла и старались использовать такой омач на неполивных землях, где пахали мельче. В районе Чиназа дышло такого омача жестко закрепляли с помощью специальной верхней распорки (тиргоу) между дышлом и стойкой, вставленной в выемки на дышле и средней части стойки корпуса. Распорка препятствовала увеличению угла наклона дышла. В дальнейшем омач с распоркой также использовался на более легких работах (пахота под пшеницу, на неполивных землях и т. п.)¹².

Омачи различались по размерам, которые зависели от ряда конкретных условий: вида и силы тяглового скота, назначения омача, роста пахаря и материала, из которого он был изготовлен.

В омач обычно запрягали пару волов (куш хукиз). Лошадьми пользовались на пахоте очень редко, так как они быстрее утомлялись и не на всякой почве могли развивать значительную и равномерную тягу. При пахоте на лошадях нужен был специальный поводырь, ведущий упряжку, и, кроме того, содержание лошади обходилось дороже содержания вола. Еще реже пахали здесь на верблюдах. При отсутствии волов в омач запрягали ослов. С помощью последних можно было обработать небольшой участок поливной земли или старопахотную неполивную землю под зерновые. От вида тягла, прежде всего, зависела длина дышла, которое в омаче, приспособленном для пахоты на лошадях или верблюдах, было соответственно длиннее на 2—3 карич (40—45 и 60—65 см), чем для пахоты на быках¹³. При использовании ослов.

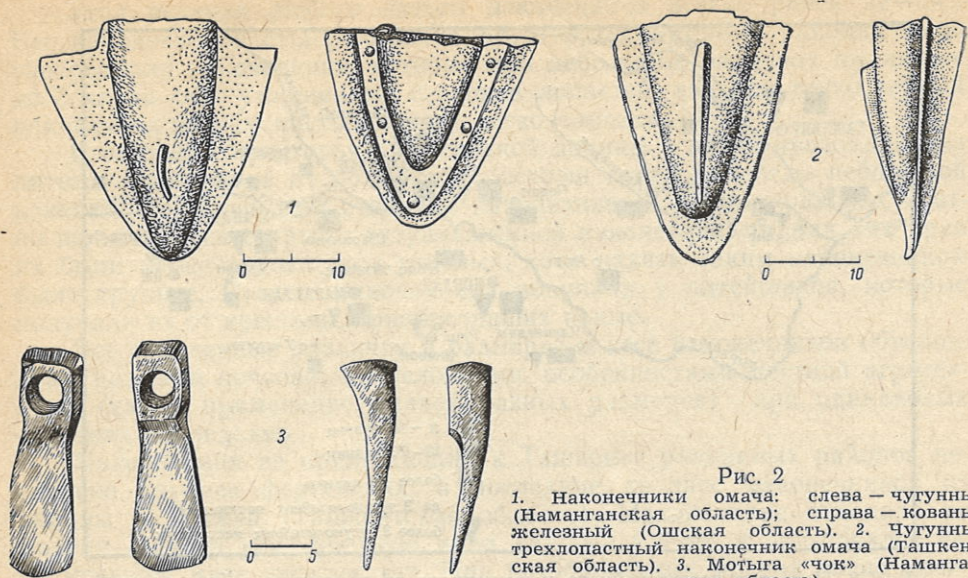

Рис. 2
 1. Наконечники омача: слева — чугунный (Наманганская область); справа — кованый железный (Ошская область). 2. Чугунный трехлопастный наконечник омача (Ташкентская область). 3. Мотыга «чок» (Наманганская область).

дышло делали короче. Высота стойки, угол ее наклона (в указанных пределах) зависели от роста пахаря и имевшегося материала. Длина стойки варьировалась от 4 до 6 карич (90—120 см).

В горных районах пользовались более легким омачом, чем на равнине. Назначение омача определяло степень массивности нижней части корпуса — диаметр стойки ниже точки соединения с дышлом (12—18 см), ширину и длину полоза. Омач с более крупным, массивным корпусом служил для подъема пара — шудгор, с корпусом среднего размера использовали на рисовых полях, работа на которых считалась особенно трудной.

Перед севом риса (шоли) делали поверхностную пахоту — лой омач, взмучивавшую глину на залитом водой участке. Для этой цели вместо металлического наконечника на передний конец полоза надевали чамбарак — специальный обод из прутьев, утолщенный скрученными кусками грубой дмотканины или жгутами из травы¹⁴. Чамбарак не давал омачу углубляться и хорошо поднимал слой ила. Эту работу проводили, закрепив тяж на чеке, вставленной в первое от омача отверстие. Конец полоза омача, применявшегося рисоводами, был более узким, рассчитанным на использование небольшого металлического наконечника. Такого же размера омач применялся и в других видах полеводства, если хозяйство располагало парой молодых двух-трехлетних быков (жувона), считавшихся слабыми. Самыми легкими были омачи для ослов, а также одам умоч — орудие, в которое впрягались сами крестьяне, не имевшие скота¹⁵.

В зажиточных хозяйствах имелось два-три омача для разных работ, большинство же крестьян владело одним омачом, употреблявшимся в многокультурном полеводстве на разнообразных участках. Поэтому преобладал омач с корпусом средних размеров, а число отверстий на дышле достигало пяти-семи, что позволяло использовать его в разных условиях. Нередко делали «запасные» отверстия на случай поломки заднего конца дышла. Если конец ломался, то его затесывали и снова закрепляли в корпусе, но с изменением длины дышла менялось прежнее значение отверстий для регулировки глубины пахоты. Перечислен-

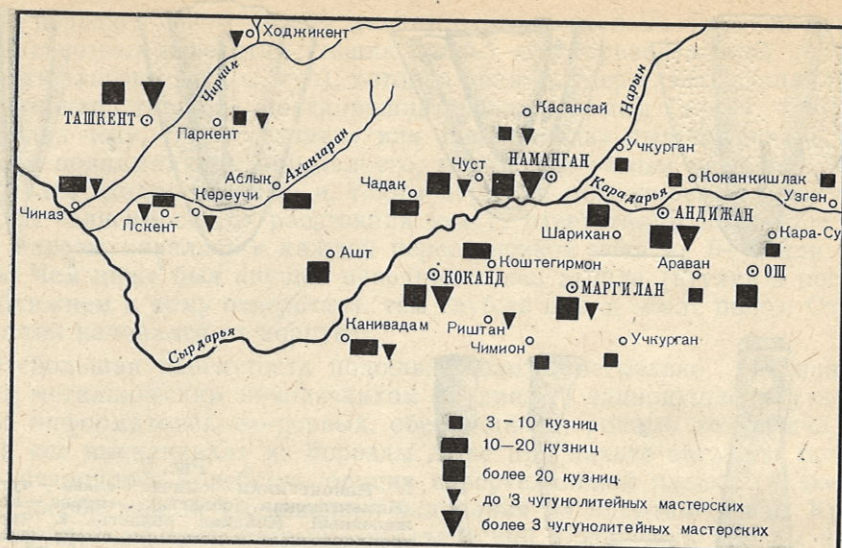

Рис. 3. Центры чугунолитейного и кузнечного производства в Ташкентской области и Ферганской долине (в пределах Узбекской ССР) в XIX — начале XX в.

ные различия не имеют принципиального характера. На всей обследованной территории региона бытовал единый тип омача (рис. 1).

Металлический наконечник (тиш, омоч тиши) был обязательной деталью омача. Без него в конце XIX — начале XX в. не пахали. Во всей описываемой области существовало два типа наконечника, один из которых имел самое широкое массовое распространение и в небольших количествах изготовлялся даже в конце 60-х годов XX в. (рис. 2, 1). Решительно преобладали литые чугунные наконечники. Железные, кованные и клепаные наконечники местные кузнецы изготовляли в годы, когда из-за отсутствия сырья, нарушения традиционных торговых связей или ликвидации производства чугунолитейщики не могли обеспечивать спрос. При этом кузнецы точно копировали форму чугунных наконечников, выколачивали на форме две половинки, которые потом соединяли, закрепляя сварку заклепками (рис. 2, 1)¹⁶. Имеющиеся в литературе указания на сосуществование железных и чугунных наконечников¹⁷ следует принимать, по-видимому, с учетом указанных причин, отдавая приоритет литым наконечникам, как основной исходной форме в данном регионе в рассматриваемый период. Сказанное косвенно подтверждается картой распространения чугунолитейных мастерских в конце XIX — начале XX в., существовавших не только в крупных торгово-ремесленных центрах, но и в ряде больших кишлаков (рис. 3). В ассортименте изделий местных чугунолитейщиков-дегрезов, не считывавшем и десяти названий, первое место занимали наконечники омача.

Повсеместно использовался тиш, представлявший собой двулопастной втульчатый наконечник со скрытой или слегка выступающей эллипсовидной в сечении втулкой; в плане он имел вид равнобедренного или равностороннего треугольника. По сравнению с верхней стороной наконечника нижнюю делали более пологой (рис. 2, 1—2). Различия в наконечниках этого типа сводятся к вариантам в размерах: ширина — 21—26 см, длина — 19—32 см. Отношение длины к ширине у наконечников из Ферганской долины сохраняется в пределах 0,9—1, у наконечников из Ташкентской группы районов — 1—1,2.

Угол резания любого литого наконечника всегда равен 22—24°. Вес наконечников был разным. В предгорных и горных районах чаще употребляли наконечники, которые при небольших размерах имели вес до 3 кг, за счет утолщенных стенок и лопастей, так как тонкостенный наконечник на каменистых почвах легко ломался.

В северных предгорьях Ферганской долины в целях предохранения литого наконечника от поломки на острый конец надевали небольшой кованый железный или стальной наконечник. В горных районах охотно пользовались старыми затупившимися наконечниками, так как края их были менее хрупки, чем у новых, хотя пахать таким наконечником было труднее. Старые наконечники покупали у литейщиков, которые получали их от крестьян, приобретающих новые.

Все отмеченные различия в размерах и весе наконечников обусловлены разными почвенными условиями, особенностями местной агротехники (как и применение омачей разных размеров) при одинаковых системах земледелия.

Наконечники из прилегающих к Ташкенту равнинных районов несколько крупнее ферганских, а последние крупнее наконечников из долины р. Ангрэн (Ташкентская область). Наконечники отливали по модели — айгир тиш, которую имел каждый мастер и пользовался ею по меньшей мере десятки лет. При возобновлении модели точно копировали старую. Лишь кокандский потомственный дегрез Мамасадык Маххамов, работавший с отцом до 1957 г., смог сообщить о частичном изменении традиционной кокандской формы тиша в 20-х годах, когда перестали отливать поперечный рельефный пояс — бельбог на поверхности втулки¹⁸.

Каждый потомственный мастер имел свой личный знак, который отливался на поверхности лопасти или втулки.

Второй тип наконечника представляет собой трёхлопастную втульчатую отливку. Этот наконечник — уч канотлик или уч кирралик тиш (трехкрылый тиш) в отличие от двухлопастных, отливавшихся для продажи на базарах, изготовлялся дегрезами только по заказу. В этом наконечнике третья вертикальная лопасть высотой до 5 см располагалась продольно посередине поверхности втулки. Трёхлопастный наконечник был легче двухлопастного (рис. 2, 3) и использовался главным образом на пахоте целинных задернованных земель и для перепахивания старых люцерников. При этом его вертикальная лопасть выполняла функцию ножа-резака.

В начале XX в. этот тип наконечника использовали сравнительно редко, но все информаторы, и литейщики, и крестьяне, знают о нем, а некоторые сами изготовляли или пользовались трёхлопастным тишем. Такой наконечник имеется в двух экземплярах в собрании Музея истории народов Узбекистана АН УзССР¹⁹.

Ярмо (буйинтурук, муинтурук) — основной вид упряжи, представлено простейшим вариантом²⁰. Это — круглое гладкое бревно, чаще всего из ивы (тол. 10—12 см в диаметре, длиной в 10—12 карич (230—280 см) для волов, 14—15 карич (до 350 см) для лошадей и около 9 карич (200 см) — для ослов. В ярме прорезали две пары отверстий; первое делали отступая от края бревна на 1 суям или 1 карич (около 18 или 23 см), в зависимости от длины ярма, через суям прорезали второе сквозное отверстие²¹. Такие же два отверстия делали на другом конце ярма. В отверстия вставляли колышки (шамийён, шамийён чуп) — занозы диаметром 3—4 см, длиной 30—50 см. Верхними широкими концами занозы заклинивались в отверстиях, а на нижних концах вырезали кольцевые углубления для веревок. Расстояние между нижними концами каждой пары колышек было равно 25—30 см; вместе с бревном они об-

разовывали трапециевидную рамку, их нижние концы связывали подшей животного веревкой (шамийён ип, томок боги) (рис. 1, 2)²². Посередине ярма вколачивали вертикальный шпенек — клин (турум, индола, караул). Соединение ярма с дышлом или другим видом тягового крепления осуществляли с помощью специального тяжа (тиркаш, теркиш). Тяж изготовляли сами крестьяне из кожи и реже из веток деревьев. Для этого ремень из кожи крупного рогатого скота, шириной в 2—3 см и 4 м длиной, складывали вдвое, скручивали и снова складывали вдвое. Затяжную петлю крепили на ярме, при этом шпенек-клин — фиксировал положение тяжа посередине, другой конец (восьмеркообразная петля) удерживался на дышле поперечной чекой. Передний конец дышла выступал вперед из-под ярма и подтягивался к нему тяжем.

Тремя видами представлены в комплексе земледельческого инвентаря орудия для боронования: тахта мола, сих (ших, зих) мола (дандона), шох мола²³. Тахта мола (наиболее распространенный тип бороны) имела вид массивной доски — бруса. Ее назначение — разбивать комья земли после пахоты и заглаживать участок. Этим достигается разрушение капилляров верхнего слоя пашни, что предохраняет поле от высыхания вследствие уменьшения испарения, выравнивание участка, необходимое для равномерного полива, измельчение земли для достижения требуемой структуры.

Мола (тахта) делали обычно из дерева с крепкой древесиной (абрикос, шелковица, карагач, джида, орех) и очень редко из тополя или осокоря. Плоскости доски тщательно выравнивали. Мола должна была быть не короче ярма, чтобы закрывать землей следы волов, но могла быть и длиннее. Ширина доски равнялась 20—35 см, толщина — 8—15 см, в зависимости от имевшегося материала. Исключение составляла тяжелая борона — кок мола, кора мола, или курук мола (применявшаяся в долине р. Ангрэн, районах Пскента и Чиназа). Ее ширина достигала 45, а толщина 25 см, по словам информаторов, такую молу использовали только после взмета сильно задернованной или зарослями тростника целины для размельчения и уборки крупных кусков дерна.

Последующая обработка участка для получения мелкокомковатой структуры почвы производилась обычной молой. Лишь в к. Кульдамарык (Ташкентский район) было упомянуто об использовании егочмола в форме округлого бревна.

Местным вариантом бороны была шоти мола — борона из двух параллельных брусьев, соединенных четырьмя перекладинами — пила поя (Маргиланский уезд Ферганской области). Она служила для дробления крупных ссохшихся глыб пашни, которые обычная борона не могла разбить и останавливалась или вдавливала их в землю, тогда как сравнительно легкая шоти мола захватывала глыбы в свои клетки, где они рассыпались во время движения.

Существовала еще сих мола, отличавшаяся от тахта мола наличием двух рядов деревянных или железных зубьев — сих, расположенных в шахматном порядке (рис. 1, 3, 4). Число зубьев в ряду этой бороны разное — 6—13, расстояние между ними от 13 до 35 см. Этот вид бороны употреблялся в данном регионе только в рисоводстве (шоликорлик), где после пахоты участок обрабатывали сих молдой для более тщательного уничтожения сорняков, измельчения комьев и взмучивания глины. Сразу после обработки земли сих молдой производили посев. Имея в хозяйстве сих мола, крестьянин при необходимости использовал ее гладкую сторону (паст мола) вместо тахта мола, но иногда в хозяйстве были обе бороны. Размеры сих и тахта мола были примерно одинаковые, лишь в Чиназе и долине р. Ангрэн сих мола делали более

тяжелой (толстой) из-за необходимости постоянного уничтожения корневищ тростника.

Все перечисленные виды борон изготовляли те же мастера, которые делали омачи. Железные ножевидные зубья выковывали кузнецы. Сих мола в основном изготовляли с деревянными зубьями, с железными зубьями они встречались редко, даже в окрестностях Ташкента (к. Кульдамарык) в начале XX в. Более широкое распространение железные зубья получают лишь с 20-х годов.

В большинстве районов, изготавливая мола, мастер просверливал в доске два горизонтальных сквозных поперечных отверстия, расстояние между которыми на переднем ребре бороны было меньше, чем на заднем. В отверстия вставляли и заклинивали жерди из веток карагача или тута (мола бута, мола боу, кашак). Свободные передние концы связывали веревкой, которую прикрепляли или прямо к ярму, или к особой палке, соединявшейся, в свою очередь, тяжем с ярмом. Эта соединительная палка заканчивалась крюком (мола илмок), за который зацеплялась петля тяжа, в других случаях на ее переднем конце было два-три отверстия для чеки (кулок чуп), удерживавшей также петлю тяжа. В ряде районов вместо деревянных жердей использовали веревки (аргамчи), закреплявшиеся передними концами на ярме. Такое соединение чаще применяли в местностях с неровным рельефом.

На территории Ташкентской области, наряду с боронами, крепившимися к ярму с помощью жердей или веревок, изготовляли бороны с дышлом (мола уки)²⁴. В одних случаях дышло неподвижно закреплялось клином в сквозном отверстии, вырезанном посередине мола, в других — дышло (мола ёгоч, мола поя) заканчивалось развилкой, крючки на концах которой (занджир) зацеплялись за соответствующие кольца — петли (халка) на бороне.

Мола с жестко закрепленным дышлом использовались лишь в долине р. Ангрэн в хозяйствах, занимавшихся рисоводством. Крестьяне объясняли, что наличие такого дышла позволяло проводить борону у самого края обвалованного участка, не задевая валик, тогда как при веревочном и жердевом соединении было труднее выдерживать прямолинейный ход бороны²⁵. Такое же дышло было и у тяжелой бороны — кох мола.

В зависимости от условий работы — размера кесака (крупных комьев), рельефа участка, размера и силы быков — регулировали длину крепления бороны с ярмом, подтягивая или отпуская соединительную веревку или переставляя чеку в отверстиях дышла. Во время боронования крестьянин стоял на моле, иногда рядом с ним на доску становились еще два-три человека для увеличения тяжести бороны. Чтобы сохранить равновесие во время работы крестьянин держался за специальную веревку, привязанную к ярму, или за шест, который вставляли в вертикальное отверстие на бороне.

Шох мола — борона из веток²⁶ применялась на поливных землях лишь в некоторых районах и только в тех случаях, когда на пашне было много комьев. Вслед за ней поле обрабатывали тахта молай. Гораздо шире шох мола использовали в неполивном зерноводстве, иногда ею даже заменяли омач. На рыхлой старопашотной пашне после дождей, гарантировавших урожай, сеяли пшеницу и ячмень без предварительной пахоты, закрывая семена с помощью шох мола, которая рыхлила верхний трех-пятисантиметровый слой. Это позволяло быстро засеивать большой участок²⁷.

Шох мола по мере надобности ежегодно изготовляли сами крестьяне. Самый простой, но реже встречавшийся вариант шох мола изготовлялся из нескольких веток кустарника или деревьев, связанных ком-

лями. Обычно же ее изготовляли так: брали двойные (раздвоенные у основания) или одинарные ветки, в развилки пропускали шест (хода), а для одинарных использовали два шеста, между которыми раскладывали ветки, затем, отступя на 0,8—1,5 м от переднего шеста, ветки вторично крепились двумя поперечными шестами (верхним и нижним); место соединения связывали веревками, прутьями, а к краям переднего шеста (шестов) привязывали веревки, другие концы которых закрепляли на ярме. Рабочая ширина шох мола — не более 2 м, длина 1,2—2 м. Шох мола утяжеляли камнями, ветками, колючкой и комьями земли.

Самым распространенным, универсальным орудием земледельцев региона была своеобразная мотыга — кетмень (кетмон, каланд — тадж). Известны случаи, когда его использовали вместо омача в хозяйствах, не имевших рабочего скота и пахотного орудия на мелких наделах, а также для перекапывания старых люцерников²⁸. Кетменем подготавливали целинный участок к пахоте; очищали его от кустарника и других растений; осуществляли планировку участка; разбивали крупные комья земли после пахоты; разбрасывали удобрения; делали палы — валики, ограждавшие участки, на которых полив производился затоплением; приготавливали арыки и грядки при джужачном способе выращивания хлопчатника, для огородных и бахчевых культур; многократно окучивали пропашные культуры. Кетмень был единственным орудием поливальщиков, открывавших и закрывавших выпускные-впускные отверстия для воды в арыках, бороздах полевой оросительной системы. Все работы по созданию и поддержанию оросительных и мелиоративных систем производились исключительно кетменем²⁹. По меньшей мере один кетмень был в каждом хозяйстве.

Изготовление кетменей в условиях кустарной кузницы было сложной и трудоемкой работой. Их производство было сосредоточено в ремесленных кузнечных центрах (рис. 3), так как сельские кузнецы занимались только ремонтом инвентаря. Далеко не все кузнецы из ремесленных центров вырабатывали кетмени. Кетменщик относился к числу мастеров высшей квалификации.

Процесс изготовления кетменя был особенно сложен до 1907—1910 гг. После этих лет из России стало поступать листовое железо, что упростило работу кетменщиков. До этого с российских заводов в Туркестан привозили полосовое железо толщиной в 8 мм, шириной 70—80 мм и длиной 1500—1250 мм. Мастера называли его тахта темир. В конце XIX и первом десятилетии XX в. кетмень делали из пяти-шести частей, флюсом служила бура—танакор. Такие кетмени называли бешбулак кетмон³⁰.

После первоначальной формовки лопасти кетменя мастер пробивал в середине ее верхнего края отверстие, отгибая края кверху. В это отверстие (мура, гирвон) снизу вставляли втулку (зугата), широкие нижние лопасти которой (кулок) «приваривали» к наружной поверхности кетменя. Иногда соединение усиливали заклепками — парчин мих³¹. Обычно втулка укреплялась под углом в 75—80° к лопасти. Кетмень, предназначенный для окучивания и очистки участков от растительности, имел более наклонную втулку, 65—70°, и его нередко называли чопик кетмон.

Во время последующей обработки заготовки мастер подгибал (наружу или внутрь) края верхней утолщенной части лопасти. При переходе на боковую грань эту закраину изгибали под углом. Изгиб закраины, разделявший ее на верхнюю часть — елка и боковую, нередко вогнутую — чувук, характерен для всех вариантов ферганских форм кетменя. Закраина служила жестким ребром, с помощью которого уве-

личивался вес верхней части кетменя. В тех случаях, когда листовое железо ограничивало возможности изготовления массивной закраины, его подгибали вдвойне или же дополнительно наваривали железо у основания втулки. Уже при подготовке лопасти кетменя кузнец делал нижнюю половину более тонкой. Заканчивая отделку, он утончал ее чеканкой, равномерно сводя толщину лопасти от 7—8 мм у закраины до 2—3 мм у лезвия. При этом лопасть делали вогнутой, причем степень вогнутости зависела от назначения кетменя.

Для работы на отвале земли, для поливальщиков кетмень делали более вогнутым. Вдоль режущего края по всему периметру лезвия до закраины специально проковывали для заточки полосу шириной до 2 см. Нередко мастер наносил на вогнутую поверхность зубильцем узор из насечек. Качественный кетмень из хорошего железа служил не менее трех-пяти лет. Широкой известностью пользовались чустские и кокандские кетмени (последние изготовляли в кишлаке Коштегирмон в 30 км к востоку от г. Коканда). Благодаря поденщикам — мардикерам, приходившим из Ферганской долины в Ташкентскую область, кокандский кетмень стал широко известен, считался самым производительным на окучивании хлопчатника. По сообщениям информаторов, при найме поденщиков на свои плантации баи учитывали, какой кетмень был у рабочего³².

Помимо указанных двух центров кетменного производства были известны кетмени из Ходжента (Ленинабад) и Канибадама, Ашта, Намангана, Маргилана, Шарихана, Андижана и Оша.

Картографирование наиболее распространенных вариантов формы ферганского кетменя убеждает в непосредственной взаимосвязи специфики форм орудия и механических свойств почвы. Кокандская, Маргиланская и Шариханская формы, прямоугольные или трапециевидные, имели удлиненную, расширяющуюся книзу (иногда значительно) рабочую часть с прямым или слегка скругленным лезвием и были рассчитаны на сравнительно легкие земли. Кетмень северных и южных предгорных районов долины был меньших размеров, с округлым лезвием. Кроме того, закраину делали более конической и массивной около втулки, чем достигалось концентрированное утяжеление орудия — таковы аштский, чустский, андижанско-ошский и чимионский варианты формы. Все они предназначались для использования на сравнительно тяжелых и даже каменистых почвах.

Кетмени Ташкентской области, единообразные по форме, различались лишь по размерам и весу. Вес повсеместно был важным показателем характеристики кетменя. В пределах каждого варианта формы существовали кетмени разного, точно определенного веса. При заказе и покупке орудия обязательно фигурировало указание веса в кадаках³³. Весьма распространено воспоминание о кетмене весом в 15 кадаков (6 кг). Однако в конце XIX в. и позднее наиболее известны кетмени в 7—10 кадаков (3—4 кг) для перекопки участков, подготовки бахчей и ирригационно-мелиоративных работ. Более легкие кетмени весом в 2,5 кг приобретали для окучивания растений, очистки мелкой оросительной сети и поливов.

Деревянные рукоятки кетменя были слегка расширены книзу и заклинивались во втулке. Их длина определялась обычно в 11—12 ладоней покупателя. Стремясь к уменьшению угла между лопастью и рукоятью, особенно при очистке участков, предназначенных под пашню, и при окучивании, пользовались слабо изогнутой рукоятью.

Наряду с кетменем существовали еще некоторые разновидности мотыжных орудий типа теши³⁴ и кирки. Они были распространены только в предгорьях, где преобладали каменистые почвы. В Аштском

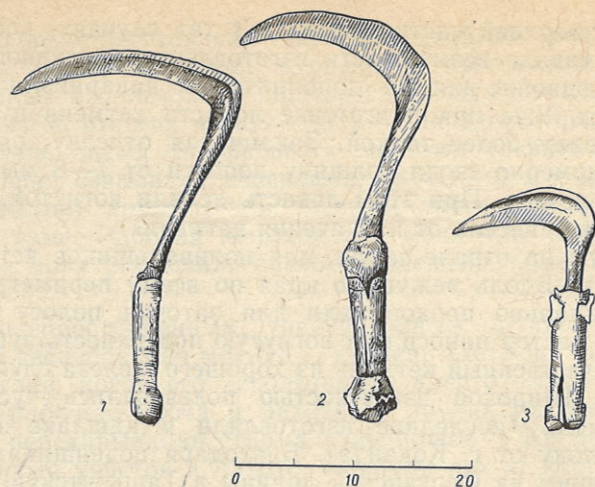

Рис. 4.

1. Распространенная форма серпа, г. Маргилан, Ферганская область. 2. Серп «ой-нуса урак», к. Чимион, Ферганская область. 3. Серп для подрезания виноградной лозы, к. Сукок, Ташкентская область

(Таджикистан) и Чустском районах таким орудием был чок (в Чусте-сурги), он представлял собой узкую, массивную (2 и 1,6 кг) прочную мотыгу с лезвием, поперечным рукояти (рис. 2, 4), пользовались им для очистки поля от камней и кустарника, для разбивания крупных комьев земли, мотыженья и окучивания.

При рытье каналов, арыков употребляли киркообразное орудие — зогнул (Ашт) или чукуч (Чуст)³⁵. Подобное орудие во Фрунзенском районе Ошской области киргизы называли каркан (харкан).

Единственным жатвенным орудием был серп. При кажущемся единообразии серпов Ташкента и Ферганы среди них бытовали две формы, кроме того, они различались еще по размерам, виду и качеству материала. Все серпы этого района были гладколезвийные. Наиболее массовая повсеместная форма серпа та, у которой деревянная рукоять (даста) с копытообразным уступом на конце (для упора руки жнеца), расположена под прямым углом по отношению к лезвию (тыг). Стержень, соединяющий лезвие и рукоять, — предручье (буйин) образует с лезвием угол в 60—80° и соответственно с рукоятью угол в 150—170° (рис. 4, 1). Стержень заканчивается симметричным расширением в виде двух выступов и заостренным черенком, между выступами посередине пробивали отверстие для гвоздя. Передний конец деревянной ручки серпа имел специальный вырез в 1/2 диаметра. В середину ручки вставляли раскаленный черенок, а выступы загибали вверх, плотно обжимая образовавшейся несомкнутой втулкой ручку, и пропускали гвоздь, конец которого забивали в дерево. Этим достигалось весьма прочное скрепление металлической и деревянной частей серпа. Место соединения лезвия и стержня тщательно проковывали и на нем нередко размещали повторяющиеся оттиски знака мастера, что дополнительно уплотняло соединение и одновременно украшало орудие. Плоскость режущей части серпа была слегка отогнута кверху по отношению к плоскости ручки и стержня, что позволяло делать срез ниже, не опуская руку к самой земле, причем плоскость лезвия была горизонтальной. Самым крупным, массивным был серп для резки камыша. Режущая часть лезвия такого серпа наваривалась из стальных напиль-

ников и даже из иголок при отсутствии другого стального сырья. Такой напай позволял работать серпом без заточки длительное время.

В Ферганской долине основными заказчиками этого вида серпа — камиш (пичонг) урок — были каракалпаки из Центральной Ферганы, а в Ташкентской области — казахи, жившие вдоль берегов Сырдарьи. Размеры серпов для жатвы зависели от вида сельскохозяйственных культур, силы и привычки крестьянина; изготовлялись также малые — детские серпы и серпы различных размеров для левшей (иногда 1 из 10). Считалось, что для жатвы риса лучше использовать серп с узким и тонким лезвием, а для жатвы пшеницы — с более широким. При разной толщине и ширине кривизна лезвия была незначительна, она резко изменялась только к острому свисающему концу. Старые сточенные серпы имели короткое и почти прямое лезвие.

В южных районах Ферганской долины (Чимионская волость) и в предгорной полосе Ташкентской области (кишлаки Нанай, Богустан, Сиджак, Брич-мулла) наряду с универсальным серпом был известен серп с округлым широким лезвием — ойнусха урок³⁶. Информаторы указывают, что им пользовались для жатвы мягких сортов пшеницы (рис. 4, 2). Существовало два приема жатвы серпами. Легко осыпавшиеся сорта пшеницы, ячменя и других культур жали, срезая захваченный левой рукой пучок стеблей потягом на себя; неосыпавшиеся сорта, культуры, шедшие на корм скоту, и растения с толстым стеблем — ударом сбоку³⁷. По-видимому, этим можно объяснить некоторые различия в форме лезвия серпа, отмеченные как в Ферганской долине, так и на территории Ташкентской области³⁸. Для решения этого вопроса нужно привлечение сравнительных материалов из разных регионов.

В районе интенсивного виноградарства (селения Паркент, Сукок и др. Ташкентской области) для подрезания лозы употребляли орудие урокча или ток урок, представляющий собой малый серп с короткой толстой треугольной рабочей частью (рис. 4, 3). Это орудие имеет формальные признаки серпа и поэтому относится к серпообразным³⁹.

В Ташкентской области в последней четверти XIX в. местное население употребляло русскую косу (чалги руслар) только для косьбы люцерны и клевера. В начале XX в. появились первые серпы местного типа, у которых лезвие из косы литовки было приклепано к стержню (чалги урок)⁴⁰. Такой серп предпочитали для уборки риса, но использовали также для жатвы — клевера, маша и пшеницы.

В районы Ферганы и Ташкентской области на уборку зерновых приходили жнецы из Каратегина и Матчи. Обычно они приносили серпы с собой или покупали их на базарах и у кузнецов, а иногда получали от нанимателя. Изредка покупали и русский серп (Ташкентская область), у которого стачивали зубцы, после чего жали рис и пшеницу⁴¹.

Во время работы наемные жнецы надевали на правую руку нарукавник — энг(и)ча из ткани или голенища от старого сапога, на левую — перчатку из мягкой кожи — кулкоп (Ташкентская область) или нарукавники на обе руки. В Ферганской долине такими нарукавниками практически не пользовались, да и в Ташкентской области они встречались редко.

Почти повсеместно крестьяне обследованной территории пользовались для обмолота хлебов особой плетеной волокушей — вал, увал (Ташкентская область, Ферганская долина), чапар (Ферганская долина).

Вал (чапар), как и борону шох мола для разовой работы, делали из веток, устройство же молотильной плетенки — волокуши было другим. Для ее изготовления выбирали 8—16 веток карагача или джиды

длиной 60—80 см, причем ветки обязательно должны были быть двойными, с развилкой от комля. В развилки пропускали толстую поперечную жердь — хода, нередко и сзади были еще одна-две поперечные жерди. Продольные ветки переплетали поперечными, укрепляя соединения веревками-прутьями. Вал утяжеляли, заплетая камни, наваливая сверху ветки колючего кустарника — чанги (а)л, снопы. Рабочая ширина вала достигала 4 м, толщина — 40—50 см. Вал тащили или два быка, или одна-две лошади. От тягла зависел способ крепления вала, который соединялся посредством двух жердей-оглобель или веревок с хомутом (при одном тягловом животном), или же веревками (аргамчи) через специальный деревянный крюк (увални туганак) с тяжем ярма.

Самым распространенным был обмолот с помощью скота (волов). Для этого связанных друг с другом в ряд животных, главным образом волов, гоняли по кругу. Рис, маш и ряд других культур обмолачивали исключительно таким способом и только с волами. Лошадей для этой цели использовали редко и не во всех районах. Молотильной плетенкой пользовались исключительно для обмолота пшеницы⁴². Вал заменял 4—5 быков на хирмане (токе), ускорял процесс молотьбы и обеспечивал выход качественного мелкого самана. После первоначального веяния оставшиеся колосья молотили с помощью скота, но без вала, так как с ним не достигали полного вымолачивания зерна.

Во время работы с валом снопы укладывали колосьями навстречу движущейся плетенке. Чем дольше работал вал, тем он становился тяжелее от соломы и колосьев, забившихся между веток, отчего молотьба шла эффективнее. Вал был распространен шире, чем шох мола и применялся всюду, где имелись значительные посевы пшеницы. Только в двух районах (к. Нарын-Капа, Уч-Курганского района, Наманганской области, Аимский р-н, Андижанской области) обследованной территории информаторы отрицали использование вала. Широкое его применение объясняется нехваткой у крестьян рабочего скота, так как на токе требовалось для одновременной работы не менее 4—5 быков или 6—7 лошадей. Иногда для ускорения молотьбы на большом хирмане пускали по кругу один за другим два вала (с. Чиназ).

В отдельных районах для обмолота урожая с небольшого участка, а также собранных в поле опавших колосьев, и в случае острой нужды пользовались специальными молотильными палками-колотушками — тукмок, напоминающими по форме скалку, длиной 75—100 см с короткой ручкой⁴³. В начале XX в. в северных районах Ташкентской области отмечено использование каменных катков для молотьбы.

Кроме перечисленных орудий, на хирмане пользовались лопатой, двумя видами вил, двумя типами решет, а также трамбовкой для подготовки площадки тока.

Деревянная лопата для веяния зерна (ёгоч курак) была цельной или составной. Лопата представляла собой лопасть (курак), с косо срезанными концами, соединенную с ручкой (соп). Место соединения закрепляли гвоздями и обмоткой из ремней или полосок железа. Лопасть была прямоугольная, иногда слегка расширенная книзу и несколько вогнутая.

Изготовлением лопат занимались плотники, и часто делали их для продажи на базаре. Лопата была в каждом хозяйстве, так же как и вилы. Последние различались по количеству зубьев и назначению. Например, для переворачивания снопов на токе и для уборки неизмельчаемой рисовой соломы использовали айри — двузубые вилы. Их иногда делали крестьяне из подходящей ветки с развилкой. С помощью пятизубых вил (панжшоха, бешилик) производили отделение зерна от соломы (первичное веяние). Их изготавливали икчи — токари по дереву, в их

числе ремесленники из групп среднеазиатских цыган — мазанг, люли. Такие вилы чаще всего приобретали на местных базарах.

Изготавливали вилы из веток шелковицы (тут). Для этого отдельно вытачивали остроконечные зубья, рукоять, вырезали поперечную планку с отверстиями для зубьев и рукояти. В специальном станке зубья изгибали и после этого собирали вилы. Иногда, по заказу мастера изготовляли двузубые айри⁴⁴.

Как правило, на хирмане пользовались еще решетом. Различали два вида решета; большое — с крупной шестигранной ячейей — паррак, на котором просеивали обмолоченное зерно, отделяя его от недообмолоченных колосьев (чор) и меньшее — гальвир (он мог иметь ячейю двух размеров), использовавшееся при последующей обработке зерна на крупорушках, мельницах, а также в качестве меры при дележе зерна на токе. Для насыпания и переноса зерна использовали еще емкость типа решета — кепчик, но без сетки, с глухим дном из кожи.

Решето состояло из деревянного обода (каскон) с сеткой, сплетенной из полосок кожи — тасма. Изготовлением решет занимались мастера, принадлежавшие к разным группам среднеазиатских цыган. Свою продукцию они распродавали на местных базарах.

В тех районах, где грунт площадки для тока нуждался в специальном уплотнении, применяли самодельную трамбовку — олчин, изготовленную из бревна с прибитыми к ней рукоятками.

Для огородных и других работ кузнецы региона изготовляли для дехкан мелкие орудия, такие, как белча (таталауч) — небольшая коленчатая лопаточка для прополки посадок лука и моркови, особая лопатка на длинной ручке — кабгил, используемая для посева хлопка и бахчевых на грядах.

К инвентарю земледельцев относятся также различные средства для транспортировки удобрений, семян и урожая — это арбы, сани-волокуши, мешки для вьючных перевозок, тачки, носилки. С использованием распространенной в равнинных районах кокандской арбы связано применение особого устройства из досок — огдарма, позволяющего быстро выгружать удобрения на поле, и плетеных из прутьев стенок для перевозки хлопка и бахчевых.

В районах с сильно пересеченным рельефом вместо арбы употребляли сани-волокуши — чигина (чигна, чийна), аналогичные детально описанным в литературе⁴⁵. Там же широко применялись вьючные перевозки, для которых изготовляли особые мешки, плетенные из камыша — каши. На полях для разбрасывания удобрений и других нужд пользовались тачками (галтак) с одним деревянным колесом и еще более широко применяли носилки — замбар, состоящие из небольшого плетеного из ивовых веток кузова с двумя продольными палками.

Таков в целом был комплекс сельскохозяйственного инвентаря земледельцев Ферганского и Ташкентского оазисов и их предгорного окружения в конце XIX — первой четверти XX в.

Отмеченные варианты форм орудий одного вида, использование в отдельных местностях некоторых специфических орудий или форм связаны в указанный период прежде всего с естественно-географическими условиями и сложившимися местными экономическими и культурными традициями. Связь тех или иных видов и форм орудий с конкретными этническими группами опосредствована особенностями расселения этих групп в определенных ландшафтных зонах. В этом вопросе наибольший интерес представляет терминологическое разнообразие.

Разнообразие форм позволяет разрабатывать типологические таблицы по отдельным видам орудий, однако классификация и картографирование в пределах данного комплекса не имеют смысла и могут

быть проведены только после изучения сельскохозяйственного инвентаря по всей территории Узбекистана и после сопоставления типов орудий и выявленных комплексов.

В заключение следует отметить, что по орудиям сельского хозяйства обследованную территорию, несмотря на некоторые порайонные отличия, можно рассматривать как единую область.

¹ Сбор материалов проведен автором в составе Ферганского отряда Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР.

² Наиболее ценные сведения по рассматриваемому вопросу в пределах обследованной территории содержатся в работах: Н. Н. Александров, Описание имения «Андреевский хутор» товарищества большой Ярославской мануфактуры в Ферганской области.— «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. X, Ташкент, 1902; его же, Земледелие в Сыр-Дарьинской области.— Приложение к журн. «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, 1916—1917 гг.; Г. Гельцер, Кетмень, омач и плуг. Сельскохозяйственная серия, вып. 10, Ташкент, 1923; А. П. Демидов, Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. Библиотека хлопкового дела, кн. 3, М., 1926 г.; Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVIII, Душанбе, 1960; А. Ф. Миддендорф, Очерки Ферганской долины, Спб., 1882; В. П. Наливкин, Очерки земледелия в Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости», 1880, №№ 11, 13, 15, 18, 19, 24, 25, 28, 29; его же, По поводу книги А. Ф. Миддендорфа «Очерки Ферганской долины», «Туркестанские ведомости», 1883, №№ 35—39 и др.

³ Л. А. Фирштейн, Земледельческие орудия таджиков и узбеков (по материалам МАЭ).— сборник МАЭ, т. XXVI. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии, Л., 1970. В статье приведены подробные сведения о 79 земледельческих орудиях и приспособлениях, собранных в МАЭ, из разных районов Средней Азии.

⁴ Ташкентская, Ферганская, Андижанская и Наманганская области УзССР.

⁵ Н. Н. Александров, Земледелие в Сыр-Дарьинской области, стр. 79; В. И. Юферев, Курс частного хлопководства (курс лекций), Среднеазиатский Государственный Университет, Ташкент, Лекция 8—10, стр. 104—106 (рукопись).

⁶ В указанных областях дехканином называли каждого крестьянина, работавшего на своем участке и владевшего парой волов.

⁷ Так, на специальном участке дровяного базара (ўтинбозор) в Намангане продавали омачи.

⁸ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований.— СЭ, 1967, № 1, стр. 87, ссылка 23.

⁹ Ср.: Л. А. Фирштейн, Земледельческие орудия..., стр. 153.

¹⁰ На эти особенности работы с омачом обращал внимание В. И. Юферев в своем «Курсе частного хлопководства...», стр. 105.

¹¹ Длительность использования орудия зависела от материала, из которого оно было изготовлено, характера почв и работы (обрабатываемая площадь, глубина и прочие условия пахоты), а также аккуратности владельца.

¹² Распорка между дышлом и стойкой характерна для омачей и в ряде других областей Узбекистана, а в данном регионе более нигде не отмечена.

¹³ Омач с дышлом, приспособленным к определенному тяглу, соответственно хукиз омоч (бычий), от омоч (лошадиный), туя омоч (верблюжий), эшак омоч (ослиный).

¹⁴ Чамбарак использовали также для проведения поливных борозд (эгат). Для этой цели в некоторых районах вместо чамбарака на острый конец полоза насаживали старый кетмень рабочей плоскостью вверх или по бокам стойки привязывали две палки — канот. Любое из этих приспособлений обеспечивало проведение борозд требуемой ширины и глубины.

¹⁵ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 2.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. LXI, Сталинабад, 1958, стр. 37. Л. А. Фирштейн, Земледельческие орудия..., стр. 160. Сведения о существовании одам омоч были подтверждены только в Касансайском районе Наманганской области, где он был отмечен в 1928 г. М. С. Андреевым. При этом крестьяне указывали, что этим омачом пользовались лишь для пахоты на неполивных землях.

¹⁶ Все информаторы категорически отрицали использование кованого наконечника в виде остроконечной листовидной лопатки, подобного хранящемуся в Ошском областном краеведческом музее Киргизской ССР (инв. № 44, к. п. 214/287).

¹⁷ См.: Н. Н. Александров, О земледелии в Сыр-Дарьинской области, стр. 78; О. А. Сухарева, К вопросу о литье металлов в Средней Азии. Занятия и быт народов Средней Азии.— «Среднеазиатский этнографический сборник», III. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XCVII, Л., 1971, стр. 151.

- ¹⁸ Полевая запись автора 31 октября 1968. Дневник № 4, стр. 32.
- ¹⁹ Инв. № 4556. Колл. № 90—89. Привезен зав. отделом музея А. Султановым из сел. Дашнабад Сурхандарьинской области в 1962 г. Происхождение наконечника № 1460—19 точно не установлено, но предполагается, что он сделан в Ташкентской области.
- ²⁰ A. Bežkovič, Zur Frage der Rinderanschirung in Osteuropa, — «Národopisný věstník československý», III—IV, Brno, 1969, рис. 36 и стр. 147.
- ²¹ Здесь и ниже даны размеры ярма для волов.
- ²² При пахоте на лошадях, ослах на шею животного надевали матерчатый хомут (буйинча), набитый соломой, в который упиралось ярмо.
- ²³ В отдельных селениях (к. Сукок, Ташкентский уезд, к. Кара Джигач, Маргиланский уезд) крестьяне не имели специальных борон. Они боронили лежащим на боку омачом, соединенным с ярмом веревкой; ее концы завязывали на дышло и полозе. Называлось это умоч мола, исфор мола.
- ²⁴ Дышло у бороны и омача соединялось с ярмом одинаково.
- ²⁵ В Учкурганском районе в аналогичных условиях использовали веревочное соединение бороны с ярмом.
- ²⁶ В с. Пскент такая борона называлась тикон мола (тикон — колючка), в с. Аб-лык шох мола использовалась как приспособление для молотбы.
- ²⁷ Такой метод характерен для малоимущих хозяйств, располагавших в лучшем случае одной парой тягловых животных.
- ²⁸ А. Ф. Миддендорф, Очерки..., стр. 232; М. И. Бродовский, Технические производства в Туркестанском крае, СПб., 1875, стр. 73; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, стр. 37—38; А. Н. Зимулин, Сельское хозяйство, — сб. «Современный кишлак Средней Азии», вып. VI, Исфаринская волость Ферганской области, Ташкент, 1927, стр. 27—28.
- ²⁹ Единственное сообщение потомственного кузнеца из сел. Шарихан Якуба Хайдарова (запись 20 сентября 1968 г.) об использовании в прошлом для рытья и очистки дренажных каналов (зауров) местной лопаты (бел) не подтверждено другими информаторами. Кетмень (в других районах — лопата) и сегодня является одним из ведущих ручных орудий труда земледельцев Средней Азии.
- ³⁰ С. Иброхимов, Фаргона шеваларининг касб-хунар лексикаси, к. II—III, Тошкент, 1959, рис. 12, табл. 5, стр. 431.
- ³¹ При употреблении кузнецами древесного угля из арчи или абрикоса соединение было прочным и заклепки не делали.
- ³² Ташкентским кетменем делали четыре удара для окучивания куста хлопчатника, а кокандским уже с двух ударов достигали нужного результата (Полевая запись в сел. Пскент, 1968).
- ³³ Кадак — приблизительно соответствовал русскому фунту (400 гр).
- ³⁴ Тесловидный проушный топор с поперечным лезвием.
- ³⁵ Чукуч — инструмент для обработки камня.
- ³⁶ Иброхимов, Фаргона..., стр. 434, табл. 8, рис. 3 и 4.
- ³⁷ Запись от 29 октября 1968 г., г. Маргилан, к. Охчи. Дневник № 4, стр. 25.
- ³⁸ По объяснению маргиланского кузнеца Хакима Мамаджанова в районе Андижана жали, срезая стебли на себя. Поэтому андижанский серп имел более изогнутое лезвие, чем маргиланский. В районе Маргилана обычно срезали пучок ударом сбоку (запись от 22.X.1968 г. Дневник № 3, стр. 70).
- ³⁹ В других районах Средней Азии известны варианты этого серпа разного назначения. Таковыми, в частности, являются орокча — малый обоюдоострый серп для уборки стеблей хлопчатника, применявшийся в Туркмении (фонды ГМЭ народов СССР колл. № 5231-4), дудама — для прополки огородных культур, зафиксированный в Гиждуванском районе Бухарской области (фонды ГМЭ народов СССР, колл. № 7895-9).
- ⁴⁰ В настоящее время такие серпы получили широкое распространение.
- ⁴¹ Запись от 7 декабря 1968 г. Дневник № 6, стр. 25, г. Пскент.
- ⁴² От вала сухие, хрупкие стебли ячменя рассыпались в пыль, отчего терялся ценный корм для скота. Поэтому ячмень валом не молотили.
- ⁴³ Такая палка-колотушка отмечена в западных районах Наманганской области. Этими палками обмолачивали маш. Аналогичное орудие описано в книге «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 141, рис. 22.
- ⁴⁴ Фонды ГМЭ народов СССР, колл. № 7840—13. Наманганский уезд.
- ⁴⁵ «Таджики Каратегина и Дарваза», стр. 134, рис. 15.

Р. Я. Рассудова

О ВИДАХ ПОЛИВНЫХ И НЕПОЛИВНЫХ ЗЕМЕЛЬ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В настоящем сообщении мы пытаемся систематизировать многочисленные земельные термины и определить взаимосвязь их с теми землями, к которым они применялись в тех или иных районах и в различной этнической среде.

Для исследования этого вопроса нами используются помимо литературных полевые материалы, которые собирались в течение ряда лет во время полевых работ в составе археологических экспедиций ЛОИИМК (1949—1950 гг.), Среднеазиатской этнографической экспедиции (1959—1970 гг.), а также в годы постоянного жительства в Ферганской долине и в Ташкенте.

Основными районами наших полевых исследований являлись верхняя и нижняя части Кашкадарьинской оросительной системы; предгорные и степные районы, низовья Даргомской системы и Мианкальское междуречье — в Самаркандской области. В Ташкентском оазисе мы обследовали окрестности Ташкента, верховья Чирчика, Паркентскую группу кишлаков и несколько селений на р. Ангрен, Беговат на Сырдарье и др. Терминология Ферганской долины дается по материалам Сохской, Шахмарданско-Исфайрамской и Карадарьинской ирригационных систем, а также по ряду восточных районов Ферганского хребта. На севере Ферганской долины мы работали в районах Чадакской, Гавинской и Касансайской ирригационных систем.

Полевые материалы о видах земельных угодий и их наименованиях собирались нами в процессе изучения всей организации земледельческого хозяйства, ирригации и социальных отношений в каждом отдельном кишлаке, районе, по целой водной системе. В результате этого удалось выяснить, в чем заключались особенности каждого из видов земель, как они подразделялись самим населением. Кроме того, выявилась многозначность некоторых терминов, отражавших иногда не только различные, присущие данному виду земельных угодий черты (способы орошения и др.), но и другие явления, например преобладающую на этой земле культуру. При довольно большом разнообразии терминов, применявшихся к одним и тем же видам земель в разных районах, существовали и различия в понимании самих терминов, в их произношении, а также несоответствие многих из них общепринятому толкованию в литературе.

Как известно, земледельческая деятельность населения Средней Азии в первую очередь определялась возможностями и способами орошения. В соответствии с этим важным обстоятельством земли разделялись на искусственно орошаемые и орошаемые естественными осад-

ками, т. е. на поливные и неполивные. Однако, по сообщениям крестьян, подтверждаемым исследованиями ряда агрономов и ирригаторов, помимо указанного основного деления земель имелся еще ряд разновидностей земельных угодий, обусловленных особенностями рельефа почвы и различием возделывавшихся на них культур.

По данным Н. Н. Александрова¹, Е. А. Смирнова², М. Н. Бродовского³, А. И. Шахназарова⁴ и В. И. Масальского⁵, неполивные земли Средней Азии подразделялись на три категории.

Первая категория неполивных земель (лессовая почва с примесью глины) располагалась на высоте 400—700 м (2 тыс. футов) над уровнем моря (в дальнейшем — н. у. м.) и получала атмосферных осадков всего в количестве 250—300 мм. Поэтому для сохранения и экономного расходования влаги крестьяне применяли определенные агрономические приемы: редкий посев (6 пудов на десятину, при 8 пудах — на орошаемых землях), глыбистый пар, отказ от боронования, широкую практику паровой системы (залежь встречалась изредка). Однако, несмотря на подобные меры, посевы часто гибли весной из-за засухи. Ввиду этого, определяя примерно атмосферные осадки предстоящего года на основе своих народных фенологических агрономических познаний, крестьяне сеяли на неполивных землях не ежегодно, а в зависимости от расчета на достаточное количество влаги.

Основной культурой на этих угодьях была пшеница, урожайность которой бывала низкой и едва покрывала расходы крестьянина даже в благоприятные годы. Этот вид неполивного земледелия имел подсобное значение. Крупные массивы описанной выше категории неполивных земель располагались на юго-западе Самаркандской области (к югу от р. Зеравшан). В Ташкентской области они располагались вокруг Зангиата, Ниязбека, в Акджарской волости; в западной части Чимкентского уезда — вокруг Аулиеата (современный Джамбул). Кроме указанных больших массивов множество небольших участков были разбросаны вблизи оазисов и попеременно с поливными землями в центре долин.

Вторая категория неполивных земель, поднимаясь примерно с 700 до 1500 м (от 2—3 тыс. до 5 тыс. футов) н. у. м., тянулась вдоль предгорий и гор; они, привлекая к себе дождевые тучи, обеспечивали достаточное и постоянное количество осадков (300—400 мм). Большая часть почв здесь относилась к желтозему и краснозему с примесью гравия. Полеводство на этой категории земель составляло основу земледелия крестьян. Земли здесь возделывались ежегодно и давали хорошие урожаи. Для поддержания плодородия применялись не только паровая система, но и более сложные приемы; залежная система отсутствовала. Располагались эти земли в северной, восточной и юго-восточной частях Самаркандской области (Актепинская, Тусунская волости, предгорья Нуратинских, Мальгузарских и Каратепинских гор) и продолжались до Ура-Тюбе, в Ходжентском уезде, вокруг Ходжакента и Турбата в Ташкентском оазисе. В Фергане они тянулись по предгорьям северной, восточной и южной окраин долины. Главными культурами на этих землях были пшеница и ячмень.

Третья категория неполивных земель поднималась выше 1500 м (5 тыс. футов) н. у. м., где осадков выпадает более 500 мм. Почвы на этой высоте большей частью относились к черноземным суглинкам. Паровая система была вытеснена залежной, местами переходящей в пастбища. В связи с пониженной температурой здесь высевали лишь рожь, ячмень, просо и редко пшеницу.

Термины, применявшиеся населением в отношении неполивных земель, можно разделить на повсеместно распространенные и имевшие

ограниченное употребление. По сведениям В. В. Бартольда, извлеченным им из источников X в., в Средней Азии неполивные земли независимо от вышеуказанных видов начиная с X в. обозначали термином ляльми⁶. Судя по поздним материалам, он сохранился и в XIX—XX вв., хотя и в различных вариациях: лолим, лалми — в Нурате⁷, ляльляма — среди жителей гор вокруг долины рек Чирчик, Келес и Ангрэн⁸, яльм, ляльм, йольм — в долине Хуф, расположенной по притоку Пянджа⁹. Казахи, а вслед за ними и русские Чернышевского уезда (впоследствии Чимкентского) неполивные земли называли тальме¹⁰. Объяснения этого слова мы не нашли. Возможно, оно является одним из искажений первоначального ляльми. Термин ляльми в разных вариантах был известен и в верховьях Зеравшана, Кашкадарьи, в долине Сурхандарьи.

Для обозначения неполивных земель в Средней Азии существовал еще один термин — дейми, дюме, думе. Слово дайм обозначает мелкий, непрерывный дождь; производные от него дийме — свет, сияние, роса, зерновой хлеб; и, наконец, дайме — поле, орошаемое одним дождем¹¹. Как указывает В. В. Бартольд, в X в. термин дейми наряду с ляльми был широко распространен в Средней Азии. Однако в XIX—XX вв. он встречается лишь на территории Туркмении, а за ее пределами — в Иране. Более широкое употребление этого слова в прошлом, по-видимому, подтверждает сохранявшееся в языке многих среднеазиатских народов слово дём, имеющее значение влага, испарение, дуновение, произрастание¹².

Земля ляльми могла возделываться только при наличии атмосферных осадков в определенное время года и при достаточном их количестве. Для освоения этих земель не строились какие-либо ирригационные водосборные и другие сооружения; человек появлялся на них лишь для посева и уборки урожая.

Термин ляльми население знает повсюду. Мы слышали его в предгорьях Ташкентского оазиса, в северной части Ферганской долины как среди таджиков, так и среди тюркоязычного населения. Как отмечает Ю. Г. Саушкин¹³, этот термин сохранился у населения, живущего в районах, расположенных к северу от Сырдарьи; к югу от Ферганской долины, на Алае его зафиксировал в конце XIX в. Н. А. Маев¹⁴. Распространение его в других районах Средней Азии мы отмечали выше.

Третий термин для обозначения неполивных земель — кайраки был также широко распространен, как и ляльми, и был известен среди тюркского и таджикского населения. Слово кайраки — твердый, хрустеть в соответствии со своим значением применялось к камням, булыжнику, к бруску для точения, а также к особому виду пшеницы (яровой) — кайраки бугдай, возделывавшемуся только на неполивных землях¹⁵. По словам Н. Дингельштедта и А. И. Шахназарова, этот вид пшеницы обладал высоким качеством зерна, это же отмечало и местное население (особенно его крепость). Для приготовления различных мучных изделий местное население предпочитало эту пшеницу, считая, что хлеб из нее вкуснее, а тесто получается плотным и эластичным.

Посев пшеницы кайраки на неполивных землях был настолько обычным и широко распространенным, что население этот термин перенесло и на землю. В повседневном употреблении термин кайраки встречался у населения Зеравшанской долины, на Чирчике и Ангрэне, в Чимкентском уезде, в южных и восточных предгорных окраинах Ферганы, т. е. в тех районах, где в основном проживали узбеки, киргизы¹⁶, казахи и некоторые другие группы тюркского населения; этот термин знали и таджики Каратегина и Дарваза¹⁷.

Наряду с ляльми и кайраки, для обозначения неполивных земель

нами зафиксирован еще ряд терминов. К ним относятся буз — целина, кыр — холмистая степь, дашт — степь, равнина, сахро — степь, пустыня и адир — холм, горный склон¹⁸. Обозначение неполивных земель термином буз, видимо, можно объяснить тем, что для восстановления плодородия этих земель крестьяне оставляли их незасеянными до трех лет¹⁹. Поэтому, когда вновь возделывали такие земли, то их как бы приравнивали к целинным.

Район распространения термина дашт, дашт ер определялся его значением. Он применялся к тем землям, которые были расположены в степных частях долины, куда прежде не представлялось возможным провести ирригационные каналы²⁰. Степь имела и второе название — чуль. Однако нам не приходилось слышать, чтобы этим термином в степных районах крестьяне называли неполивные пашни. Они говорят — «мы имеем земли в даште», а термин чуль употребляют пастухи, они говорят — «погнал овец в чуль», т. е. в степь, пустыню²¹. Термин сахро в значении неполивных земель отмечается среди таджиков.

Крестьяне под посевы занимали не только ровные пространства, дашт или сахро, но и холмы различной высоты и определенных уклонов. Они назывались адир, причем в соответствии с рельефом этот термин употреблялся и в значении неполивных земель.

Таким образом, в результате сопоставления территориального распространения терминов, означавших неполивные земли, устанавливается следующее.

Термин ляльми, как уже отмечалось нами, был распространен всюду — в долинах, предгорьях и горах независимо от этнической принадлежности населения. Причина его повсеместного употребления, как нам представляется, состояла в том, что это слово выражало самую главную особенность неполивных земель, резко отличавшую их от поливных. Таковой является источник орошения земель, в данном случае это естественные осадки, запас зимней влаги в виде снега и весенние дожди. Воздействие же естественных осадков на хлебные злаки проявляется в хороших вкусовых качествах и особой крепости зерна, что было оценено местным населением и выражено словом кайраки. Хотя термины ляльми и кайраки были распространены всюду, последний больше употреблялся тюркским населением (казахами, киргизами), а первый — там, где преобладали таджики. Оба термина употреблялись в предгорьях и горах, где располагались неполивные земли второй категории.

Термин дашт (или сахро) и буз отмечались нами в районах распространения неполивных земель первой категории, причем в зависимости от рельефа или системы полеводства бывал один из них. Здесь сказывалась еще этническая принадлежность крестьян: термин сахро отмечался в основном среди таджиков²², дашт и буз — среди тюркского населения.

Для обозначения третьей категории неполивных земель, расположенных в зоне высокогорной пустыни, специального термина в литературе мы не встречали. По устному сообщению Н. А. Кислякова, в Дарвазе и Каратегине неполивные посевы назывались пушта. Значение этого слова можно понять двояко: это — холм, насыпь, плоскогорье или же неполивные земли, удаленные от селений в горы, обычно расположенные за этими селениями, сверху, на склонах гор (производное от слова пушт — спина). В других районах и для высокогорных полей употреблялся термин сахро. В верховьях р. Чирчик нам неоднократно приходилось слышать, что неполивные земли называли там термином лолами, а также дала.

В ряде мест этой высокогорной зоны мы встречали рассмотренные

выше термины уже в ином значении. Так, под «дашти обурдон» в верховьях Зеравшана подразумевались орошаемые земли на ровной террасе у конуса выноса ручья (сообщение Е. М. Пещеровой). Н. И. Вавилов также указывает, что в горных долинах Афганистана (у Барфака к югу от Кафиристана) ручьи, вытекающие из боковых ущелий, легко разбирались по, так называемым даштакам²³. Двойное значение термина дашт отмечает и К. Шаниязов, хотя и не указывает на районы бытования его в значении поливной земли. По его наблюдениям, термином дашт обозначалась земля (пахотная, пастбищная), находящаяся вне черты селения. Не обязательно, чтобы эта земля была неполивной, она могла быть и поливной.

С конца XIX в. в русской литературе неполивные земли все чаще выступают под термином богара. При этом, если вначале приводились еще и вышеуказанные старые термины²⁴, то позднее многие авторы их опускали и пользовались только словами богара, богарные земли или посевы. В настоящее время в литературе и словарях для неполивных земель полностью утвердился термин богара²⁵. Однако еще в начале XX в. ряд авторов, в основном агрономы и ирригаторы, т. е. люди по роду своей деятельности постоянно и непосредственно связанные с местными крестьянами, выступали против обозначения неполивных земель термином богара.

Причина неверного применения этого термина в дореволюционной литературе объясняется тем, что с XIX в. поселявшиеся в Средней Азии русские крестьяне, переселенцы начали практиковать, как прежде у себя в России, озимые посевы зерновых на неполивных землях, известных здесь как ляльми (кайраки, дашт).

Н. Н. Александров очень четко и убедительно доказывал необоснованность употребления термина богара в применении к землям ляльми, основываясь на том, что местные крестьяне словом бахори называют яровую пшеницу и на поливных, и на неполивных землях, а озимые на неполивных землях они отмечают совершенно определенным термином — кузги. Русские же крестьяне название яровых посевов — бахори перенесли на все посевы неорошаемой земли, хотя на ней возделывали и озимые. Местные крестьяне лишь в ряде случаев употребляли термин бахори, богара в общем значении неполивных земель²⁶.

По мнению крестьян долины Зеравшана, где мы уточняли значение этого термина, — поскольку на неполивных землях здесь возделывали только весенние яровые, а весной сеяли яровые и на искусственно орошаемых землях — термин бахори не мог служить определением именно неполивных посевов. Крестьяне верховьев Чирчика, Паркентской группы кишлаков, где неполивные земли засевались и весной, и, особенно, осенью, совершенно уверенно заявляли, что на землях лоламикор они возделывают бахори и тирамои. Этими названиями они различали время посевов; такое же деление существовало и на поливных землях, называвшихся здесь обча²⁷.

В результате внедрения термина богара в общем значении неполивных земель некоторое расхождение с действительностью дают материалы сельскохозяйственных переписей 1917—1920 гг. Так, по утверждению крестьян, в бывшей Чустской волости были земли бахорикор; по переписи же отмечено полное отсутствие богарных земель. И напротив, в соседнем Кассане местные жители отрицают наличие земель бахори, тогда как из переписи 1920 г. следует, что они там имелись и даже 0,1% пашни засевалось исключительно озимой пшеницей²⁸. Причина этого противоречия, так же как и наличия земель, определяемых самим населением термином бахорикор, станет ясной при рассмотрении различных видов орошаемых земель, в частности, соотношения

яровых и озимых посевов на этих землях. Сопоставление материалов сельскохозяйственных переписей 1917 г. с нашими полевыми материалами, как нам представляется, позволяет сделать некоторые существенные выводы по этому вопросу.

Таблица
Распространение посевов яровой и озимой
пшеницы в трех областях Туркменистана
на неполивных землях в 1917 г. *,
% к общей площади неполивных посевов

Область	Уезд	Оседлые хозяйства		Кочевые хозяйства	
		озимая	яровая	озимая	яровая
Самаркандская	Каттакурганский	7,7	86,3	—	—
	Самаркандский	10,3	77,4	—	—
	Джизакский	4,0	76,6	7,2	90,7
	Ходжентский	6,6	76,0	—	—
Ферганская	Кокандский	20,3	49,5	0,4	96,7
	Скобелевский	33,4	59,2	1,6	95,8
	Андижанский	10,5	88,7	24,9	67,9
	Наманганский	24,1	67,0	0,1	95,3
Сырдарьинская	Ташкентский	56,6	41,5	—	—
	Аулиеатинский	4,1	93,3	4,8	86,6
	Чимкентский	25,8	73,4	4,1	90,6
	Голдностепский	17,9	68,4	—	—
	Казалинский	—	—	9,0	54,7
	Перовский	5,4	78,3	0,8	95,5
	Туркестанский	—	98,4	—	85,0

* По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. См. «Статистический ежегодник 1917—1923 гг.», т. II, ч. III, Ташкент, 1924, табл. 3, стр. 40—63.

По материалам указанной переписи неполивное земледелие, основанное на атмосферных осадках, полностью отсутствовало в двух областях Средней Азии — в низовьях Амударьи и в высокогорных районах. Это обстоятельство объясняется крайней недостаточностью осадков в первом районе и большой высотой второго района, характеризующегося низкой температурой и каменистыми почвами.

По степени распространения озимых и яровых посевов на неполивных землях в Средней Азии можно выделить значительные районы, в которых преобладали яровые и в которых — озимые. К первым относились северные присырдарьинские области, Зеравшанская и, в меньшей степени, Ферганская долины, ко вторым — Прикаспийские районы и Ташкентский оазис. Зеравшанская долина отличалась особенной незначительностью озимых посевов на неполивных землях; их площадь в Ферганской долине повышалась в шесть раз, а в Ташкентском оазисе — в десять, причем яровые в первых двух долинах занимали примерно одинаковое место.

Тенденция преобладания яровых над озимыми особенно резко проявляется при рассмотрении ее по природным зонам и по оседлым и ко-

чевым районам (см. табл.). Из таблицы видно, что в Средней Азии (как и неполивное земледелие в целом) яровые преобладали в предгорных зонах, среди кочевников, озимые же отмечались в основном в более низких районах, с оседлым населением.

Поливными считались те земли, на которые вода доставлялась человеком с помощью различных систем каналов и сооружений. Эти земли с точки зрения общего экономического значения разделялись на два вида.

Первый вид, имевший меньшее значение,— земли, располагавшиеся по возвышенным предгорным местам, источником орошения которых служили мелкие горные речки, ручьи, ключи или кяризы — искусственные галлерей для вывода подземных вод. Воды на этих землях было недостаточно для возделывания полевых интенсивных культур, поэтому их занимали в основном лишь огородными культурами, люцерной, садами и в меньшей степени разными злаковыми. Этот вид земледелия считался дополнением к основному для данных мест — неполивному полеводству. Экономисты предполагали, что размеры таких поливных земель составляли 2,5% всей орошенной площади Туркестана. Эти земли назывались сувли, оби.

Поливные земли *второго вида* были расположены в больших долинах и полностью обуславливали характер местного земледелия. Они занимали значительно большую площадь, чем первые — 97,5% всех орошаемых земель, однако по отношению ко всей территории Туркестана составляли всего лишь 2,5%²⁹. Водным источником земель второго вида служили крупные реки ледниково-снегового питания, от которых были выведены магистрали, образующие сложные ирригационные системы. Эти земли также назывались сувли, оби и тирамой.

Орошаемая крупной рекой долина обычно на всем своем пространстве имела различную поверхность, влиявшую на почвы, количество оросительной воды, на состав культур и их состояние. Население долины четко разделяло пойменную часть и первую над ней террасу, причем последняя поднималась на различную высоту в различных долинах. Пойма реки часто являлась не только обильно орошаемой, но даже заливаемой частью долины, к тому же здесь высоко располагались и подпочвенные воды. Крестьяне этих мест возделывали преимущественно влаголюбивые растения — рис, джугару. Из-за обилия воды растения буйно разрастались и приобретали сочные темно-зеленые тона. В этих местах нередко встречались заросли кустарников и камышей.

Такие долины имелись на протяжении всего низовья Амударьи, в долине Зеравшана они сосредоточивались по среднему течению реки. Большие пространства подобных земель отмечались как в верховьях реки Сырдарьи, так и по ее среднему течению. В указанных районах эти земли назывались тугай, т. е. кустарниковые заросли (в Хорезме, Ташкенте и Фергане), дайровод — долина реки, или карадайровод (кара — черный) и карадарахт (дарахт — дерево) — в долине Зеравшана и в Фергане.

Надпойменная терраса, расположенная на различной высоте и неодинаково удаленная от реки, имела различную конфигурацию. Эта часть долин, по-видимому, не имела особого названия, отличного от широко известных терминов обикор или сувли. Лишь на Зеравшане, в отличие от поймы карадайровод, надпойменную террасу, называли чурдайровод, т. е. степная, маловодная часть долины. Для населения же предгорий и гор долина выступала в едином понятии, без ее расчленения на отдельные части, отчего и называлась одним каким-либо словом. Таковым было повсеместно распространенное слово паст — низ,

низменность. Кроме него в окрестностях Зеравшана употребляли слова улахат³⁰ (известное в русском произношении как вилайет, т. е. область), дайравод и карадарахт, в Ташкентском оазисе — тема, в Фергане — дайровод.

Местное население делило поливные земли еще на два вида. Основанием для этого служили возделывавшиеся на них культуры. Как известно, в условиях Средней Азии были распространены две категории культур, резко отличавшихся по вегетационным периодам. К первой категории относились пшеница, ячмень, просо. Их высевали ранней весной, а урожай убирали в конце мая, самое позднее в начале июня, в зависимости от различных районов. Во вторую категорию входили все остальные растения. Земли, отводившиеся под эти категории культур, были не всюду одинаковы, они различались своим расположением. В долинной части вторую категорию культур высевали вслед за первой, на одних и тех же землях, а в предгорьях для них отводили совершенно различные участки, удаленные друг от друга и с разными источниками орошения.

В литературе каждая категория культур приводится под двумя названиями: первая — ак и бахори, вторая — кук и тирамои, тиримоги³¹. Слова ак и кук обозначают общую окраску культур: ак (буквально — белый) — светлую окраску пшеницы, ячменя, а кук (зеленый) — различные оттенки зеленых цветов, сохраняющиеся даже в спелом состоянии у джугары, кукурузы, хлопчатника, бахчевых и других культур. Первые термины обеих групп растений (ак и кук) местным населением не перенесены на название земли. Что же касается вторых терминов (бахори и тирамои), то они используются также в качестве определения вида земли. Однако в литературе их значение мало освещено и несколько запутано.

Термин бахори в приложении к поливным землям в литературе не известен вовсе. Как мы уже указывали, под этим термином русские авторы издавна понимали неполивные земли, полагая, что он происходит от слова бахор — весна. Действительно, это время года характеризуется увеличением теплых солнечных дней. Для крестьян это время являлось периодом спешных полевых работ (обработка пашен и сев злаковых зерновых), особенно на неполивных землях, ляльми, кайраки, а также на поливных землях, расположенных в предгорьях, посевы на которых были рассчитаны на кратковременные весенние паводковые воды. В некоторых районах поливные земли предгорий (северная и юго-западная окраины Ферганской долины, юго-западная окраина Самаркандской области на Зеравшане) местные крестьяне называли бахорикор, т. е. возделывавшиеся весной.

Из литературных материалов известно, что поливные земли обозначались также термином тирамои (тирамоикор)³² наряду с оби или сувли. Многими авторами слово тирамои до сих пор переводится как осень, культуры же, объединенные им в одну категорию, считаются озимыми. Однако к категории тирамои причисляются и такие культуры, как рис, хлопчатник, джугара, маш и другие, т. е. культуры, высевавшиеся весной, с летней вегетацией³³. Уже в конце XIX в. некоторые авторы (М. Н. Бродовский, В. И. Масальский) недоумевали по поводу того, почему термином тирамои — озимые обозначали те культуры, которые сеялись в конце весны и начале лета и весь их вегетационный период проходил летом. Привлеченные нами дополнительные материалы показывают, что отмеченное недоразумение вполне можно разъяснить еще одним значением слова тирамои. Это слово состоит из двух частей: тир и мох, мох — месяц, тир — четвертый месяц древнеперсидского солнечного календаря, приходившегося на время от 22 июня по

22 июля³⁴. Таким образом, даже простой перевод этого слова не дает основания называть эти культуры озимыми, как это принято в литературе. Теперь можно понять, почему возделывавшиеся летом растения, а соответственно и земля, назывались тирамоикор, т. е. летние. Отсюда можно сделать заключение, что термином тирамои не обозначали озимые.

Нами уже отмечено, что в долинах весенние, т. е. первые яровые культуры — ак и бахори, и летние, т. е. вторые яровые — кук и тирамои возделывались друг за другом, часто на одних и тех же поливных землях. Население же в соответствии с тем, что главными здесь были летние яровые культуры, все поливные земли называло тирамоикор, употребляя этот термин наряду с обикор и сувли.

Иное положение существовало в предгорных районах. Здесь местное население четко отличало не только культуры, но и различные виды поливных земель. Те поливные участки, где выращивали летние или вторые яровые культуры, здесь так же называли тирамоикор, а где возделывали весенние или первые яровые — бахорикор. Таким образом, мы видим, что местное население термином бахорикор обозначало и поливные земли. Различие этих земель, обусловившее и состав культур, заключалось в источниках орошения, а также в их расположении.

Расположение поливных земель бахорикор было иным по сравнению с землями тирамоикор, и зависело от рельефа, наличия удобных площадей и местонахождения селения. Так, на юго-восточной окраине Самаркандской области, где горные речки были небольшими и в конце их у выхода в степь находилось одно-два селения, основные поливные земли сосредоточивались внизу по склонам, в самой котловине и у выхода реки из ущелья. Размеры таких земель соответствовали водным запасам речки; с изменением количества воды сокращались или расширялись посевы вторых яровых. Далее, ниже и отдельно находились земли бахорикор, рассчитанные на кратковременное и незначительное орошение. Еще ниже, в степи, простирались массивы неполивных земель дашт.

В западной части северной окраины Ферганской долины горные речки имели значительный водный бассейн и большую протяженность; здесь насчитывалось немало кишлаков и земель, которые возделывались вокруг них.

Источником орошения бахорикор были паводковые воды, появлявшиеся весной в результате таяния снегов и обильных дождей. Для использования этих вод крестьяне Северной Ферганы совместными силами устраивали по несколько запруд в оврагах, руслах и горных речках. Каждую запруду возводила отдельная группа крестьян, на земли которых и шел выведенный от запруды канал. Поливаемый участок разделяли на площадки пайкал или пал, а последние на более мелкие части — обкал.

В Самаркандской области паводковые воды при выходе из ущелья направлялись по многочисленным оврагам (кроме основного русла реки санглак), расходящимся веерообразно у конца выноса. Крестьяне как бы продолжали эти неглубокие овраги и выводили их на более ровные земли, последние здесь также разбивались на отдельные участки пал.

На землях бахорикор выращивали лишь те культуры, вегетационный период которых был краток и которые требовали небольшого количества воды, так как вода поступала хотя и ежегодно, но непродолжительное время. Таковыми являлись пшеница, ячмень и просо, в некоторых местах кукуруза и даже джугара на корм скоту, а также ранние сорта арбузов. На землях, расположенных выше по каналу, крестьяне

старались засеять арбузы и дыни, а на нижних — пшеницу. К концу мая горные потоки иссякали, да и необходимости в поливах уже не было. В начале июня крестьяне приступали к жатве зерновых. Убрыв урожай с земель бахорикор, они все внимание и силы отдавали возделыванию тирамоикор, т. е. летних поливных земель.

На основе вышеизложенных материалов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, между терминами, бытовавшими среди местного населения относительно земель, и различными видами этих земель, существовала тесная взаимосвязь; в каждом случае они отражали наиболее важные и специфические свойства земель данного географического района. Поэтому термины дают возможность со значительной достоверностью определить ту или иную категорию земель.

Во-вторых, термин бахорикор в значении «неорошаемая земля», установившийся в литературе с конца XIX в., не соответствует пониманию его народом. В изучавшихся нами районах местные крестьяне под термином бахорикор выделяли тот вид поливных земель, который засеивали весенними, т. е. первыми яровыми культурами, рассчитанными на паводковые воды. Бахорикорные поливные земли предгорий располагались отдельно от поливных земель других категорий.

В-третьих, поливные земли, занятые озимыми, и термин тирамом, под которым они обозначаются в литературе, не соответствовали друг другу. Учитывая состав культур, объединяемых обычно этим термином, и его второе значение, встречающееся в исторических источниках, под тирамом следует понимать поливные земли, на которых высевались вторые летние яровые культуры, требующие длительного орошения.

¹ Н. Н. Александров, Земледелие в Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1916, стр. 129, 130, 136.

² Е. А. Смирнов, Сыр-Дарьинская область, СПб., 1887, стр. 131.

³ М. Н. Бродовский, Заметки о земледелии в Самаркандском районе, — «Русский Туркестан», Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. 2, М., 1872, стр. 235.

⁴ А. И. Шахназаров, Сельское хозяйство в Туркестанском крае, Ташкент, 1914.

⁵ В. И. Масальский, Россия, Туркестанский край, т. XIX, СПб., 1911, стр. 86—90.

⁶ В. В. Бартольд, К истории орошения в Туркестане, — Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 117. Термин мабхас также упоминаемый В. В. Бартольдом в этой работе, обозначал в X в., как и ляльми, — поле засеваемое под дождь. До настоящего времени он, по-видимому, не сохранился. В письменных документах чаще всего встречается термин ляльми, ляльмикор (О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVI—XIX вв., Ташкент, 1955, стр. 207).

⁷ Е. М. Пещерева, Полевой дневник, 1959, апрель. Архив Института этнографии АН СССР (Ленинград).

⁸ Н. Дингельштедт, Опыт изучения ирригации Туркестанского края, Сыр-Дарьинская область, ч. 1, СПб., 1893, стр. 168.

⁹ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, ч. 1, Душанбе, 1966, стр. 98.

¹⁰ Н. Н. Александров, Земледелие в Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1916, стр. 131.

¹¹ Н. Д. Ягелло, Персидско-арабско-русский словарь, Ташкент, 1910, стр. 680; «Персидско-русский словарь», сост. Б. В. Миллер, М., 1953, стр. 234; «Русско-туркменский словарь», сост. Н. А. Баскаков, М., 1956, стр. 46.

¹² В. В. Бартольд, К истории орошения в Туркестане, стр. 114; В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, Ташкент, 1918, стр. 9; И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.—Л., 1960, стр. 300; Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 566.

¹³ Ю. Г. Саушкин, Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза, М., 1947 г.

¹⁴ Н. А. Маев, Топографический очерк Туркестанского края, — «Русский Туркестан», вып. 1, М., 1872, стр. 78. Термины дейми, ляльми употреблялись и в Афганиста-

- не (Н. И. Вавилов, Д. Д. Букиннич, Земледельческий Афганистан, Л., 1929, стр. 218—219).
- ¹⁵ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. 2, СПб., 1899, стр. 21; «Узбекско-русский словарь», ред. С. Ф. Акабиров, М., 1959, стр. 598.
- ¹⁶ К. К. Юдахин, Киргизо-русский словарь, М., 1905, стр. 320.
- ¹⁷ «Таджики Қаратегина и Дарваза», вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 118; «К вопросу о русской колонизации Туркестанского края». Отчет А. А. Кауфмана, СПб., 1903, стр. 104—125.
- ¹⁸ «Узбекско-русский словарь», стр. 23, 93, 123, 359, 614.
- ¹⁹ Оставление неполивных земель незасеянными в течение трех лет было одним из агрономических приемов в местном земледелии. В течение этого времени данный участок считался принадлежащим тому крестьянину, который сеял на нем последним.
- ²⁰ В условиях почти исключительно поливного земледелия в зерашанском междуречье Мианкале узбеки (кипчаки и кырки), а также даргомские узбеки — найманы даштом называли также и орошаемые поля, в отличие от усадебно-садовых земель, которые называли хаёт (восточная часть Мианкаля и на Даргоме) или ёвон (западная часть Мианкаля).
- ²¹ «Узбекско-русский словарь», стр. 359.
- ²² М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 2, стр. 98; его же, Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г.— «Известия Турк. отд. РГО», т. XVII, 1924, стр. 122.
- ²³ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букиннич, Земледельческий Афганистан, стр. 139—140.
- ²⁴ М. Вирский, Статистические сведения по городам и волостям уездов Самаркандской области за 1897 г.; «Справочная книжка Самаркандской области», вып. VI, Самарканд, 1899; Е. А. Смирнов, Сыр-Дарьинская область, стр. 131.
- ²⁵ «Узбекско-русский словарь», стр. 238; «Персидско-русский словарь», стр. 234; «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.», вып. 1, Самарканд, 1924, стр. 1—36; П. П. Иванов, Хозяйство Джуйбарских Шейхов, М.—Л., 1954, стр. 72 и др.
- ²⁶ На восточной окраине южных склонов Актауских гор, окружающих с севера Зеравшанскую долину, в районе Ямбаши-Андак, население, наряду с терминами кайраки и ляльми, употребляло и бахори. Возможно, это объясняется тем, что поливные земли были заняты лишь садами и огородными культурами и совершенно не засеивались яровыми злаковыми. Таджики долины Хуф неполивные земли наряду с ляльми, сохрон также называли и бахори (М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 2, Душанбе, 1958, стр. 98).
- ²⁷ Полевые записи автора 1966—1970 гг.
- ²⁸ «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.», вып. 1, Ташкент, 1924, табл. 2, № 13, 30, § 69, 71, 101, 102, стр. 42—43.
- ²⁹ «Среднеазиатский экономический район», Ташкент, 1922, стр. 26—28.
- ³⁰ А. А. Кун, Очерки Шахриябского бекства,— «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. VI, СПб., 1880, стр. 219.
- ³¹ Там же.
- ³² «Таджикско-русский словарь», М., 1954, стр. 394; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, ч. 2, стр. 156, 167—168. По-видимому, этот термин даже там, где он употребляется в значении осеннего периода, не совпадал с осенью и, следовательно, не мог означать этого времени года.
- ³³ Состав культур тирамои не совсем одинаков в различных районах, в высоких и прохладных районах он более ограничен, чем в теплых местах. В основном же он всюду совпадает.
- ³⁴ А. Бирони, Избранные произведения, Ташкент, 1954, стр. 87, 188; А. А. Ромаскевич, Персидско-русский словарь, стр. 223, 231.

И. Мухиддинов

ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ОРОШЕНИЯ
И ПОЛИВ ПАХОТНЫХ ЗЕМЕЛЬ В ВАХАНЕ И ИШКАШИМЕ
(XIX — НАЧАЛО XX В.)

Основными материалами для данной статьи являются сведения, собранные автором во время этнографических экспедиций, организованных Институтом истории им. А. Дониша АН ТаджССР в Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикской ССР в 1968, 1969 и 1970 гг.

На протяжении многих веков земледелие наряду со скотоводством являлось важнейшим источником существования памирских таджиков, в том числе ваханцев и ишкашимцев¹.

Западный Памир, в частности, Вахан и Ишкашим, характеризуется чрезвычайной географической изолированностью, сочетанием эрозионных и ледниковых форм высокогорного рельефа, обилием труднопроходимых горных хребтов, осыпей, узких долин рек, на террасах и конусах выносов которых располагаются кишлаки и пахотные участки. Климат континентальный, сухой, а почвы — горно-степные, легко проницаемые для воды². Поэтому земледелие здесь возможно только при искусственном орошении, по определению Б. В. Андрианова, «горно-ручейкового типа»³; сеют только яровые культуры, так как из-за недостатка осадков и сильных зимних морозов озимый сев в Ишкашима и Вахане невозможен. Протянувшиеся вдоль правого берега р. Пяндж Шахдаринский и левого берега р. Памир Ваханский хребты и Гиндукуш имеют среднюю высоту над уровнем моря свыше 6500 м. Ледники их и являются главными источниками питания боковых притоков Пянджа. Следует отметить, что все обрабатываемые земли Вахана и Ишкашима расположены значительно выше уровня реки, выводить воду из которой население не умело, и это заставляло крестьян использовать для полива полей воды боковых притоков Пянджа, снеговые воды горных потоков, родников и временных ручьев, спускающихся вниз по ущельям.

Сама природа гор с обилием горных быстротекущих ручьев и речек подсказала человеку приемы и пути их использования для орошения полей. Н. И. Вавилов, изучая систему орошения в Горной Бухаре и Бадахшане, отметил, что «овладение водой для полива не требует здесь больших усилий. Горные потоки легко могут быть отведены самотеком на поля. В земледельческих районах Горной Бухары, в Бадахшане можно видеть до сих пор разнообразные примитивные этапы земледельческой эволюции, сохранившиеся, вероятно, неизменными целые тысячелетия и иллюстрирующие до сих пор различные фазы земледельческой культуры»⁴.

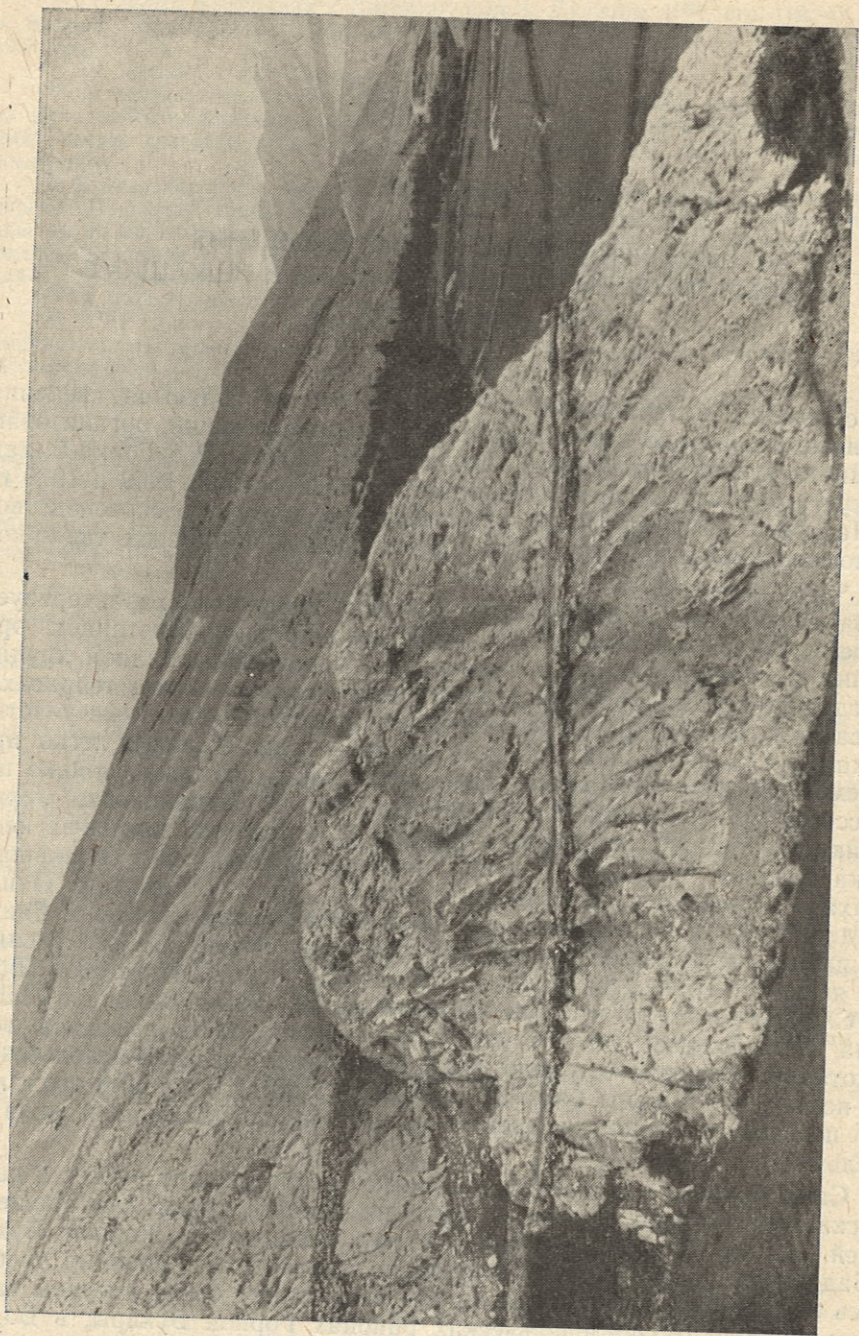

Рис. 1. Оросительный канал, проведенный по склону

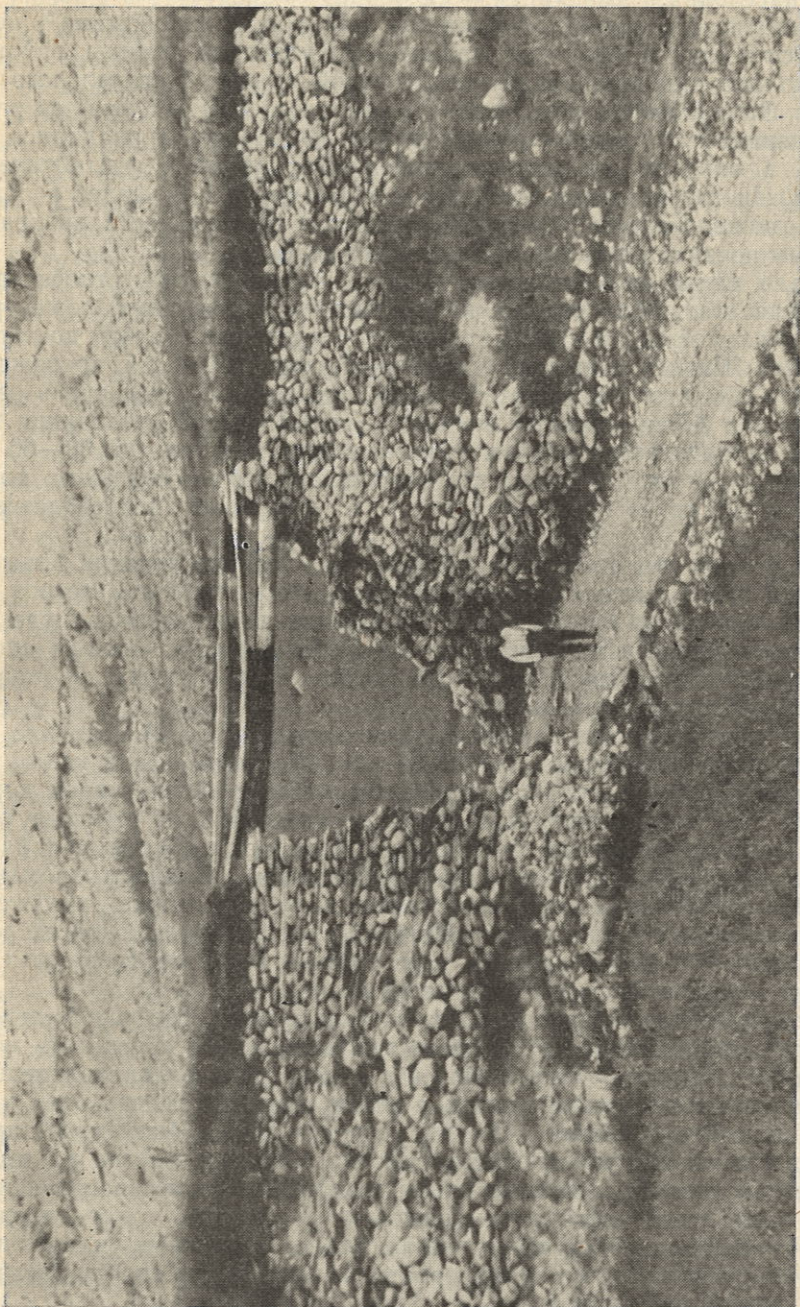

Рис. 2. Деревянный желоб (акведук) оросительного канала (кишлак Лянгар, Вахан)

С древнейших времен хозяйственная деятельность человека на Западном Памире отражает специфику местных географических условий. Рельеф, растительность, почвы и климат подчинены здесь вертикальной зональности, с которой связаны и традиционные особенности хозяйства населения.

В отличие от северных равнинных районов Таджикистана⁵, некоторых местностей Гиссарской долины и Кулябской группы районов, где несколько кишлаков снабжались водой одного оросительного канала, на Западном Памире, как и в Дарвазе, каждый кишлак имел свой отдельный оросительный канал (арык). Арыки проводились по-разному, в зависимости от топографических условий расположения кишлака. Иногда источник воды был расположен выше усадеб и полей, иногда — ниже. Каналы начинались высоко в горах и часто проходили по крутым почти вертикальным скалистым склонам.

Общая длина искусственных каналов на отдельных, относительно ровных участках, как правило, не превышала одного-двух, реже трех-четырех километров, а общая длина оросительных систем достигала 10—12 км. Ширина каналов у головных сооружений на протяжении до первого или второго разветвлений не превышала 1 м и очень редко доходила до 1,5 м, глубина же была от 60 до 80 см. Ниже первого или второго разветвления каналы имели ширину до 50—60 см, а глубину до 40 см. Распределители подавали воду нескольким хозяйствам, подводили ее к оросителям (т. е. к арыкам непосредственно на поля).

Ввиду того что по мере приближения к долине течение воды замедляется (на посевных землях на расстоянии десятков метров она течет медленнее), на конусах выносов и ступенчатых террасах, где расположены возделываемые участки, под оросительным каналом сделан ряд искусственных водосливов для предохранения почвы от эрозии, а стенок арыка от разрушения.

Искусственное ложе канала сооружалось из камней и носило специальное название «пыран» (в Вахане и Ишкашима). Если канал проходил над рекой или дорогой, то в этом месте с обеих сторон дороги или реки сооружали стены для акведука (желоба), на которые укладывали концы деревянных желобов для тока воды. Такие желоба называют «нув» (Вахан) или «нов» (Ишкашим). Важным элементом головных и магистральных сооружений является также водоотстойник — «чот» (Вахан) или «кул» (Ишкашим). При нормальной скорости течения воды нет необходимости в устройстве водоотстойника, так как функцию его выполняет головная часть канала.

Регулирование быстротекущих горных ручьев требует надежных приемов и гидротехнических средств для того, чтобы обеспечить полив полей и предупредить смыв почвы. Из целого ряда распределительных устройств в трассе каналов прежде всего следует отметить так называемые шлюзики — «ишын» (Вахан) или «воспин» (Ишкашим), имеющие вид каменной трапециевидной стенки. Для устройства их применяли камни, плоские каменные плиты и дерн. Для шлюзования использовали чаще всего плоские каменные плиты. Мелкие водораспределители, с помощью которых воду направляли на различные участки поля, часто перекрывали двумя-тремя простыми камнями, а сверху засыпали землей, глиной или дерном.

Характер поливных участков в этом районе зависит прежде всего от рельефа местности. Здесь поля расположены то в горах на разных уровнях, то по окраинам кишлаков, последнее относится к более ровным пахотным землям. Широкая разбросанность полей по склонам — одна из характерных черт возделываемых земель в Вахане и Ишка-

шиме. По своей конфигурации поля весьма разнообразны: треугольные, круглые и даже извилистые.

Тип искусственного орошения на Западном Памире мы определили как высокогорный. В первую очередь необходимо выделить два основных способа искусственного орошения — валиковый и струйчато-бороздковый, каждый из которых имеет несколько различных приемов подготовки поля для полива⁶. Применение того или иного способа зависело от характера уклона полей, структуры почвы и местных традиций.

Валиковый способ орошения применялся преимущественно на лессовых, аллювиальных почвах и на ровных полях. Валиковый способ назывался — «вырг» (Вахан) или «варг» (Ишкашим). Земля, подготовленная для орошения валиковым способом, называлась «вундыри вырг» (Вахан) или «замини варгй» (Ишкашим), т. е. «валиковая земля».

Струйчато-бороздковый способ применялся для орошения каменистых, песчаных, лессовых и аллювиальных почв, а также на полях, расположенных наклонно. Этот способ орошения назывался «джуйыкй» (Вахан и Ишкашим). Наряду со струйчато-бороздковым для полива бахчевых и садовых культур применяли его видоизмененный способ. Земли, орошаемые этим способом, назывались «вундыри джуйыкй» (Вахан) «замини чуйыкй» (Ишкашим), т. е. «джуйычные земли».

Орошение путем сплошного «затопления», отмечавшееся многими авторами по другим регионам Средней Азии⁷, в Вахане и Ишкашине не применялось.

Каждое поле, как правило, по всему периметру имеет арык. Эти арыки постоянны. Кроме них существуют временные арычки или борозды разной величины, выполняющие различные функции. Временные борозды ежегодно уничтожались и снова восстанавливались.

Валиковое орошение в Вахане было более сложным, чем в Ишкашине, а техника полива полей в последнем до некоторой степени отличалась от техники полива полей в Вахане. В техническом же отношении конструкция головной части систем при валиковом орошении Вахана и Ишкашима совпадают, они почти одинаковы: от постоянного (второстепенного) арыка через ишын (воспин)⁸ вода попадает в джуйгаш, сарраша⁹, а потом направляется к валикам.

До пуска воды к валикам необходимо хорошо подготовить «джуйгаш» (временный арычек), находящийся в головной части поля, для чего в каждом валике делают неглубокие вырезы [«варгнай фыц», букв. — «рот валика» (Ишкашим)], а чтобы вода не смыла «рот валика», укладывают дерн [«гывордк» (Вахан), «гыреш» (Ишкашим)]. Для того чтобы валики хорошо пропитались влагой и вода шла равномерно с обоих боков валика, при помощи деревянной лопаты стороны их выравнивают и только после этого приступают к орошению.

Первый полив в Вахане называется «тыпыч», второй — «буй йупк», третий — «труй йупк», четвертый — «цыбар йупк»; в Ишкашине первый — «хокоб», второй — «дыоба», третий — «сеоба», четвертый — «чороба»¹⁰ и т. д. При третьем или четвертом поливе в Вахане применяют еще «ишыни кардем», т. е. от верхнего джуйгаша до конца поля один раз пускается вода (см. ниже третий-четвертый полив).

Первый полив был самым трудным, он требовал особых приемов и внимания, чтобы земля не пострадала от эрозии. Об этом в свое время писал М. С. Андреев¹¹.

В процессе полива всегда участвовали два человека, что также отмечено и в Афганистане¹². Происходил он следующим образом: на небольшие участки в Ишкашине воду обычно первоначально пускали через ишын (но строго на площадь, ограниченную одним или двумя валиками) в джуйгаш; затем вода шла по джуйгашу до последнего ниж-

Рис. 3. Водораспределитель: «ишын» (Вахан), «воспин» (Ишкашим)

него валика и через проделанную щель попадала на всходы. Как только вода доходила до конца валика, ее пускали к соседнему, расположенному выше. При этом один из поливальщиков стоял на верхней части овеза, а второй ходил до конца валика и наблюдал за ходом воды. Туда, где почва оставалась сухой, направляли воду дополнительно. Таким же образом от нижнего, крайнего валика по очереди поливали вверх до следующего края поля. Если участок имел временный арык «рог», от него под прямым углом проводили два-три временных арычка — «овез» и воду пускали от постоянного арыка на временный — «рог», направляя ее до нижнего, последнего овеза. По овезам воду вели до последнего — крайнего валика.

Процесс полива в последнем случае отличался от описанного выше тем, что после полива каждого валика «овез» сводили на нет, а нижний и верхний валики приподнимали на уровень обычных, чтобы вода шла прямо от верхнего валика до конца поля. После этого воду направляли к верхнему овезу и до последнего валика процесс полива продолжался, как и в нижнем овезе. Таким же приемом поднимают воду до верхней части поля «сардова» (Ишкашим), «цавундр сарын» (Вахан). Здесь характерно то, что головной временный арычок (джуйгаш) оставался неизменным до окончания вегетационного периода. Воду пускали сверху до конца поля по выровненным временным арычкам «овез», отчего земля с посевом повторно пропитывалась влагой.

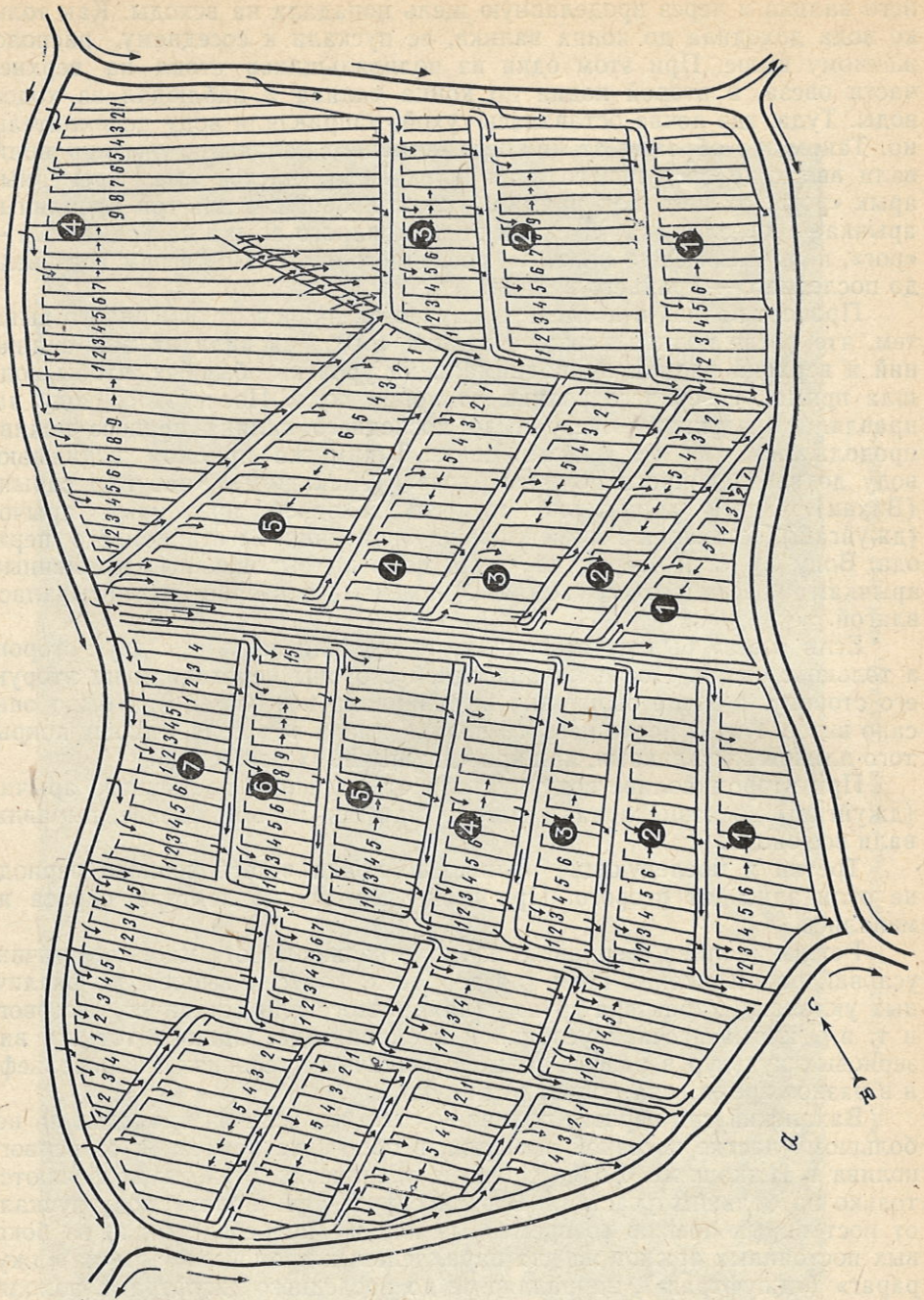
Если «овез» был двусторонним, то пускали воду не с двух сторон, а только с одной. После полива одной стороны переходили на вторую сторону, а после окончания выравнивали все овезы, как было описано выше. Почва после первого полива имела вид поля, сплошь покрытого длинными валиками, как при «джуйичном» орошении.

При втором поливе воду пускали от головного временного арычка (джуйгаш) до конца поля и так же, как при первом поливе, выравнивали все овезы.

Третий и последующие поливы до конца вегетационного периода не отличались от второго. При всех очередях коллекторы сброса не менялись.

Режим полива зерновых культур зависит от многих причин: условий расположения поля (на террасах, конусах выноса, на различных уклонах), характера грунта (каменистого или песчаного, лессового и т. п.), климатических условий и времени года. Один и тот же вид зерновых культур в разные годы, в различных условиях микрорельефа и в разное время года поливают по-разному.

Ваханский тип первого полива — «тыпыч», если он проходил на небольшом участке посевной площади, в общем не отличался от первого полива в Ишкашине. Более сложные технические приемы встречаются только на больших участках. В этом случае при поливе воду пускали от постоянных арыков во временные или же непосредственно из боковых постоянных арыков на два параллельных временных арычка «джурараг» («джуфтраг»), направляя ее до последнего джуфтрага, находящегося внизу поля («цавундрбынын» — Вахан). Однако вода бежала только по одному из параллельных арычков (джурараг), а именно по нижнему (верхний выполнял при этом роль временного коллектора «рвыр» — Вахан), отводящему воду из верхележащего джурарага до последнего валика, т. е. так же, как и в Ишкашине. Вода через маленькую щель попадает к росткам (т. е. всходам) и когда достигает конца первого валика, ее пускают ко второму, а потом к третьему и т. д. При каждом пуске воды к следующему по счету валику проход в нижнем валике перекрывается до второго полива. После полива из

α

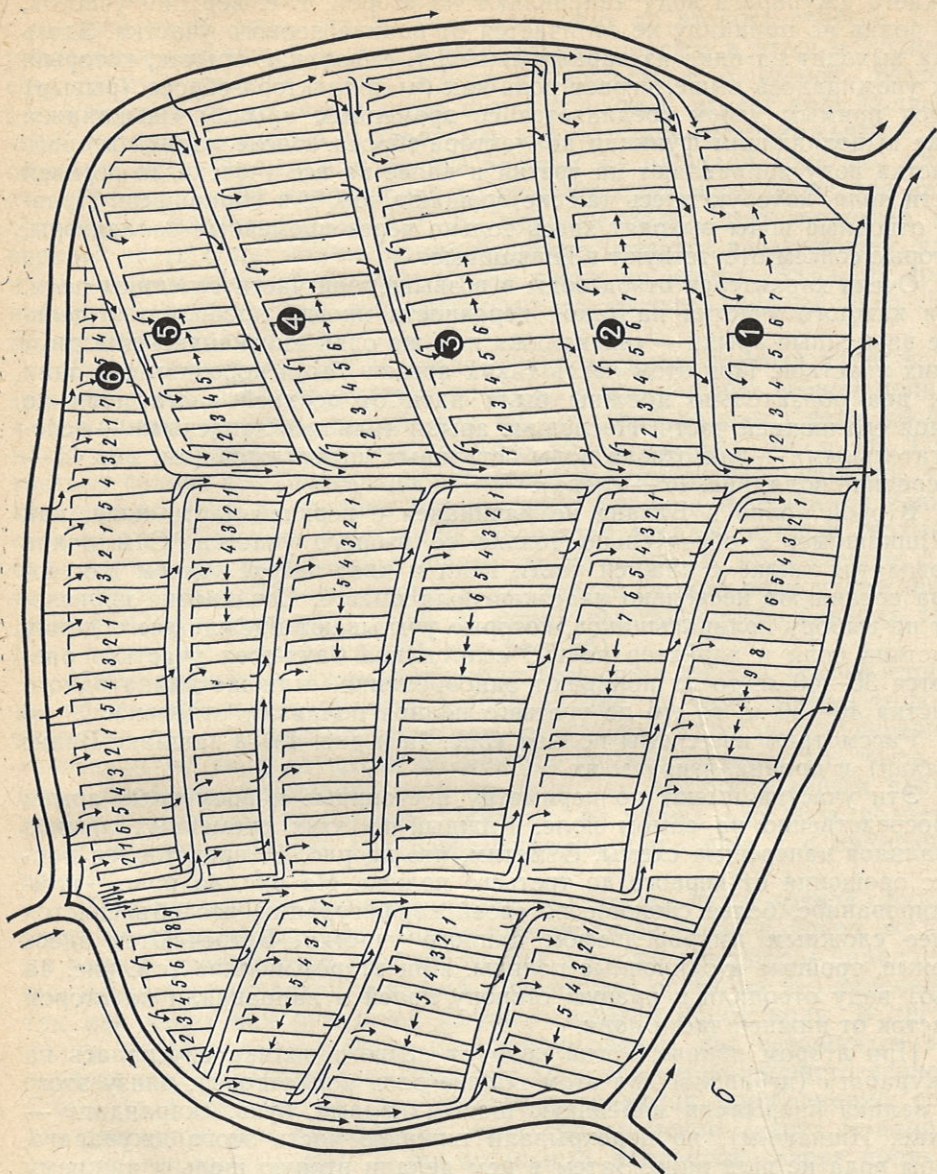

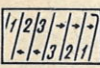
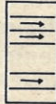
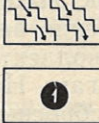

Рис. 4. Пуск воды при первом поливе на полях поливе на полях разной конфигурации (а и б)

-
Направление течения воды в арыках
-
Очередность пуска воды по валикам
-
Временные арыки ("шикандж", "рог", "нарджу")
-
Направление воды из постоянного арыка при валиковом орошении
-
Временные параллельные арыки ("джурага", "джуфтраг")
-
Различные виды соединения временных арыков при валиковом способе орошения
-
Очередность пуска воды по участкам полей

нижнего джурарага воду направляют на второй, т. е. верхний участок, его полив по принципу не отличается от полива первого участка. Здесь вода выходит на один из параллельных, т. е. верхний арычек, который, как упоминалось выше, играет роль как бы коллектора-сброса (рывыр) и под прямым углом соединяется со временным арыком «шыкандж», тоже выполняющим функции коллектора-сброса. После полива второго участка воду направляют на третий и далее на все участки до верхней части поля, которую здесь так же орошают, как и в Ишкашине. Правда, отводные воды выходят здесь только через временные коллекторы, которые совсем отсутствуют в Ишкашине.

Очень характерен отвод воды в возвышенной части середины поля. Для каждого участка на такой неровности иногда проводили отдельные временные арыки — «шыкандж» или же один «шыкандж» для двух таких участков. При этом часть таких арыков были короткими, а один или два обязательно должны были идти от верхней части поля до самой его нижней части. Последние арыки являлись запасными — вспомогательными — для отвода воды остальных шыканджов (см. рис. 4а — в середине поля, рис. 4б — слева).

Второй полив в Вахане не начинался с верхней части поля, как в Ишкашине, а обязательно только со второго участка. Сам полив проводится также с нижней части поля и идет вверх, причем для полива соединяют несколько участков поля вместе. Соединение происходит по выбору поливальщиков, которые учитывают прежде всего длину участков поля и характер почвы: если длина двух-трех участков равняется 35—40 м, то их поливают одновременно, если же длина одного участка 40—50 м, то его до третьего полива поливают отдельно.

Рассмотрим две схемы полива (рис. 4а и рис. 4б) в кишлаке Вранг (Вахан) и проанализируем их.

Эти участки имеют по периметру постоянные и временные арыки непосредственно на самом поле. Каждый из этих временных арыков и валиков нанесен на схемы. Отметим, что на рис. 4а представлен процесс орошения от первого до третьего полива. На рис. 4а поле — комбинированное, более сложное по своей конфигурации, что объясняется более сложным микрорельефом данного участка. Встречаются здесь парные, тройные и одиночные поливы. При втором поливе (см. рис. 4а и 4б) воду отводили в правую сторону полей и направляли на второй участок от нижней части поля.

При втором поливе, когда вода от первого валика спускалась на «джурараг» (игравший при этом поливе роль коллектора), внизу этого же валика прорывали маленькую щель («калам», букв. «карандаш» — Вахан, Ишкашим), но перекрывали нижнюю часть этого джурарага, чтобы вода не шла вниз. Затем в нем делали вторую щель к нижнему параллельному арычку, по которому вода шла к низлежащим валикам при первом поливе. После этого вода попадала на всходы второго участка, т. е. до конца поля. Мы видим здесь первый прием соединения двух участков при второй очереди полива, который и остается до конца вегетационного периода.

После этого воду направляют на вышележащие участки, т. е. на четвертый (рис. 5б) и на третий (рис. 5а), которые поливают так же, как второй и первый. Однако в этом случае вода, отводимая от четвертого и третьего участков, выходит на прежний коллектор. Один из параллельных арычков, именно верхний, идет до середины поля, а затем попадает в запасной коллектор, проведенный до конца поля под прямым углом к джурарагам. На рис. 5а показано, как поливается один участок (третий), а сбросные воды отводятся по прежнему коллектору. Однако здесь мы не видим соединения джурарагов.

Третья очередь второго полива на этой же площади начинается с верхней части поля, откуда вода идет вниз до второго участка. Параллельные арычки, т. е. джурараги, между первым и вторым полями соединяются (рис. 5а и 5б), а верхний арычок, т. е. второй джурараг (сверху вниз по счету) ниже второго участка, играет роль коллектора, который соединен с запасным коллектором, расположенным на середине поля. При втором поливе на этой же площади (рис. 5б) вместо пяти временных коллекторов до третьего полива остаются два действующих коллектора. На рис. 5а показан полив, производимый на верхней части поля: коллекторная бороздка остается действующей, как и на нижнем третьем участке (снизу вверх по счету). Здесь из трех временных коллекторов действующими до третьего полива (рис. 5а, 5б) остаются только два.

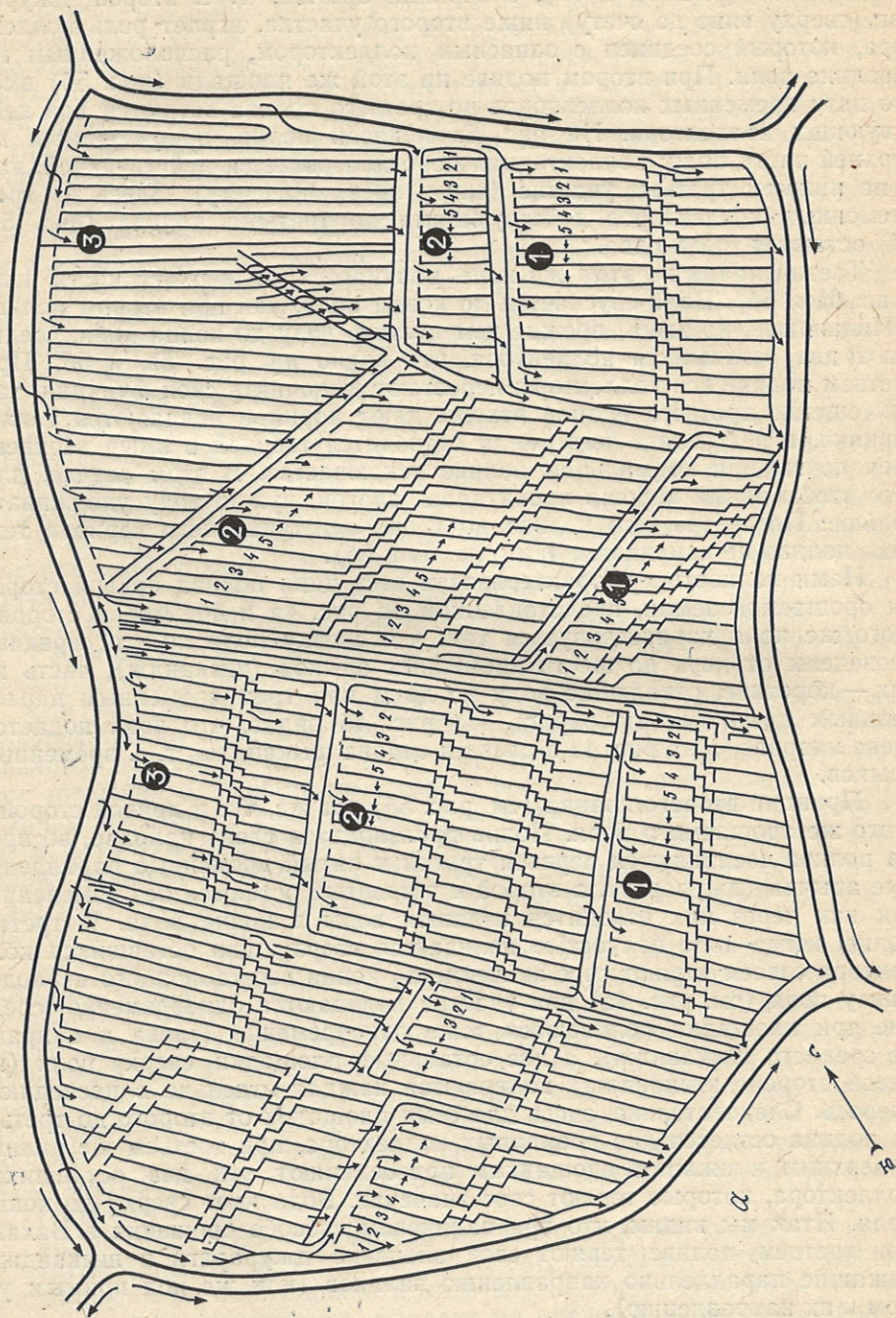
Третий полив на этом же поле начинается от верхней части поля (рис. 6а и 6б). Вода спускается до конца поля, как при втором поливе в Ишкашине, но здесь, прежде чем пустить воду до конца поля, соединяют два оставшихся коллектора, что видно на рис. 5а и 5б. При третьем поливе все коллекторы перестают выполнять свои функции, так как еще до третьего полива всходы дают корни и появляются также сорняки, в результате чего земля становится твердой и смыв верхнего слоя почвы при нормальном поливе исключается. В этом случае, для того чтобы земля хорошо пропиталась влагой, нужно воду удерживать дольше. После третьего полива до конца вегетационного периода техника полива не изменяется (см. рис. 6а и 6б).

Нами полностью охарактеризован весь цикл полива правой стороны орошаемой земли, представленной на рис. 4а и 4б. Левая сторона этого же поля характеризуется тем, что сверху поля по его середине проведены от двух до шести временных арычков (шыкандж), часть из них — короткие, отводящие воду по двум или трем временным параллельным арычкам (джурараг). На рис. 4б видно, что вода подается слева направо, а на рис. 4а и слева и справа шыканджа, т. е. временных арычков.

Принцип второго полива (см. рис. 5б) тот же, что и правой стороны этого же орошаемого поля. Полив производится слева направо, во время полива соединяются первый, третий и пятый временные параллельные арычки (джурараг), а второй и четвертый остаются без изменений, так как через них отводится излишек воды в конце поля. В третий полив, когда поле полностью поливается сверху, два оставшихся коллектора совсем теряют свое значение до конца вегетационного периода. Снизу поля (см. рис. 4а) два участка поливаются одновременно; средние три площадки поливаются тоже одновременно (слева и направо от среднего шыканджа), а две остальные площадки сверху поля (на левой стороне шыканджа) поливаются каждая отдельно в последнюю очередь. Следовательно, здесь для семи площадок от второго до третьего полива остается два временных коллектора, при третьем же поливе к верхним и нижним площадкам присоединяют эти два оставшихся коллектора, которые теряют свое значение. Вода идет сверху до конца поля. Итак мы видим, что при валиковом способе орошения в Вахане при третьем поливе теряют свое значение джурараги и шыканджи, лежащие параллельно направлению валиков (или же под прямым углом к их направлению).

Как видно из сказанного выше, сплошной полив при валиковом способе орошения зерновых культур в Ишкашине начинается со второго полива, а в Вахане — с третьего.

Техника валикового способа орошения в Вахане несколько выше, чем в Ишкашине, и, несмотря на всю ее сложность, очень продуманна,

1. Киль
 2. Балка
 3. Ригель
 4. Ригель
 5. Ригель

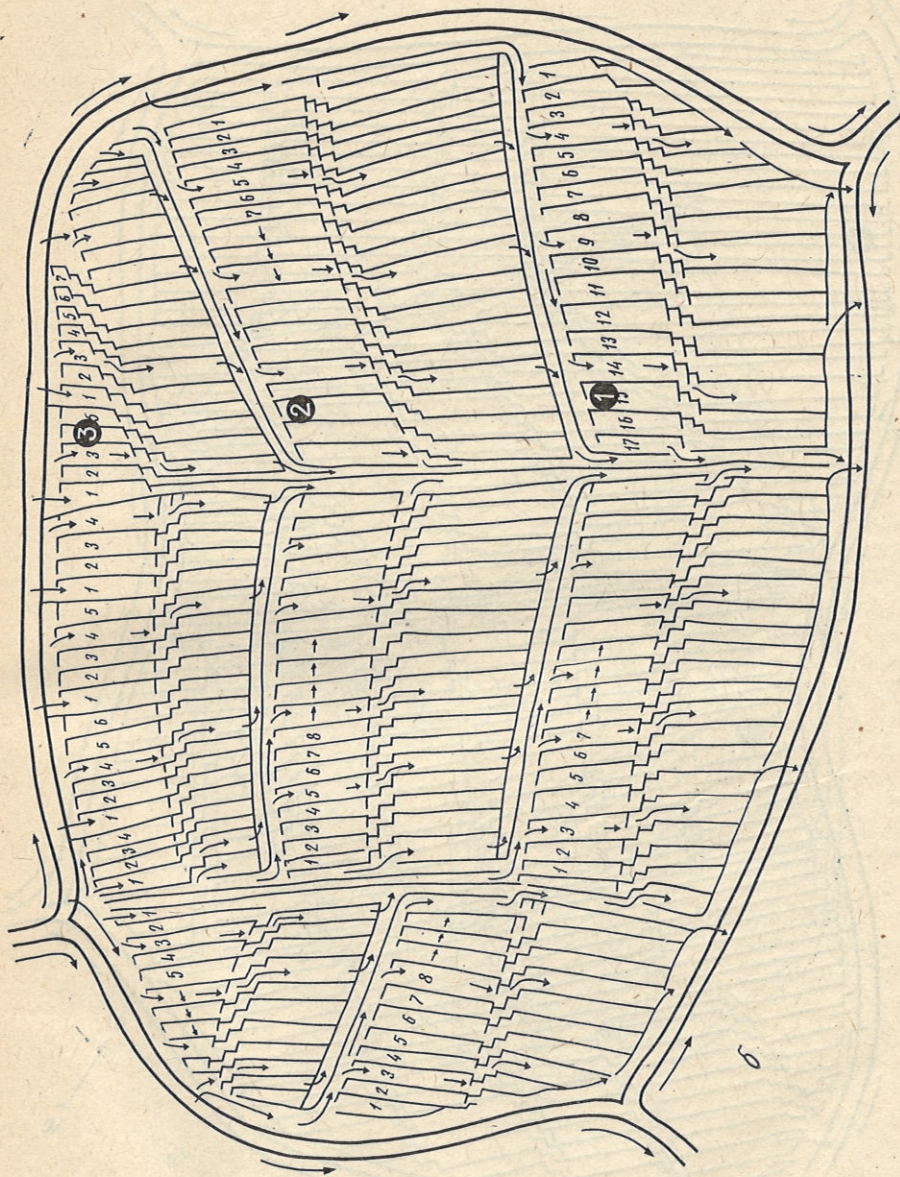
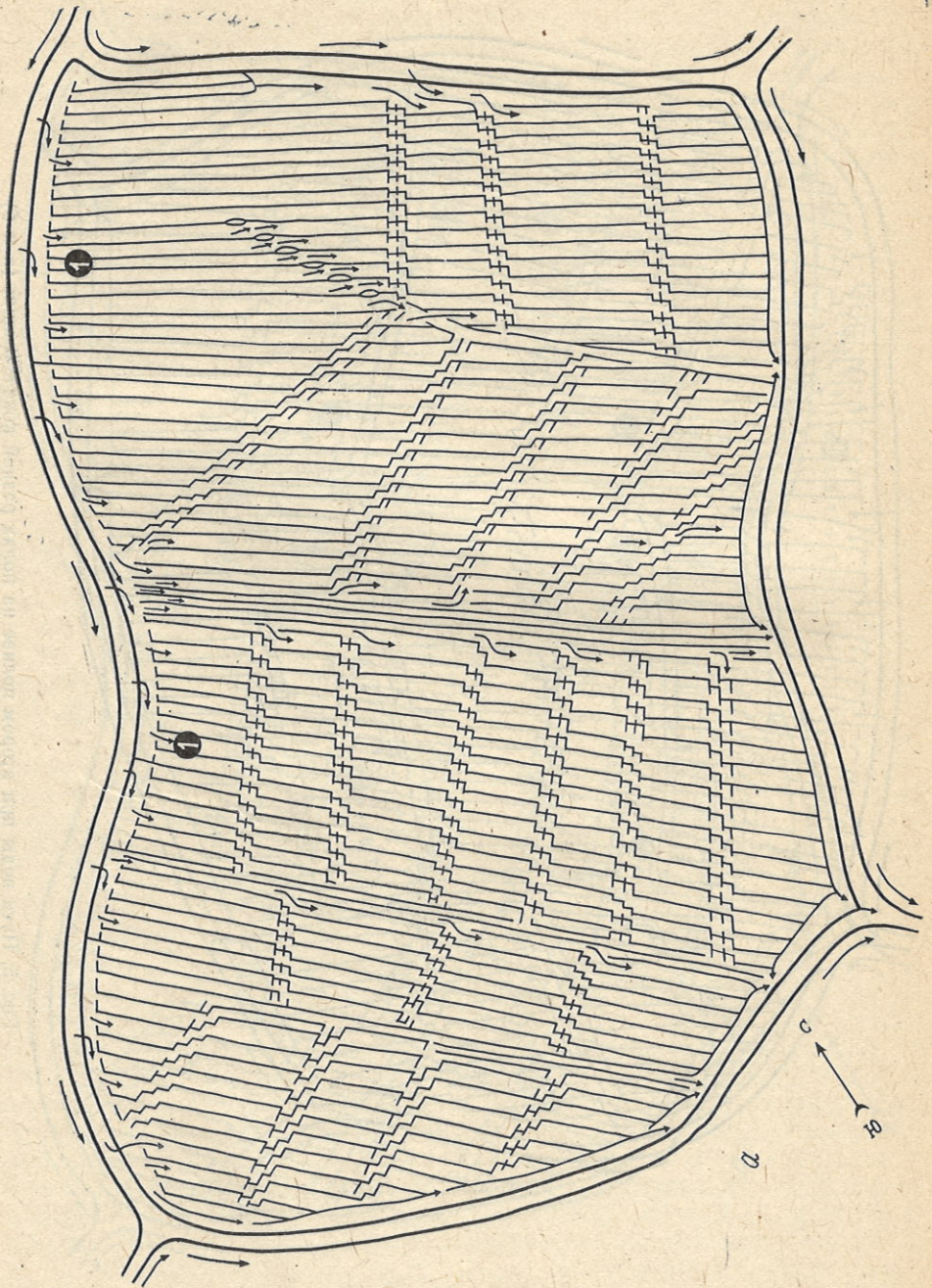

Рис. 5. Пуск воды при втором поливе на полях разной конфигурации (а и б)

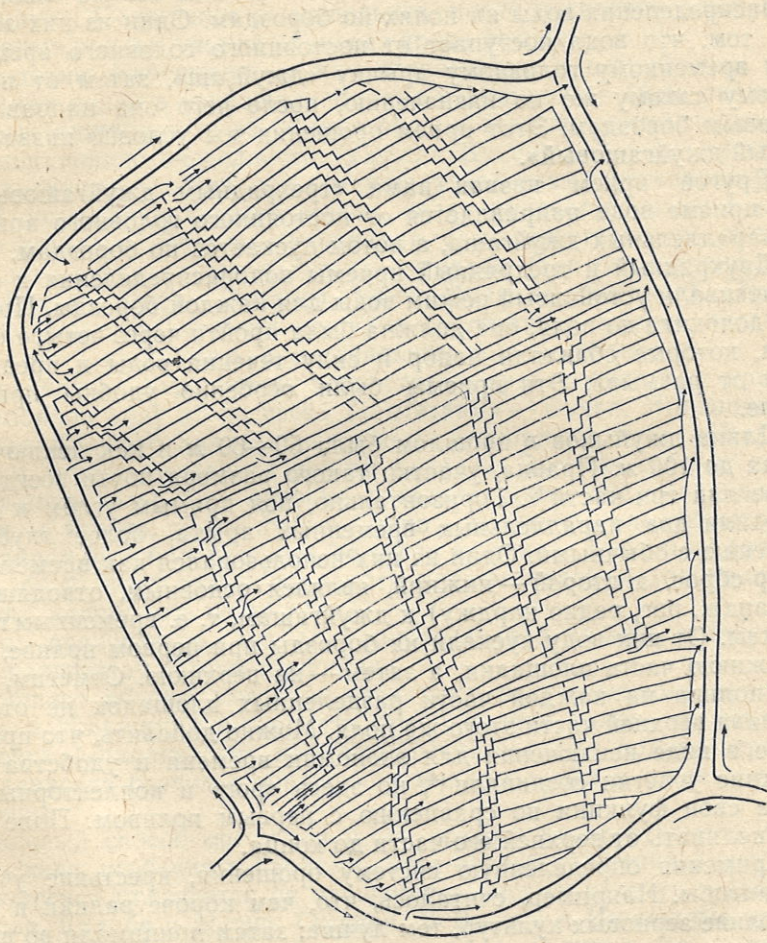

Рис. 6. Пуск воды при третьем поливе на полях разной конфигурации (а и б)

постоянна и сочетается с характером почвы, микрорельефом. Особенно она учитывает возможность эрозии почвы.

Приемы струйчато-бороздкового способа полива — «джуйчного орошения» в Вахане и в Ишкашиме не отличаются друг от друга. Даже ширина и длина отдельных борозд в обоих названных районах совпадают. Особенно характерно одинаковое количество борозд, перпендикулярных к временному головному арычку (от трех до четырех и редко до восьми — десяти). Это прежде всего зависит от микрорельефа данного поля. При этом способе орошения, как и при валиковом, тоже участвуют два человека.

В Вахане и Ишкашиме нами зафиксированы весьма сложные приемы распределения воды на полях по бороздам. Один из них заключается в том, что вода поступает от постоянного головного арыка к первому временному головному арычку «джуйгаш», затем от первого ко второму такому же по назначению, после чего она направляется по основным бороздам. Этот прием орошения мы условно назвали «двухрядный джуйгашовый».

Другой прием назван нами «трехрядным джуйгашовым». При этом приеме вода направляется от постоянного головного арыка через три параллельных джуйгаша, а потом пускается по бороздам.

Двухрядный и трехрядный приемы водораспределения и орошения обеспечивали устойчивый режим воды для каждой борозды. Прежде чем вода доходила до поля, она должна была пройти через четыре отверстия ишын, которые сбавляли напор и силу течения воды и предохраняли почву от размыва. Эти приемы были особенно удобны при ночном поливе.

Длина джуйыков в прошлом была 50—60 м и как исключение доходила до 100 м. Правда, участки такого размера почти всегда делили на две или три части¹³. Горизонтально, под прямым углом к джуйкам проводили два параллельных временных арыка, более глубоких по сравнению с обычными. Один из них использовался как временный коллектор-сброс, а второй — нижний, являлся основным, отводящим воду (шыкандж, рог, редко нарджу) к джуйгашам, т. е. временным головным арычкам. От них воду пускали на борозды при первом поливе, сначала на нижнюю часть площадки, а затем — на верхнюю. Отметим, что техника полива на каждой части разделенных площадок не отличается от полива верхней части этого же поля. Можно добавить, что при втором поливе в виде исключения для экономии времени и удобства верхние и нижние участки соединяли¹⁴, но здесь «рог» и коллекторные арыки теряли свои функции по сравнению с первым поливом. Поле продолжали поливать от верхней его части до конца.

Применяя определенную систему орошения, крестьяне учитывали все факторы. Например, считалось, что, чем короче валики и борозды при поливе зерновых культур, тем лучше; затем принимали во внимание характер почвы и в зависимости от этого производили полив, причем в определенные часы суток, учитывая силу ветра, особенно после появления колосьев. Объясняется это тем, что сравнительно короткие валики и борозды позволяют росткам получать одновременно достаточное количество влаги, что способствует равномерному их росту, а с другой стороны при таких коротких расстояниях вода не уносит удобрения; полив же всходов с учетом их естественной потребности и роста производится для того, чтобы они не теряли темп роста. Если земля плодородная, «жирная», то избыток влаги не принесет всходам вреда, если же — малоплодородная «тощая», то они желтеют, причем исправить положение в этом случае очень трудно, особенно это относится ко второму поливу «дыоба». Крестьяне говорят: «дыоба — захроба», т. е. «второй полив —

(это) ядовитый полив» (букв. «вторая вода — ядовитая вода»). Поэтому при втором поливе всегда пускают мало воды, так как земля должна получить меньше влаги, чем обычно. Воду пускают сверху и, как только она доходит до конца валика или джуйка, ее перекрывают.

Крестьяне, основываясь на опыте своих предков, умеют предотвращать опасности, вызываемые этими поливами. Так, например, желтизна всходов опасна только до появления цветов сорняка, называемого «йырхвыш» (Вахан). Этот сорняк по цвету светлый, имеет колочкообразные неровные, длинные листья, достигающие 60—80 см длины (в зависимости от почвы). Как только цветок «йырхвыш» появляется на каком-либо поле, крестьяне сразу же обращают на это внимание поливальщиков. По мнению земледельцев, после появления этого цветка чрезмерные поливы уже не приносят вреда всходам.

Соблюдение очередности между хозяйствами в потреблении воды для орошения полей в изучаемых Вахане и Ишкашине было различно. В некоторых кишлаках из-за обилия воды в вегетационный период вообще не существовало очередности (кишлак Вранг)¹⁵. В ряде кишлаков очередность распределения воды между хозяйствами устанавливалась во второй половине поливного сезона, когда количество воды в конце июля уменьшалось. Очередь соблюдали сами крестьяне, не выделяя для этой цели специального человека — мираба (так было в кишлаках Внукут, Нижгар, Дриж, Романит, Удит, Мулводж, Яхшвол). Правда, необходимо заметить, что эти кишлаки состояли из малого числа хозяйств¹⁶, отчего надобность в специальном мирабе отпадала.

Распределение воды между хозяйствами происходило так: крестьяне использовали воду от рассвета («сыбыдам» — Вахан, Ишкашим) до рассвета следующего дня (за исключением кишлака Зунг в Вахане). В кишлаке Зунг существовал другой порядок. Это зависело от характера источника воды, т. е. водоема кишлака. Здесь воду начинали использовать с вечера, после заката солнца, до вечера следующего дня. Такой порядок был более удобен до этого кишлака, поскольку вначале, с вечера, было необходимо заполнить водоем водой и только потом, рано утром, направлять ее на поля.

Нужно подчеркнуть, что воду распределяли между хозяйствами согласно количеству посевной площади.

Из общего обзора высокогорного типа искусственного орошения в Вахане и Ишкашине видно, что преобладание одного из основных его способов («валикового» или «джуйчного») при поливе зерновых культур зависело главным образом от микрорельефа и степени плодородия почвы.

Валиковый способ орошения и его приемы распространены также в Афганистане, особенно в Герате¹⁷. Этот способ орошения с его сложной технологией отличается от орошения зерновых культур в Дарвазе, Каратегине, Кулябе и долине Гиссара. В Вахане и Ишкашине временные валики и борозды ежегодно уничтожаются и снова восстанавливаются, что говорит о глубоком знании крестьянами местных особенностей земледелия, умелом использовании ими определенных природных факторов.

Джуйчный способ орошения, т. е. струйчато-бороздковый, и его разнообразные приемы распространены также в Рушане и в Шугнанах¹⁸, в северной части Афганистана, главным образом в Афганском Бадахшане и у хазарейцев¹⁹.

Джуйчное орошение бахчевых и огородных культур в основном является приемом средним между напуском и затоплением. Оно наблюдается у других припамирских народностей, а также у населения Дарваза, Каратегина, Куляба, долины Гиссара²⁰ и в Афганистане²¹.

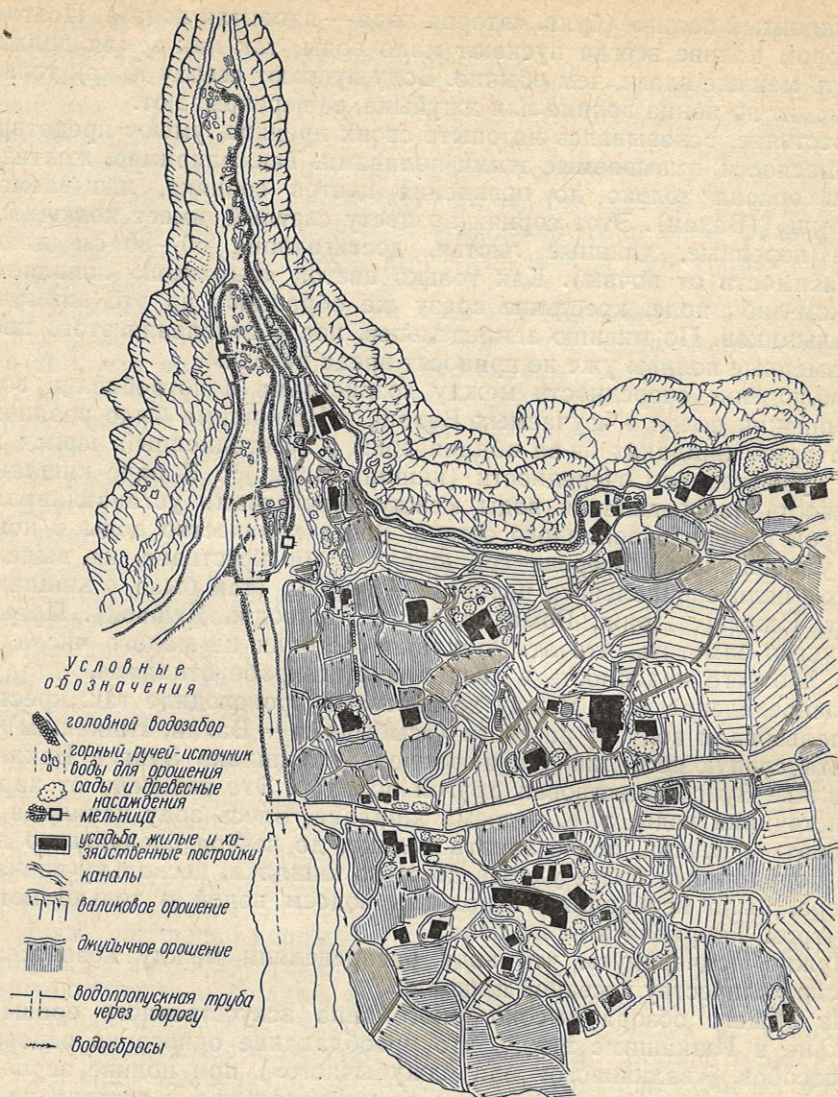

Рис. 7. Схэма традиционной системы орошения одного из кишлаков

Приведенные в данной статье материалы по традиционному высокогорному орошению свидетельствуют о том, что местное население Вахана и Ишкашима, а также других районов Советского и Афганского Бадахшана можно отнести к древнейшим земледельцам, овладевшим в специфических природных условиях достаточно высокой культурой орошаемого земледелия²². Высокая техника и интенсивность обработки посевных площадей для полива была обусловлена также малоземельем и необходимостью получать сносные урожаи с крохотных участков.

Самым характерным для традиционной системы орошения на Западном Памире, в частности в Вахане и Ишкашиме, является сочетание крайне примитивных гидротехнических сооружений с очень высоко развитой культурой полива полей.

¹ А. Г. Биснек, Н. М. Зельдович, Этнография народов Памира,—СЭ, т. III, М.—Л., 1940; А. К. Писарчик, Памирские таджики,—«Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962; Л. Ф. Моногарова, Этнические процессы на Западном Памире,—СЭ, 1965, № 6.

² Годовую сумму осадков на всей территории изучаемого района О. Е. Агаханянц определяет в 100—150 мм (О. Е. Агаханянц, Основные проблемы физической географии Памира, ч. I, Душанбе, 1965, стр. 145).

³ Б. В. Андрианов, Изучение горной ирригации на юге Таджикистана и на Западном Памире,—«Итоги полевых работ Института этнографии АН СССР в 1970 г.», М., 1971, стр. 63.

⁴ Н. И. Вавилов, Избранные произведения в двух томах, т. II, Л., 1967, стр. 170—171.

⁵ Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства,—«Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, М.—Л., 1954; Н. Н. Ершов, О водопользовании в селении Кыстакоз (ныне Чкаловск) до Октябрьской революции,—«Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея», вып. II, Сталинабад, 1955; его же, Традиции общинного водопользования у таджиков,—«Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. 26, М., 1957.

⁶ Ср. также с материалами, опубликованными в работе, Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича «Земледельческий Афганистан»,— Н. И. Вавилов, Избранные труды в пяти томах, т. I, М.—Л., 1959, стр. 158—162.

⁷ Н. Н. Ершов, О водопользовании в селении Кыстакоз..., стр. 72; его же, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией,—«Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 28, Сталинабад, 1960, стр. 58; Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957; Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья, М., 1969.

⁸ В дальнейшем пользуемся термином «ишын».

⁹ Вместо «джуйгаш» и «сараша» даем только «джуйгаш».

¹⁰ Ср.: М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период,—«Труды АН ТаджССР», Сталинабад, 1957, т. 43, стр. 60; его же, Сельское хозяйство,—«Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I, Душанбе, 1966, стр. 123; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 2, Сталинабад, 1958, стр. 67.

¹¹ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, стр. 69.

¹² Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан, стр. 161.

¹³ Там же, стр. 160; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, стр. 68.

¹⁴ Ср.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, стр. 68.

¹⁵ При обилии воды очередность не соблюдали и в других местностях (А. Ф. Миддендорф, Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 171).

¹⁶ М. С. Андреев и А. А. Половцев, Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии (Вахан и Ишкашим), СПб., 1911, стр. 38.

¹⁷ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан, стр. 103—118, 140—163.

¹⁸ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, стр. 66, рис. 13.

¹⁹ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан, стр. 161.

²⁰ По наблюдениям автора.

²¹ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан, стр. 161—162; П. А. Баранов, А. В. Гурский, Л. Ф. Остапович, Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, Душанбе, 1964, стр. 63.

²² Там же.

А. Н. Пиркулиева

ПРИЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АХАЛЬСКОМ ОАЗИСЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

(Пахота, сев, уборка и хранение зерна)

На предгорной равнине у подножия Копетдага, где расположен Ахальский оазис, земледелие существует с древнейших времен.

В конце XIX — начале XX в. в Ахальском оазисе проживали в основном туркмены группы теке. В их хозяйстве земледелие играло ведущую роль, хотя значительная часть ахальских текинцев занималась и скотоводством. Данная статья, освещающая некоторые приемы земледелия туркмен Ахала, написана на основе полевого этнографического материала, собранного автором в районах Кизыл-Арвата, Бахардена, Геок-Тепе в течение ряда лет (1967—1969 гг.), с привлечением работ дореволюционных¹ и советских исследователей².

Основной задачей автора была характеристика способов возделывания зерновых культур в Ахальском оазисе — пахоты, сева, уборки и хранения пшеницы и ячменя.

Земледелие в Ахале конца XIX — начала XX в. было распространено в двух формах: поливного и богарного. Все посевы, кроме горных, требовали здесь искусственного орошения. Неполивное — богарное земледелие зависело от весенних и осенних дождей. Посевы под дождь (думе) производились на склонах гор, так как почва на них более продолжительное время оставалась влажной.

Климат Ахальского оазиса резко континентальный — жаркое, сухое лето и сравнительно холодная, морозная зима. Поэтому понятны те совершенно особые требования, предъявляемые здесь к условиям ведения сельского хозяйства и к подбору культур. Однолетние сельскохозяйственные культуры должны быть жаро- и засухоустойчивыми, а многолетние — морозостойкими. Осадки в этом районе выпадают главным образом в зимне-весенний период. Особенно много их весной — до 70% годового количества. Самый дождливый месяц — март.

Неожиданное наступление засух — одно из отрицательных климатических явлений этого оазиса. Кроме того, малое количество осадков весной или осенью, а иногда и в оба эти сезона, весьма неблагоприятно отражается на растительном покрове как в весенний, так и в летне-осенний периоды.

Приход зимы не означал, что в сельском хозяйстве Ахала наступало затишье. В эти месяцы производили зимний полив многолетних культур, которым не хватало воды летом, — плодовых деревьев в садах и виноградников, а избыток воды сбрасывали на участки, подготовляе-

мые к весенней вспашке. В этот же период очищали от ила оросительные каналы.

Весна в Ахале короткая и потепление наступает быстро. Лето продолжается с середины мая до сентября, температура воздуха достигает 35—40° и более.

Источником орошения в земледельческой зоне Ахала являлись речки Секизьяб и Алтыяб, а также множество мелких речушек, которые вытекали из-под гор и из большого количества кяризов. Воду для полива в каждом ауле распределяли мирабы.

На поливных землях Ахальского оазиса в конце XIX — начале XX в. существовали две формы землепользования: санашиковая (общинная) и мюльковая (частновладельческая).

По сообщению дореволюционных исследователей³, в конце XIX в. санашиковой водой в Асхабадском уезде пользовались аулы: Актепе, Анау, Арчман, Асхабад, Бахарден, Багир, Бами, Беурме, Безмеин, Дурун, Караган, Кара-Геокча, Кизыл-Арват, Келята, Корджов, Келеджар, Мирова, Шоркала, Эррик-Кала, Янгикала и Яраджи.

Водой на правах мюлька в этом же уезде пользовались аулы: Акконгур, Баба-Арап, Гяурс, Геок-Тепе-1, Геок-Тепе-2, Геок-Тепе-3, Геокча, Гоч, Зау, Изганд, Кяризек, Канджик, Кахшал, Букры, Келята, Кипчак, Кеши, Мурча, Нова, Нохур, Сунча, Тильки, Эрик-кала, Яры-Геокча, Ясман-Салык и Ак-дашак⁴.

Эти формы пользования водой и землей сохранялись в перечисленных аулах вплоть до организации колхозов.

При санашиковом землепользовании происходил ежегодный дележ воды и земли — землю распределяли при помощи жребия (бидже). Из-за постоянных переделов на санашиковых землях выращивали только зерновые культуры.

Во время дележа земли, для того чтобы попался хороший участок, крестьяне обычно говорили: «бир пуд яда ярым пуд овля» («один пуд или полпуда святому»)⁵, т. е. обещали жертвоприношение. После этого независимо от того, досталась им или не досталась хорошая земля, обещанную пшеницу или ячмень они должны были отнести на местное овлия — могилу святого или другое святое место.

Зажиточные земледельцы иногда отдавали свою долю санашиковой воды и земли бедным родственникам или другим лицам для обработки за долю урожая. Издольщик должен был вспахать, посеять, собрать урожай, обмолотить его и разделить собранное зерно на две части. Одну часть он отдавал хозяину, а другую брал себе. Это называлось «ярпа» (половина урожая).

На мюльковых, частновладельческих орошаемых землях уже в конце XIX в. выращивали хлопок, фруктовые деревья и виноград (в то время их было очень мало). На поливных землях Ахала преобладала переложная система земледелия.

Лучшая по урожайности богара в Ахальском оазисе находилась на территории нынешних Бахарденского и Геок-Тепинского районов. На богаре сеяли исключительно пшеницу и ячмень (озимые и яровые). Система земледелия здесь была двоякая: переложная, когда поле засеивали несколько лет подряд (три — пять), а потом забрасывали на несколько лет на отдых, и паровая, когда поле отдыхало через год⁶. Весной вспахивали землю и оставляли ее до осени. Осенью же после первого дождя засеивали озимую пшеницу.

По сообщению информаторов, в прошлом богарными землями почти везде владели отдельные хозяева, которые их обрабатывали и засеивали. Места в горах, где находились эти земли, старики до сих пор называют по имени бывших хозяев⁷.

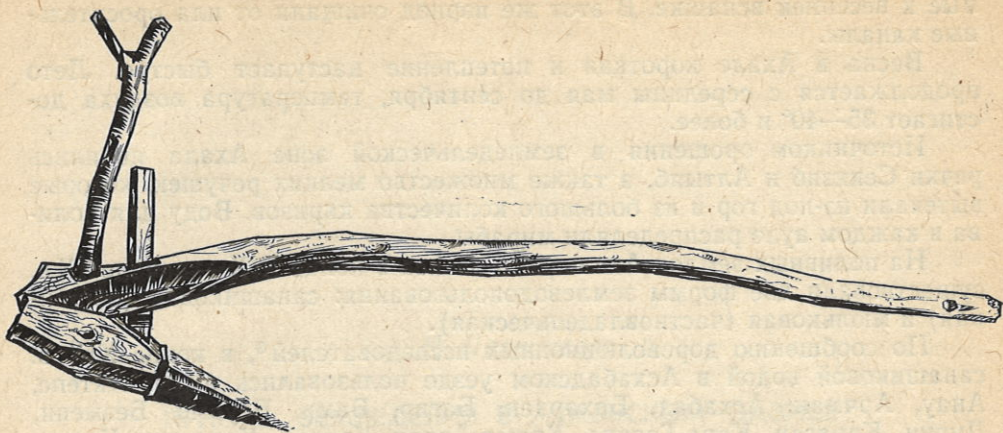

Рис. 1. Пахотное орудие «азал». Тип, распространенный в XIX — начале XX в. в Ахальском оазисе. Аул Багир
(из коллекции Туркменского государственного музея краеведения)

Посевные земли Ахала делились на два вида: земли, на которых ежегодно не производились посевы — «тарп ер», и земли, на которых они производились ежегодно — «йыллайын экиш ер». Посевные земли зерновых культур относились к «тарп ер», а земли огородных и бахчевых культур к «йыллайын экиш ер», их еще называли «геок ер»⁸.

Земледельческие орудия, применявшиеся крестьянами, были очень примитивными, их изготовляло местное население. В каждом ауле были свои мастера по изготовлению земледельческих орудий. К пахотным орудиям относились: «кунде», или «азал» (омач), с ярмом; борона — «мала» — массивная доска с зубьями; мала без зубьев; лопаты и кетмень (рис. 1, 2).

Для перевозки навоза для удобрения полей существовали также специальные тачки — «галтак»; корпус для них плели из прутьев и приспособляли к нему колесо.

Азал в Ахальском оазисе в основном был однотипным, приспособленным для пахоты на верблюдах, лошадях и быках. Его устройство было несложным. Обычно он делался из твердого дерева, для того чтобы при пахоте он не ломался и сохранялся как можно дольше. Изготавливали азал наиболее опытные мастера. В одних аулах Ахала его дышло называли «азалын оқы», в других — «тир» (аулы Кизыл-Арватского района). Вертикальная часть азала — стойка, за которую придерживал орудие при пахоте земледелец, называлась «ян дессе», а деревянная часть, которая ставилась для скрепления дышла с полозом и находилась перед «ян дессе», называлась «хилчек».

Нижняя деревянная часть азала — самая массивная, образующая его полоз, — называлась «кунде», железный сошник — «азал демири», что означает «железная часть азала». На самом конце дышла этого орудия имелись два или три отверстия, в одно из которых вставляли чеку — небольшую деревянную палочку около 20 см длиной — называемую «гулак». При помощи гулака к дышлу привязывали веревку и прикрепляли ярмо — «боюнtruck», т. е. соединяли азал и боюнtruck. Эта веревка называлась «овджын».

Ярмо-боюнtruck состояло из нескольких частей: основной части — бревна, называемого «ок»; четырех деревянных палочек для крепления ярма на шеях быков — «самачов». В самой середине бревна делали отверстие, в которое вставляли вертикальный колышек — чеку, назы-

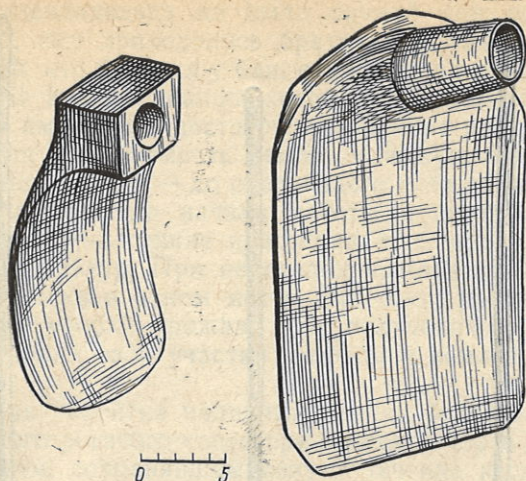

Рис. 2. Типы мотыг «кетмень». Ашхабадская область, колхоз им. Махтум-Кули

ваемую «пялван агаджи». По словам информаторов, самая большая тяжесть при пахоте падала на этот стержень.

Туркменские лопаты «пиль», с двумя ушками, по сообщению старика мастера кузнечных и столярных дел, жителя колхоза им. Калинина, Ава-ага, появились в Кызыл-Арвате только в начале XX в. Мастер и старожилы считают, что лопаты этого типа стали употреблять сначала в Марыйской области, а затем уже в Ахале. По их словам, такие же лопаты, но местного типа появились в Кызыл-Арвате «почти в предколхозный период»⁹.

По рассказам многих информаторов, в конце XIX — начале XX в. для сельскохозяйственных работ использовались в основном лопаты русского производства¹⁰. Кетменей, по их же словам, в прошлом в Ахале почти не было, и появились они очень поздно, с развитием хлопководства, для окучивания хлопка.

Серпы — «орак» применялись в основном двух видов: большие — «аннал», с зубцами и без зубцов, ими пользовались для жатвы пшеницы и ячменя, и меньшего размера — для жатвы разных трав, люцерны и т. д.

Для срезки пшеницы серпы применяли большие, с маленькими зубчиками, для срезки же травы и люцерны — маленькие серпы с крупными зубцами¹¹. За 4 кг пшеницы мастер по заказу нарезал зубцы на лезвии серпа.

Земледельцы пользовались также деревянными лопатами — «курек». Их применяли только на току (хармане) для веяния зерна. На хармане пользовались и деревянными вилами, с шестью зубьями — «чаршак». Необходимым предметом на хармане было также решето — «бугдай элек», которым просеивали зерно, и второе решето с меньшими ячейками. Решета изготовляли из тонких тесемок, нарезанных из верблюжьей кожи, особенно подходящей для этого считалась кожа шейной части¹².

Как уже отмечалось, азал и другие сельскохозяйственные орудия изготовляли мастера почти в каждом ауле. Иногда они обменивали свой товар на сельскохозяйственные продукты и скот. Изготовление орудий из стали стоило дороже, чем из железа. Железо и сталь привозили из Ашхабада. Были случаи, когда мастера изготовляли изделия из железнодорожных рельс.

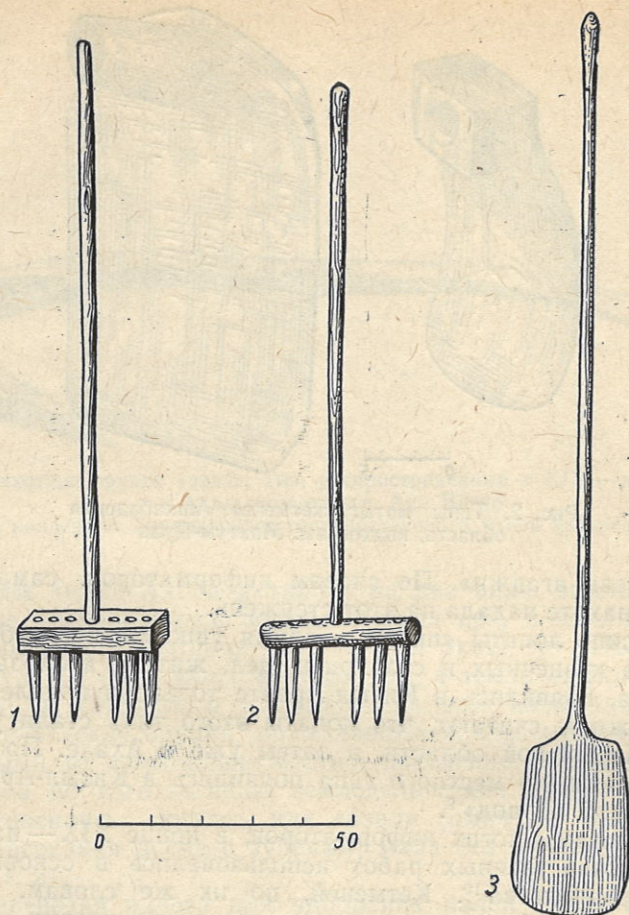

Рис. 3.
1, 2 — деревянные вилы «ябак»; 3 — деревянная лопата «кюрек»

По словам нашего информатора, в прошлом для обработки хлопковых полей, т. е. окучивания, использовали небольшие кетмени, а для прополки посевов — орудие маленького размера, напоминающее шумовку — «кепкыр», называемое «хурсук»¹³. В архивных документах говорится, что земледельческие орудия покупали в городах Асхабаде, Бахардене и Кызыл-Арвате. В одном из архивных документов говорится, что «азал, мала, серпы изготавливаются в аулах специалистами»¹⁴. «Орудия обработки и уборки изготавливаются на местах и на базаре в Асхабаде». В этих же документах указываются цены на сельскохозяйственные орудия: «Серп для пшеницы — 40—50 коп.; серп для клевера — 30 коп.; мала — 20—40 коп. Ерагач (азал): дерево — 3 руб. и железный сошник — 2 рубля»¹⁵.

В другом документе перечисляются главные орудия земледельцев: „Азал“ — туземная соха; „мала“ — дерево для боронования; „кетмень“ — известен на мотыжку хлопка. „Пиль“ — прямая железная лопата на все работы. „Орак“ — серп (пшеница, ячмень). „Чалгы“ — коса (богара, люцерна, сено).

Железо для азала покупают в Асхабаде и Бахардене 2—2 р. 50 к. Кетмени — 1 р. 20 к.»¹⁶. Эти сведения содержатся в документах 1914 г.

Когда у землевладельца не было орудий для обработки земли и рабочего скота, ему приходилось брать их у бая на определенных условиях. Каждый, кто брал их у бая, отработывал определенное время на его участке. В аулах с санашиковой водой некоторые владельцы воды и земли, не имевшие в достаточном размере рабочей силы и скота, сами не могли обрабатывать землю и вынуждены были сдавать свою долю в аренду другим — до следующего года санашика¹⁷.

Земельные площади до начала пахоты и сева распределяли на «язлык» и «гуйзлик» — весенние и осенние, т. е. предназначенные для яровых и озимых культур. При переделах каждое хозяйство получало оба земельных участка в одном месте. Это было удобно как для орошения, так и при уборке урожая. Для получения хорошего урожая земледельцы удобряли свои участки навозом и землей с древних курганов и развалин.

Для удобрения полей на поливных землях более всего ценили навоз. Навоз крупного рогатого скота при внесении его в землю считался лучшим удобрением, сохранявшим силу в течение нескольких лет. Те участки, на которых должны были сеять хлопок или люцерну, до сева обязательно удобряли навозом. Иногда для удобрения использовали также землю из старых построек и крепостей, которая содержала в себе «шор» (селитру). Этот вид удобрения в большинстве случаев шел на хлопковые поля, когда уже появлялись всходы. Под каждый куст хлопчатника сыпали одну пригоршню такой земли¹⁸.

Перевозили удобрения большей частью на верблюдах, в плетеных корзинах — «себет». Тем, у кого не было рабочего скота, приходилось переносить их на спине в таких же корзинах. Корзины эти плели из прутьев тутовника¹⁹.

Удобрляли в основном мюльковые земли, так как на них постоянно что-нибудь засевали, санашиковые же общинные земли не могли удобрять из-за того, что каждый год они переделались — владельцы получали участки на новых местах. Удобрляли через год после посева. «Удобрят ранней весной. Удобрят усадьбы, виноград, хлопок и люцерну»²⁰.

Пахота и посев. Начало пахоты и сева в Ахале считалось началом земледельческого года. Для того чтобы последний был удачным, сев и пахоту, по старым существовавшим когда-то обычаям, начинали только в «сэхетли гун» — в удачливый день. По сообщению информатора, в каждом месяце таких дней было несколько: так, 7, 17, 10, 12-ое число каждого месяца считались «сэхетли гунлер», а 4, 6, 8, 9, 19-ое число таковыми не считались.

Прежде чем начать посев, как правило, всегда чилевали²¹ отведенный участок, затем поливали и только после этого приступали к севу. Первая поливка поля перед посевом называлась «тагт сувы», поливка после посева — «шудугер сувы»²².

Когда земля немного подсохла после тагт сувы, примерно через три-четыре дня, сеяли семена пшеницы или ячменя. Только после этого с помощью двух верблюдов или лошадей поле вспахивали азалом.

Земледельцы Ахала, как и других районов Туркмении, начинали посев следующим образом. Взяв небольшой мешок зерна, а также азал и ярмо, земледельцы выходили в поле для пахоты и сева. Прежде чем приступить к делу, каждый сеятель сначала читал молитву, обращенную к «Деду земледельцу» — покровителю земледелия. Им в Ахальском оазисе, как и у других групп туркмен (и у большинства народов Средней Азии), считался Баба-Дайхан. После этого перед началом пахоты земледельцы разбрасывали принесенные зерна на намеченном участке. Для посева всегда употребляли свежие семена последнего урожая.

Если в доме было несколько мужчин, то для пахоты они выходили в поле обычно вместе, так как одному человеку было не под силу справиться с ней. Один из них разбрасывал зерна, другой пахал, а третий вел запряженных в азал верблюдов или лошадей. Как говорилось выше, землю пахали верблюдами, лошадьми, а также быками. Если пахали верблюдами или лошадьми, то им на шею надевали хомут из свернутой кошмы, называемый «кочен» (в ауле Мурча), если пахали быками, то их запрягали с помощью ярма — боюнтрук.

Богарные земли в Ахале предпочитали пахать быками. Об этом говорят почти все информаторы из разных аулов и районов. Это было вызвано тем, что пахать быками мог и один человек, так как быки сильнее, чем другие животные, и обычно были больше приучены к пахоте и вести их было не обязательно. Человек был здесь нужен только для того, чтобы придерживать азал. Сама механика пахоты была простой. Пахарь, идя сбоку азала, придерживал его одной рукой (если земля была твердая, иногда и двумя руками) за имеющуюся сзади ручку, для того чтобы он шел прямо, причем для придания запашке глубины нажима рукой не требовалось, все было прилажено так, что азал сам забирал достаточно глубоко. Дойдя до конца борозды на повороте, пахарь вытаскивал из земли конец азала, поворачивал животных и затем снова начинал пахать, преодолевая следующую борозду, и так пахал до конца поля. Интересно, что, как только пахарь доходил до конца поля, он прикрикивал на быков, и они сами поворачивались и пахали в обратном направлении. Когда в поле выходило несколько мужчин, это было удобно для смены пахаря.

Не всегда земледелец имел пару животных для пахоты, отчего иногда ему приходилось пахать поле одним животным. По сообщению информаторов, в таких случаях при пахоте животное запрягали с одной стороны дышла, а с другой — для равновесия, привязывали мешок с землей, примерно такого же веса, как азал. Пахали поле один или два раза. Когда пахали один раз, то лишь слегка разрыхляли землю, когда же несколько раз, то каждую вспашку производили перпендикулярно предыдущей — вдоль и поперек. Среди земледельцев существует народная пословица, говорящая о значении многократной пахоты: «ерни гуйз сур, гуйз сурмесен мун сур» («землю нужно вспахать еще осенью, а если этого не сделаешь, то нужно будет пахать ее тысячу раз»).

Азал, как уже говорилось, был не в каждом земледельческом хозяйстве, иногда его брали у знакомых или родственников, или же взаимы у баев за плату урожаем или деньгами. У кого не было возможности приобрести азал хотя бы на время пахоты, те вскапывали свои участки лопатой (пиль).

В прошлом из-за грабительских нападений соседних племен Ирана жители аулов Геок-Тепинского района нередко пахали землю на оседланных лошадях. Как только им давали сигнал о нападении врагов, пахари распрягали лошадей, садились на них верхом и скрывались от врагов²³.

Иногда кроме обычной запашки поля весной земледельцы применяли еще пахоту летом (если поле оставляли под пар). Это делали потому, что земли было много, а воды мало, и еще потому, что если хлеб сеяли несколько лет подряд на одном месте и без удобрений, то урожай получался неважным. Поле, оставленное под пар, на следующий год считалось особенно плодородным.

После вспашки земли азал снимали и к ярму (боюнтрук) прикрепляли борону (мала) — для заглаживания вспаханной земли. Для боронования в прошлом применяли плоскую тяжелую доску — «мала». Как

уже упоминалось выше, она могла быть гладкой — без зубьев, но бывала и с железными или деревянными зубьями. Часто для лучшего боронования поля на малу для тяжести становился или садился (по середине) один, а иногда и два помощника пахаря²⁴. Боронование проводилось не только для выравнивания вспаханной земли, но и для предохранения зерна от птиц.

К поливу приступали, когда поля покрывались зелеными всходами хлебов. Осеннюю (озимую) пшеницу до созревания поливали один раз, а в засушливые годы два раза. Весенние посевы пшеницы и ячменя поливали три-четыре раза до их созревания.

Характерной чертой земледельческого хозяйства туркмен было всеместное преобладание зерновых культур. В Ахале возделывались главным образом пшеница (бугдай), ячмень (арпа), джугара (акджевен), кукуруза (мекгеджевен), нойба (вид фасоли), тыква (кэди), кунжут, хлопок и др.

Сев зерновых производился два раза в год: в начале весны — яровая (язлык) и осенью — озимая (гуйзлык). Весной прежде всего сеяли пшеницу, затем ячмень, джугару и другие культуры. Одновременно начинали и возделывание огородных культур.

Ячмень созрел числа 10—15 мая, а пшеница созрела в конце мая или в июне. Джугара была двух сортов — оба яровые, одна созрела за три месяца, другая — за пять-шесть. Эта культура требовала воды больше, чем пшеница или ячмень, и ее необходимо было оберегать от нападения птиц в момент восковой спелости. Наибольший урожай давала шестимесячная джугара.

Дыни, арбузы и кунжут часто сеяли на тех участках, где только что сняли урожай зерновых. После сбора урожая акджевен на этом же участке сеяли кунжут, который созрел в течение трех-четырех месяцев. Как акджевен, так и кунжут до созревания нужно было полить семь раз, т. е. два раза в месяц.

Кроме возделывания перечисленных культур в очень ограниченных масштабах туркмены занимались садоводством и виноградарством. Сады были, как правило, на мюльковых землях или у баев. Хлопководство в конце XIX в. было слабо развито, некоторые хозяйства, правда, занимались хлопководством, но лишь для того, чтобы удовлетворить собственные нужды. Значительное развитие оно получило только в начале XX в.

На выращивание зерновых культур затрачивалось меньше труда, чем на выращивание бахчевых и огородных культур, требующих постоянного тщательного ухода. Иногда для получения хорошего урожая земледельцы применяли севооборот. Так, по сообщению информаторов, если в первый год на участке поля сеяли пшеницу, то на другой год на этом месте сеяли ячмень, а на третий год — хлопок. Как нам говорили старики, такая смена культур каждый год была необходима для получения хорошего урожая.

По сообщению некоторых информаторов, часто сначала сеяли люцерну, а затем на этом же участке разные другие культуры. Если по какой-либо причине всходы пшеницы или ячменя не появлялись в надлежащее время, то на этом месте сеяли джугару. Поэтому, как рассказывали земледельцы, они никогда не оставались без хлеба. «Если полученный урожай зерновых с осеннего посева был недостаточным для содержания семьи до следующего года, то в таких случаях на своих участках мы засевали больше джугары. Таким образом, даже в засушливые годы голода не чувствовали»²⁵.

По сообщению информаторов, богарная пшеница всегда бывает легче по весу, так как, произрастая на возвышенности, получает мень-

ше влаги, чем поливная пшеница, растущая на равнине²⁶. Жители Ахала говорят, что хлеб, испеченный из яровой пшеницы, бывает очень мягким и вкусным, и еще лучше на вкус, но тверже, бывает хлеб, испеченный из богарной пшеницы²⁷.

Зерновые культуры, возделываемые как на поливных землях, так и на богаре, занимали большую часть посевной площади. Кроме них в прошлом сеяли люцерну, необходимую для кормления скота, а также для севооборота.

Если пшеницу и ячмень сеяли в сырую землю и уже после вспахивали и бороновали поле, то с люцерной и другими культурами дело обстояло иначе, сначала пахали поле, затем бороновали и только после этого сеяли²⁸.

В архивных документах начала XX в. сохранились описания приемов возделывания разных культур.

Люцерну сеяли в основном осенью. «Посев чаще производят осенью и последней половине августа, перед посевом озимых». Сначала почву взрыхляют кетменем, после чего один раз поливают, через три дня сеют и сейчас же два раза вспахивают и боронуют, вслед за этим еще раз поливают. Далее с весны поливают шесть раз в очередь. Снимают люцерну или перед поливом или после в зависимости от очереди полива. Бывает так, что хозяин снял половину люцерны, но пришла очередь поливать и он поливает. «Первую снятую люцерну сушат один день, затем связывают в снопы на зиму, остальное скашивают по частям, в зависимости от надобности»²⁹.

«Посев люцерны производится семенами, смешанными пополам с песком. Держится 8—10 лет, смотря по поливам, удобрению и земле. Первый год, если люцерна хорошо не взошла, скармливают скоту. Лучшие укосы она дает на 3-й, 4-й, 5-й год, так как трава становится сочнее. Удобряют лишь через год после посева: осенью и реже — весной. Убирают серпами. Вяжут в снопы и везут домой, хранят или дома или на крышах»³⁰.

По данным архивных документов 1914 г., сеяли «сначала пшеницу, ячмень и люцерну, позднее прибавилась ак-джугара. Лет 20 назад на месте ак-джугары стали сеять хлопок, гораздо более выгодный. Лет 10 тому назад появилась саранча и держалась три года. В это время хлопок не сеяли, а сеяли ак-джугару, поспевающую за три месяца, тогда как хлопок требует шести-семи месяцев, что при саранче опасно. После ухода саранчи опять вернулись к хлопку»³¹.

В этот период преобладающей культурой по посевам категории «гак» (геок) становится хлопок, а по «ак» — озимая пшеница. Хлопок давал больший доход, чем пшеница, хлеб. Преобладание культуры хлопка над прочими объясняется исключительно его большей доходностью³².

«Хлопок совершенно вытеснил джугару, которую раньше сеяли почти все, а теперь редкое хозяйство; дыни теперь также сеют мало, клеверники уменьшились вдвое и все это за счет хлопка»³³.

После пахоты и посева наступало время сравнительного покоя. В этот период единственно необходимой работой был полив (его производили время от времени, в зависимости от очереди); в период же поспевания хлебов, перед жатвой, охрана посевов от поклева птицами³⁴.

Для охраны посевов от сглаза земледельцы Ахала прикрепляли на специально приспособленные палки черепа крупного рогатого скота и ставили их в нескольких местах на посевах. Кроме того, часто устраивали и обычные пугала — от птиц: на палки надевали старые головные уборы или старую верхнюю мужскую одежду. Такое пугало называлось «гаралтгы».

В старые времена проводилось и моление о дожде. В Ахальском оазисе воды для поливов всегда было недостаточно. Поэтому в засуху, если посевы были под угрозой, земледельцы иногда молились о ниспослании дождя. В районах орошаемого земледелия по этому поводу существовал обычай принесения умиловительной жертвы богу.

Накануне этой церемонии собирались жители аула и решали, кто должен произвести жертвоприношение. Избранные обычно приводили одного или двух баранов из своего стада и привязывали их на холмах, поблизости от аула. К холму, где находились жертвенные животные, приносили траву и воду. Если жертвенный баран кричал три дня — считалось, что его услышит бог и пошлет дождь, «иногда уже на 1-й день шел дождь»³⁵. После дождя резали барана и устраивали угощение для всех жителей аула, благодаря богу, который сжалился над ними. Но были случаи, оговаривается наш информатор, когда этот привязанный баран кричал три дня, а дождя все не было, тогда его все равно резали (как жертву богу) и устраивали угощение³⁶.

Уборка урожая одних и тех же культур в разных местах Ахала производилась не одновременно. В горах и на богаре посевы поспевали позже, чем на подгорной равнине. Позже поспевали зерновые и в горном ауле Нохур.

Жатва в Ахале, как и в остальной части Туркмении, а также во всей Средней Азии, производилась вручную, серпом (орак).

В прошлом, по сообщению информаторов, сев и сбор урожая начинали по определенной звезде, названия которой никто уже не помнит³⁷.

Пшеницу и ячмень жали серпом — «аннал орак» (в ауле Мурча его называли «маннал орак») ³⁸. Обычно он продавался без зубьев, но после покупки каждый земледelec старался отнести его к мастеру и нарезать зубья. Как мы уже отмечали, зубья серпа «аннал орак» были намного мельче, чем зубья орака для жатвы люцерны или других трав. Серп, которым жали пшеницу, был по размеру крупнее, хотя зубья его были мельче; таким серпом можно было больше захватить стеблей пшеницы или ячменя (они растут более редко, чем люцерна или другая трава). Когда собирались жать люцерну, то брали с собой маленький серп с большими зубьями — «от орак».

По сообщению местных жителей аула Зау Кизыл-Арватского района, в дореволюционный период существовал обычай, по которому во время жатвы пшеницы, ячменя или джугары, в начале и в конце поля оставляли небольшие участки, предназначавшиеся нуждающимся: один из участков, «худай ёлы», отдавали бедным, второй, «алладат», оставляли до окончания жатвы и отдавали его первому прохожему³⁹.

После жатвы ячменя и пшеницы делали снопы (десте), связывая их посередине жгутом из стеблей той же пшеницы или ячменя, выбирая те, которые были еще немного сырыми. Если пшеница или ячмень уже пересохли, то отобранные для жгута стебли немного обрызгивали водой, после чего они становились мягкими и удобными для перевязки десте⁴⁰. Иногда снопы перевязывали стеблями трав. Ставили снопы вверх колосьями для того, чтобы птицы на них не садились и не поедали зерна⁴¹.

Пшеницу и ячмень после жатвы перевозили на верблюдах по 40—50 снопов или же на волокуше («хыза»), похожей на русские сани. В хыза обычно запрягали пару быков. Последней пользовались только аулы, находившиеся в предгорьях. По словам информаторов, в предгорных аулах Кизыл-Арватского района пшеницу перевозили на харман (гумно) и на двухколесных арбах и на хыза, а в некоторых аулах на верблюдах по 40 десте. Земледельцы, не имеющие арбы и верблюда, переносили ее на своих спинах по 10 десте.

Для перевозки снопов в ауле Мурча в прошлом применяли волокуши — хыза, в которые запрягали двух лошадей или быков⁴².

О способах перевозки урожая в прошлом есть сведения и в архивах. Например, в одном из них пишется, что все аулы перевозили урожай чаще на верблюдах, реже на арбах и лошадях, а нухурцы — вьюками на лошадях⁴³.

По сообщению местных жителей, в Кызыл-Арватском районе в колхозе им. М. И. Калинина (бывший аул Джанахир) пшеницу на харман перевозили обычно на хыза. У кого не было ни животных, ни волокуши переносили ее на спине по 10 десте, при этом снопы перевязывали посередине веревкой и укладывали на спину таким образом, чтобы колосья находились снаружи, т. е. по двум сторонам несущего, для того чтобы зерно не высыпалось из них.

Если харман был расположен недалеко, то обычно снопы старались перетаскать на себе, потому что при перевозке из них высыпалось много зерна.

Снопы, перевезенные или принесенные к гумну (харман), ставили там рядами для лучшего просыхания.

Сбор джугары — акджевен производился следующим образом: когда она созревала, у нее обламывали головки, складывали в мешок и перевозили на харман.

После сбора и перевозки всего урожая на хармане начинали обмолот с помощью лошадей. Снопы на гумне раскладывали кругами так, чтобы колосья находились во внутренней части круга. Это делалось для того, чтобы при обмолоте зерна не рассыпались за круг, приготовленный на хармане. Необходимо отметить, что место для хармана выбирали обычно ровное и чистое, а в некоторых случаях его даже обмазывали глиной с саманом для облегчения сбора урожая после обмолота и для сохранения чистоты зерна.

В большинстве случаев в Ахальском оазисе харман устраивали на тех же участках, где сеяли пшеницу или ячмень. Домой зерно перевозили на верблюдах в чистом виде, в шерстяных мешках, или чувалах. Один верблюд за один раз мог перевезти 12—15 пудов, т. е. около 300 кг⁴⁴.

Молотили в Ахале обычно, как повсюду в Средней Азии, гоняя по гумну скот. Чем больше скота гоняли, тем скорее шла работа. Размах молотьбы зависел от количества скота. Доставать его приходилось у соседей, знакомых.

Перед молотьбой животных привязывали друг к другу одной, обхватывающей их шеи веревкой и завязывали им морды так, чтобы они не могли есть зерно у себя под ногами. Обычно сзади них ходил, а чаще ездил подросток, который подгонял животных по кругу. В его обязанность входила также слежка за животными, чтобы их помет не попал на обмолачиваемый хлеб. Время от времени погонщик выводил лошадей из круга, чтобы они не грязнили зерно.

В аулах Кызыл-Арватского и Геок-Тепинского районов, а также в других аулах Ахальского оазиса молотили главным образом лошадьми.

При молотьбе рассчитывали, сколько снопов можно положить под ноги одной лошади. Обычно клали около 40—50 десте (снопов); чем больше было лошадей на хармане, тем больше можно было разложить снопов. Расползающееся от хождения скота зерно с мякиной передвигали во внутрь круга деревянными вилами (ябак). Два или три раза обмолачиваемое зерно переворачивали вилами и деревянной лопатой (курек), для того чтобы лежащее внизу зерно также попало в обработку.

Если молотьбу производили лошадьми, то обходились без катка,

так как твердые копыта лошадей хорошо вытаптывали зерно и обмолачивали хлеб. Если же молотьбу производили верблюдами, тогда приходилось пользоваться тяжелым катком, ввиду того что ступни верблюдов мягкие, — без катка обмолачивание не происходило. В аулах Кизыл-Арватского района каток обычно был круглым в сечении и назывался «дашдан токмак»⁴⁵.

Во многих аулах Бахарденского района во время молотьбы, которую производили верблюдами, сзади прикрепляли не каток, а «гызган». Это приспособление делалось из веток колючего кустарника, называемого гызган. Ветки связывали и на них привязывали бревно или доску. Иногда для веса на доску сажали человека или же клали тяжелые камни⁴⁶.

Время от времени при молотьбе несколько человек подкидывали пшеницу вверх с помощью деревянных вил — ябак. Это делали для того, чтобы немного очистить зерно от соломы, которая при ветре улетала в сторону.

После окончания молотьбы начиналось веяние. Для этого скотину сводили с тока, а мякину с зерном сгребали в одну кучу и тут же на току или рядом с ним готовили площадку для веяния. Иногда на выбранное место стелили какую-нибудь ткань. Веять начинали в ветреную погоду, сначала намолоченное зерно подбрасывали вверх деревянными вилами — ябак, а затем, когда зерно было более или менее очищено от мякины, его еще раз подбрасывали деревянной лопатой — курек. Потом зерно пересыпали в деревянные миски, из которых при небольшом наклоне, стоя против ветра, его постепенно ссыпали на подготовленное место. Во время этой процедуры зерна падали вниз, а солома улетала по ветру. Так очищали весь урожай на хармане.

После веяния на ветру в зерне оставалось лишь немного соломы, которую удаляли просеиванием через специальное решето с крупными отверстиями — «бугдай элек». Тяжелые зерна через эти отверстия падали вниз, а солома оставалась в решете. Для очищения зерна от земли и мелких камешков земледельцы Ахала часто применяли второй вид решета с более мелкими отверстиями. Остающуюся после веяния измельченную солому с мякиной (саман) отгребали в сторону и употребляли на корм скоту и для разных хозяйственных целей.

Готовое после обмолота и провеивания зерно собирали в конусообразную кучу посредине гумна. Затем производили дележ чистого зерна между членами общины и приступали к его переноске по домам⁴⁷.

Очищенное зерно — «гызыл дэне», или просто «гызыл», делили на столько частей, сколько было «су», т. е. на число пайщиков. Каждый пайщик получал свою долю. После дележа зерна делили саман.

Заканчивая ссыпание зерна в мешки для переноски домой, каждый отделял небольшую часть зерна (бир я-да ики курек) для благотворительных целей; это считалось долей Деда-земледельца (Баба-Дайхан), небесного патрона⁴⁸, научившего людей искусству земледелия. Эту часть урожая отдавали обычно тем, кто просил в это время милостыню, или вдовам с детьми, жившим в ауле. Если же ее не удавалось отдать никому, то она оставалась на гумне на съедение птицам. Брать с собой эту долю было грешно и ни в коем случае не разрешалось⁴⁹.

По сообщениям информаторов, после очистки урожая на хармане некоторые обменивали одно ведро зерна на виноград или фрукты и угощали присутствующих. Это называлось «харман той».

Чистую пшеницу перевозили или переносили в мешках и чувалах, которые ткали из овечьей или верблюжьей шерсти.

Для хранения зерна в Ахальском оазисе в конце XIX — начале

XX в. устраивали специальные приспособления. Они были очень просты и их можно разделить на три вида.

Первый вид — это когда ссыпали чистое зерно на землю, закрывали его соломой и смазывали глиной. Этот простейший способ хранения описан в архивных документах. «В ауле Асхабад, как и в некоторых других аулах, для хранения зерна специальных помещений не устраивают. Пшеница, ячмень сохраняются чаще в мешках в домах или юртах. Некоторые ссыпают зерно на чистую землю, засыпают соломой и замазывают глиной. Солома сохраняется так же»⁵⁰.

В Асхабадском уезде и пригородных аулах: Келеджар, Шоркала, Нова, Яры-Геокча, Кара-Геокча чистое зерно сохраняли так же, как и в ауле Асхабад, либо в мешках в помещении, либо на земле под открытым небом, засыпая соломой, а сверху обмазывая глиной. Солому хранили либо в помещении, либо складывали в кучу и заливали глиной.

Второй вид хранения зерна — ямы. Так, по нашим полевым материалам, в аулах Кызыл-Арватского района для хранения зерна устраивали около жилья специальные ямы, называемые «дэне чукур» и «бугдай чукур» (ямы для зерна).

В ауле Янгикала Геок-Тепинского района нам также говорили о ямах-зернохранилищах — «уры». Этот способ хранения был распространен и в некоторых других аулах Ахальского оазиса.

Для хранения зерна подобным способом сначала рыли яму; в зависимости от количества зерна ее делали большой или маленькой. Конечно, каждый земледелец устраивал хранилище около своего жилища. Дно и стенки вырытой ямы обкладывали слоем соломы, для того чтобы лучше сохранить зерно от сырости. Затем засыпали зерно, поверх которого опять насыпали слой соломы, и замазывали яму глиной, смешанной с саманом⁵¹. Дома оставляли небольшое количество зерна, которого хватало всего на несколько дней. Зерно из хранилища брали по мере надобности, каждый раз снова заделывая отверстие и смазывая его сверху глиной. Несмотря на то что это хранилище находилось под открытым небом, зерно в нем оставалось сухим до весны. Это объясняется тем, что хранилище было со всех сторон устлано саманом и обмазано глиной.

Третий вид зернохранилища отмечен нами в ауле Мурча Бахарденского района, где для хранения зерна строили специальное сооружение — «пархов». Это было наземное хранилище, которое строили около дома из сырцовых кирпичей. Пархов стоял на четырех глиняных опорах-ножках, на которые настилали доски, а на них возводили из сырцового кирпича стены. Соломенную кровлю обмазывали глиной, оставляя в нем небольшое отверстие для засыпки зерна. В нижней деревянной части тоже делали отверстие, для того чтобы при необходимости брать зерно. Ножки пархова нужны были для вентиляции, чтобы пшеница не портилась от сырости, чтоб под ней проходил воздух⁵².

Мололи зерно на водяных мельницах — «сув дегирмен» обычного среднеазиатского типа. Смолоть зерно на мельнице удавалось не сразу же после сбора урожая, мельница не всегда бывала свободна. Поэтому каждая семья имела дома ручную мельницу — «эл дегирмен». Каждый день на этих ручных жерновах мололи муку, необходимую для нужд семьи.

Все мельницы в Ахале стояли на речках и действовали круглый год. Они находились почти в каждом ауле, реже — одна мельница на два-три аула. Все они были частновладельческими. Хозяева разрешали всем желающим молоть зерно, взимая за это плату натурой — одну

двадцатую часть смолотого зерна. Кроме того, хозяин зерна должен был сам следить за мельницей и заботиться об ее исправной работе, так как владелец мельницы помимо взимания платы за пользование мельницей в дело не вмешивался и сам мельником не работал.

* * *

Как было сказано выше, земледельческие трудовые навыки туркмен Ахала не ограничивались возделыванием зерновых культур, традиционным их занятием было также бахчеводство. После присоединения к России, особенно с начала XX в., стало быстро развиваться хлопководство. Туркмены-земледельцы, сеявшие раньше лишь местный сорт хлопка, быстро освоили возделывание американского сорта хлопчатника.

Завоз в Туркмению дешевого русского хлеба по железной дороге снизил цены на пшеницу, а спрос на хлопок значительно поднял его цены. Падение цен на пшеницу и систематический рост цен на хлопок вызвали значительную передвижку в соотношении зернового и промышленного земледелия туркмен.

Крупнейшие российские фирмы организовали широкую сеть агентуры по закупке хлопка. «Стремление к увеличению посевов хлопчатника, а главным образом конкуренция между ними, заставили их идти по пути авансирования дехкан, сеявших хлопок. Авансирование, высокие цены на хлопок и обеспеченность привозимым хлебом из России вызвали бесконечный рост хлопковых посевов за счет уменьшения посевов продовольственных культур — пшеницы и пр.»⁵³

Постепенно посевы технических культур возрастали и дошли почти до половины всей посевной площади.

Рост поселений и городов в начале XX в. оказал большое влияние на развитие в крае огородничества. До этого мало распространенное у туркмен огородничество стало широко развиваться, а продукты его сбываться на рынках в Ашхабаде и других городах.

Климатические условия Ахала были вполне благоприятны для возделывания виноградной культуры. Сравнительно теплая зима позволяла не закрывать или не закапывать виноградники, что значительно экономило время ухода за этой культурой.

Виноградники требовали вдвое меньше воды по сравнению с хлопчатником. Это также было чрезвычайно существенным фактором в условиях маловодья Туркмении. «Средняя урожайность винограда в Туркмении выражается в 500—800 пудов, зачастую до 2000 пудов с 1 гектара, против 300—400 пудов у соседних республик»⁵⁴, — писали в 20-х годах специалисты.

Увеличение в начале XX в. площади под виноградниками было явлением естественным, учитывая большую доходность этой культуры. «В сравнении с другими видами культур по доходности виноградник стоит на первом месте, на втором — огородные и лишь на третьем — хлопок»⁵⁵.

В конце XIX — начале XX в. мюльковые земли Ахальского оазиса были заняты главным образом рентабельными товарными культурами, а санашиковые — продовольственно-зерновыми культурами, товарность которых была невелика.

Потребление туркменами русских фабричных изделий получило очень широкое распространение и вызывало у дехкан усиленную нужду в деньгах, удовлетворить которую они были не в состоянии, продолжая оставаться на почве старого зернового хозяйства.

Для увеличения урожая туркмены Ахальского оазиса начали прак-

тиковать глубокую вспашку земли, уваживание, перепашку; более широкое распространение получила плодосменная система полеводства. На мюльковых землях господствовал правильный севооборот, строящийся на смене посевов люцерны (ерунджи), хлопка и хлебных злаков. Техника обработки мюльковых земель была гораздо выше, чем санашиковых.

Переход к плодосменной системе, улучшение техники обработки требовали длительного права владения землей (никакой севооборот не мог быть на санашиковой земле, подлежащей ежегодному переделу). Поэтому начало расширяться мюльковое землевладение. Прогресс же хлопководства в еще большей степени способствовал расширению мюлькового землевладения.

Зажиточные слои общества были чрезвычайно заинтересованы в превращении общинных земель в мюльковые, которые давали больше доходов. Жизнь бедняков-земледельцев стала ухудшаться, так как общинных земель становилось все меньше, отчего наделы их также уменьшались с каждым годом.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция разрешила все эти противоречия, упразднив старые формы землевладения и обеспечив малоземельных и безземельных дехкан землей и водой.

¹ Д. И. Субботич, Землепользование в Ахале и естественные водные богатства в аулах восточного района Асхабадского уезда вне Дурунского пристава, Асхабад, 1903; Я. Таиров, Общие сведения об орошении аулов Асхабадского уезда в 1892 г., СПб., 1904 и др.

² К. Нурмухаммедов, Из истории земледелия туркмен Ахала, — «Вестник Московского университета», 1961, № 4 и др.

³ Я. Таиров, Общие сведения..., стр. 305.

⁴ Там же.

⁵ М. Андронов, Практика богарного земледелия, — «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 30.

⁶ Там же.

⁷ Полевые записи автора, 1968 г.

⁸ Культуры делились на «ак» (пшеница, ячмень) и «геок» (бахчевые и огородные).

⁹ Полевые записи автора, 1969 г., № 1. Кзыл-Арватский район, колхоз им. Калининна, информатор мастер Ава-ага, 80 лет.

¹⁰ Полевая запись автора, 1969 г., № 6.

¹¹ Полевая запись автора, 1968 г., № 13.

¹² Полевая запись автора, 1969 г., № 6.

¹³ Полевые записи автора, 1968 г., № 3. Геок-Тепинский район, колхоз им. В. И. Ленина (старое назв. Геок-Тепе 1-й), аул Корсагыр, информатор Гарлы-ага, 70 лет.

¹⁴ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 5, л. 90.

¹⁵ Там же, л. 28.

¹⁶ Там же, л. 9.

¹⁷ Д. И. Субботич, Землепользование в Ахале..., стр. 14—15.

¹⁸ Полевые записи автора, 1969 г., № 6.

¹⁹ Полевые записи автора, 1969 г., № 8.

²⁰ ЦГА ТССР, ф. № 127, оп. 5а, д. 17.

²¹ Чилевание — планировка участков для полива. Каждый участок окружался земляным валиком-чиль.

²² Полевая запись автора, 1968 г., № 10. Бахарденский район, колхоз им. Махтумкули, информатор Гарадашли-оглы Гарлы-ага, 81 год.

²³ Полевая запись автора, 1969 г., № 3. Кзыл-Арватский район, колхоз им. Фролова, информатор Мурадов Баба-ага, 79 лет.

²⁴ Полевые записи автора, 1968 г., № 4. Геок-Тепинский район, колхоз им. Максима Горького.

²⁵ Полевые записи автора, 1968 г., № 20. Бахарденский район, колхоз им. Октября (старое назв. Гара-Ган), информатор Вельсахатов Пурли-ага, 73 год.

²⁶ Полевая запись автора, 1969 г., № 3. Кзыл-Арватский район, колхоз им. Фролова, участок «Зау», информатор Мурадов Баба-ага.

- ²⁷ Полевые записи автора, 1969 г., № 7. Бахарденский район, с/с Мурча, колхоз им. Жданова, информатор Овезмурад Аманмурад.
- ²⁸ Полевая запись автора, 1968 г., № 5. Геок-Тепинский район, колхоз им. Карла Маркса (старое назв. Хурменд Геокча), информатор Кошек-ага, 60 лет.
- ²⁹ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 5, л. 71.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 5, л. 90.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Полевые записи автора, 1968 г., № 17.
- ³⁵ Полевые записи автора, 1959 г., № 5. Кизыл-Арватский район, колхоз им. Калинина, участок Парау, информатор Оразклычев Меред-ага, 86 лет.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Полевые записи автора, 1969 г., № 15.
- ³⁸ Полевые записи автора, 1969 г., № 6. Бахарденский район, с/с Мурча, колхоз им. Жданова, информатор Овезов, 84 года.
- ³⁹ Полевая запись автора, 1969 г., № 4. Кизыл-Арватский район, колхоз им. Фролова, участок «Зау», информатор Пурлиев Ходжагельды-ага, 81 год.
- ⁴⁰ Полевая запись автора, 1968 г., № 13. Бахарденский район, колхоз им. Жданова, информаторы Метиев Пурли-ага, 78 лет и Ниязмурад Шири-ага, 73 года.
- ⁴¹ Полевые записи автора, 1969 г., № 7.
- ⁴² Полевые записи автора, 1969 г., № 6. Бахарденский район, с/с Мурча, колхоз им. Жданова, информатор Овезов, 84 года.
- ⁴³ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 5, л. 12.
- ⁴⁴ Полевая запись автора, 1969 г., № 4. Кизыл-Арватский район, колхоз им. Фролова, участок «Зау», информатор Пурлиев Ходжагельды, 81 год.
- ⁴⁵ Полевые записи автора, 1969 г., № 1. Кизыл-Арватский район, колхоз им. Калинина, информатор Ава-ага, 80 лет.
- ⁴⁶ Полевые записи автора, 1969 г., № 8. Бахарденский район, колхоз им. Калинина (Дурун), информатор Какабаев Баба-ага, 65 лет.
- ⁴⁷ Полевая запись автора, 1968 г., № 10. Бахарденский район, колхоз им. Махтумкули, информатор Гарадашли-оглы Гарли-ага, 81 год.
- ⁴⁸ Эту долю в некоторых местах считали равной количеству зерна, которое могло вместиться в одну деревянную лопату (курек). По словам информаторов, это было приблизительно около 3—4 кг. (Полевая запись автора 1969 г.; № 15. Кизыл-Арватский район, колхоз им. Калинина, участок «Парау», информатор Оразклыч Меред-ага, 86 лет.)
- ⁴⁹ Полевая запись автора, 1969 г., № 8.
- ⁵⁰ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 5, л. 48.
- ⁵¹ Полевые записи автора, 1969 г., № 17. Бахарденский район, с/с Мурча, колхоз им. Жданова (старое назв. Сунча), информатор Бекиев Гадам-ага, 84 года.
- ⁵² Полевые записи автора, 1969 г., № 6. Бахарденский район, с/с Мурча, колхоз им. Жданова, информатор Овезов, 84 года.
- ⁵³ «Туркменская искра», 1.XII.1924, № 19.
- ⁵⁴ Б. Ш а ф е р, Виноградарство в ТССР,—«Туркменоведение», 1929, № 4, стр. 11—12.
- ⁵⁵ «Туркменская искра», 2.VIII. 1925, № 168.

И. В. Захарова

О ЗЕМЛЕДЕЛИИ У КАЗАХОВ ЧИМКЕНТСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

О земледелии у казахов Сыр-Дарьинской области имеется довольно много сведений в дореволюционной литературе. Наиболее полный материал содержится в известной книге Н. Дингельштедта¹ и изданиях Переселенческого управления, представляющих собой результат обследования Чимкентского уезда в 1906—1908 гг.²

В 1958 и 1959 гг. экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР собирали полевой материал о земледелии казахов Южно-Казахстанской области (Х. Аргынбаев и автор настоящей статьи — в 1958 г.; Э. Масанов — в 1959 г.)³. Дополнительные сведения были собраны автором в 1968 г. во время кратковременной научной командировки в Южно-Казахстанскую область.

Несмотря на кажущееся обилие исследований, многие вопросы выяснены далеко не достаточно. Слабо представлены в материалах типы земледельческих орудий, детали устройства некоторых типов оросительных сооружений, обряды и поверья, связанные с земледелием, и др. В дореволюционной литературе этому было уделено мало внимания, а в наше время многое уже исчезло из быта и сохранилось лишь в памяти старшего поколения.

И полевые, и литературные материалы свидетельствуют, что бывший Чимкентский уезд относится к районам наиболее древнего развития земледелия у казахов. По воспоминаниям стариков время зарождения здесь земледелия восстановить невозможно. Учитывая укоренившиеся представления об очень позднем переходе казахов к земледелию, подробно остановимся на том, что дает литературный материал по этому району.

В 1813 г. по территории Южного Казахстана проехал переводчик Филипп Назаров; в своих «Записках» он сообщает о старых казахских пашнях на северных склонах Каратау в окрестностях Сузака и возле города Чимкента⁴. О казахских пашнях на склонах Каратау упоминается также в заметке, помещенной в «Журнале министерства государственных имуществ» за 1849 г.⁵

В 1889—1890 гг. Н. Дингельштедт собирал сведения об оросительных системах, опрашивая и рассылая анкеты должностным лицам, мирабам и аксакалам, ведавшим ирригацией. В анкетах был вопрос о времени постройки арыков. По данным, собранным Дингельштедом, в северной части Чимкентского уезда (Туркестанский участок) многие каналы были проведены очень давно. Так, в Карнакской волости ему сообщили, что «арыки сотворены богом»⁶. В Сузакской, Актюбинской, Бугунской волостях, по утверждению местных жителей, каналы суще-

ствовали уже в течение 100—200 лет⁷. Несколько более поздними по времени проведения были арычные системы в южной части уезда (Чимкентский участок), но и там наиболее обычные сроки существования каналов — 50—80, а иногда и 100 лет⁸.

Даже делая скидку на неточность сведений, полученных Дингельшtedтом, можно утверждать, что в середине XVIII в. какая-то часть казахов в уезде уже перешла к земледелию. О более раннем времени у нас просто нет никаких свидетельств.

Несмотря на то, что земледелие возникло у казахов давно, оно долго оставалось второстепенной и непостоянной отраслью хозяйства. Временами казахи забрасывали это занятие, в зависимости от политической обстановки, экономических причин и т. п., а затем вновь к нему возвращались. Только после присоединения края к России земледелие становится постоянным занятием, и с этого времени роль его в хозяйстве казахов Чимкентского уезда очень быстро возрастает.

По некоторым, правда неполным, данным можно судить о быстром росте посевных площадей у казахов и об увеличении числа казахских хозяйств, перешедших к земледелию. Так, М. А. Терентьев в работе «Статистические очерки среднеазиатской России» сообщает, что в 1871 г. после сильного джута (массового падежа скота в результате суровой зимы) «в Чимкентском уезде новые арыки изрезали территорию 11 волостей, захватывая площадь приблизительно в 1000 кв. верст»⁹.

Н. Дингельшtedт подсчитал, что в 1890 г. в Чимкентском уезде площадь орошаемой земли была около 83 тыс. десятин¹⁰. Возможно, что эти данные не совсем точны, так как основной источник его сведений — опрос должностных лиц. «Материалы» Переселенческого управления, составленные по исследованиям 1906—1908 гг., дают площадь только казахского земледелия в 216 тыс. десятин. Дингельшtedт не подсчитывал земель неорошаемых, как сотрудники Переселенческого управления, но в его цифры включены площади, обрабатываемые узбекским населением. При всех оговорках мы видим огромный рост земледелия у казахов за 15 лет.

В начале XX в. земледелие в той или иной степени входило в хозяйство подавляющего большинства казахского населения уезда.

На основании материалов, собранных сотрудниками Переселенческого управления, нами составлены картограммы, характеризующие состояние земледелия у казахов Чимкентского уезда в начале XX в. В основу обследования 1906—1908 гг. было положено разделение территории уезда на природно-хозяйственные районы. Степень развития земледелия в разных частях уезда находится в зависимости от различий в природных условиях.

Наиболее благоприятными для земледелия являлись районы гор и предгорий. Юго-восточная часть уезда (I и II природно-хозяйственные районы) занята западными отрогами Алатау, а в центральной части проходит горная цепь Каратау, пересекая территорию уезда с востока на запад. В горах и предгорьях много водных источников — речек, ручьев и ключей, там возможно и неполивное земледелие, так как выпадает сравнительно много осадков (районы III—VIII).

В юго-западной части уезда, вдоль долин Сырдарьи и нижнего течения, Арысы были расположены засушливые степные районы (IX—XII). Северная часть уезда занята песчаными пустынными степями, тянущимися от северных предгорий Каратау до узкой полосы долины низовья реки Чу, заросшей тугаями (район XIII).

Карта распространения земледелия (см. табл. 1 и рис. 1) учитывает процент казахских хозяйств, имевших посевы, и средние размеры запашки на одно сеющее хозяйство.

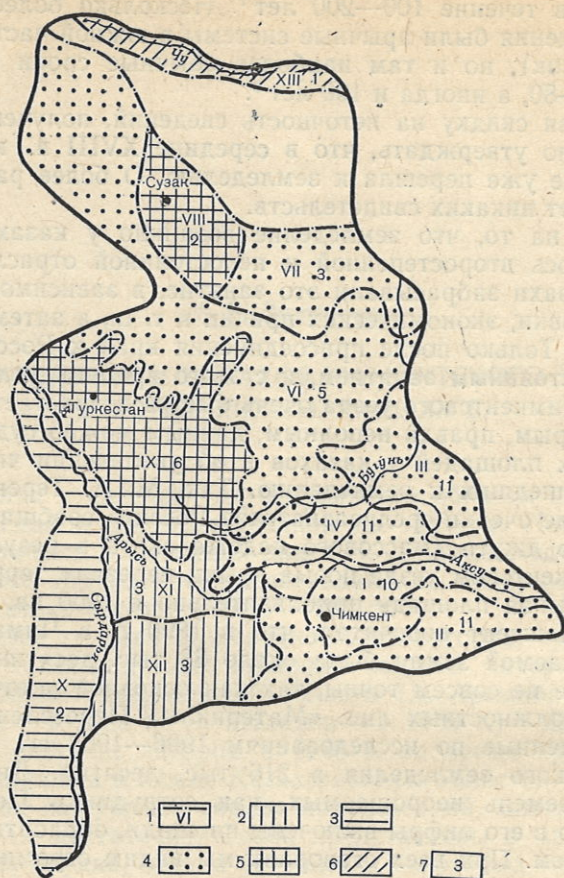

Рис. 1. Распространение земледелия у казахов Чимкентского уезда

1 — граница и номер природно-хозяйственного района. Процент казахских хозяйств, имевших посевы: 2 — от 20 до 40%; 3 — от 40 до 60%; 4 — от 90 до 100%; 5 — от 80 до 90%; 6 — от 10 до 20%; 7 — средний посев в десятинах на одно сеющее хозяйство.

По статистическим данным хорошо прослеживается разделение казахского населения уезда на две группы: одну с преобладанием земледелия в хозяйстве и другую — в хозяйстве которой доминирующую роль играло скотоводство. Земледелие преобладало у казахов, живших в восточной и центральной части уезда (от 80 до 90% хозяйств, занимались земледелием). Особенно большие размеры посевных площадей отмечены в районах Алатау и восточной части Каратау (см. рис. 1, районы I, II, III и IV), где средние размеры площади засеянных земель составляют 10—11 десятин на одно хозяйство и можно говорить о сложившемся земледельческом хозяйстве.

Степные районы по Сырдарье, низовьям Арыси и низовьям р. Чу, оставались скотоводческими: там было от 10 до 50% хозяйств, имеющих посевы со средними размерами пашни 1—3 десятины на хозяйство (табл. 1, районы X, XI, XII, XIII).

Из сельскохозяйственных культур главное место занимали зерновые, хлебные культуры (табл. 2). В земледельческих районах преобладали посевы пшеницы (65—86% площади посевов). Из других культур на первом месте было просо, занимавшее от 15 до 30% засеваемой

площади. В низовьях Чу и по левому берегу Сырдарьи просо преобладало над другими культурами (45 и 53%). Ячмень занимал значительные площади по северным и южным склонам Каратау в западной части уезда (25 и 10%) и на левом берегу Сырдарьи (17%), кукуруза и джугара — по южным склонам западного Каратау (19% в V и IX районах). В районе поймы Сырдарьи и по р. Чу казахи издавна возделывали бахчевые культуры, главным образом дыни, правда, размеры участков были здесь очень маленькие.

В различных частях уезда урожайность зерновых была неодинакова, причем величина урожая оказывалась в обратной пропорции к степени развития земледелия — в земледельческих районах она была намного ниже, чем в скотоводческих. Так, в Юго-восточном углу уезда (I и II районы) средние урожаи пшеницы были 25—30 пудов с десятины, ячменя — 35, проса — 29 пудов, а в низовьях Чу пшеницы собирали по 77 пудов, ячменя — 81, проса — 78 пудов с десятины. Этот кажущийся парадоксальным факт объясняется низким уровнем агротехники казахского хозяйства. Казахи не применяли удобрений, и у них господствовала залежная система, поэтому в районах интенсивного земледелия, где удобные земли были распашаны, пашни были сильно истощены. В скотоводческих районах свободной земли хватало, и пашню через несколько лет переносили на новую землю, возвращаясь к заброшенным участкам тогда, когда они уже восстанавливали плодородие.

Южный Казахстан относится к аридным областям, где выпадает мало осадков. В прошлом казахи совсем не знали богарного земледелия. По данным литературных источников и рассказам старых казахов, богарные посевы появились не раньше, чем со второй половины XIX в. и были заимствованы из опыта русских крестьян. В начале XX в. посевы на неполивных землях занимали около 25% всех казахских пашен по уезду, но настоящая богара, рассчитанная на дожди, получила значительное развитие лишь в восточной части уезда, на Каратау и Алатау (около $\frac{1}{3}$ посевов во II районе и 44% — в III). В других местах значительная часть неполивных посевов располагалась на землях, орошаемых паводковыми водами (лиманное орошение). Особенно это характерно для долины Сырдарьи, левый берег которой примерно на 25 км в ширину заливался при весенне-летних разливах реки: эта территория издавна использовалась казахами для небольших запашек. Посевы на лиманном орошении известны были также на северном склоне Каратау и очень ограничено в низовьях р. Чу.

Преобладающее большинство посевов было на полях с искусственным орошением. Как видно из табл. 3 и рис. 2, довольно значительные колебания наблюдались в соотношении поливного и неполивного земледелия по природно-хозяйственным районам, но везде искусственно орошаемые пашни составляли наибольшую часть (от 56 до 100%) пахотных земель.

Главными источниками орошения, которые использовали казахи, были небольшие горные речки, ручьи и ключи, стекающие с гор: из более крупных рек — воды Бугуни, Чаяна, Аксу и Арыси. Использование вод реки Сырдарьи, самой крупной водной артерии, было очень ограничено, преимущественно в ее левобережной части.

В целом для Чимкентского уезда преобладающими были мелкие арычные системы. Очень показательны некоторые сравнительные цифры, приводимые в табл. 4, по трем уездам — Ташкентскому, Аулиеатинскому и Чимкентскому.

Обычными в Чимкентском уезде были системы самотечного орошения. Простейший их вид — водозаборы открытым руслом из реки

в головной участок канала, нередко головные сооружения отсутствовали и употреблялись плотины и сипайные шпоры ¹¹.

Небольшие речки и ручьи нередко целиком направляли в головной канал, который устраивали как продолжение русла. Так же поступали и в низовьях более крупных речек. Например, в с. Чилик Кзыл-Кумского района, которое расположено в низовьях р. Бугуни, вся вода отводилась в головной канал, а продолжение русла реки служило для сброса излишних вод в годы сильного половодья (см. рис. 3).

Таблица 1

Распространение земледелия у казахов
Чимкентского уезда *

Природно-хозяйственные районы	Число казахских хозяйств, имеющих посевы	Число хозяйств, имеющих посевы в процентах к общему числу казахских хозяйств	Средний размер посева на одно сеющее хозяйство
I	4650	94,72	10,01
II	3862	96,26	11,43
III	1577	99	8,6
IV	5228	95,4	7,8
V	3096	87,6	5
VI	6152	95,6	4,2
VII	1114	98,6	2,8
VIII	434	83,3	1,9
IX	1545	88,4	5,5
X	2229	47,9	1,8
XI, XII	608	37,2	2,7
XIII	207	18,7	1,2

* Таблицы 1—3 составлены на основе статистических данных, опубликованных в изданиях Переселенческого управления: «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области. Чимкентский уезд», т. I; т. II, вып. 1—2. Ташкент, 1908—1910; «Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области», т. I, Ташкент, 1910.

Большого искусства требовало выведение арыков из некоторых крупных горных речек юго-восточной части Чимкентского уезда, которые прорыли в лессовых долинах глубокие ущелья. Здесь в удобном для отвода месте устраивалась продольная дамба из камня и хвороста, отделяющая часть потока: постепенно русло канала повышалось над уровнем потока реки и выводилось к такому месту долины, где берега понижены и можно самотеком отвести воду из канала на поля. Такого рода сооружения можно и теперь наблюдать в верхнем течении Аксу в Ленгерском районе. Для защиты дамбы от размыва употребляются сипайные шпоры.

В предгорьях северного Каратау и в Алатау (в быв. Казыгуртовской и Майликентской волостях) для использования маловодных ключей устраивали искусственные бассейны — «тома», для чего запруживали овраг, куда вытекает ключ; в течение ночи он наполнялся водой, а днем плотину пробивали в том месте, откуда шел арык на поля. В бывшей Майликентской волости (Тюлькубасский район) иногда через плотину пропускали глиняные трубы, которые вставлялись на уров-

Таблица 2

Распространение сельскохозяйственных культур

Природно-хозяйственный район	Сельскохозяйственные культуры											
	пшеница яровая и озимая		ячмень		просо и кунак		кукуруза и джугара		бахчевые		прочие	
	десяти-ны	%	десяти-ны	%	десяти-ны	%	десяти-ны	%	десяти-ны	%	десяти-ны	%
I	30 672	64,3	517	1,1	12 940	27,1	1240	2,6	...	...	2310	4,9
II	34 221	74,9	718	1,6	8 494	18,6	840	1,8	...	...	1440	3,1
III	11 567	85,3	545	4,0	1 397	10,2	41	0,3	...	...	2715	0,2
IV	28 688	69,5	354	0,9	9 432	22,9	1697	4,1	...	...	1083	2,6
V	6 719	48,9	499	3,6	3 054	22,2	1951	14,3	...	...	1516	11,0
VI	18 757	73,1	1383	5,4	4 533	17,6	923	3,6	...	...	80	0,3
VII	2 775	86,6	147	4,5	274	8,5	3,5	0,1	...	...	14	0,3
VIII	484	58,3	208	25,1	126	15,2	2	0,2	...	...	10	1,2
IX	4 852	57,6	883	10,5	1 038	12,3	1630	19,4	...	...	15	0,2
X	1 478	35,6	654	15,7	1 860	45,0	131	3,2	...	...	24	0,5
XI, XII	904	55,0	143	8,7	450	27,4	128	7,7	...	...	19	1,2
XIII	84	33,1	17	6,7	133	52,5	...	...	19,5	7,7	...	...

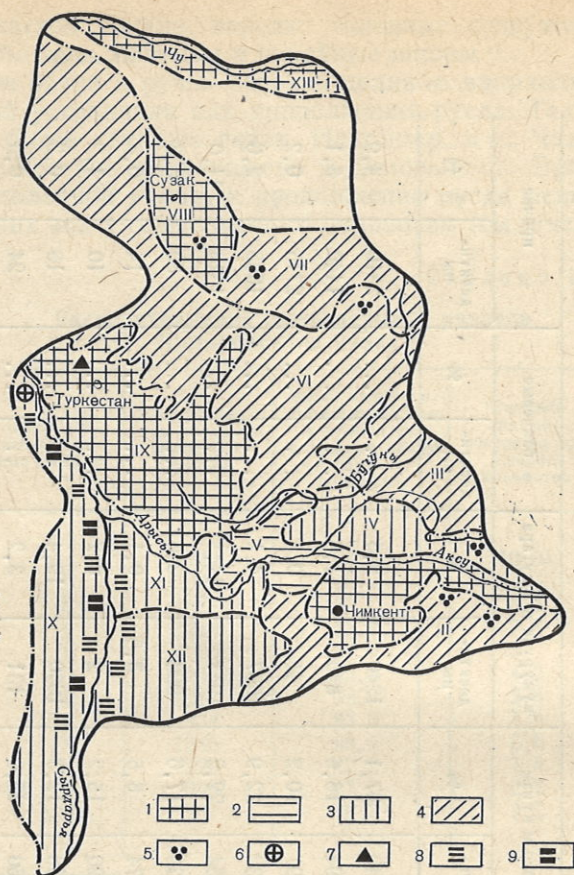

Рис. 2. Распространение земледелия с искусственным орошением

Районы, где орошаемые пашни составляют: 1 — от 90 до 100%; 2 — от 80 до 90%; 3 — от 70 до 80%; 4 — от 55 до 70%; 5 — «тома», водосборы на мелководных ключах; 6 — водоподъемные колеса «шыгыр»; 7 — кяризы; 8 — районы лиманного орошения; 9 — бассейновые системы

не дна водосбора и вели воду к арыкам. Такая система и в настоящее время ограниченно используется в северном Каратау.

По левому берегу Сырдарьи для орошения устраивалась система бассейнов; арыки вели воду из двух-трех искусственно соединенных между собой озер, которые наполнялись водой во время половодья. Берега озер со стороны долины реки поднимали высокими защитными плотинами, которые задерживали прорыв весенней воды на поля и повышали уровень воды в озерах. В прошлом было несколько довольно крупных бассейновых систем: система Сумагар, Соркуль, Коксарай и др. В настоящее время большинство их не действует, так как сильно понизился уровень Сырдарьи. Нам удалось осмотреть одну из них, частично восстановленную в совхозе «Овцевод» Кзыл-Кумского района. Она состоит из трех озер — Байраш, к которому идет канал из Сырдарьи, Соркуль и Культабан; от последнего проведены три больших канала (см. рис. 4).

Особенностью устройства всех ирригационных сооружений в районе левобережья Сырдарьи было то, что и плотины и дамбы строились

из земли, без употребления хвороста. Подводящий канал из Сырдарьи быстро заиливался и зарастал камышом: обычно через каждые пять лет его забрасывали и проводили новый.

Водоподъемные сооружения в Чимкентском уезде применялись очень мало. В прошлом водоподъемные колеса (шыгыр) были только в пределах северо-западного угла Чимкентского уезда, на Сырдарье (современный совхоз «Кондуз»). Э. Масанов зафиксировал водоподъемные сооружения в южной части области по р. Келесу, где они действуют до сих пор. В прошлом этот район входил в состав Кураминского уезда.

В северо-западной части Туркестанского района существовала кяризная система орошения. О ней имеются подробные сведения у Дингельштедта, который пишет о существовании довольно крупных сооружений, насчитывавших до 250 колодцев, соединенных подземными галереями. Правда, большинство кяризов были построены узбеками, но ряд систем принадлежал и казахам, в том числе наиболее долго существовавшая система кяризов в местности Майдантал (ныне колхоз им. Ленина Туркестанского района) ¹². В настоящее время большинство их заброшено, а сохранившиеся представляют собой открытые водосборные галереи.

Уже указывалось, что для Чимкентского уезда была характерна мелкая ирригационная сеть. В более же отдаленное время в этом районе имелись крупные ирригационные системы, к сожалению время их существования не выяснено.

Таблица 3
Распространение орошаемого земледелия

Природно-хозяйственный район	Количество посевов на искусственном орошении	
	десятины	процент к общему количеству посевов
I	45 699	92,13
II	29 068	63,37
III	7 645	56,3
IV	30 425	73,7
V	12 811	81,4
VI	16 134	62,8
VII	1 996	62,1
VIII	757	91,2
IX	7 659	91
X	2 960	71,4
XI, XII	1 255	69,3
XIII	251	99,2

Таблица 4

Своеобразие оросительной сети: по Чимкентскому, Аулиеатинскому и Ташкентскому уездам *

Уезд	Число арыков	Общая длина арыков, версты	Средняя длина арыка, версты	Количество воды, в секунду, куб. футы	Количество посевов, десятины	На 1 куб. фут воды, десятины	На 1 арык, десятины
Чимкентский	1506	5484	3,6	7 554	195 000	25	123
Аулиеатинский	566	5574	9,8	5 337	120 000	22,5	212
Ташкентский	288	2507	8,6	20 211	171 000	8,5	594

* Таблица составлена с использованием материалов статьи Н. Н. Александрова «Земледелие в Сыр-Дарьинской области», отклик из журнала «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, за 1916—1918 гг., стр. 13.

М 1 : 100 000

Рис. 3

По обоим берегам Сырдарьи видны остатки крупных каналов. По сообщению старых инженеров — ирригаторов А. Д. Конева и П. В. Киселева — следы одного из старых каналов идут от низовьев р. Арысы к устью Бугуни, далее к Сырдарье в районе станции Утрабат; таким образом этот канал пересекал всю территорию уезда по правому берегу Сырдарьи и питался водой нескольких рек. На левом берегу сохранилось русло канала «Огуз-жылки», выведенного из Сырдарьи в районе Кок-сарая в южной части области и на севере выходящего за пределы области. В 1925 г. старый канал «Огуз-жылки» хотели восстановить под названием «Ак-арык». В связи с этим по его трассе прово-

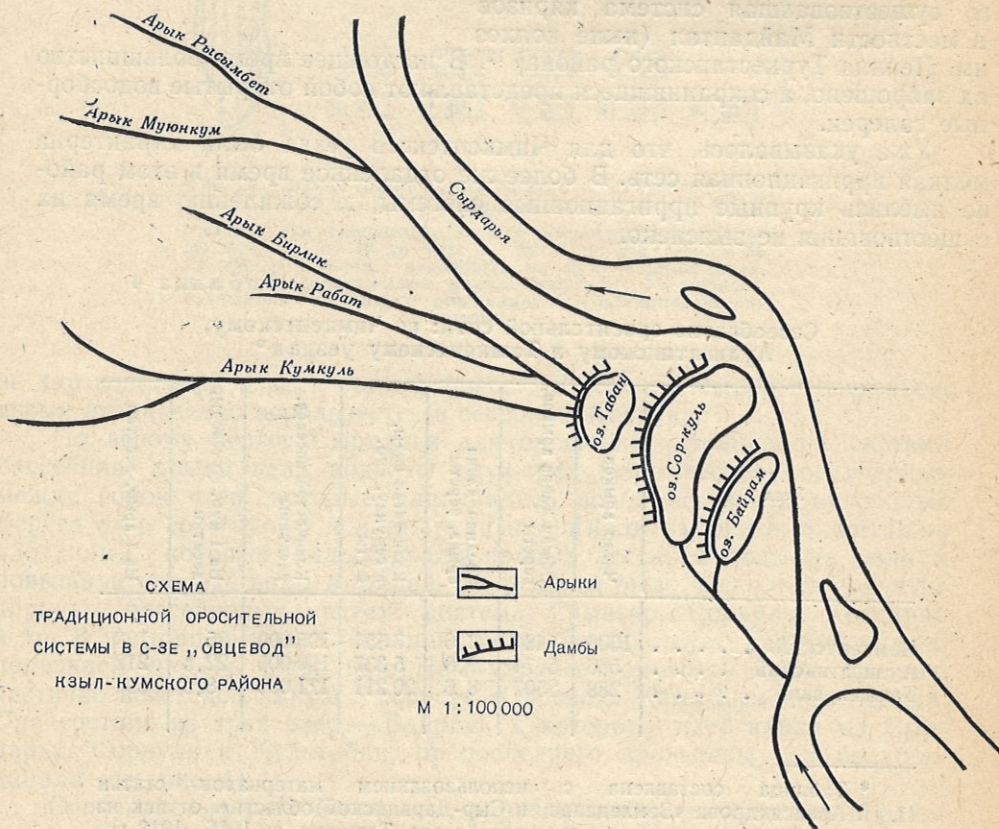

Рис. 4

дились изыскательские работы. Материалы этих исследований должны находиться в архиве министерства водного хозяйства Казахской ССР, в Алма-Ате. Вопрос о постройке и функционировании заброшенных крупных каналов и о связи с ними развития земледелия у казахов подлежит дальнейшему изучению.

¹ Н. Дингельштедт, Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область, тт. I—II, СПб., 1893—1895.

² «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области. Чимкентский уезд», т. I, Ташкент, 1908; т. II, вып. 1—2, Ташкент, 1910; «Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области», Ташкент, 1915; «Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области», т. I, Ташкент, 1910.

³ Материалы, собранные Х. Аргынбаевым и автором частично опубликованы: Х. Аргынбаев, И. В. Захарова, 1958 — жылы Онгтустік Қазақстан облысында ұйымдастырылған этнографиялық экспедиция жумысының қорытындысы (Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана). Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 12, Алма-Ата, 1961.

⁴ Филипп Назаров, Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии, СПб., 1821, стр. 31, 34.

⁵ «Несколько заметок о земледелии у туркменов и киргиз», — «Журнал министерства государственных имуществ», т. XXXIII, 1849, стр. 5, 6.

⁶ Н. Дингельштедт, Опыт изучения..., т. II, ч. III, стр. 338.

⁷ Там же, стр. 338, 340, 346.

⁸ Там же, стр. 365—367.

⁹ ЗРГО по отделению статистики, т. 4, СПб., 1874, стр. 31.

¹⁰ Н. Дингельштедт, Опыт изучения..., т. II, ч. III, стр. 381.

¹¹ Сипайные шпory — деревянные треножки из бревен и прочных жердей, заплетенные внизу хворостом и забитые камнем.

¹² Н. Дингельштедт, Опыт изучения..., т. II, ч. III, стр. 288—289.

Л. С. Толстова

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АТЛАСА ПО ЗЕМЛЕДЕЛИЮ И ИРРИГАЦИИ В КАРАКАЛПАКИИ

Этнографы Каракалпакского филиала АН УзССР непосредственно включились в работу над «Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана» в 1967 г., когда эта тема стала основной, официально закрепленной за сектором археологии и этнографии Института истории языка и литературы Каракалпакского филиала Академии наук УзССР (далее — ИИЯЛ КК ФАН УзССР). Однако за годы Советской власти историки и этнографы, в связи с работой над другими темами, собрали значительный материал по тематике Атласа — земледелию, ирригации, животноводству, жилищу, одежде, украшениям, орнаменту и другим элементам культуры каракалпаков, узбеков, казахов, туркмен и других народов, населяющих Каракалпакию.

В конце 20-х и в 30-х годах работу в Каракалпакии вели П. П. Иванов и А. С. Морозова. В ряде их работ нашли отражение вопросы хозяйства и материальной культуры каракалпаков¹.

Работа А. С. Морозовой специально посвящена рассмотрению вопросов материальной культуры каракалпаков (жилища, одежды, пищи). Морозова выделяет «четыре хозяйственных и культурно-бытовых комплексов, сложившихся в ходе исторического развития народа и обуславливающих своеобразные особенности их быта: I комплекс — северные аулы рыболовецко-промыслового и скотоводческо-земледельческого направления хозяйства, II комплекс — северо-восточные и северо-западные аулы скотоводческо-земледельческого направления хозяйства, III комплекс — центральные правобережные районы поливного земледелия, IV комплекс — южные районы с трудоинтенсивным земледельческим хозяйством»². Дав характеристику основных хозяйственных особенностей каждого комплекса, автор подробно останавливается и на основных элементах материальной культуры каракалпаков, особенно на анализе каракалпакской одежды.

Большой вклад в разработку вопросов хозяйства и материальной культуры каракалпаков (а отчасти и других народов Каракалпакии) внесли исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Этнографические отряды Хорезмской экспедиции стали работать в ее составе с 1945 г. Это Каракалпакский этнографический отряд под руководством Т. А. Жданко, обследовавший каракалпаков во всех районах республики, Североузбекский отряд под руководством К. Л. Задыхиной, работавший среди северных узбеков-аральцев в Кунградском, Кыпчакском и Ходжейлинском районах Каракалпак-

ской АССР, и Южноузбекский отряд под руководством М. В. Сазоновой, охвативший своими исследованиями и узбеков Турткульского и Бирунийского районов Каракалпакской АССР. Круг их исследований был широким: ставились задачи детального изучения этнического состава населения, истории расселения в низовьях Амударьи и на побережье Аральского моря различных родо-племенных групп каракалпаков, северохорезмских узбеков, туркмен; фиксировались многообразные формы материальной культуры — традиционные и современные типы жилища, одежды, виды прикладного искусства; много внимания уделялось также истории семьи и своеобразных черт общественного строя, в частности вопросам социальной структуры земельно-водной общины у полукочевников — каракалпаков и туркмен.

Наряду с историко-этнографической тематикой все отряды занимались изучением современного быта и культуры колхозного крестьянства. Хотя этнографические отряды не ставили своей специальной задачей изучение земледелия и животноводства у народов Хорезма (за исключением Южноузбекского отряда М. В. Сазоновой, собиравшего, в частности, материалы по дореволюционной сельскохозяйственной технике), в результате многолетних исследований накопился значительный полевой материал по этим темам. Он содержится, например, во многих записанных этнографами исторических преданиях, относящихся к XIX в., а иногда и к более ранним временам. Повествуя о своих предках, об их переселениях, местах обитания, старики сообщают немало сведений и об их хозяйственной жизни — о землях, которые они занимали, обрабатывали или осваивали, об источниках орошения, строительстве каналов, расположении пастбищ и составе стад, о рыболовстве и других занятиях.

Такого же рода сведения записывались при изучении этнического состава — когда проводилось сплошное обследование районов расселения того или другого народа и собирался материал, характеризующий каждую этническую группу, в частности, вопросы хозяйственного уклада обязательно выяснялись при изучении жилища, форма которого тесно связана с образом жизни (оседлостью, кочевым и полукочевым бытом). При исследовании культуры и быта колхозников большое внимание уделялось истории селений, вошедших в состав изучаемого колхоза. Таким образом, и в этом цикле полевых материалов также имеются ценные сведения о традиционных формах ирригации, земледелия, животноводства и рыболовства. Многие материалы, связанные с проведшимся изучением земельно-водных общин, в частности способов водопользования, также могут быть использованы при составлении Атласа.

Большое значение также имеют материалы совместного исследования археологами и этнографами так называемых покинутых поселений XVIII—XIX вв., расположенных в песках близ границ Хорезмского оазиса и принадлежавших некогда туркменам. Эти работы велись специальными отрядами Хорезмской экспедиции, под руководством Б. В. Андрианова, Г. П. Васильевой, Б. И. Вайнберг³ и др. Подобным же археолого-этнографическим отрядом исследовались заброшенные каракалпакские поселения в Кызылкумах, на нижней Жангадарье, в урочище Клы (Аралбай-кала, Орунбай-кала, или Каракалпак-кала). Археологи и этнографы фиксировали хорошо сохранившуюся ирригационную сеть прилегавших к селениям полей и садов, восстанавливали формы жилищ, превратившихся в развалины, и одновременно собирали у окрестного населения предания, а иногда и воспоминания о жителях, покинувших селения, об их хозяйстве, быте и исторических судьбах.

Собранные материалы нашли отражение во многих работах

Т. А. Жданко⁴, в которых приводятся данные о хозяйстве, занятиях, материальной культуре каракалпаков в низовьях Амударьи.

Материалы, собранные этнографическими отрядами, нашли отражение и в работах других участников Хорезмской археолого-этнографической экспедиции⁵.

Небольшой раздел, написанный Б. В. Андриановым для первого тома «Народов Средней Азии и Казахстана» — «Хозяйственно-культурные типы» и подробная карта, иллюстрирующая этот раздел, представляют интерес и для определения хозяйственно-культурных типов, бытовавших у каракалпаков, соотношения их хозяйства с типами хозяйства других народов Средней Азии. Дореволюционное хозяйство каракалпаков автор относит в основном к типу «полуседлых земледельцев, сочетающих скотоводство с земледелием» и частично к типу «оседлых жителей оазисов, ведущих интенсивное земледельческое хозяйство с применением искусственного орошения»⁶. Дальнейшее уточнение подтипов, к которым может быть отнесено хозяйство каракалпаков, будет произведено в ходе детального исследования хозяйства каракалпаков при подготовке Атласа.

Большое внимание уделил Б. В. Андрианов анализу материалов Переселенческого Управления 1912—1913 гг. по Амударьинскому отделу Сырдарьинской области, для выяснения особенностей хозяйства и социально-экономического строя каракалпаков в этот период. Эти вопросы освещены в рукописном варианте его кандидатской диссертации «Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.)», а также в рукописи на тему «Некоторые проблемы социально-экономического строя каракалпаков Аму-Дарьинского отдела», подготовленной по заданию Каракалпакского филиала АН УзССР⁷.

Обе последние работы Б. В. Андрианова представляют самый непосредственный интерес для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», и, дополненные полевыми этнографическими материалами, могут быть взяты за основу при написании разделов по земледелию и животноводству в Каракалпакии и при составлении ряда относящихся к этой тематике карт. В первой работе наиболее интересным является раздел «Экономические районы», где автор на основании анализа Материалов Переселенческого управления и в соответствии с ними, а также с учетом данных полевых этнографических исследований, дает хозяйственно-экономическую характеристику пяти основных экономических районов Амударьинского отдела.

Работа сопровождается большим количеством сводных таблиц, а также более чем 20 картограммами, которые частично могут быть использованы при составлении соответствующих карт [например, «Посевы на естественно-орошаемых землях», «Условия орошения в Чимбайском участке Амударьинского отдела», «Распределение количества крупного рогатого скота, приходящегося в среднем на одно хозяйство (по общинам)» и др.]

Ряд сотрудников Каракалпакского филиала АН УзССР (С. К. Камалов, Р. С. Косбергенов, У. Х. Шалекенов, Л. С. Толстова) также начинали свою работу в составе Хорезмской экспедиции, причем в их кандидатских диссертациях приводится много сведений по хозяйству и материальной культуре каракалпаков в дореволюционный и советский периоды. Эти данные также могут быть использованы при работе над Атласом.

Здесь можно назвать кандидатские диссертации Р. Косбергенова⁸ и С. Камалова⁹. В этих исследованиях, написанных на основе собранных авторами полевых этнографических материалов, исторической литературы и архивных данных (извлеченных из ряда архивов Москвы,

Ленинграда, Ташкента и Алма-Аты), должное место отводится характеристике каракалпакского хозяйства (земледелия, орошения, скотоводства, рыболовства, промыслов) как в период жизни каракалпаков на Сырдарье, так и во времена Хивинского ханства (до присоединения к России, а также в конце XIX — начале XX в., в период вассального ханства). Речь в этих работах идет об общем характере хозяйства, об основных сельскохозяйственных культурах, орудиях и приемах земледелия, состоянии ирригационной сети и способах орошения, составе стада и его содержании, орудиях и способах рыбной ловли, а также приводится целый ряд национальных хозяйственных терминов.

Впоследствии, во время работы в Каракалпакском филиале (в секторе истории дореволюционного периода), эти исследователи (как и другие работники сектора) собрали ряд новых полевых и архивных материалов, характеризующих дореволюционное хозяйство каракалпаков и нашедших отражение в ряде исследований С. Камалова¹⁰, а также в его обобщающей работе «Каракалпаки в XVIII—XIX веках»¹¹.

Значительные сведения по хозяйству каракалпаков в прошлом и настоящем, а также по их материальной культуре содержатся в работе У. Х. Шалекенова¹², где хозяйственной жизни этого народа посвящена глава, в которой достаточно подробно охарактеризовано земледелие каракалпаков Чимбайского района в прошлом (сельскохозяйственные культуры, их соотношение в хозяйстве, способ возделывания каждой из них, использование в хозяйстве, земледельческие орудия), ирригационная сеть, способы регулирования воды, водоподъемные сооружения (различные виды чигирей и др.), очистка ирригационной сети, скотоводство (соотношение роли земледелия и скотоводства у различных групп населения, состав стада в различных социальных и национальных группах, породы скота, зимнее и летнее его содержание, заготовка кормов, помещения для скота, использование продуктов скотоводства).

Изучением рыболовства у каракалпаков, игравшего в их дореволюционном хозяйстве весьма важную роль, занимался сотрудник сектора этнографии А. Утемисов, собравший значительный материал по рыболовным угодьям, видам промысловых рыб, использованию продуктов рыболовства и др.

Некоторые материалы по дореволюционному хозяйству каракалпаков содержатся и в ряде работ других сотрудников Института истории, языка и литературы КК ФАН УзССР (К. Сарыбаева, Ж. Уббаниязова и др.).

Хозяйственные особенности каракалпаков, живущих за пределами Хорезмского оазиса (ферганских, самаркандских, бухарских), находящихся на пути этнического сближения с соседним узбекским и казахским населением, освещены в работах Л. С. Толстовой¹³. Автор этих работ уделяет внимание вопросам земледелия, ирригации, скотоводства, рыболовства, домашних промыслов, а также материальной культуры (жилища, одежды), отмечая сохранение некоторых традиционных особенностей хозяйства и культуры каракалпаков, а также влияние на эти группы хозяйства и культуры соседних народов (узбеков, казахов).

Большой интерес для работы над Атласом представляет монография У. Х. Шалекенова¹⁴ о казахах низовьев Амударьи. В процессе исследования этой темы автор провел значительные полевые работы среди казахского населения Чимбайского, Муйнакского, Кунградского, Ходжейлинского, Бирунийского и Турткульского районов КК АССР, проработал большой историко-литературный и архивный материал (в архивах Москвы, Ташкента, Алма-Аты, Нукуса и др.). Значительное место в работе уделено хозяйству (земледелию, ирригации, скотовод-

ству, рыболовству, домашним промыслам) и материальной культуре (селению и жилищу, одежде и пище) казахов, причем материал дан в сравнительно-сопоставительном плане с хозяйством и материальной культурой соседних народов, показано взаимовлияние этих народов как в дореволюционное время, так и в советский период.

Интересны материалы этого же исследования о развитии земледелия у казахов под влиянием оседлого и полuosедлого населения (узбеков, каракалпаков), о хозяйственных контактах (обмене продуктами) между каракалпаками и казахским населением как на нижней и средней Сырдарье, так и на Жангадарье и в низовьях Амударьи, о казахском земледелии, основанном на булачном орошении и использовании такырных водоемов (образовавшихся в результате весенних дождей и таяния снегов) на Устюрте и Мангышлаке, о сочетании скотоводства и земледелия у разных групп казахов, расселившихся на окраинах дельты Амударьи, о казахском земледельческом районе в Даукаринской низменности (XIX в.), на островах южного берега Аральского моря и в других местах и т. д.

Кроме указанных выше опубликованных работ, в архиве КК филиала АН УзССР, архиве Института этнографии АН СССР, в личных архивах ученых хранится ряд материалов по тематике Атласа.

Все эти данные по хозяйству каракалпаков, узбеков и казахов низовьев Амударьи, собранные советскими исследователями за многие годы, несомненно, представляют большой интерес и должны быть использованы при работе над разделами «Земледелие, ирригация и животноводство», а также «Селение и жилище», «Одежда» и «Прикладное искусство» «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», в их каракалпакской части.

* * *

С 1967 г. этнографы КК филиала АН УзССР непосредственно включились в работу над «Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана». На основании общей программы сбора материалов по темам «Земледелие и ирригация» и «Животноводство» был составлен перечень карт, над которыми должны работать этнографы Каракалпакии и представители смежных специальностей, а также рабочая программа сбора материалов по этим темам. Начал проводиться учет неопубликованных материалов о хозяйстве каракалпаков, имеющих в архивах КК ФАН (в полевых записях секторов археологии и этнографии, истории и диалектологии каракалпакского языка, фольклора, в архивных материалах сектора истории дореволюционного периода и др.), а также имеющихся фотоматериалов. Начата разработка и систематизация сведений, содержащихся в историко-этнографических исследованиях, проводившихся в Каракалпакии в дореволюционный период. На основании этих материалов был написан доклад У. Х. Шалекенова «О сочетании скотоводства и земледелия в разных географических зонах дореволюционной Каракалпакии», сделанный на совещании по Атласу в Ашхабаде (декабрь 1967 г.).

Осенью 1968 г. этнографы сектора провели экспедицию в северных районах Каракалпакии (Кегейлинский, Чимбайский и Тахтакупырский). Отряд в составе семи человек под руководством У. Х. Шалекенова провел маршрутное обследование населения этих районов (каракалпаков, казахов и отчасти аральских узбеков) и собрал значительный материал по первоочередным темам Атласа, а также по тематике последующих разделов — по жилищу, одежде и украшениям. В частности, были собраны материалы по составу сельскохозяйственных культур

в ряде бывших волостей Амударьинского отдела. Состав этот более всего зависел от природных условий, а частично и от национальных традиций народов Хорезмского оазиса. В разных волостях преобладали не одни и те же культуры: рис возделывался там, где было самотечное (аячное) земледелие, где было много воды, а в местностях с чигирным орошением возделывались такие виды зерновых культур, как пшеница, просо и ячмень.

Собраны также материалы по сельскохозяйственным орудиям: зарисованы и сфотографированы виды лопат, имевших различное сельскохозяйственное назначение, кетмени, пахотное орудие — гунде (омач) и др.; выяснено, что не было существенных отличий в сельскохозяйственных орудиях в различных волостях и у разных народов Хорезмского оазиса; собран материал по старым способам орошения (аячному и чигирному), видам водоподъемных сооружений, в частности, серпне, большим и малым чигирям (чем глубже был уровень воды, тем больше была величина чигиря).

Сделан ряд полевых записей по животноводству — о видах скота, преобладавших в тех или иных волостях (мелкий рогатый скот преобладал в волостях, расположенных близ Кызылкумов, а в дельте — крупный рогатый скот и лошади, причем лошади, акклиматизировавшиеся в природных условиях дельты), записи о ведении животноводческого хозяйства по сезонам (места зимовок и летовок, места для окота, способы ухода за животными). Зафиксированы некоторые национальные традиции в области ведения земледельческого и животноводческого хозяйства, наряду со значительной общностью хозяйственных навыков и сильным взаимным влиянием в этой области между народами Хорезмского оазиса. Собран большой иллюстративный материал (рисунки и фотографии).

Институт этнографии АН СССР совместно с Каракалпакским филиалом АН УзССР разработал карты-бланковки Каракалпакии для составления указанных карт.

Производится разработка и систематизация сведений, содержащихся в историко-этнографической литературе и материалах различных статистических обследований (по земледелию, ирригации и животноводству дореволюционной Каракалпакии). Кроме историко-этнографической литературы по Каракалпакии, охарактеризованной выше и написанной в советский период, многочисленные сведения по этим вопросам содержатся в исторических исследованиях дореволюционного периода, например, в работах А. В. Каульбарса¹⁵, Гиршфельда и Галкина¹⁶, А. Күна¹⁷, О. Шкапского¹⁸ и во многих других.

Большое число необходимых сведений по хозяйству народов Каракалпакии имеется также в материалах различных статистических обследований, проводившихся как в дореволюционный период (прежде всего в «Материалах Переселенческого управления 1912—13 гг.», проделавшего значительную статистико-экономическую работу)¹⁹, так и в первые годы Советской власти («Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.»²⁰, «Материалы по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма»²¹).

Эти обследования, хотя и проводились уже в начале Советского периода, но фактически отражали состояние сельского хозяйства народов Средней Азии на конец дореволюционного периода, так как коренные экономические преобразования произошли здесь позже — в конце 20-х — начале 30-х годов, особенно после проведения коллективизации.

Результатом работы этнографов и представителей смежных специальностей Каракалпакии является сборник «Хозяйство Каракалпакии в XIX — начале XX в. (Материалы к историко-этнографическому

атласу Средней Азии и Казахстана)»²², составленный коллективом авторов. В этом сборнике на основании архивного, литературного и, в меньшей степени, полевого материала освещены такие вопросы, как система земледелия и сельскохозяйственные культуры Каракалпакии в XIX — начале XX в., система орошения в тот же период, животноводство и рыболовство. Каждому из этих вопросов посвящена отдельная глава. Сборник снабжен рядом таблиц, схематических карт, рисунков (типы сельскохозяйственных орудий, орудия рыбной ловли) и фотографий. В сборнике освещен многовековой народный опыт в области ирригации, характеризуются ценные трудовые навыки населения низовьев Амударьи, выработанные в своеобразных природно-географических условиях края. Издание собранных материалов — определенный этап в изучении истории хозяйства народов Каракалпакии.

Среди других материалов сборника значительный интерес представляет, в частности, освещение таких вопросов, как формы земледелия в дореволюционной Каракалпакии, связанные с различными типами орошения, такими, как регулярное интенсивное поливное земледелие, являющееся основной, преобладающей формой хозяйства каракалпаков, а также нерегулярное — лиманное и кайрное земледелие (прежде всего у каракалпаков), земледелие, основанное на использовании родниковых вод и такырных водоемов, образовавшихся от весенних дождей и таяния снегов (у казахов); приводится и много других ценных и интересных материалов.

При несомненной значимости сборника, у него имеется ряд недостатков — материал в сборнике не в полной мере расклассифицирован по тематике Атласа, недостаточно картографирован, дан в значительной степени обобщенно, суммарно с некоторыми разделами, которые вовсе не укладываются в тематику Атласа. Вызывает сожаление также довольно слабое использование в сборнике полевых материалов, имеющих в распоряжении авторов. Однако при всем этом сборник является первой попыткой составления в Каракалпакии тематических выпусков, связанных с Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана.

¹ П. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков, — «Материалы по истории каракалпаков. Труды Института востоковедения АН СССР», т. VII, М.—Л., 1935; его же, «Каракалпаки», — «Советская этнография», т. IV, М., 1940; А. С. Морозова, Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в. (к вопросу этногенеза), Ташкент, 1955 (автореферат канд. дисс.).

² А. С. Морозова, Культура...

³ Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева, Покинутые туркменские поселения XIX в. в Хорезмском оазисе, — КСИЭ, вып. 28, М., 1958; Б. И. Вайнберг, К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме, — СЭ, 1959, № 5.

⁴ Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, — ТХЭ, т. I, М., 1952; ее же, Этнографическая разведка в Чимбайском районе КК АССР, — КСИЭ, вып. II, М., 1947; ее же, Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане, — СЭ, 1967, № 4; ее же, Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана, СЭ, 1961, № 2; ее же, Номадизм в Средней Азии и Казахстане (Некоторые исторические и этнографические проблемы), — «История, археология и этнография Средней Азии (К 60-летию С. П. Толстова)», М., 1968; ее же, Каракалпаки, — «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, сер. «Народы мира», М., 1962; ее же, Каракалпаки (Основные проблемы этнической истории и этнографии), — «Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук», М., 1964.

⁵ К. Л. Задыкина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, — ТХЭ, т. I, М., 1952; М. В. Сафонова, К этнографии узбеков южного Хорезма, — ТХЭ, т. I, М., 1952; Б. В. Андрианов, Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII—XIX вв.), — ТХЭ, т. III, М., 1958; его же, Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаны-Дарьи в 1956—1957 гг., — «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960.

- ⁶ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 32; т. II, Карта, М., 1963.
- ⁷ Рукопись хранится в научном архиве Каракалпакского филиала АН УзССР.
- ⁸ Р. Косбергенов, Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX в., — ТХЭ, т. III, М., 1958 г.
- ⁹ С. Камалов, Каракалпаки в Хивинском ханстве до присоединения к России (историко-этнографический очерк), М., 1953 г. (рукопись канд. дисс.). Основная часть этой работы опубликована в т. III ТХЭ под названием «Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в.»
- ¹⁰ С. Камалов, Завоевание каракалпаков хивинскими ханами в конце XVIII — начале XIX вв., Нукус, 1958; его же, Каракалпакско-русские отношения в XVIII в., Нукус, 1966. В ряде разделов т. I «Очерков истории Каракалпакской АССР» (Ташкент, 1964) есть материалы С. Камалова.
- ¹¹ С. Камалов, Каракалпаки в XVIII—XIX вв. (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами), Ташкент, 1968.
- ¹² У. Х. Шалекенов, Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем, — ТХЭ, т. III, М., 1958.
- ¹³ Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины. Историко-этнографический очерк, Нукус, 1959; ее же, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX вв., Нукус — Ташкент, 1963.
- ¹⁴ У. Х. Шалекенов, Казахи низовьев Аму-Дарьи (К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв.), Ташкент, 1966.
- ¹⁵ А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям 1873 г., — «Записки РГО по общей географии», т. IX, СПб., 1881.
- ¹⁶ Гиршфельд и Галкин, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. I, II, Ташкент, 1902—1903.
- ¹⁷ А. Кун, Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи, — «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV, СПб., 1876.
- ¹⁸ О. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу на Аму-Дарье, Ташкент, 1900.
- ¹⁹ «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и земледельчества в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области», вып. I, II, Ташкент, 1915.
- ²⁰ «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.», вып. III. Поволостные итоги Сыр-Дарьинской области, Самарканд, 1925.
- ²¹ «Материалы по районированию Средней Азии. Территория, население Бухары и Хорезма», кн. II, ч. 2. Хорезм. С приложением административно-этнографической карты бывш. Хорезмской республики, Ташкент, 1926.
- ²² Эта книга вышла в Ташкенте в 1972 г. Руководителем авторского коллектива был У. Х. Шалекенов.

К. Шаниязов

ОСНОВНЫЕ ОТРАСЛИ ЖИВОТНОВОДСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УЗБЕКИСТАНЕ

Основными отраслями животноводства в дореволюционном Узбекистане были овцеводство, коневодство, разведение крупного рогатого скота и коз, кроме того, в небольшом количестве разводили и верблюдов.

Преобладающую роль в животноводческом хозяйстве узбеков в прошлом занимало овцеводство. Его развитие было связано не только с необходимостью производства пищевых продуктов — мяса и молока, но и для получения ценного сырья — шерсти и кожи. Однако наиболее ценной продукцией были шкурки, получаемые от каракульской породы овец.

Издавна овцеводство имело и товарное направление. Каракулевые смушки шли на рынок. Большой спрос на рынках Средней Азии был также на живых овец, которых покупали и откармливали на мясо и сало. Некоторая часть овечьей шерсти, а также изготовленные из нее изделия (кошмы, паласы, переметные сумы, мешки различной величины и др.) шли на рынок.

Большая часть поголовья овец находилась в руках отдельных баев и феодальной знати. В составе почти каждого крупного племени узбеков имелись отдельные семьи, которые владели от одной и более тысяч овец. Были и такие феодалы (например, среди узбеков-карлуков), которые владели десятками тысяч овец¹. Рядовые овцеводы имели лишь по несколько голов овец и коз для прокормления себя и своей семьи. Многие из них совсем не имели скота и работали чабанами у своих богатых сородичей.

Степные пастбища в Бухарском ханстве находились под контролем административного чиновника — эльбеги, в обязанности которого входило наблюдение за границами пастбищных владений родо-племенных групп (чтобы они не нарушались), а также взимание налога со скота (закот), за использование пастбищ (хас-пули) и др. Эльбеги подчинялся правителю данной области — беку².

Родо-племенные группы узбеков Бухарского ханства, откочевывавшие в западную половину Каршинской степи в весенние и летние периоды, объединялись под началом двух эльбеги: один — объединял родо-племенные группы уз, найман, ябу (жабу), месит, олчин и другие, занимавшие пастбищные территории северо-западной части Каршинской степи (области канала Эски-Ангор), с центром в селении Пулоти, где и жил эльбеги; другой — родо-племенные группы ших, сарыг, кар-

лук, кипчак и другие, кочевавшие на пастбищных землях западной части Каршинской степи, с центром в селении Куня-шахар.

Родо-племенные группы найман, китай, уч-уруг, среднеазиатские арабы и другие, занимавшие пастбищные территории западной половины Карнабчуля, управлялись эльбеги, находившимся в селении Джийдалик. Интересно отметить, что полуоседлые узбеки степных зон Бухарского ханства, занимавшиеся овцеводством, сочетали его с земледелием и оказывались как бы в двойном подчинении: как земледельцы они подчинялись амлякдару³ той местности, где располагались их селения и посевы, а как кочевники-скотоводы (когда они откочевывали со своим скотом в степь) подчинялись эльбеги.

Известно, что узбеки в прошлом разводили два вида овец: каракульских (каракульско-смушковое овцеводство) и курдючных (мясо-сальное). Каракульских овец разводили главным образом на территории бывшего Бухарского ханства. Основными районами их распространения были: Каршинская степь (Каршинское, Гузарское, Чиракчинское и другие бекства), Карнабчул (включая южные и юго-западные районы Самаркандского и Катта-Курганского уездов Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства), а также степные и пустынные зоны, окружавшие Бухарский оазис и Каршинское бекство.

Разведением овец каракульских пород занимались полукочевые узбеки, принадлежавшие в прошлом к следующим родо-племенным группам: карлук, найман, сарай, катаган, мангыт, месит, олчин, каучин, ябу (жабу), китай, уч-уруг, уз и др. Каракулеводством занимались и туркмены, проживавшие в южной части бассейна Кашкадарьи (туркмены Памыка, Мубарека, Сарыка) и в нынешнем Алатском районе Бухарской области, а также среднеазиатские арабы.

Каракулеводство занимало значительное место и в хозяйстве крупных баев из числа оседлых узбеков Кашкадарьи и низовьев Зеравшана. Правда, баи являлись лишь владельцами овец, а для пастбы они нанимали чабанов, нередко из числа опытных животноводов — узбеков или среднеазиатских арабов.

С глубокой древности курдючные овцы были распространены на территории Средней Азии. Узбеки разводили несколько их пород, но среди них преобладали: казаки (казахская) и местная улучшенная порода (помесь местной с казахской, гиссарской и др.) — джайдори, а также гиссарская — хисори. Породы джайдори и казаки разводили узбеки тюрк, курама, джуз, кырк, минг, кипчак, канглы и другие племенные группы, населявшие степные, предгорные и горные районы Ферганской долины, Ташкентского оазиса, Джизакского уезда, верхней части долины Зеравшана, а также верховьев Кашкадарьи (в Китабском, Шахрисябском, Яккабакском бекствах Бухарского ханства). Овец породы хисори⁴ разводили в Денаусском и Байсунском бекствах Восточной Бухары узбеки, относившие себя к племенным группам карлук, тюрк, лакай, кунград и др.

Разведение коз играло менее значительную роль, чем овцеводство. В основном они были местной породы, преимущественно черной масти, с грубой шерстью и с небольшим количеством пуха. Крупных стад коз у узбеков не было. Их держали в небольшом количестве бедняцкие хозяйства для получения мяса, молока, шерсти и кожи. Большую часть коз они резали, так как их семьи питались главным образом козьим мясом. Об этом говорится даже в одной из узбекских народных пословиц: «Эчки юзга етса, кузга етмайди» («число коз, хотя и до сотни дойдет, но до осени они не сохраняются»). Больше всего коз было сосредоточено в верховьях Зеравшана (Самаркандская область), в Джизакском уезде, в Сурхан-Ширабадской долине и на Кашкадарье. В зна-

чительном количестве их разводили и в Ташкентском оазисе, в Ферганской долине этот вид скотоводства был развит сравнительно мало.

Разведением крупного рогатого скота в прошлом занимались как полуседлое, так и оседлое земледельческое население Узбекистана. Много его имели оседлые узбеки, жившие в предгорных районах, в полосе богарного земледелия. Природные условия здесь были особенно благоприятны для этой отрасли животноводства. Скот почти круглый год находился на подножном корму: весной и летом его содержали на предгорных и горных пастбищах, а осенью пасли поблизости от селений, на стерне. У тех узбеков, которые жили в центре оазисов, где пастбища почти отсутствовали, скота было значительно меньше.

Отдельные баи имели до 200 и более голов крупного рогатого скота, зажиточные хозяйства — до 10—15 голов, бедные семьи не больше двух голов, а многие бедняки совсем ничего (ни коров, ни рабочего скота).

Разведение крупного рогатого скота, особенно волов — основной тягловой силы в земледелии у полуседлых узбеков — также как овцеводство носило товарный характер. Воллов выращивали не только для личного хозяйства, но и для рынка, их продавали в районы орошаемого земледелия, где на них был большой спрос.

Недостаток кормов всегда ограничивал возможности разведения крупного рогатого скота оседлыми узбеками. Выращивать молодняк в течение трех-четырех лет (бычков — до рабочего возраста, а телок — до возраста дойных коров) было трудно из-за недостатка корма. Поэтому многие земледельцы бассейна Зеравшана и Ферганской долины по окончании полевых работ продавали своих волов, а весной, с началом земледельческих работ, снова покупали на базарах⁵. Основными поставщиками рабочих волов было полуседлое население окружающих оазис районов.

Крупный рогатый скот (особенно рабочий) очень ценился. Поэтому дехкане заботились и ухаживали за рабочими волами. Они хорошо понимали, что от упитанности и силы вола зависит успех многих видов полевых работ. Особенно большое внимание крестьяне уделяли им весной, чтобы волы не подвели хозяина в самый разгар полевых работ.

Узбеки в основном выращивали местную зебовидную породу крупного рогатого скота. Эта порода и в настоящее время составляет в Узбекистане примерно 65—69% всего поголовья⁶.

Важную роль в хозяйстве узбеков играло коневодство. У полукочевых узбеков лошадь как верховое и вьючное животное служила для перекочевья при выпасе скота; в земледельческом хозяйстве ее использовали для перевозки урожая, молотбы, доставки продуктов на базар и нередко для пахоты. Лошадей запрягали в колесный транспорт (арбы), с их помощью приводили в движение мельницы (каш-каш) и маслобойки (жувоз). Использовали их также для народных конно-спортивных игр (купкори или углок) и скачек (пойга). Из сказанного выше видно, что лошадь играла важную роль во всех отраслях хозяйства и в общественной жизни узбеков.

Правда, у узбеков не было табунного коневодства в таких широких масштабах, как у казахов и киргизов, исключение составляли лишь некоторые узбекские племена Восточной Бухары, например, локайцы, узбеки митан бассейна Зеравшана, нуратинские туркмены и некоторые другие группы. Особенно много лошадей было у локайских баев, в отдельных табунах которых число лошадей доходило до 1 тыс. голов⁷. Богачи узбеков бассейна Зеравшана имели до 200—300 голов, а отдельные крупные феодалы до 600 и более голов⁸. В таких хозяйствах коневодство имело товарное направление — лошадей поставляли на рынок для продажи.

В основном узбеки разводили карабаирскую, локайскую, тюркскую и реже арабскую породы лошадей. Самой распространенной породой была карабаирская, которую разводили преимущественно в бассейнах Зеравшана, в Ферганской долине и в Ташкентском оазисе.

Происхождение карабаирской лошади относится к глубокой древности. Для ее выведения помимо местной породы были использованы туркменская, арабская и монгольская породы⁹. Карабаирские лошади отличаются статностью, широкой грудью и обладают наилучшими скаковыми качествами — физической крепостью, выносливостью и способностью к продолжительному бегу. Путем скрещивания узбеки создали еще ряд разновидностей карабаирских лошадей: узбекскую, мянкальскую, ургутскую и др. Среди них особенно отличались ломовые лошади узбекской породы (узбек оти) — помесь карабаира с казахской лошастью. Это самая сильная порода, употреблявшаяся во всех больших городах Средней Азии для перевозки тяжестей¹⁰.

Локайская порода была выведена узбеками-локайцами, живущими в южных (горных) районах Узбекистана и Таджикистана. Эта лошадь отличается красивым телосложением, может свободно идти по горным дорогам с грузом в 150—160 кг, проходит до 80 и более км в сутки, обладает хорошей резвостью и может делать большие скачки¹¹.

Арабская порода лошадей в основном была распространена в бассейне Зеравшана, особенно в Бухарском оазисе и в Каршинском бекстве Бухарского ханства¹². Лошади этой породы отличаются своей неприхотливостью, выносливостью, способностью проходить без пищи и воды большие расстояния.

Туркменские породы лошадей в Узбекистане разводили в низовьях Зеравшана у нуратинских туркмен, в Хорезме и в юго-западных районах Сурхандарьинской области. Туркменские скакуны-аргамаки главным образом предназначались для верховой езды и конноспортивных игр (купкори, пойга).

Узбеки гордились хорошими конями, умели их выращивать, знали им цену, умели их выбрать и ухаживать за ними. Считалось, что каждый молодой узбек должен иметь своего коня, поэтому при первой возможности покупали его. Постоянной мечтой молодежи из несостоятельных семей было приобретение коня.

Следует отметить, что в прошлом племенная работа по улучшению породности лошадей велась главным образом в богатых, зажиточных хозяйствах, где было сосредоточено их основное поголовье, а также в поместьях феодальной знати — ханов и сановников. Так, в конюшнях Бухарского эмира Насруллы (1826—1860) постоянно содержалось до 200 превосходных жеребцов-производителей. В конюшнях бека Аллаяра Парвоначи (70—80-е годы XIX в.) было до 300 племенных жеребцов и столько же маток¹³. Беднота не могла улучшать породу своих лошадей, так как одна и та же лошадь в бедной семье служила как для верховой езды, так и для всевозможных тяжелых хозяйственных работ.

Разведение верблюдов в хозяйстве полукочевых, а отчасти и оседлых узбеков играло в прошлом очень важную роль. Верблюды делились на вьючных, тягловых и упряжных. На них перевозили все тяжести, использовали как тягловую силу при вспашке земли (Сурхандарья), запрягали в чигири при выкачивании воды из каналов для орошения полей (Хорезм) и подъема воды из колодцев для водопоя скота в хозяйствах овцеводов степных и пустынных районов. Использовали их для верховой езды и составления торговых караванов.

Верблюды в хозяйстве узбеков были не только рабочими животными, их молоко и мясо употребляли в пищу. Дневной надой одногорбой верблюдицы доходил до 15 л. Из верблюжьего молока приго-

товляли масло, в летний период делали хорошо утоляющий жажду напиток — айран. Высоко ценилась верблюжья шерсть. С одного одногорбого верблюда за год можно было получить до 5 кг шерсти, а с двухгорбого до 10 кг и более.

В прошлом разведением верблюдов в основном занимались узбеки степных и предгорных районов Южного Узбекистана и Хорезма. В Зеравшанской долине верблюдов преимущественно держали узбеки из племени найман, туяклы, кипчак, сарай, митан и туркмены Нураты. У богачей из племени туяклы было до 30 верблюдов, а в хозяйствах середняков по 5—10. У племени найман верблюдов было больше, чем у туяклы¹⁴.

Имелись верблюды и у полуоседлых узбеков районов Мирза-чуля, Ферганской долины (кипчаки), у каракалпаков. В значительном количестве их разводили полуоседлые узбеки-овцеводы Каршинской степи и Карнаб-чуля. Зажиточные хозяйства имели здесь до 10—15 верблюдов, а остальные баи (например, у карлуков) до 70—80 голов и более. Держали верблюдов и отдельные состоятельные семьи оседлых узбеков, особенно те, которые занимались промышленным овцеводством.

Узбеки разводили два вида верблюдов: одногорбого (кизил-туя)¹⁵ и двухгорбого (ойри-туя)¹⁶. Одногорбые самки назывались арвона, а самцы — лок, самка двухгорбого — инган, самец — бар.

Многовековое скрещивание одногорбых верблюдов с двухгорбыми дало смешанные породы. На территории бывшего Бухарского ханства различались семь разновидностей одногорбых верблюдов: собственно нар (чистопородные), бек-бачча нар, кулбачча-нар, джумауз-нар, килагай-нар, сокмок-нар и джунок-нар. Двугорбые верблюды имели три разновидности: собственно ойри (чистопородные), мирзо-кушма и кироди-кушма. Самыми сильными и выносливыми считались гибриды первого поколения, полученные от самки одногорбого верблюда (арвона) и самца двухгорбого (бар). Самец, полученный от такого смешения, назывался нар, а самка — нар-мая. Нар мог нести до 16 пудов, а на небольшие расстояния и до 20. За день нагруженный верблюд проходил в среднем 30—35 км, а без груза 60 км и больше.

Много труда требовало выращивание новорожденного верблюжонка. В зимний период его держали в теплом помещении и даже надевали на него специальные ватные и войлочные покрывала (попоны), называемые жул. Верблюжат не отнимали от матери до двухлетнего возраста. Верблюжонка в возрасте до одного года называли бута, от одного года до трех лет — тайлок или буталок, а в три-четыре года — мажжи. Приучать к работе их начинали с трех-четырёх лет, однако по настоящему использовали лишь с пяти лет.

Из приведенных выше данных видно, что распространенные на территории Узбекистана породы тех или иных видов скота создавались путем скрещивания местных, выведенных узбекскими скотоводами пород, со скотом других пород, выведенных таджикскими, туркменскими и казахскими скотоводами. Эти факты еще раз свидетельствуют о том, что хозяйственная жизнь народов Средней Азии и Казахстана развивалась не изолированно, а в тесном взаимном контакте.

На протяжении веков у этих народов складывались экономические и производственные связи, происходил взаимообмен трудовым опытом и достижениями в хозяйственной жизни. Поэтому составление карты распространения местных пород скота у разных народов и этнографических групп для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» будет иметь большое научное значение. Работа над такой картой потребует привлечения обширного археологического, исторического и полевого этнографического материала.

¹ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы южного Таджикистана,— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVIII, 1954, стр. 63.

² В прошлом эльбеги являлись выборными старшинами кочевых и полуседлых скотоводческих племен. У отдельных родо-племенных групп узбеков (например, у узбеков Каршинской степи) должность эльбеги и ее выборность сохранилась вплоть до начала XX в. Однако у большинства племен и родо-племенных групп выборность прекратилась, видимо, еще в конце XVIII — начале XIX в. Должность эльбеги стала передаваться по наследству от отца к сыну. Изменились также функции эльбеги, они правили теперь не отдельными племенами, а территориальными объединениями, куда входили представители нескольких племен. Таким образом, в указанный период эльбеги превратились из представителей института родо-племенного управления в администрацию Бухарского ханства в зонах степных пастбищ.

³ Амлякдарствами назывались административно-податные единицы, на которые в Бухаре делились области — бекства. Во главе амлякдарств стояли чиновники — амлякдары.

⁴ Вопрос о происхождении и распространении этой породы овец у узбекских племен рассматривается в книге Б. Х. Кармышевой «Узбеки-локайцы южного Таджикистана», стр. 71—77.

⁵ А. Ф. Миддендорф, Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 289; «Справочная книжка Самаркандской области за 1895 г.», Самарканд, 1895, стр. 82.

⁶ А. А. Атбашьян, Пути улучшения племенного дела в скотоводстве,— «Сельское хозяйство Узбекистана», 1962, № 5, стр. 46.

⁷ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы южного Таджикистана, стр. 63.

⁸ Г. Арандаренко, Коневодство,— «Туркестанские ведомости», 1881, № 9.

⁹ В. И. Калинин, Р. Я. Яковлев, Коневодство, М., 1956, стр. 263.

¹⁰ А. Шишов, Сарты, ч. I. Этнография,— «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области», вып. XI. Ташкент, 1904, стр. 227.

¹¹ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы южного Таджикистана, стр. 79.

¹² Г. Арандаренко, Коневодство.

¹³ Там же.

¹⁴ Статья А. Гребенкина «Узбеки», в сборнике «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 100, 105.

¹⁵ Название кизилтуя верблюд получил за свой светло-бурый (светло-коричневый) шерстяной покров.

¹⁶ Одногорбых верблюдов в научной литературе принято называть дромадер, а двугорбых — бактриан. Подробно о породах верблюдов см.: Д. Н. Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, СПб., 1911, стр. 118—122; В. А. Бабушкина, Дромадеры, бактрианы и гибриды Узбекской ССР,— «Верблюдоводство в СССР», М., 1938; И. И. Лакоза, Верблюдоводство, М., 1953.

Х. Аргынбаев

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ И ПОВЕРЬЯ КАЗАХОВ, СВЯЗАННЫЕ СО СКОТОВОДСТВОМ

Длительное господство кочевого экстенсивного скотоводства отразилось не только на материальной, но и на духовной культуре казахов. В результате многовековой борьбы за существование казахский народ добился определенных успехов в сфере материального производства. На основе богатого народного опыта в области изучения повадок и потребностей домашних животных и способов их содержания в тяжелых природно-климатических условиях Казахстана были накоплены большие знания. Конечно, этот опыт проверялся временем, наиболее полезные традиционные навыки кочевого скотоводства сохранялись, бережно передаваясь из поколения в поколение, а бесполезные или же малоэффективные забывались, исчезая иногда бесследно. Но были и другие, игравшие не менее важную роль в жизни народа традиции — духовные, связанные с существованием самых различных, порой фантастических легенд, обрядов и поверий о домашних животных и об окружающей природе.

Легендарные сюжеты, обряды и поверья сложились при различных обстоятельствах. Если некоторые из них, возможно, в какой-то мере связаны с исторической действительностью, то другие обусловлены исламом или представляют собой пережитки древних религиозных культов и верований.

Так, например, легенды о существовании индивидуальных патронов-покровителей (пир) у всех видов домашних животных были связаны с именами мусульманских святых. Покровителем лошадей считается «Камбар-ата», овец — «Шопан-ата», верблюдов — «Ойсыл-кара», крупного рогатого скота — «Зенги-баба»¹, а коз — «Сексек-ата»².

В этнографической литературе, опубликованной в разное время по поводу этих легенд, существует множество комментариев и предположений. Так, известный советский историк В. А. Шишкин еще в 1927 г., исследовав мазары «Зенги-баба», находящиеся близ Ташкента, писал, что «Зенги-баба» — прозвище «популярного турецкого шейха, ученика Сулеймана Хаким-Ата, бывшего в свою очередь учеником и преемником знаменитого суфия, философа и поэта Хозрат Ахмеда Ясави. Зенги-баба не был, по-видимому, ни поэтом, ни теоретиком суфизма, какими были его предшественники, — предания и суфистская литература рисуют его грубым, по внешности черным человеком, пастухом ташкентских стад. Это популярный народный святой, до сего времени остающийся патроном пастухов»³. Исследователь Туркестанского края А. П. Хорошкин также считал его патроном крупного рогатого скота⁴. Известный казахский этнограф А. Диваев, опираясь на различные пре-

дания, указывал, что собственным именем Зенги-бабы было «Имин-баба»⁵. Ю. Казбеков в статье, посвященной описанию праздника в честь Зенги-Ата, называет его собственным именем Айкожа и считает покровителем коров⁶. В пользу историчности личности Зенги-баба В. А. Шишкин приводит его родословную по восточным рукописям, считающим Зенги-бабу потомком знаменитого Баб-Арыслана в пятом колене⁷.

Патрону овец — «Шопан-Ата» приписывают целый ряд надгробных памятников-мавзолеев. Так, близ Самарканда сохранился мазар под названием «Чопан-Ата»; этого святого народ почитает как покровителя овец⁸. На п-ове Мангышлак, в 80 км юго-восточнее колхоза им. Ленина, находится древний некрополь «Шопан-ата». С именем этого мусульманского святого связана любопытная легенда о том, что он был учеником знаменитого Хозрет Ахмеда Яссави. Легенда гласит, что по окончании учебы Шопан-Ата попросил посох у своего учителя, но так как он был не единственным претендентом на посох и не единственным учеником Хозрета, последний решил испытать всех своих учеников. Для этого он собрал их вместе в своей юрте и, выбросив посох через ее верхнее отверстие, предложил отыскать и принести его к нему и сказал, что кто первый сделает это, тот и станет его владельцем. Все ученики тут же выбежали из юрты, один лишь Шопан-Ата не сдвинулся с места, догадавшись о том, что поблизости от юрты посох найти невозможно. Все ученики Хозрета разъехались в разные стороны в поиске посоха. После долгих скитаний посох нашел на Мангышлаке Шопан-Ата и на месте находки построил мечеть, впоследствии превратившуюся в огромный некрополь, сохранивший название своего основателя. Но в народной памяти жителей Мангышлака не сохранилось какой-либо связи этого святого с функциями патрона овец. Все наши расспросы не дали положительных результатов в пользу такого варианта.

С пастушеской деятельностью покровителей домашних животных связана и распространенная в среднеазиатском варианте библейская легенда о спасении от всемирного потопа пророком Ноем (Нух) на своем судне по два животного каждого вида, которых впоследствии в горах Казыкурта пасли и размножали вышеупомянутые пастухи, что и послужило причиной признания их святыми — патронами домашних животных.

Исходя из особенностей природы домашних животных, народная фантазия создала интересные фантастические предания об их происхождении. Так, согласно этим преданиям, быстроногая, как ветер, лошадь создана из ветра, не брезгающий даже застоявшимися талыми водами крупный рогатый скот — из воды, любитель солонцеватых пастбищ верблюды — из солончака, чистоплотная овца — из неба и огня, а обитатель горных пастбищ козел — из камня⁹. Это говорит о том, что культ животных был связан с древнейшими доисламскими верованиями, обожествлявшими различные силы и явления природы и широко распространенными среди многих народов древнего Востока.

В древних верованиях казахов бараны и верблюды наделялись свойствами оберега и почитание их сочеталось с различными древними культами. В качестве оберега в первую очередь выступали сами животные. Видимо, с этим их значением и связано то, что среди древних казахских надгробных памятников часто можно встретить так называемые «койтас» — стилизованные скульптурные изображения каменных баранов¹⁰. Изображения верблюдов встречаются в орнаментации ковров, паласов и на ковровых изделиях «баскур»¹¹. Широко распространенные не только у казахов, но и у многих других среднеазиат-

ских народов орнаменты в виде рогов барана (кошкар муйіз, сынар муйіз), верблюжьих ступней и глаз (туые табан, туые коз) на коврах, кошмах и вышивках или же обычай нашивать верблюжью шерсть на детскую одежду в качестве амулета безусловно имели некогда значение оберега от глаза¹².

Совершенно прав Г. П. Снесарев, отмечая сакральную связь барана с идеей человеческой души, с моментами перевоплощения. «Однако многое,— пишет этот автор,— из того, что некогда оставалось от развитого культа этого животного, уже давно было поглощено исламом. Баран вошел в мусульманскую мифологию и обрядность, будучи узаконен в ней прежде всего как жертвенное животное»¹³.

О культовом значении верблюда косвенно свидетельствуют многочисленные казахские легенды, в которых описаны похороны выдающихся людей, почитаемых народом и считавшихся святыми. Так, согласно одной из легенд, по завещанию известного казахского батыра XVII в., выходца из рода альжан, племени албан Райымбека, его тело было навьючено на белого верблюда и похоронено там, где этот верблюд остановился и лег. Развалины его мавзолея сохранились до сих пор в центре г. Алма-Аты, под названием «Райымбек-Ата» или «Кара Мола». Этот мазар до недавнего времени почитался как могила святого, а имя батыра после его смерти стало ураном (боевой клич) всех албанов.

Другая не менее интересная легенда записана нами на п-ве Мангышлак. Она связана с именем не святого, а богача-скотовода адаевца — Камысбая, умершего во второй половине XVIII в. Легенда гласит, что он умер во время летней кочевки и тело его везли на верблюде, чтобы похоронить на родовом кладбище. По пути, на территории другого казахского племени верблюды, на которого навьючили тело покойника, остановился и лег; в этом месте и похоронили Камысбая. Впоследствии здесь (в 15 км юго-восточнее районного центра Шетпе) возник огромный некрополь Камыспай с великолепными каменными надгробными сооружениями. Подобного рода легенды встречаются и у многих других среднеазиатских народов. Об этом пишет в упоминавшейся выше работе этнограф Г. П. Снесарев¹⁴.

Почитание верблюда у казахов как-то соприкасалось с культом плодородия. Так, беременные женщины из боязни, что срок беременности затянется у них до 12 месяцев, как это свойственно верблюдам, воздерживались употреблять в пищу верблюжье мясо. Согласно этим поверьям, беременные женщины, у которых почему-то запаздывали роды, надеясь их ускорить¹⁵, с ритуальной целью перешагивали через шею лежащего верблюда, специально покрытую материей. Узбечки же в подобных случаях проходили перед верблюдом или же пролезали под ним¹⁶.

Почитание домашних животных проглядывает и в различных легендах о боевом коне того или иного народного героя. Так, конь Кобланды батыра — «Тайбурыл», Алпамыса — «Шубар ат», Камбар батыра — «Кара каска ат», Ертостика — «Шалкуйрык» и многие другие скакуны-тулпары в трудных обстоятельствах помогают своим хозяевам, как верные друзья, подсказывают им смелые решения и остроумные выходы из бед¹⁷.

Признаком особого почитания лошадей, овец и верблюдов было запрещение бить их или пинать. В народном представлении подобные поступки по отношению к вышеуказанным благородным «святым» животным считались грехом, лишаящим виновников счастья и богатства. Даже кости этих животных, особенно их черепа, наделялись сверхъестественными свойствами, отчего нельзя было наступать на них. Че-

репа, как оберег, помещали на высокое место — на вершину скалы или же выставляли на высоком шесте.

Крупный рогатый скот и козы, не наделявшиеся святостью, не пользовались таким уважением, и, встретив их на пути ночью, каждый должен был стегнуть скотину плетью, чтобы отогнуть злые силы, якобы находящиеся всегда при них. Особенно нечистыми животными считались козы, так как их происхождение связывалось с дьяволом.

Тяжелые условия кочевого экстенсивного скотоводства и незнание многих тайн природы способствовали возникновению множества обрядов и поверий, связанных с содержанием домашних животных — основного источника существования и главного достояния казахов.

Казахи всегда имели свои определенные зимние и летние стоянки, где находились их родовые кладбища и покоились их предки. Прибытие на зимние и летние стоянки было связано с жертвоприношением в честь духов умерших предков — аруахов. Во время этих церемоний казахи читали молитву из корана и просили у аруахов счастья и покоя. Они полагали, что, добившись расположения своих аруахов и пользуясь их покровительством, смогут стать богатыми и счастливыми¹⁸. Подобное убеждение закреплено в казахской пословице, которая гласит: «Кто угощает живых, тот станет бием, а кто угощает умерших, тот станет баем»¹⁹.

Казахи верили в очистительную силу огня, поэтому, оставляя зимовку, они раскладывали костры и между ними прогоняли весь скот и кочевой караван, чтобы нечистая сила не преследовала их на летовках, а при возвращении на зимовку также окуривали все огнем и дымом, чтобы прогнать злых духов.

Выполняя обряды жертвоприношения, казахи приносили в жертву разные виды домашних животных. Особое значение при этом придавалось возрасту, масти, полу и виду животных. Самым незначительным жертвенным животным считали козленка (кара шунак лак) и ягненка (копыр токты); следующей по значению была наиболее распространенная жертва — трех-четырёхлетний белый баран с отметиной на лбу (боз каска) или с желтой головой (ак сарбас). В исключительных случаях, например, связанных с присягой при решении вопросов войны и мира и при других важных обстоятельствах, когда жертву приносили в интересах целого рода или племени, жертвенным животным была белая кобыла (боз бие). Во время этой церемонии присягавшие погружали концы пальцев обеих рук в кровь жертвенного животного, что, по представлению казахов, усиливало ответственность сторон.

В старину в крайне важных и радостных случаях, например, таких, как возвращение из опасного военного похода близкого родственника, рождение долгожданного наследника и т. п., в жертву приносили белого верблюда. Существующая в народе поговорка «распоролся желудок белого верблюда» (ак туйенін қарны жарылды), видимо, связана с подобного рода жертвами. «При подобных радостях, — пишет Ч. Ч. Валиханов, — чтобы показать всю их важность и искренность, надо полагать, распарывали желудок верблюда»²⁰.

Как свидетельствует казахский эпос, в более отдаленные времена в честь победоносного возвращения из похода знаменитых батыров приносили в жертву «пару серых баранов (кошкар) и пару серых верблюдов (бура), рожденных двойней»²¹.

Следует заметить, что в подобных случаях казахи отдавали предпочтение производителям серого цвета. Это понятно: производители, по народному представлению, являются воплощением счастья и богатства (кут) хозяина, а предпочтительно серая (кок) масть жертвенного животного связана с культом безоблачно-прозрачного неба (кок).

Весьма интересны поверья, связанные с двойнями животных. Обычно казахи радовались двойне овец, это случалось довольно часто и считалось очень счастливым событием. Двойню у верблюдиц, коров и кобыл встречали с особой настороженностью, так как, согласно поверьям, это могло служить предвестником несчастья для хозяина. Если такое случалось, т. е. корова, кобыла или верблюдица приносили двойню, то одного из двух родившихся, обязательно отдавали кому-либо из бедных родственников или же странствующему дервишу, который за этот дар должен был молить бога и всех святых о том, чтобы отвести несчастье от дарителя.

Еще до недавнего времени наиболее суеверные старики в Центральном Казахстане в подобных случаях сразу же убивали одно из животных и отдавали на съедение собакам или же зарывали его в землю.

Старейший казахский поэт Кенен Азербает в своих воспоминаниях свидетельствует, что в конце XIX в. среди семиреченских казахов встречались случаи, когда одно животное из тройни коз отдавали посторонним людям. Для этого обычно устраивали состязание в беге мальчиков и победителю отдавали козленка. Однажды сам К. Азербает был таким призером²².

Двойню крупных домашних животных наделяли какой-то сверхъестественной злой силой потому, что это было редким явлением. А у казахов этому всегда придавалось какое-либо сакральное значение. Отмечаемый нами страх народа перед двойней крупных животных вероятно является пережитком широко распространенного в древности страха перед близнецами²³, рождение которых связывалось с какой-то нечистой силой. В результате такого представления в некоторых случаях детей убивали или же отдавали одного из них на воспитание в другие семьи²⁴.

По сообщению таджикского этнографа И. Мухиддинова, до сих пор среди таджиков бытуют поверья, связанные со страхом перед двойней крупных животных; последних обычно приносили в жертву, так же как и их мать.

У казахов почитали животных с особой приметой, считалось, что они приносят счастье (кут). Таких животных отдавали другим людям и приносили в жертву только при исключительных обстоятельствах. В этих случаях выполняли обряд сохранения слюны такого животного, чтобы вместе с ним хозяина не покинуло счастье. Для этого слюной «счастливого» животного мазали голову любого другого животного из своего стада, либо брали пучок волос из его гривы или шерсти и, помазав их слюной, прятали в надежное место²⁵. Почитаемое животное считалось главой всего хозяйского стада (малбасы).

Особое внимание в скотоводческом хозяйстве казахи уделяли получению приплода и воспитанию молодняка. Поэтому и в этой области наряду с множеством рациональных обычаев и традиций сложились различные культовые обряды и поверья. Хорошо зная природно-климатические условия края и биологические особенности каждого вида домашних животных, казахи регулировали время получения приплода. Это было связано с необходимостью получения приплода животных с наступлением теплой погоды. Особую трудность в этом отношении представляли овцы, отличавшиеся от всех других крупных животных пятимесячным ношением плода. Для того чтобы предупредить раннее ягнение овец, баранам-производителям до конца октября месяца подвязывали войлочный фартук (куйек), предохраняющий от преждевременного покрытия овец.

Начало случной кампании проводилось организованно и сопровож-

далось религиозными обрядами и поверьями. Так, подвязывание и снятие куйеков было делом преимущественно женщин, причем участие в этой процедуре бездетных женщин считалось нежелательным. Предпочитали, чтобы этим занимались многодетные женщины, которые якобы были способны вызвать плодовитость овец и помочь тому, чтобы большую часть приплода составляли самки.

Для начала случайной кампании — «снятия фартука» (куйек алу) выбирали один из счастливых дней (сәтІкҮн), преимущественно среду или четверг. Обычно куйек снимали ночью и обязательно в ауле, так как существовало поверье о взаимосвязи места снятия куйека и окота — где снимается куйек, там в основном и ягнятся овцы.

У каждого хозяина в отаре был главный баран-производитель. Снятие куйека всегда начиналось с него. Во время этой процедуры хозяин держал барана, а его многодетная старшая жена — «бэйбіше» развязывала куйек, произнося благопожелания и молитвы духам предков и святому покровителю овец — Шопан ата о том, чтобы не было яловости у овцематок, чтобы было много двоен и чтобы приплод в основном состоял из самок. С остальных баранов куйек снимали собравшиеся для этой цели женщины и пастухи. Снятые куйеки обязательно складывали в кучу с правой стороны порога хозяйского жилища, «чтобы богатство никогда не покидало его дом».

После завершения обряда снятия куйеков хозяин отары ловил одну из овцематок и сыпал ей в рот горсть проса, «чтобы приплод был многочисленным, как зерна проса»²⁶. Затем хозяйка угощала собравшихся женщин торжественным ужином — «шашраткы», для исполнения высказанных ею в молитве пожеланий. Шашраткы устраивался и позже, в случае оплодотворения ярка (тумса токты), о чем с радостью сообщали хозяйке пастухи. Они надеялись на обильное вечернее угощение.

Не менее ответственной считалась и окотная кампания, сопровождаемая также различными обрядами и поверьями. Так, хозяева не позволяли выносить из своих жилищ головешки (шала), пока все маточное поголовье благополучно не разрешится от бремени. По народным представлениям, нарушение этого запрета могло привести к учащению выкидышей в стаде.

В честь рождения первого верблюжонка или жеребенка устраивали торжественный ужин для табунщиков, их угощали традиционным блюдом из жирной лошадиной кишки.

Во время отела хозяева строго следили за коровой, чтобы она не съела послед (шу). Если же это случалось, то, согласно поверьям, у этой коровы надой молока должен был пойти на убыль, и в конечном счете она могла заболеть. О существовании в прошлом такого же поверья у таджиков свидетельствует М. С. Андреев²⁷. Во избежание подобных случаев казахи сразу же убирали послед и зарывали его в землю в стороне от дороги, чтобы на него не наступали люди, или же отдавали на съедение собакам.

На третий день после отела коровы из густого и очень питательного молозива готовили ритуальное блюдо — уыз²⁸. Им угощали всех соседей и близких родственников; первыми уыз пробовали члены семьи, а затем уже присутствующие гости. Прежде чем начать есть, последние произносили добрые пожелания хозяевам, чтобы у них было изобилие молочных продуктов, а приплод и матки были здоровыми и т. д.

В прошлом казахи, как и другие народы, верили в сглаз, причем он касался и домашних животных. Известно, что новорожденные животные отличаются большой чувствительностью к изменениям внешней

среды, и малейший недосмотр и отсутствие должного ухода может привести к их гибели (это в первую очередь касается верблюжат). Гибель молодняка часто приписывали дурному влиянию — «сглазу» (тіл — коз), отчего новорожденного верблюжонка в течение двух недель прятали от посторонних взоров, помещая в юртах, крытых загонах или же за ширмой в своем жилом помещении. Кроме того, к макушке животного прикрепляли перья филина (укі), вешали ему на шею на пестрой веревке различные амулеты-обереги (тмар) — из круглого черного камня с отверстием или же написанные на бумаге молитвы в красиво вышитых войлочных футлярах. По народному представлению, чрезмерно пристальное внимание и недобрые взоры посторонних отвлекались от верблюжонка красивыми и в то же время волшебными перьями и амулетами. Если кто-либо из посторонних случайно видел верблюжонка, его тут же заставляли трижды на него плюнуть, приговаривая при этом «язык и взор мой пусть разобьются о камень» («тіл-козім таска»). Возможно с этим выражением связано подвешивание каменного талисмана на шею верблюжонка. Известный русский путешественник Г. Н. Потанин сообщает, что казахи навешивают на многомолочных коров и упитанных верблюдов амулеты-обереги в виде треугольных войлочных мешочков с семью зашитыми в них черными камнями²⁹. Это связано с представлением об оберегающих от сглаза качествах черных камней и с культом цифры семь.

Определенным священным значением (кие) наделялись и некоторые орудия скотоводческого хозяйства. К таким орудиям относятся «кеген» (приспособления для привязи ягнят), «желі» (такое же приспособление для жеребят и верблюжат), «нокта» (недоуздок для жеребят и верблюжат), «бас жіп» (привязь для телят и коров), «бида» (повод для верблюдов), «жуген» (узда), «курык» (укрюк для ловли лошадей) и т. д. Эти орудия хозяин по доброй воле ни при каких обстоятельствах никому не отдавал. Через «желі» и «курык» запрещалось перешагивать, особенно женщинам. Нарушение суеверного запрета, т. е. пренебрежение к их святости (кие) как бы обрекало хозяина на бедность. В народе сохранилось немало легенд о том, что некоторые предусмотрительные дочери крупных баев, выходя замуж, тайно увозили с собой «коген» или же «нокта», отчего богатство отца (кут) якобы переходило к зятю.

Бывали случаи, когда некоторые лица, желая причинить зло своим врагам и соперникам или же отомстить своим родственникам, тайно перерезали принадлежащий тем «коген» или «желі». Слухи о таком поступке быстро распространялись, и он расценивался как надругательство над святостью этих предметов. Подобный поступок затрагивал честь хозяина.

Особо важное значение в жизни казахов имели продукты скотоводства. Этим можно объяснить и представление об их святости. Как и многие другие кочевые народы, казахи считали, что молоко нельзя проливать на землю; если кто-либо делал это нечаянно, он должен был смочить пальцы в пролитом молоке и поклониться божествам³⁰, чтобы они не гневались. Пролитое молоко обязательно засыпалось землей или же тщательно убиралось, чтобы на него не наступили люди и не полакомилась собака. Если это не выполнялось, то, по поверьям, молочные животные заболели маститом. Казахи верили в силу святости молока, поэтому у них сложились своеобразные проклятия, связанные с этим продуктом — чтобы проклинаемого за его грехи «ударило молоко» (ак урсын) или «пусть он встретится со святостью молока» (актын киесине ушырасын)³¹.

Одним из древних обычаев, распространенных у многих народов

Востока, является запрет, связанный с жидкими молочными продуктами: их нельзя было выносить из дома после захода солнца, и особенно при лунном свете и звездном небе. Если было необходимо нарушить этот запрет, посуду с молоком тщательно прикрывали чем-нибудь, чтобы в молоке не отражались луна или звезды. Казахи считали, что если этого не сделать, то могут появиться воспалительные процессы в вымени у молочных животных. Во избежание такой беды некоторые хозяйки опускали в молоко (при его выносе из дома) небольшой кусочек древесного угля, что связано, по-видимому, с представлением об оберегающей силе огня. Как отмечает М. С. Андреев, подобные запреты существовали у узбеков и таджиков³².

У казахов были распространены также интересные обычаи, поверья и легенды, связанные с якобы чудодейственными свойствами некоторых костей домашних животных. Так, под крыши казахских зимовок, а иногда и непосредственно на шею верблюдов подвешивали локтевую кость (кар жілік) барана, которая, согласно поверью, оберегала животных от волков и воров³³. Бытовали в народе и различные легенды, повествующие в той или иной форме о чудесном охраняющем свойстве локтевой кости³⁴.

Так, в одной из них повествуется о том, как умная сноха, проводящая свекра на базар, дала ему небольшой сверток и просила, не вскрывая, привезти обратно домой. На обратном пути любопытный старик решил узнать, что содержится в свертке, и обнаружил в нем сорок локтевых костей барана. Оскорбившись злой шуткой снохи, он тут же выбросил их. Через некоторое время его окружили разбойники, отняли имущество и пленили старика с двумя спутниками. Главный разбойник с удивлением спросил у старика о причинах внезапного исчезновения его вооруженной охраны из сорока всадников. Только после этого старик понял значение локтевых костей, которые служили ему надежной охраной.

Подобные представления до сих пор сохраняются среди некоторой части казахского населения п-ова Мангышлак. Локтевые кости баранов собирают по две-три штуки и в качестве оберегов навешивают на пестрых веревках на шею верблюдам, которые пасутся без присмотра табунщиков.

В поверьях казахов и многих других тюрко-монгольских народностей Сибири овечьи лопатки (жаурын) наделялись особым таинственным свойством, позволяющим по характеру трещин, образующихся при обжигании на огне, гадать на них. Гадальщики (жаурыншы), глядя на эти кости, предсказывали всякие небылицы, однако им серьезно верили в старину, не только простой народ, но и не менее суеверные воины-предводители.

Целый ряд поверий и обрядов казахов был связан с различными эпизоотиями и болезнями, встречающимися у домашних животных. Не зная истинной причины многих болезней, их появление объясняли присутствием каких-то злых духов (пэле), вселившихся в отару. Поэтому меры, принимаемые против болезней, были направлены на изгнание злых духов из неблагополучной отары.

Так, при вспышке сибирской язвы (топалан) и оспы (кул) у овец отару подгоняли к могилам предков или же к почитаемым в окрестностях мазарам святых, где владельцы овец приносили в жертву барана, читали молитву и оставляли отару на ночь на кладбище без присмотра. Если в такие ночи овцы кого-то пугались, это считалось хорошим средством для их излечения. Для того чтобы напугать овец, на рассвете на отару со страшным криком нападали несколько вооруженных всадников и гнали ее по направлению к аулу, имитируя нападение

грабителей. Сила суеверия доходила до того, что даже в случае нападения на заболевшую отару стаи волков, для ее защиты от хищников не принималось никаких мер, считалось, что это также хорошее средство для изгнания злых духов, вызвавших болезнь.

По суеверному представлению казахов, черная кошка без всяких отметин обладала какой-то таинственной силой. Поэтому таких кошек втайне от их владельцев убивали, а их трупы зарывали посередине кошары или тырла для того, чтобы изгнать эпизоотию в виде вселившихся в отару злых духов (пэле). В некоторых случаях в кошаре зарывали человеческий череп, специально доставленный из старой заброшенной могилы.

Одним из обрядов, связанных с верой в очищающую силу огня, был обряд очищения кошары или тырла пламенем пылающей арчи (аластау). Бытовал и другой способ очищения огнем неблагополучных отар. Для этого вечером забивали в землю два высоких кола на расстоянии 10—15 м друг от друга и натягивали между ними длинный пестрый аркан³⁵ на высоте 1,5 м от земли, а возле колев разводили большие костры, постепенно подсыпая в них мелкие куски соли. Затем, под натянутым пестрым арканом и между пылающими кострами, при сильном треске соли, прогоняли всю отару.

Овцы, заболевшие сибирской язвой, имеют обычно опущенные и холодные на ощупь уши и понурый вид. Это послужило причиной суеверному представлению о том, что злое начало входит в организм овцы через уши. Поэтому, когда овца заболела, у нее отрезали одно ухо и после трехкратного обведения им вокруг головы, отбрасывали в сторону как приносимую жертву, приговаривая: «от обрушившегося на голову зла, пусть будет ухо жертвой за голову» («баска келген пэледен, бастан кулак садага»).

Когда народ убеждался в безрезультатности всех вышеуказанных мер, направленных против эпизоотии, основанных на суеверных представлениях, он шел на последнее средство. Таким средством считалась смена пастбищ, которая якобы помогала ввести в заблуждение таинственную злую силу, неукротимо свирепствующую на старом месте. Хотя этой мере и придавали суеверный смысл, однако действительно наличие огромных запасов пастбищ в условиях Казахстана и их смена, т. е. перекочевка на новые места иногда давала положительные результаты.

Лошади и овцы очень часто болели желудочно-кишечными заболеваниями — коликами «олі» (у лошадей) и «кара туйнек» (у овец).

Большинство лечебных мер, принимавшихся при коликах у лошадей, не имело рациональной основы, а всецело исходило из различных суеверных представлений. Так, больное животное трижды перевортывали через спину, читая при этом молитву, затем животное трижды ударяли в бока сухим лошадиным калом (кумалак) или обливали кислым молоком (айран) и давали облизать собакам. Иногда на больной лошади скакали к ближайшему кладбищу и, сделав три круга вокруг него, читали молитву, посыпая (ушыктау) животное горстью земли, взятой с какой-либо могилы³⁶.

При коликах у овец первым долгом брали пеструю веревку, которую считали чудодейственной, и особым способом делали петлю так, чтобы она могла полностью распускаться, если потянуть за конец. Веревкой трижды терли живот овцы и затем быстро распускали петлю в надежде избавить животное от болезни так же быстро, как быстро развязывается эта волшебная пестрая веревка.

Не зная истинной причины некоторых легочных болезней верблюдов, казахи иногда прибегали к очень наивным и совершенно бесплод-

ным мерам их лечения, которые также исходили из различных поверий. Так, почти повсюду у казахов бытовал обряд окропления больного животного кровью или же хлопанья его по груди легкими козленка (окпемен кагу), специально выкраденного для этой цели у соседей. По свидетельству ветеринарного врача А. И. Добросмылова, казахи Тургайской области насильно кормили больных верблюдов свежими легкими зайца³⁷. Это меры, с одной стороны, видимо, были связаны с жертвоприношением, а с другой — с наивной верой в целебные свойства легких для излечения легочных болезней.

Не зная эффективных средств лечения мастита (желінсау) у овец, казахи применяли магические приемы. Так, при ягнении первой овцематки в отаре обязательно совершали обряд доения — пастух доил ее на волчий череп, после чего этот череп постоянно хранили под крышей кошары как средство защиты овцематок от сглаза и злых языков, являющихся, по народному представлению, причиной мастита.

В летнее время на скот нередко нападают змеи, фаланги, скорпионы и каракурты. В случае укуса животных народ умел оказывать им первую помощь, но часто в прошлом в этих случаях прибегали к «помощи» разного рода заклинателей (дарымши). Большинство их было муллами, читавшими арабские тексты корана и заклинания, причем последние иногда представляли собой набор непонятных, бессмысленных звуков. Народ полагал, что дарымши владеют магическим даром укрощения ядовитых змей и каракуртов и могут избавить укушенных от верной смерти. На деле же дарымши предварительно знакомясь с состоянием животного и если убеждались, что оно не может противостоять воздействию яда, то обычно отказывались от обряда заклинания, а если видели, что организм животного может перебороть яд, совершали над ним обряд заклинания и получали «за исцеление» подарки (актык).

Существует много легенд, сочиненных, видимо, самими заклинателями, о таинственной силе их искусства. В одних случаях в этих легендах побеждала наделенная сверхъестественными качествами сильная змея, а в других, с большими трудностями, брал верх заклинатель. Во время поединка (арбасу) между змеей и заклинателем запрещали произносить имя последнего, чтобы змея его не услышала. Это объясняется тем, что во время поединка змея перечисляет разные человеческие имена, а дарымши, в свою очередь, имена змей, если же змея раньше произнесет имя заклинателя, она выходит победительницей и гибнут дарымши и укушенное животное, а если наоборот, то гибнет змея и выздоравливает животное.

Заклинание фаланг, скорпионов и каракуртов считалось не столь опасным для жизни дарымши, как заклинание змей, поскольку эти насекомые не наделялись такими таинственными качествами, как змеи. Когда кусало насекомое, дарымши просто обращался с просьбой об исцелении укушенных животных к пророку Сулейману (Соломон), якобы знавшему языки всего животного мира на земле³⁸.

Вышеописанные обряды, поверья и различные легенды, бытовавшие в прошлом у казахов, были вызваны их отсталостью и незнанием истинных причин и сущности различных явлений природы, в частности причин болезней домашних животных. Во многих народных представлениях, описанных нами, сочетаются древние поверья, связанные с культами предков и святых, Неба и Земли, Солнца и Луны, с позднейшими догмами ислама.

Резюмируя статью, необходимо отметить, что в настоящее время как общественное, так и индивидуальное животноводческое хозяйство казахов избавилось от практики подобных обрядов. Широкая пропа-

ганда достижений современной науки, существование в сельской местности многотысячной армии высококвалифицированных кадров — специалистов сельского хозяйства, ветеринарных врачей и учителей позволяют населению понять и осмыслить различные явления природы и особенности животного мира на строго научной основе. Поэтому сейчас нет благоприятной почвы для сохранения, а тем более для дальнейшего распространения темных суеверий, основанных на невежестве и пережитках древних верований, в частности, связанных с животноводством.

- ¹ Г. Н. Потанин, Сказание о предке коров Зенги-баба, предке лошадей Джилкиши-ата, верблюдов — Ойсыл-кара и овец — Шопан-ата, — «Записки Западно-Сибирского отд. РГО», кн. X, Омск, 1888, стр. 32.
- ² Полевые записи автора.
- ³ В. А. Шишкин, Мазары в Зенги-Ата, — «Бартольд у — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 165.
- ⁴ А. П. Хорошхин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 185.
- ⁵ А. А. Диваев, Легенда о Казыкуртском ковше, — «Сборник материалов по статистике Сырдарьинской области», т. V. Этнографические материалы, Ташкент, 1896, стр. 7.
- ⁶ Ю. Казбеков, Праздник в Зенги-Ата, — «Туркестанские ведомости», 1875, № 34.
- ⁷ В. А. Шишкин, Мазары в Зенги-Ата, стр. 166.
- ⁸ «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. II, СПб., 1873, стр. 281; А. А. Диваев, Легенда..., стр. 9.
- ⁹ Г. Н. Потанин, Очерки северо-западной Монголии, вып. II. Материалы этнографические, СПб., 1881, стр. 152—153.
- ¹⁰ Полевые записи автора. Мангышлакский район Гурьевской области, 1968.
- ¹¹ «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 12, 1961, стр. 112.
- ¹² Полевые записи автора из того же района; Г. П. Снесарев, Реликты до-мусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, стр. 315—318.
- ¹³ Там же, стр. 315.
- ¹⁴ Там же, стр. 317.
- ¹⁵ Полевые записи автора. А. Диваев, Приметы киргиз, — «Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края», вып. 3, 1923, стр. 133.
- ¹⁶ Г. П. Снесарев, Реликты..., стр. 318.
- ¹⁷ «Казахский эпос», т. I, Алма-Ата, 1963, стр. 21, 222 и 410 (на казахск. яз.); «Казахские сказки», Алма-Ата, 1959, стр. 5—34 (на казахск. яз.).
- ¹⁸ «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргизкайсацкую степь в 1771 г.», СПб., 1772, стр. 43; Ч. Ч. Валиханов, Следы шаманизма у киргизов, — Собрание сочинений, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 473.
- ¹⁹ С. Е. Толыбеков, О некоторых особенностях дореволюционного устного поэтического творчества казахского народа, — «М. О. Ауэзов. Сборник статей к его шестидесятилетию», Алма-Ата, 1959, стр. 104.
- ²⁰ Ч. Ч. Валиханов, Следы шаманизма..., стр. 477.
- ²¹ «Казахский эпос», т. I, стр. 67.
- ²² К. Азербайев, В устах народа, Алма-Ата, 1969, стр. 5 (на казахск. яз.).
- ²³ Л. Я. Штернберг, Античный культ близнецов в свете этнографии, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. III, Петербург, 1916, стр. 133—189.
- ²⁴ Там же, стр. 172—177.
- ²⁵ Ч. Ч. Валиханов, Танкри (бог), — Собрание сочинений, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 113.
- ²⁶ А. И. Добросмыслов, Скотоводство в Тургайской области, Оренбург, 1895, стр. 47.
- ²⁷ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958, стр. 119.
- ²⁸ Для приготовления этого ритуального блюда, бытующего и в настоящее время, молозиво разбавляют молоком или водой и добавляют соли, затем наливают в бараний желудок или кишку и опускают в кипящий мясной бульон. Через полчаса молозиво свертывается, превращаясь в плотную белую массу. После этого уяз вынимают из котла, дают немного остыть и разрезают ножом на кусочки, чтобы подать на одном блюде с мясом. В последующие два дня, пока молозиво у коровы постепенно превращается в молоко, его кипятят в котле, а получаемую густую творожистую массу употребляют в пищу с хлебом.

- ²⁹ Г. Н. Потанин, Очерки северо-западной Монголии, стр. 100.
- ³⁰ Ч. Ч. Валиханов, Танкри, стр. 114; Г. Н. Потанин, Путешествие по Монголии, М., 1948, стр. 398.
- ³¹ С. Е. Толыбеков, О некоторых особенностях..., стр. 105.
- ³² М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, стр. 120.
- ³³ Ч. Ч. Валиханов, Следы шаманизма..., стр. 485; Н. И. Ильминский, Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов,— «Известия РГО», т. II, 1890, стр. 1—19.
- ³⁴ П. Ходырев, Из киргизских верований,— «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 35, Оренбург, 1901, стр. 1—16; М. Бийсенов, Кары-жилик,— «Тургайская газета», 1899, № 47. Другой вариант подобной легенды сообщает Ч. Ч. Валиханов в своей работе «Следы шаманизма»..., стр. 485.
- ³⁵ А. Диваев, Этнографические материалы, вып. VII, Ташкент, 1901, стр. 58.
- ³⁶ А. Влангали, Геогностические поездки в восточной части Киргизской степи в 1849 и 1851 гг., ч. 1, СПб., 1853, стр. 51.
- ³⁷ А. И. Добросмыслов, Скотоводство..., стр. 261—262.
- ³⁸ И. А. Кастанье, Из области киргизских верований,— «Вестник Оренбургского Учебного Округа», 1913, № 6, стр. 187.

А. Оразов

О ТИПАХ СКОТОВОДСТВА В АХАЛЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Настоящая статья написана главным образом на основании полевых этнографических материалов, собранных в 1968—1969 гг. этнографическим отрядом Института истории АН ТССР (работавшим под руководством автора), в составе Туркменской археолого-этнографической экспедиции МГУ (под руководством Г. Е. Маркова) в Ашхабадском, Геок-Тепинском, Бахарденском, Кизыл-Арватском и Каахкинском районах Туркменской ССР¹. В статье привлечены также данные некоторых письменных источников и литературы.

Ахал, называемый ныне Прикопетдагским районом — это обширная равнинная пустынно-степная область, расположенная на юге Туркменистана. Она простирается от г. Кизыл-Арвата на западе до Гяурской долины на востоке, включая в себя северные склоны гор, подгорную равнину Копетдага и пустыню Каракумы до южной границы Хивинского оазиса.

По данным письменных источников и полевых этнографических материалов дотекинское население Ахала составляли в основном древнеземледельческие группы туркмен — нохурли, мурчели, сунчели, мехинли, анаули, хасарлы, емрели (имрели), карадашлы (языры), ала-или и др. После переселения (в XVIII в.) туркмен-текинцев в Ахальский оазис основная масса прежних жителей вынуждена была уйти в пределы Хивинского ханства².

В XIX—начале XX в. туркмены-текинцы составляли основное население Ахала. Среди них лишь небольшими группами жили потомки дотекинского населения перечисленных выше племен и мелкие группы туркмен — овляд (махтумы, шихы, ходжа, ата и др.)³. Нетекинское население, называемое сайры (чужие, не свои), ограничивалось в правах на воду (никах-су), за исключением представителей местного духовенства.

О туркменах Ахала, в частности об их хозяйстве в прошлом, имеется немало сведений в дореволюционной литературе и архивных документах. В советское время изучением этнической истории, хозяйства и общественных организаций туркмен Ахала в XVIII—начале XX в. занимались этнографы К. Нурмухамедов⁴, М. Дурдыев⁵, В. Кенниг (ГДР)⁶ и другие исследователи. Ими были собраны и опубликованы ценнейшие сведения по этнографии туркмен Ахала, в том числе по земледельческому и скотоводческому хозяйству. Однако в работах этих авторов остались не освещенными различия в типах скотоводства, системе перекочевков и ряд других вопросов, связанных с особенностями скотоводства у туркмен Ахала.

Основными традиционными занятиями туркмен Ахала в XIX—начале XX в. были земледелие и скотоводство, сочетавшиеся с домашними промыслами и ремеслами. Данные письменных источников и полевых этнографических материалов говорят нам о том, что значительная часть текинского населения Ахала жила в культурной зоне оазиса в оседлых поселениях, расположенных главным образом в предгорьях (дамана) и на предгорной равнине (дуз) Копетдага, а также в зоне контакта подгорной равнины с песками Каракумов (гум этеги). Жители этих оседлых поселений занимались преимущественно земледельческим хозяйством в сочетании со стойловым и отгонным скотоводством. В отличие от жителей пустынь — чарва — они получили название чомур⁷, или чомры (жители оседлых поселений). Другая, меньшая по численности, но более зажиточная часть населения Ахала жила постоянно в пустыне Каракумы и занималась пастбищным скотоводством. Чарва вели кочевой и полукочевой образ жизни и обычно назывались в Ахале гумлы или гум чарвасы⁸ (жители песков или пустынные скотоводы).

Определить хотя бы приблизительно процентное соотношение оседлого земледельческого населения культурной зоны и кочевого скотоводческого населения пустынь Ахала не представляется возможным из-за отсутствия достаточных статистических данных. Имеющиеся в нашем распоряжении некоторые цифровые данные говорят в пользу того, что оседлое земледельческое население Ахала преобладало над скотоводческим населением пустынь. Так, по данным, приведенным в статье К. Нурмухамедова, в конце XIX—начале XX в. скотоводы в песках составляли одну треть текинского населения Ахала⁹.

Статистические данные, относящиеся к началу XX в., также показывают подавляющее преобладание земледелия над скотоводством. Так, по данным К. Палена, общий процент населения, занятого в скотоводстве в Закаспийской области в целом составлял 32,23%, а в Ашхабадском уезде, в который в административном отношении вошел почти весь Ахал, после присоединения его к России — лишь 24,08%¹⁰.

Приведенные выше статистические данные подтверждаются также и полевыми этнографическими материалами. По сообщениям информатора Хан Вахана, большинство населения Ахала в прошлом было ахаллы, т. е. дайхан (земледельцы), и имело мало скота¹¹.

Количество оседлых земледельческих и скотоводческих хозяйств в каждом племенном подразделении (тире) и ауле у туркмен Ахала было разным. Так, у текинцев отдела тохтамыш наибольшее количество скотоводческого населения имело колено бег халкы в частности, подразделения (тире) амаша, гонур и геокча.

По данным информаторов, на первом месте по количеству скотоводческого населения в песках стояло тире амаша, на втором — гонур, на третьем — багаджа, на четвертом — гагшал и т. д.¹² Действительно, скотоводческое население в составе тире амаша было весьма многочисленным, владевшим большим количеством кочевий в песках. По этому поводу в народе говорили: «Держись за небо, а то землю захватили амашинцы»¹³.

У текинцев отдела утамыш наибольшее количество скотоводческих хозяйств имело тире сычмаз (сычмаз халкы) и в особенности группа хаджи супы, в состав которой входили багаджа, мулкаман, бокурдак, гызылгоз, менгли и арап. Считалось, что в составе тире багаджа скотоводческого населения в песках было больше, чем оседлоземледельческого, живущего в яйла, т. е. в культурной зоне оазиса¹⁴.

В рассматриваемое время для Ахальского оазиса была характерна такая организация хозяйства, при которой в каждом селении в предгорьях и подгорной равнине одна часть семей, ведя оседлый образ жизни, занималась земледелием, а другая, — находясь постоянно в песках, вела скотоводческое хозяйство. При этом соотношение земледельческих и скотоводческих хозяйств в оседлых поселениях не везде было одинаковым. В одних аулах, например, в Акгонур, Бами и других, оседлые земледельцы преобладали над кочевыми скотоводами, живущими в песках, а в других (Беорме, Багаджа яйласы и др.), наоборот, доминировали кочевые скотоводы. Так, по сведениям информатора, в селении Акгонур земледельцев было больше, чем скотоводов¹⁵. Как сообщает А. Гочлыев (68 лет), в селении Бами подавляющее большинство населения были оседлыми земледельцами, а меньшая часть (обычно байские хозяйства) жила в песках. Свою землю и воду они обычно сдавали в аренду¹⁷.

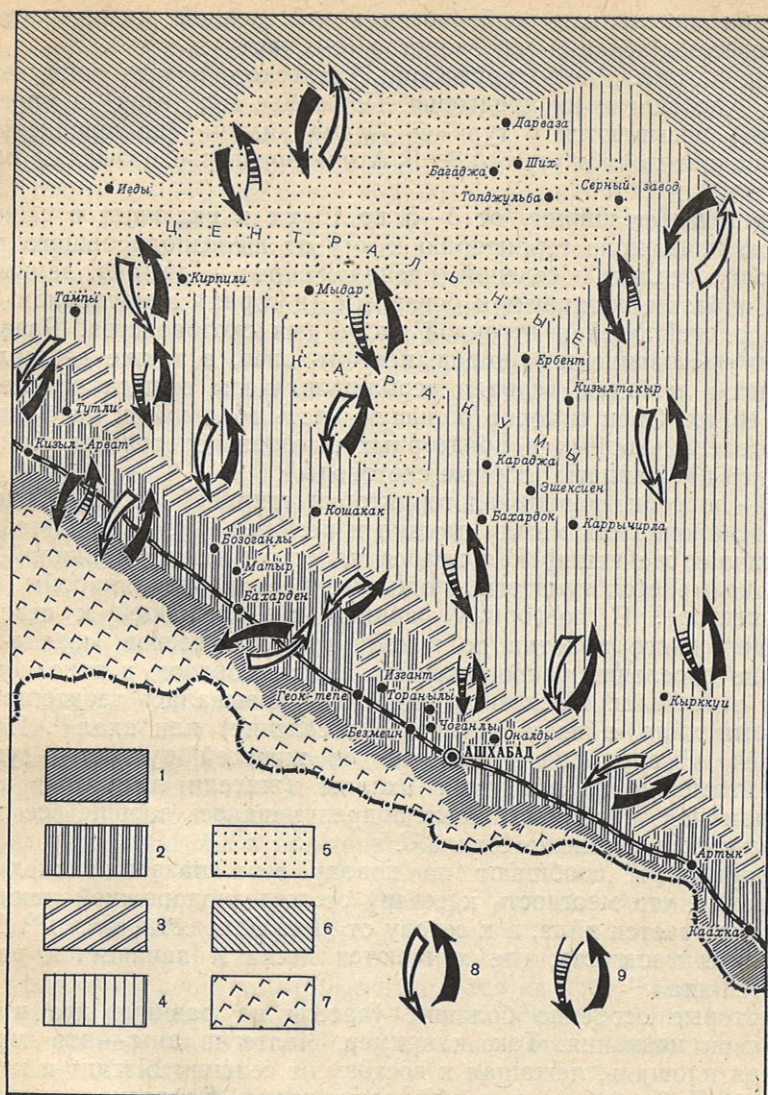
В ряде аулов, наоборот, скотоводов было больше, чем оседлых земледельцев, живших постоянно в яйла, т. е. в подгорной равнине. Так, по сведениям того же информатора, в ауле Беорме было много байских скотоводческих хозяйств. Население этого аула было вообще многочисленным — около 1 тыс. хозяйств¹⁸.

Косвенными данными для выяснения численности земледельческих и скотоводческих хозяйств в селениях Ахальского оазиса могут послужить сведения о количестве кочевий у каждого аула в песках. Одни аулы имели много кочевий, другие — мало, а третьи вообще их не имели. Так, по собранным нами сведениям, аул Беорме, где в основном жили текинцы тире сычмаз, имел ряд кочевий в песках: Егенгазак, Пургели, Бегли (багаджа)¹⁹, Гошакак (мугтлар), Телпекли (багаджа), Кичимеген (кумсилер), Улымеген (корсагыр), Мамметяр (серрик) и др.

Селение Акдепе, где жили в основном тире тилки, имело в песках следующие кочевья: Казы, Керпичли (суит хорлар) и Боюрганлы. Скотоводы тире ганджик из аула Гараган расселялись в кочевьях: Сусмаой, Хатым, Гузой и Теннели.

Гарадашяки аула Арчман имели в песках всего два кочевья: Говга и Чопан какы (мунчелер). Кочевьями скотоводов тире гарагонур из аула Бами были: Наздепе и Гарабагшы. Гарадашяки аула Бахерден владели кочевьями: Матыр (дикмелер) и Учгуйы (муджилер). Аул Яраджи, где жило тире гызылгоз, владел следующими кочевьями: Аткакы, Гамышлы и Акбай. Скотоводы из аула Ызгант жили в кочевьях Атан гуйысы²⁰, Юсуп²¹, Ызгант (кемлер), Кем (кемлер)²². Челтеки аула Эрик-Гала (Херрик-Гала) имели кочевья: Кепеле, Сарыкол и др. Аулу Сунче принадлежало в песках лишь одно кочевье — Гултакыр, и то водой его пользовались скотоводы из других тире на правах — эменджек²³. Аул Мурче вообще не имел своего кочевья в песках. Это объяснялось тем, что туркмены-мурчели не занимались скотоводством²⁴.

Приведенные примеры дают основание полагать, что в тех аулах, которые имели много кочевий в песках, соответственно было больше скотоводческого населения по сравнению с другими, где было мало кочевий. Неравномерность числа кочевий в песках разных селений Ахала, а также их скотоводческого и земледельческого населения, можно объяснить, с одной стороны, неодинаковой обеспеченностью пахотными землями и водными источниками для орошения, а, с другой стороны, прочностью старых скотоводческих хозяйственных традиций некоторых племенных подразделений (амаша, гонур, багаджа, гагшал и др.).

Схематическая карта ландшафтных зон и направления перекочевков скотоводов Ахала в XIX — начале XX в.

1 — Зона гор и предгорий (даг и дамана); 2 — предгорная равнина (дуз); 3 — пески между предгорной равниной и зоной такыров (этек гум); 4 — зона такыров, перемежающихся с песками и солончаками (ала); 5 — зона барханных песков (тум); 6 — зона каменисто-глинистых равнин и возвышенностей (гыр); 7 — высокогорные склоны Копет-дага; 8 — направление массовых перекочевков (туда и обратно); 9 — направление единичных перекочевков (туда и обратно)

Прежде чем приступать к рассмотрению типов скотоводства в Ахале, целесообразно дать краткую характеристику ландшафтных зон и их подзон в этом районе.

По характеру рельефа, почвы, растительного покрова и другим признакам туркменское население делит территорию Ахала на ряд ландшафтных зон и подзон: горы (даг), предгорье (дамана), подгорная равнина (дуз), приграничные между равниной и такырами пески (этекгум, адыр), такыры (ала), пески между такырами и кырами (тум), кыры (гыр)²⁵. Эти ландшафтные зоны и подзоны в значитель-

ной степени определяли особенности хозяйственной жизни населения Ахала и системы ведения скотоводства (см. карту).

Даг и дамана. Часть территории Ахальского оазиса занимают горы (даг) Копетдаг и их предгорья. Подножье гор (этек) и предгорья (даг этеги) называются у туркмен Ахала дамана (по-персидски «дамана» означает подножье гор)²⁶. В Атеке предгорье называют обычно байыр этеги²⁷.

Дамана имеет ширину от 3—5 до 10 км и включает в себя примерно всю подгорную территорию к югу от железнодорожного полотна. Жители оседлых поселений, расположенных в дамана, занимались главным образом поливным и богарным (в горах) земледелием в сочетании со стойловой и отгонной системами скотоводства. Разводили они преимущественно коз, коров, немного овец, а также держали рабочий скот — лошадей, ослов и верблюдов. Козы выпасались летом и зимой в горах. Овец и коров большую часть года пасли на близлежащих от селений горных и предгорных выгонах. Скотоводы этой зоны назывались даг чарвасы (горные скотоводы).

Дуз — подгорно-равнинная территория шириной от 10—15 до 20—30 км, расположенная между дамана и песками. Дуз — равнина, степь. Приграничная же неширокая полоса на стыке между равниной дуз и песками называется гумэтеги (подножье песков) или якабойы (вдоль границ песков). В подгорной равнине дуз, лежащей к северу от железнодорожного полотна до южной границы песков, оседло-земледельческие поселения расположены главным образом в зоне контакта равнины с песками. Поселения этой зоны назывались геоктепинскими туркменами яйла, яйла юрт (летнее поселение) или ахал²⁸. Поэтому и жителей этого района в отличие от жителей пустынь — гумлы — обычно называли яйлалы, или ахаллы (жители яйла или ахала). В прошлом под этими терминами подразумевалось вообще все оседло-земледельческое население Ахала²⁹.

Информаторы сообщают по поводу этих названий следующее: одни говорят, что местность к северу от железнодорожной линии (см. карту) называется яйла, а к северу от яйла находятся пески³⁰. Другие говорят, что местность, где кончаются пески и начинается равнина, называется ахал³¹.

Некоторые особенно большие участки на равнине дуз имеют в народе свои названия. Так, например, Челтегин аны — это огромная равнинная площадь, лежащая к востоку от селения Ызгант и к западу от долины Бабаарабын дузи; Келатын дузи — Келатская долина, которая расположена на адыре Бозаганлы; Гяверсин дузи — Гяурская долина, которая простирается до долины Чалой на границе песков; Солтондешин дузи — долина Солтондеша, расположена в 30 км к северу от селения Артыка. Иногда эту долину называют также Солтондешин токайы (букв. — тугай Солтондеша).

К поселениям ахала, или яйла, относятся следующие: Гырын кяризи, Багаджа яйласы, Гагшал яйласы, Ганджик яйласы, Тилки яйласы, Яндаклягаыз, Ызгант, Акдепе, Гараган, Арчман и др. Основным занятием жителей этих поселений, как и жителей дамана, было поливное земледелие в сочетании со стойловой и отгонной системами животноводческого хозяйства. Разводили здесь главным образом овец, коз и верблюдов, а также держали лошадей и ослов. В течение большей части года скот выпасался на пастбищах в окрестностях селений, за исключением двух-трех зимних месяцев. Зимой жители оседлых поселений подгорной равнины почти все без исключения, со своими семьями, уходили на зимовку в пески этекгум, недалеко от аулов; туда же в пески они отправляли свой скот. В этих местах заросли кустарников

обеспечивали им топливо в зимний период. Поэтому скотоводы оседлых поселений подгорной равнины (дуз чарвасы или яйлалы) в отличие от пустынных скотоводов (гум чарвасы или гумлы) получили название чомры чарвасы (оседлые скотоводы), а иногда ярым чарва, т. е. полукочевники, вернее полускотоводы.

В пустынной части территории Ахала в зависимости от рельефа, почвы, растительного покрова, водных источников и др., в свою очередь, может быть выделен ряд подзон — этекгум, адыр, ала, тум и гыр.

Этекгум. За поселениями яйла начинаются пески, называемые туркменами Ахала этекгум — пески подножья (гор). Пески этекгум расположены между подгорной равниной и такырами и имеют ширину в среднем 30—40 км. Иногда их называют бутевигум или просто бутеви, что в переводе означает сплошные пески, без такыров³². По сообщениям некоторых информаторов, этекгум — название приграничных песков к югу от колодца Сарыкол до подгорной равнины, а к северу от него до такыров находится зона — бутевигум³³. Пески этекгум в отличие от песков тум, находящихся к северу от такыров, получили в народе название адыр, адырлык, что означает небарханные, твердые пески, покрытые растительностью. Кое-где в этих местах встречаются солончаки, называемые жителями пустынь депиз. В научной географической литературе эти пески принято называть приоазисными песками, пригодными под сельскохозяйственное освоение.

Колодцы, расположенные в зоне песков этекгум независимо от того, имели ли они крепление-обкладку (колодец — орумли гуйы) или не имели (колодец-удек) называются этекгуйы. Аулы этой зоны получили название этекой или гараой³⁴. По данным информатора Хан Вахан³⁵, к колодцам этекгуйы или кочевьям этекой относятся те колодцы и кочевья, которые находятся к югу от колодцев типа чырлагуйы, расположенных в песках, в частности, к югу от чырлагуйы Гутлыаяк.

Колодцы этекгуйы в большинстве своем имели глубину в 3—5 саженей (гулач)³⁶. Так, глубина колодцев Утунлы, Багаджа, Чуршик, Гыртайлы, Янгалагуйы (удек), Ойдекин гуйысы, Аваджурмен и других составляет около 3 гулач³⁷. Те колодцы, которые расположены дальше от подгорной равнины и ближе к такырам, обычно более глубоки по сравнению с теми, которые находятся на краю песков, т. е. ближе к подгорной равнине. Так, колодец Непес имел глубину 18 гулач. Помимо названных выше колодцев к кочевьям этекой относили: Сарыкол, Тораннылы, Кепеле и др.

Кочевья этекой (или гараой) — в основном летние поселения (томус ой, яйла) для скотоводов, но в них можно было жить и зимой.

Жителей кочевьев этекой — гум чарвасы — иногда называли келте чарва, т. е. скотоводы, совершавшие перекочевки на короткое, небольшое расстояние, в отличие от скотоводов, удалявшихся в глубь песков — тум чарвасы. Скотоводы келте чарва разводили преимущественно овец, коз и верблюдов.

В большинстве своем колодцы этекгуйы, являясь удек, т. е. без крепления, имели пресную воду, годную как для питья самих скотоводов (агыз сув), так и для водопоя скота (мал сув).

Кочевья этекой отличались от соседних кочевий на такырах (чырлаой) кормовыми травами на пастбищах. На пастбищных угодьях этекгум было больше крупностебельчатых кормовых трав (ири чоп, ири от) таких, как черкез, чети, чалы, кетген, пешмек и др. Эти растения служили хорошим подножным кормом как для овец и коз, так и для верблюдов, особенно в осенне-зимний период их пастбы.

Ала. В 30—40 км от культурной зоны (подгорной равнины), за песками этекгум, лежит широкая полоса такыров, идущая с востока

на запад. Ширина ее с юга на север составляет от 30 до 60 км. Такыры, расположенные между песками этекгум и тум, обычно называются ала, что в переводе означает смешанный (пестрый). Это название не случайно, так как в полосе такыров кое-где встречаются грядово-бугристые пески и солончаки (депиз). Колодцы, расположенные в зоне такыров (ала), в отличие от колодцев этекгуйы, называются чырлагуйы, а кочевья, расположенные возле них — чырлаой. Подпочвенная (т. е. грунтовая) вода колодцев чырлагуйы была сильно соленой и горько-соленой (дерясы аджы — букв. река, т. е. подземный поток, питающий эти колодцы — горький). Воду в этих колодцах приходилось опреснять особым способом — использованием пресной воды атмосферных осадков (путем наполнения колодцев сверху дождевыми или снеговыми водами) и просачиванием их через почву. Оттого они и получили название — наливной колодец, т. е. чырлагуйы³⁸.

Колодцы в чырлаой выкапывали обязательно на такырах или рядом с ними, причем, учитывая наклон такыра на нем делали канавки (ок) для собирания атмосферной воды. Поэтому колодцы чырла называли также такырлы гуйы, т. е. такырные колодцы. Их глубина в большинстве случаев составляла 10—12 гулач, а в некоторых случаях и больше. Вода в колодцах чырлагуйы использовалась как для питья, так и водопоя скота.

К кочевьям чырлаой относились расположенные на следующих колодцах: Дженнет, Туммекли, Бада, Тилкичырла, Гутлыаяк, Илек, Екегуйы, Янкак, Гыркакы, Ышгалан, Говекли, Герей, Алача, Кырк, Кемин гуймасы, Агсакбаба, Гошакак, Оюклы, Нарлы, Ганлы, Чукуртакыр, Маммедолен, Гулмурадын какы, Юсуп, Гарригул, Губачэге, Хайыр, Дортаджи, Гутум, Гарриджа (7—8 гулач), Чалыш, Совма (10 гулач), Букричаран (5 гулач), Ганджикчаран (5 гулач), Гатыгот (5 гулач) и др. Кочевья чырлаой служили в основном летовкой, т. е. летним поселением для пустынных скотоводов. Иногда они использовались и в качестве зимовок.

Скотоводы, жившие в чырлаой, разводили преимущественно верблюдов, коз и овец, что обуславливалось характером пастбищных угодий. Пастбища на такырах отличаются от песков этекгум и тум кормовыми травами и качеством воды в колодцах. Пастбища на такырах богаты мелкими кормовыми травами (овнук отлар), такими, как титр, кевреик, борец, коджелик и др. Эти травы служат отличным подножным кормом, особенно верблюдам, козам и овцам.

Зона стыка между такырами — ала и песками — тум называется сеп или сепгит (стык). Поэтому колодцы, расположенные на стыке между такырами и песками тум, получили название сепгуйы, а кочевья близ них — сепой. Они расположены на северной границе такыров с песками тум, в один ряд. С запада этот ряд начинается с кочевья Буссы. К востоку от него находятся Ел, Келлели, Бэшкак, Гарричырла, Товекел, Давалы, Моллагурбан и др.

Колодцы сепгуйы относятся к типу чырлагуйы. Они также связаны с водосборными сооружениями на такырах и опресняются атмосферной водой.

Сепой были в основном летними кочевьями пустынных скотоводов, лишь иногда в них жили и зимой. Основная часть скотоводов кочевий сепой обычно уходила на зимовку на север, в пески тум, к колодцам голаджи.

Пастбищные угодья и географические условия месторасположения кочевий сепой благоприятствовали разведению верблюдов, поэтому скотоводы этих мест больше всего держали верблюдов³⁹. Правда, здесь были неплохие условия и для разведения овец.

Тум. Между такырами (ала, сеп) и расположенными севернее кырами, лежит огромный массив барханных песков шириной от 100—200 км и более, который получил в народе название тум (что в переносном смысле означает тьма). Колодцы в песках тум горько-соленые и их называют голаджи или просто аджи⁴⁰. Слово гол (гоол)⁴¹ означает понижение между грядами пустыни⁴² или долины и часто употребляется в туркменских народных пословицах и песнях.

Характерной особенностью тум является то, что на его пастбищах наряду с мягкими травами (йылак и др.) много кустарниковых растений: саксаула (сазак), гандыма, песчаной акации (созен), черкез, чети и др. Эти растения являются хорошим подножным кормом для скота, в особенности для верблюдов в зимнее время⁴³. По словам информатора Хан Вахана (к. Гутлыаяк), где появляется саксаул, там и начинается тум.

Скотоводов, живших в песках тум, обычно называли тум чарвасы. Они разводили в основном овец, коз и верблюдов.

Горько-соленые колодцы — голаджи вырывали в междугрядовых понижениях, называемых гол. Эти колодцы, как правило, внутри имеют крепление (орум). Иногда среди них встречаются колодцы и без крепления внутри (удекгуйы). Но все они, независимо от этого, называются голаджи. Глубина колодцев достигала от 8—10 до 12 гулач. Как правило, в каждом гол рыли лишь один, редко два колодца, из которого поили только скот — верблюдов и коз. Воду для питья привозили из близлежащих пресных колодцев (с юга — из чырлагуйы или с севера). Для питья использовались дождевая вода, а также снег, который сохраняли для этой цели.

Способ сохранения снега для пресной питьевой воды был следующим. Снег обычно закапывали в землю в тени — гузай (теневая, северная сторона) древовидного кустарника кандыма. Процедура начиналась с выкапывания небольшой ямы (в зависимости от числа членов семьи) глубиной выше пояса человека. Прежде чем начать засыпать в нее снег, дно поливали водой, которая ночью замерзала от холода, отчего образовывался лед. На следующий день яму заполняли чистым снегом, собранным на барханах песков. Затем обутыми ногами снег крепко утрамбовывали, после чего сверху засыпали мокрым песком так, чтобы тепло солнца его не достигало. После этого над ямой, где был закопан снег, из кустарника созена делали сооружение для тени в виде навеса. При этом каждое хозяйство отдельно сохраняло для себя снег. В нужное время женщина или мужчина топором или лопатой брали снег из ямы и в котле размораживали его для питья и приготовления пищи. Таким способом скотоводы пустынь обеспечивали себя пресной питьевой водой в зимнее время (на срок около 10—15 и более дней, в зависимости от погоды). В остальное время года вода, как обычно, привозилась из колодца в летнем кочевье — ой⁴⁴. Описанный способ является не единственным, но одним из распространенных вариантов сохранения снега для питьевой воды у скотоводов пустыни Каракум.

Местности с колодцами голаджи служили исключительно для зимних кочевий, хотя в некоторых кочевьях, расположенных в тум, в частности у чырлагуйы, скотоводы жили зимой и летом. К ним относятся колодцы, расположенные на южных границах песков тум, недалеко от колодцев сепгуйы, которые, как уже отмечалось, относились к типу чырлагуйы. В числе колодцев чырлагуйы, расположенных в песках тум к северу от колодца Буссы, можно назвать Эшексиен (8 гулач), Гызылсакал (9 гулач), Динли, Гошаджа, Багт, Чурчури, Гелдибай, Йылгынлы и др. К западу от колодца Буссы имеются сле-

дующие чырлагуйы: Дашлы, Бокурдак, Сарымырат, Ярма, Гивик (12 гулач), Бегнияз (12 гулач), Чалшык и др. Все они были расположены у южных границ песков тум, к северу от них в этой зоне находились только колодцы голаджи⁴⁵.

Кыр. В 200—300 км к северу от ахала (подгорной равнины) за песками тум проходит старое русло реки Амударья, называемое Унгуз. Местность к северу от него до Заунгузских песков, т. е. до южной границы Хивинского оазиса, туркмены называют кыр⁴⁶.

Кыры — это каменисто-глинистая, местами холмистая местность. Колодцы на кырах называются гыргуйы, а кочевья близ них — гырой. Скотоводы-текинцы Ахала жили у колодцев на кырах к югу от Куртыша (Куртышбаба), а к северу от него кочевали скотоводы-атинцы (гырлы ата), машрыки и северные иомуты. К югу от колодца Атагуйы [расположен в 40 км к северу от Дарвазы (Дервезе)] и к востоку от колодца Акайла (в 150—160 км к северу от Кызыл-Арвата) расселись скотоводы-текинцы Ахала, а к западу от него кочевали скотоводы северо-западных иомутов⁴⁷.

Границей между кочевьями скотоводов Хивы и Ахала считались такие колодцы на кырах, как Атагуйы, Созенли, Гарабагаджа, Оналды, Балаишем, Ортагуйы, Акгуйы (к востоку от Дарвазы), Угурлын дамласы⁴⁸ и др.

Кочевья у колодцев на кырах были как летними, так и зимними поселениями скотоводов. Однако зимой скотоводы часто из кыров уходили к югу, в пески тум. Жителей кочевьев на кырах называли обычно гыр чарвасы (скотоводы, живущие на кырах) или гырлы (жители кыров).

Как правило, колодцы на кырах не имеют крепления (обкладки) внутри, поскольку почва здесь твердая. Такие колодцы называют здесь обычно дамлагуйы⁴⁹. Этот термин, очевидно, образовался от туркменского слова дамджа — капля⁵⁰. Действительно, в дамлагуйы вода собиралась каплями, стекавшими по стенкам колодца. Кое-где на кырах имеются и колодцы чырлагуйы. Вода в колодцах на кырах пресная, она могла использоваться как для питья, так и для водопоя скота.

Растительный покров (оты-чепи) пастбищ на кырах сильно отличался от песков тум. Здесь росло очень много отличных кормовых трав для верблюдов — титр, кевреик и др. Опираясь на такую прекрасную кормовую базу, скотоводы больше всего разводили верблюдов, а также овец и коз.

Разнообразие природно-географических условий Прикопетдагского района Ахала обусловило сложение различных типов земледельческого и скотоводческого хозяйства. В этом районе были распространены все три системы скотоводства — стойловое, отгонное и кочевое (пастбищное) и в соответствии с этим существовали три разных образа жизни туркмен Ахала: одна часть была оседлой, другая — полукочевой, а третья, жившая постоянно в песках, — была кочевой.

Стойловой или стойлово-выгонной и отгонной системами скотоводческого хозяйства, как уже отмечалось, занималось главным образом предгорное и подгорно-равнинное оседло-земледельческое население Ахальского оазиса. Причем, предгорные скотоводы, жившие в поселениях к югу от железнодорожного полотна, разводили преимущественно коз и крупный рогатый скот, а подгорно-равнинные, обитавшие в поселениях к северу от этого же полотна, предпочитали разводить овец и верблюдов.

На стойловом содержании в основном находился рабочий и транспортный скот — лошади, ослы, быки и верблюды, а также коровы, часть коз и овец⁵¹.

Стойловое содержание скота было характерно не только для оседло-земледельческого населения культурной зоны Ахала, оно практиковалось также кочевыми и полукочевыми скотоводами пустыни Каракум. Помимо верховых и скаковых лошадей на стойловом содержании находились дойные верблюдицы и одна-две овцы для забоя (баг гоюн).

При стойловой системе рабочий и транспортный скот, а также овец, коз и телят, откармливаемых специально для забоя (баг гоюн, баг гечи, бага дакылан мал), держали обычно на привязи около дома. Коров, верблюдиц и мелкий рогатый скот, как правило, днем выпасали объединенными аульными стадами — чекене⁵², а на ночь его пригоняли домой. Такую систему содержания скота принято называть стойлово-выгонной.

Объединенное стадо чекене существовало отдельно для коз (чекене гечи), овец (чекене гоюн), коров (чекене сыгыр) и верблюдов (чекене дуге). Следует отметить, что, хотя и имелись отдельные чекене для коз и для овец, все же эти два вида скота чаще выпасались в объединенном стаде⁵³. Отдельные чекене для коз больше всего практиковались в предгорных и горных селениях Дурун, Беорме, Бами, Дешт, Ымарат, Нохур, а также в долинах Сумбара и Чендыра.

У туркмен оседло-земледельческих поселений Ахала обычно бытовали два вида объединенного стада — оба чекенеси (приаульное чекене) и мейдан чекенеси (полевое чекене). Первое — находилось постоянно в пределах территории аула, т. е. выпасалось на пастбищах вблизи селения. Оба чекене практиковались в основном для коров и верблюдиц, а также для коз и овец, которые находились постоянно в селении. Чекене для коров и верблюдиц днем пасли на окрестных пастбищах, а на ночь пригоняли домой⁵⁴. В предгорных селениях (Дурун, Беорме, Бами и др.) стада чекене для коз и овец обычно круглые сутки находились на пастбищах. Весной в период доения в обеденное время (гунортан) скот загоняли в загон, находившийся недалеко от аула, туда же приходили хозяева и доили животных⁵⁵.

Второй вид чекене — мейдан чекенеси — обычно выпасался вдали от селения (либо в горах, либо в песках). Мейдан чекене практиковалось главным образом для мелкого рогатого скота, причем в течение всего года оно выпасалось на отдаленных пастбищах наемными пастухами или выделенными из семьи людьми.

Коз обычно пасли в горах, а овец у подножья гор и в песках. В горах со стадом управлялся один пастух, в песках, где скот поили из колодцев, стадо обслуживали два человека — пастух и подпасок (чолук)⁵⁶. Участники чекене пасли объединенное стадо или сами по очереди, или нанимали пастуха. Очередь пастьбы менялась не везде одинаково: так, в селении Дурун очередь пастьбы менялась обычно каждые пять-шесть дней, но тот, кто имел больше скота, выпасал стадо дольше⁵⁷.

В объединенном стаде чекене один из его участников, обычно тот, кто имел больше скота, становился его руководителем. Туркмены-текинцы называли его сурибаши (руководитель, главарь), туркмены-нохурли и гоклены долин Сумбара и Чендыра — сербаяр⁵⁸ или также сурибаши. Руководитель обычно сам нанимал пастуха (иногда и он становился пастухом), обеспечивал его питанием, одеждой и чабанским инвентарем. В его обязанность входил также сбор платы за пастьбу скота со всех участников объединения чекене, который он затем отдавал пастуху и подпаску⁵⁹.

При отгонной системе скот круглый год содержался в окрестностях аулов (хараба) и на отдаленных пастбищах. Владельцы скота сами вели оседлый образ жизни в культурной зоне и занимались земледельческим хозяйством.

Скот выпасался пастухами как в объединенных стадах (чекене), так и отдельными стадами (сури, болек). Скотоводы предгорных селений летом и осенью, как правило, пасли свой скот на склонах долин и плоскогорьях Копетдага. Для зимнего и весеннего выпаса использовали пастбища в предгорьях и подгорной равнине в окрестностях селений. Коз и летом и зимой пасли в горах.

Подгорные скотоводы, жившие в оседлых поселениях яйла между равниной и песками, летом и осенью обычно выпасали свой скот на пастбищах в окрестностях аулов, на краю песков, а после сбора урожая зерновых пасли овец на стерне (эннере). В летне-осенний период пастбы скот поили обычно из арыков⁶⁰. Зимой овец отправляли на зимовку в пески этекгум к колодцам этекгуйы или этекой на расстояние в 10—15 км к северу от летних поселений, а иногда в 20—30 или 40—50 км к колодцам чырлагуйы или чырлаой на такырах. Во время зимней пастбы скот обычно поили из колодцев.

Стада верблюдов у туркмен, занимавшихся отгонным скотоводством, постоянно, и зимой и летом, находились в песках.

Стада овец весной перегонялись обратно на юг, к весенним пастбищам, располагавшимся на краю песков, неподалеку от постоянных поселений — яйла. На весенних пастбищах овцы выпасались не более 1—1,5 месяца, т. е. до выгорания свежей травы. Обычно здесь происходил окот мелкого рогатого скота, скотоводы доили овец и коз, а также стригли их. После окончания сезона доения и весенней стрижки, в конце мая, стадо овец опять отгоняли к летним поселениям, где их выпасали в окрестностях селений до зимних перекочевков.

Об отгонной системе пастбы скота дает ясное представление рассказ нашего информатора Б. Худайбердыева: «Мой отец имел четверых сыновей. Двое из них занимались скотоводством и выпасали своих овец численностью в 500—600 голов. В течение трех летних месяцев они пасли их около селения, после уборки урожая — на стерне (эннере), а через три месяца отправляли на зимовку в пески (этегум). Там овцы выпасались до конца зимы. Ранней весной их отгоняли немного южнее от места зимовки, а вблизи летнего поселения — яйлы происходил окот. Здесь выпасали скот до начала лета, т. е. до выгорания свежей травы, а затем перекочевывали к ауу (хараба). Верблюды большую часть времени года выпасались в песках»⁶¹.

Примерно такая же система пастбы скота повторялась каждый год и в других оседло-земледельческих поселениях зоны яйла.

Описанная система скотоводческого хозяйства была обусловлена специфической особенностью природно-географических условий предгорий и предгорной равнины Ахальского оазиса, которые позволяли населению вести комплексное хозяйство, сочетая в нем земледелие со скотоводством. Жители оседлых поселений в культурной зоне Ахала были скорее земледельцами, чем скотоводами.

Пустынное скотоводство, основанное на *пастбищной системе хозяйства*, было характерно для кочевого и полукочевого текинского населения и некоторых других мелких групп туркмен, живших постоянно на пустынной части территории Ахала, т. е. в песках Каракум. Скот был основным богатством и средством существования этих племен, хотя и здесь население, как и в культурной зоне, занималось домашними промыслами (ковроткачество, кошмоваляние и пр.). Очень редко здесь скотоводство сочеталось с пустынным богарным земледелием (главным образом бахчеводством).

Пустынные скотоводы Ахала разводили преимущественно курдючных овец (туркмени гоюн) и коз (гара гечи) местной туркменской породы, а также одногорбых верблюдов породы арвана. Исключительно для

вьюка и верховой езды они держали в небольшом количестве рабочий скот — лошадей и ослов.

Зажиточные скотоводы, постоянно обитавшие в пустынях, свой пай земли и воды, причитающийся им по санашуку, а также мюльковые участки, как правило, сдавали своим бедным родственникам и односельчанам в аренду (экерине) исполу. Сами скотоводы пустынь жили со своими семьями в отдаленных от оазиса кочевьях и только изредка приезжали в свой аул-яйла за зерном или другими необходимыми товарами.

При пастбищной системе скот круглый год содержался на сезонных пустынных пастбищах под постоянным присмотром его владельцев и наемных пастухов. Для такой системы в Каракумах было характерно горизонтальное кочевание с радиальным (от центра — колодца) выпасом скота. Скотоводы вели кочевой и полукочевой образ жизни, совершая вместе со своими семьями и скотом сезонные перекочевки: зимой с юга, т. е. с летовки на север, в пески на зимовку (гыш ой, гыш юрт), а весной — обратно.

Пустынные скотоводы по характеру своего хозяйства и перекочевков делились на этек чарвасы, т. е. скотоводов, кочевавших в эктегум или кельте чарва и совершавших перекочевки на небольшие расстояния (ненастоящие кочевники), и на тум чарвасы — скотоводов, кочевавших в глубь песков — тум или тйс чарва (настоящие кочевники). Скотоводов, живших к северу от песков тум на кырах, называли гыр чарвасы, т. е. скотоводы, живущие на кырах.

Скотоводы этек чарвасы, или кельте чарва, отличались от тум чарвасы тем, что они хотя и жили в течение всего года в пустынях, но все же поддерживали связь с оазисом, в большинстве своем сами присматривали за своим скотом и не прекращали посещения селений на юге, в яйла⁶². Скотоводы этек чарвасы или кельте чарва кочевали в пределах этекгум, т. е. в приграничных между подгорной равниной и такырами песках (этекгум), и совершали обычно небольшие перекочевки на расстояние от 20—30 до 40—50 км. Скотоводы этой группы были менее зажиточными по сравнению со скотоводами тум чарвасы.

Скотоводы тум чарвасы, или туйс чарва, составлявшие наиболее зажиточную часть пустынных скотоводов, кочевали в глубь песков, называемых тум. Они постоянно жили в песках и почти не имели связи с яйла, за исключением торговых и семейно-родственных взаимоотношений. Обычно они сдавали свои земли в аренду и даже хлеб привозили чаще не из Ахала, а из Теджена и Хивы.

Тум чарвасы, как правило, совершали дальние перекочевки на расстояния от 40—50 до 150—200 км между песками этекгум и тум. Зимой они обычно жили на севере в глубине песков у колодцев голаджи, а летом перекочевывали на юг, в зону такыров к кочевьям сепой, чырлаой и этекой или гараой (в зону этекгум). Исключение составляли лишь отдельные весьма богатые скотоводы, которые и на лето оставались жить в песках⁶³.

В конце XIX — начале XX в. оазисное, т. е. подгорное и предгорное скотоводство Ахала, основанное на отгонной и стойловой системах хозяйства, удовлетворяло главным образом собственные нужды оседлых хозяйств земледельцев. Пустынное кочевое скотоводство, основанное на пастбищной системе хозяйства, в основном находившееся в руках среднезажиточных и богатых скотовладельцев, все больше приобретало товарный характер.

¹ Полевые записи за 1968 г., собранные Туркменской археолого-этнографической экспедицией МГУ, хранятся в научном архиве кафедры этнографии исторического факультета МГУ.

- ² А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский, Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954, стр. 282—283; К. Нурмухамедов, Из истории формирования туркменского населения Ахала,— «Известия АН ТССР», сер. общ. наук, 1960, № 5, стр. 79—80; его же, Этническая история и хозяйство туркменского населения Ахала в XVIII—XIX вв. (Историко-этнографические очерки), М., 1962, стр. 6 (автореф. канд. дисс.).
- ³ А. Каррыев, В. Г. Мошкова и др., Очерки из истории..., стр. 283—284; К. Нурмухамедов, Из истории формирования..., стр. 80—81; его же, Из истории земледелия туркмен Ахала,— «Вестник МГУ», сер. «История», М., 1961, № 4, стр. 71.
- ⁴ К. Нурмухамедов, Из истории формирования...; его же, Из истории земледелия...; его же, Этнические и территориальные группы населения Ахала в конце XIX—начале XX вв.,— «Известия АН ТССР», сер. общ. наук, 1962, № 2; его же, К вопросу о земле-водопользовании туркмен Ахала в конце XIX—начале XX вв.,— «Ученые записки Туркменского государственного университета», вып. 57, Ашхабад, 1970 и др.
- ⁵ М. Дурдыев, Общественные институты туркмен Ахала в конце XIX—начале XX вв., М., 1970 (рукопись канд. дисс.).
- ⁶ В. Кенит, Скотоводческое хозяйство текинцев Ахала во второй половине XIX в.,— «Труды ИИАиЭ АН ТССР», т. VI, Ашхабад, 1962; его же, Die Achal-Teke, Berlin, 1962.
- ⁷ А. Каррыев, В. Г. Мошкова и др., Очерки из истории..., стр. 284.
- ⁸ Здесь и далее туркменские термины, имена и названия родо-племенных групп даются в русском написании с максимальным приближением к туркменскому произношению.
- ⁹ К. Нурмухамедов, Этнические и территориальные группы..., стр. 87.
- ¹⁰ К. Пален, Отчет по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отд. I, СПб., 1911, стр. 82, 83.
- ¹¹ Полевые записи за 1968 г. от информатора Хан Вахан, 81 года, к. Гутлыаяк (Каракумы). Здесь и далее «к» обозначает кочевье, расположенное у одноименного колодца или урочища.
- ¹² Полевые записи за 1968 г. от информатора Г. Гаррыгулова, 75 лет, к. Сарыкол (Каракумы).
- ¹³ Полевые записи за 1968 г. от информатора М. Пирмухамедова, 71 года, к. Хайыр (Каракумы).
- ¹⁴ Полевые записи за 1968 г. от информатора Хан Вахан, 81 года, к. Гутлыаяк (Каракумы).
- ¹⁵ Полевые записи за 1968 г. от информатора А. Аллабердыева, 81 года, с. Акгонур, колхоз «Мир», Геок-Тепинского района.
- ¹⁷ Полевые записи за 1968 г. от информатора Гочлыева, 68 лет, с. Бами, колхоз им. Махтум-Кули, Бахарденского района.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Названия кочевий соответствуют названиям тех колодцев и урочищ, где они располагались. В скобках даны названия подразделений тире, которым принадлежали кочевья.
- ²⁰ Полевые записи за 1968 г. от информатора М. Пирмухамедова, 71 года, к. Хайыр (Каракумы).
- ²¹ Полевые записи за 1969 г. от информатора Г. Гаррыгулова, 75 лет, к. Сарыкол (Каракумы).
- ²² Полевые записи за 1968 г. от информатора Р. Аннагельдыева, 66 лет, к. Дженнет; Полевые записи за 1969 г. от информатора Ч. Пыщиева, 78 лет, к. Оюклы (Каракумы).
- ²³ Скотоводы, пользовавшиеся временно водой из чужого колодца, назывались в Ахале эменджек (букв.— просители).
- ²⁴ Д. Овезов, Туркмены-мурчели,— «Труды ЮТАКЭ», т. IX, 1959, стр. 156.
- ²⁵ Мы приводим народные названия и установившиеся у местного населения представления об особенностях этих ландшафтных зон. Следует сказать, что ландшафтные зоны Ахала, выделенные в результате специальных исследований сотрудника Института пустынь АН ТССР Ч. Б. Колекова, в основном совпадают с ними.
- ²⁶ Полевые записи за 1968 г. от информатора Н. Колекова, 78 лет, с. Яндаклягыз, колхоз им. «XXII съезда КПСС», Геок-Тепинского района; от информатора Г. Гаррыгулова, 75 лет, к. Сарыкол (Каракумы) и др.
- ²⁷ Полевые записи за 1969 г. от информатора А. Артыкова, 63 лет, с. Гарахан, колхоз им. Кирова, Каахкинского района.
- ²⁸ Первоначально Ахалом назывались окрестности старой крепости Эрезгала (Коне Ахал), к северу от яйла Яндаклягыз (Шоргала), между селениями Ызгант и Тилки (ныне колхоз им. Жданова, Геок-Тепинского района). Затем термин Ахал применялся шире — ко всем оседло-земледельческим поселениям-яйла геок-тепинских туркмен от Ызганта до Гырын кяризи, расположенным на границе между равниной и песками. Впоследствии он распространился на весь нынешний Ахальский, т. е. Прикопетдагский, район.

- ²⁹ Полевые записи за 1968 г. от информатора Хан Вахан, 81 года, к. Гутлыаяк (Каракумы).
- ³⁰ Полевые записи за 1968 г. от информатора М. Кичигулова, 85 лет, с. Янгала, колхоз им. XX съезда КПСС, Геок-Тепинского района.
- ³¹ Полевые записи за 1968 г. от информатора Г. Аннадовлетова, 70 лет, к. Багаджа (Каракумы); Полевые записи за 1968 г. от информатора Р. Аннагельдыева, 66 лет, к. Дженнет (Каракумы).
- ³² Полевые записи за 1969 г. от информаторов Ч. Пыщиева, 75 лет, к. Оюклы (Каракумы); Г. Гульмурадова, 84 лет, к. Маммедолен (Каракумы); К. Аннадовлетова, 70 лет, к. Багаджа (Каракумы); Б. Клычева, 60 лет, к. Буссы (Каракумы) и др.
- ³³ Полевые записи за 1969 г. от информатора Ч. Пыщиева.
- ³⁴ Туркмены Ахала, как и скотоводы Западной Туркмении, кочевья, расположенные у водных источников (колодцев, урочищ), называли обычно ой (букв.— углубление).
- ³⁵ Полевые записи за 1968 г. от информатора Хан Вахан, к. Гутлыаяк (Каракумы).
- ³⁶ Гулач — мера длины, равная размаху рук (маховая сажень); соответствует примерно 2 м.
- ³⁷ Полевые записи за 1968 г. от информатора Г. Аннадовлетова, 70 лет, к. Багаджа (Каракумы).
- ³⁸ По описанию географа М. Гельдыханова «чырла — тип колодца, вырытого на песках, ближе к такыру для сбора и хранения временного стока» (М. Гельдыханов, Географические термины, связанные с гидрографией Туркменистана, — «Проблемы освоения пустынь», 1967, № 6, стр. 82).
- ³⁹ Полевые записи за 1969 г. от информатора Б. Клычева, 60 лет, к. Буссы (Каракумы).
- ⁴⁰ Полевые записи за 1968 г. от информатора Хан Вахан, к. Гутлыаяк (Каракумы).
- ⁴¹ Слово гол древнетюркское, в VII в. означало бассейн реки, низменность.
- ⁴² М. Гельдыханов, Географические термины..., стр. 81.
- ⁴³ Полевые записи за 1969 г. от информатора Г. Гаррыгулова, 75 лет, к. Сарыкол (Каракумы).
- ⁴⁴ Полевые записи за 1968 г. от информатора К. Аннадовлетова, 70 лет, к. Багаджа (Каракумы).
- ⁴⁵ Полевые записи за 1969 г. от информатора Б. Клычева, 60 лет, к. Буссы (Каракумы).
- ⁴⁶ Полевые записи за 1969 г. от информаторов Г. Гаррыгулова, 75 лет, к. Сарыкол; Хан Вахан, к. Гутлыаяк; М. Пирмухамедова, 71 года, к. Хайыр (Каракумы).
- ⁴⁷ Полевые записи за 1968 г. от информатора Хан Вахан, к. Гутлыаяк (Каракумы).
- ⁴⁸ Полевые записи за 1968 г. от информатора Г. Аннадовлетова, 70 лет, к. Багаджа (Каракумы).
- ⁴⁹ Полевые записи за 1968 г. от информатора М. Пирмухамедова, к. Хайыр (Каракумы).
- ⁵⁰ По описанию М. Гельдыханова «дамла (по-русски дамлы) тип колодца, вырытого на каменистом или глинистом грунте. В колодцах дамла вода накапливается каплями (дамла от слова даммак — капать)». (М. Гельдыханов, Географические термины..., стр. 81.)
- ⁵¹ Полевые записи за 1968 г. от информатора Х. Гараханова, 71 года, с. Гагшал яйласы, колхоз им. М. Горького, Геок-Тепинского района.
- ⁵² Под термином чекене подразумевалось обычно стадо мелкого рогатого скота. Иногда этот термин применяли также для обозначения стада верблюдов и коров.
- ⁵³ Полевые записи Туркменской археолого-этнографической экспедиции МГУ за 1968 г., стр. 47, 51.
- ⁵⁴ Полевые записи за 1968 г. от информатора Х. Гараханова, с. Гагшал яйласы, колхоз им. М. Горького, Геок-Тепинского района.
- ⁵⁵ Полевые записи Туркменской археолого-этнографической экспедиции МГУ за 1968 г., стр. 24.
- ⁵⁶ Там же, стр. 20, 47, 50.
- ⁵⁷ Там же, стр. 20, 24, 32, 51.
- ⁵⁸ Полевые записи за 1966 г. от информатора А. Довлетмамедова, 56 лет, с. Куржудей, колхоз «Победа», Кара-Калинского района.
- ⁵⁹ Полевые записи за 1968 г. от информатора Г. Мухамова, 80 лет, с. Корсагыр, колхоз им. Ленина, Геок-Тепинского района.
- ⁶⁰ В некоторых селениях, например в селении Яндаклягаыз, чужим не разрешалось поить скот из арыка. Там были специальные люди, которые ездили на лошадях и охраняли арык. (Полевые записи за 1968 г. от информатора К. Мамедова, 60 лет, с. Хурмантгеокча, колхоз им. Маркса, Геок-Тепинского района.)
- ⁶¹ Полевые записи за 1968 г. от информатора Б. Худайбердыева, 63 лет, с. Ызгант, колхоз «3-я пятилетка», Геок-Тепинского района.
- ⁶² Полевые записи за 1969 г. от информатора Б. Байнаева, 44 лет, к. Бада (Каракумы).
- ⁶³ Полевые записи за 1969 г. от информатора Б. Байнаева, к. Бада (Каракумы).

Р. Бабаджанов

К ВОПРОСУ О СКОТОВОДЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
ТУРКМЕН ТЕДЖЕНСКОГО ОАЗИСА
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В хозяйстве населения Тедженского оазиса¹ в конце XIX — начале XX в. наряду с земледелием (оно играло ведущую роль) и другими отраслями хозяйства большое место занимало скотоводство.

В Тедженском оазисе жили в основном туркмены-текинцы и в незначительном числе емрелинцы и атинцы.

Разведением разных видов скота — овец, коз, крупного рогатого скота, верблюдов, лошадей и др. — занималось как кочевое (чарва) и полукочевое (ярым чарва), так и оседлое земледельческое население.

В изучаемое время в скотоводческом хозяйстве туркмен Теджена преобладало овцеводство. Развитию скотоводства способствовало существование хороших и обширных пастбищ в оазисе, но в то же время великое множество различных видов насекомых (комаров, оводов, мух и др.) в летнее время препятствовало разведению некоторых видов животных. Например, верблюды из-за укусов зеленых мух, оводов (гегеин) летом сильно изнурялись, а порой даже погибали². Вследствие этого население разводило главным образом овец, коз и крупный рогатый скот. Эти виды скота сравнительно легко переносили укусы насекомых.

В туркменских хозяйствах преобладала местная порода овец — хорчи. В небольшом количестве разводили также овец сарыкской породы — сарык гоюны. Обе эти породы — курдючные, рыжей масти.

Кроме того, туркмены Теджена разводили овец пород аймак и сарыджа. Первая — происходила из Персии и отличалась высококачественной шерстью белого цвета, которая преимущественно шла на тканье ковров и ковровых изделий. Название сарыджа, по народным преданиям, происходит от имени крупного скотовода Сарыджа-бая, в отарах которого якобы было много таких овец. По рассказам старика Сахата Оразмамедова, работавшего пастухом у этого бая, у него было около 40 тыс. голов овец, несколько сот верблюдов и лошадей. Наш информатор пас эти стада вместе с другим пастухом, Бакрак-агой, на пастбищах, расположенных между Серахсом и Мары³.

В некоторых работах дореволюционного периода встречается ошибочное мнение о том, что населению Тедженского оазиса не были известны каракульские овцы, которых якобы разводили лишь в Серахсе и Ахале⁴. Однако, согласно архивным данным, в оазисе с начала XX в. начали разводить и этот вид овец. Например, в 1914 г. в 23 хозяйствах Теджена путем скрещивания бухарских каракульских овец с местными были получены каракульские породы овец⁵.

В 1891 г. в Тедженском районе насчитывалось: овец — 86 978 голов,

сдавали в аренду (за половину урожая), обеспечивая арендаторов семенами и рабочим скотом на время вспашки земель.

Следует, однако, учитывать, что основная часть населения имела домашний скот, сочетая в какой-то степени земледелие со скотоводством. Автор вышеприведенного отчета мог легко ошибиться в определении соотношения этих двух занятий, так как в то время в оазисе даже земледельческие общины не были вполне оседлыми; в связи с переложной системой земледелия они переходили с одного земельного участка на другие.

Тедженские туркмены коз разводили в меньшем количестве, чем овец, и пасли их вместе с овцами. По словам информаторов, это делалось для удобства выпаса, так как при отсутствии коз, особенно козла-вожака — эркеч⁹ (на шее эркеч был колокольчик; он шел впереди стада), пастухам трудно было перегонять овец к пастбищам и водопоям.

Крупный рогатый скот также играл большую роль в хозяйстве тедженских туркмен. Коровы содержались как мясо-молочный скот, волов использовали как тягловую силу — для пахоты земель, молотбы хлеба и других сельскохозяйственных работ.

Несмотря на отмеченные выше неблагоприятные для верблюдов местные природные особенности, туркмены занимались и верблюдоводством. Текинцы разводили в основном одnogорбых верблюдов, которых использовали как вьючное животное. Из верблюжьего молока изготавливали кисловатый питательный напиток агаран и чал, хорошо утолявший жажду¹⁰ в жаркое время. Удойный период верблюдицы продолжался около 16 месяцев, в течение которых она давала 50—70 пудов молока¹¹.

Верблюжья шерсть шла на изготовление различных видов изделий: домашнего сукна (из него шили одеяла, халаты-чэкмен), веревок и т. д.

Дороже других ценился верблюд, полученный от скрещивания одnogорбых и двугорбых пород верблюдов. Выведенный таким образом верблюд-самец назывался инер, а самка — мая. Инер отличался толстыми, крепкими ногами, развитой мускулатурой и поднимал груз весом в два-три раза больше, чем обычные верблюды¹².

Большое значение имело и коневодство. Особенно ценилась ахалтекинская порода лошадей, которая отличалась своей красотой, выносливостью и работоспособностью. Однако, как свидетельствуют архивные данные и полевые этнографические материалы, в Тедженском оазисе их разводили в небольшом количестве. Только наиболее зажиточные люди держали коней текинской породы — для верховой езды и скачек. Большинству же населения было не до роскоши, оно держало в хозяйстве лишь рабочий скот. В качестве рабочей лошади (ябы) население разводило главным образом мелкорослые бухарские породы¹³.

Почти в каждом доме, особенно у бедных, имелись ослы, на которых ездили и возили все необходимое. В народе говорили: «Богатство бедняка — осел, да козел с чесоткой».

Численное соотношение видов скота у туркмен Теджена в конце XIX в. характеризует табл. 1. В Тедженском оазисе в конце XIX — начале XX вв. скотоводы делились на пустынных (гум чарвасы) и тугайных¹⁴ (токай чарвасы). Пустынные скотоводы занимались исключительно овцеводством. Они круглый год со своими стадами находились в глубине песков и только во время уборки урожая приезжали в земледельческие аулы для обмена скота на нужный им хлеб, а затем вновь возвращались в пески. Тугайные скотоводы пасли свой скот вблизи аулов, обычно в низовьях р. Теджен, где были тугаи и богатые пастбища. В этих местах они скотоводство сочетали с земледелием: сеяли арбузы, дыни, тыквы и другие культуры, отчего их и называли ярым-чарва¹⁵.

Скотоводством занималась и оседлая часть населения, разводившая

главным образом крупный рогатый скот и в небольшом количестве овец, которых ставили на откорм (баг гоюн).

Способы выпаса скота были различны. Некоторые хозяйства аула, имевшие по 10—20 овец, объединялись в так называемые чекене и, когда собирали стада до 500—700 голов¹⁶, сообща нанимали одного пастуха.

Таким же образом соединяли в общее большое стадо и крупный рогатый скот; отличие было лишь в том, что общего пастуха для стада крупного рогатого скота нанимали лишь на летний период. Эти объединения носили сезонный характер. Зимой, после уборки урожая, скот выпасали близ селений — в поле, на стерне.

Таблица

Поголовье скота в аулах Тедженского района
в 1899 г.*

Название аула	Овцы	Козы	Верблюды	Лошади	Ослы
Ак-Дашаяк	1 600	700	231	98	48
Аманша-Гапан	10 200	2 000	260	305	50
Ак-Соли	25 500	1 020	496	183	65
Барсин-Бурказ	1 122	315	57	94	28
Гони Аманша	16 170	1 100	374	188	85
Ковкы-Зеренг	2 967	440	143	162	50
Ак-Гонур	2 867	330	58	180	16
Хаджи-Соли	1 200	100	59	100	80
Кара-Геокча	6 855	1 188	105	116	50
Кара-Векиль	26 700	2 300	600	260	150
Ак-Юсуп	11 840	500	306	246	70
Бахши-Мириш	1 500	—	29	116	82
Чашгын	9 600	1 600	472	89	49
Язы-Ганджик	6 200	100	100	190	32
Яры-Геокча	4 360	200	44	99	30
Кара-Гонур	11 000	1 587	400	267	101
Кара-Ерме	9 800	980	144	209	120
Итого	166 876	14 460	3878	2902	1106

* ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7806, л. 510.

Пастухам платили натурой или деньгами. Если оплата производилась деньгами, то за каждого барана в месяц его владелец вносил по 10—15 коп., за ягнят до шести месяцев ничего не платили, во время же окота пастухам прибавляли плату. Пастуху крупного рогатого скота (сыгыр чопан) за одну голову платили по 25 коп., или же в каждую пятницу (анна гуни) он получал молоко от одной коровы и один чурек¹⁷.

Богатые скотоводы ни в какие объединения не входили и самостоятельно составляли стада и нанимали пастухов. В большинстве случаев они за мизерную плату нанимали в пастухи холостых людей из бедных семей или сирот, обещая им за это помощь и опеку. Иногда такие пастухи пасли стада богачей в течение нескольких десятков лет.

Владельцы больших стад обычно и сами кочевали в пустыне. «Те из текинцев,— пишет И. Ильенко,— у которых много скота, кочуют со своими стадами около оазиса в песках, где роют колодцы для пойла скота, и около особенно водных колодцев становятся таборами, каждый род порознь от другого, посемейно. Когда скот поест всю траву около колодцев, табор снимается и идет дальше к другим колодцам, где еще

не побывал кто-либо другой. Колодцы, обильные водой, почитаются как «святыня»¹⁸.

Некоторые зажиточные хозяйства часть своего скота отдавали для пастбы беднякам на определенный срок (бакарына бермек). В этом случае два-три человека брали у богатого скотовода одно стадо (обычно в июне — июле) и пасли его в течение года. За работу они от хозяина ничего не получали — ели и одевались за свой счет. Только после истечения срока договора они получали половину шерсти от стрижки всех овец, а также половину ягнят. Хотя эта сделка казалась выгодной для пастухов, она все же была рискованной. Бывали случаи, когда массовая гибель овец в зимнее время приводила пастухов к долгой кабале.

Верблюдов обычно пасли не стадами, а просто отгоняли за пределы земледельческой зоны, где они паслись без присмотра пастухов. По обычаю, распространенному среди населения, поить чужих верблюдов не разрешалось. Считали, что если верблюда напоить, то он якобы не возвратится вовремя к своему хозяину. Как правило, если верблюд не был похищен или истерзан волками, он, не получив нигде воды, мучимый жаждой, обязательно возвращался домой. Только самые богатые скотоводы имели стада верблюдов, в которых бывало около 80—100 голов. Погонщик верблюдов всегда имел «помощника» (две чопан), которым был специально обученный верблюд — хевур эркек. Последний в отсутствие хозяина защищал стадо, пригонял далеко ушедших верблюдов, а также не подпускал близко посторонних лиц и верблюдов из другого стада.

По словам информаторов, пасти скот в тугаях, около земледельческих аулов, было делом трудным. Стоило пастуху чуть ослабить внимание, и стадо могло уничтожить посевы; с другой стороны, в лесу стадо легко могло стать добычей хищных зверей. Поэтому пастух все время должен был не упускать из виду стадо и ходить за ним по пятам со своими верными помощниками — собаками (кепек — собаки сторожа, волкодавы). Этот способ пастбы скота назывался «ыз чалып бакмак усулы» («идти по следам»).

Пасти скот в песках было намного легче, пастухам не приходилось здесь строго следить за стадом. Некоторые опытные пастухи, оставляя около стада своих сторожевых собак, сами лишь присматривали за скотом. Обычно на ночь пастух привязывал к себе прирученного барана (нанчи), который в случае внезапного нападения хищных зверей или начала сильной бури натягивал веревку и будил пастуха¹⁹.

Жизнь пастухов в песках была чрезвычайно тяжелой. В городе говорили, что чабан зарабатывает свой хлеб в трудных условиях, поэтому его заработок (считаясь священным) подлежит честной оплате. Большую часть года они еставались под открытым небом, летом страдали от жары, а зимой от морозов. Жилищем им служили лишь временно построенные шалаши (чатма) из разных видов кустарника — йылгына, саксаула, черкеза и др.

Скотоводство у туркмен Теджена носило экстенсивный характер. Заготовка корма на зиму не практиковалась, за исключением крупного рогатого скота и лошадей, для которых на зимнее время заготавливались клевер (ёрунджа) и солома (саман). Скот круглый год находился на подножном корму, питаясь зимой различными сухими травами — йылак, селин (вид полыни), ёвшан, титир и ветками кустарников — кандым, черкез, саксаул и др.

Скотоводство было отгонным. Весной и летом скот на несколько месяцев отгоняли на сезонные пастбища (язлаг) в степь или в низовья реки. Во время окота сюда же приезжали и хозяева стада. На летних

пастбищах заготавливались на зиму различные виды молочных продуктов: масло, кислое молоко (сузме), сушеное кислое молоко (гурт) и т. д. По словам старожил, некоторые хозяева закапывали на летовках кувшины с топленным маслом в песок до зимы, из тех соображений, что кувшины могли разбиться по дороге; зимой же с наступлением заморозков, когда масло затвердевало, кувшины забирали и отвозили в селения.

Дойкой овец занимались только женщины, мужчины же сооружали загоны для ягнят, помогали отделять их от маток, привязывали дойный скот и т. д. Доили овец один раз в сутки, около полудня. Перед дойкой овец привязывали в один ряд по 10—15 голов. По окончании дойки к овцам подпускали ягнят, затем, перед отгоном стада на пастбище, их опять отделяли от маток. Новорожденных ягнят до определенного времени держали в специально вырытых для них в земле углублениях (керпеч)²⁰. Только после прекращения холодов и дождей их пускали в общее стадо.

По сообщениям информаторов, отделение ягнят от маток было очень сложной и трудной работой. Время отбивания ягнят зависело от количества голов маток в стаде. Если маток было много, то ягнят приходилось отделять иногда в течение нескольких часов. Обычно для ускорения этой работы взрослым помогали и дети. Как указывается в одном из документов переписной комиссии в Тедженском районе за 1897 г., «весь аул, вооружаясь халатами, начинает неистово орать, свистеть, бросать в стадо халатами, и часа через полтора-два с громадным трудом удается разделить стадо, которое бывает до 5—6 тысяч голов»²¹.

Некоторые хозяева, чтобы уберечь свой скот от «дурного глаза», на шею новорожденных ягнят и телят вешали маленькие треугольнички-талисманы (дога) из материи, в которые зашивали соль и уголь. Эту же роль выполняли и веревочки, сплетенные из двух шерстяных ниток белого и черного цвета — аладжа.

Пастбищами (ери мейдан) пользовались сообща. По архивным данным, в начале XX в. в Теджене каждый скотоводческий аул имел отдельное пастбище. Например, население аула Ак-Юсуп летом отгоняло свой скот в местности: Гумяб, Дуесыгран, Курталдан, Гоша-чунгул, Кыркгуи; аул Акдашаяк — на Елашан, Елбарслы, Гызылгуи; аул Хаджи-Сопи — к колодцам Хангуи, Учбурч, Сенгерли, Айраклы; аул Гара-векил — на Узынсу, Учдепе, Готин, Атыран, Муса, Гуммезли; аул Чашгын — в местности Ортабент, Эсенчал, Аннаовез, Джерен-Отен и т. д.²²

Водные источники (колодцы, водосборные сооружения) использовались и отдельными лицами, и целыми обществами. В конце XIX в. в Теджене было около 80 колодцев, из них 18 принадлежали разным отдельным лицам, вырывшим их²³. Колодцы бывали двух видов — оплетенные внутри и неоплетенные (в зависимости от грунта). В песчаной пустыне, для предохранения колодцев от засыпания песком их оплетали изнутри ветвями кустарника — кандыма, созена и др.

Оплетали колодцы сверху вниз. Сначала сплетали первые ряды крепления (бир ерум), т. е. верхнюю, входную часть, а затем остальные. Первые кольца крепления сплетали из тонких веток созена (песчаной акации), остальные части сплетались из более прочных толстых стволов кустарника. По мере углубления колодец расширялся. Особенно тщательно закреплялось его дно (човлук).

Колодцы, расположенные в земледельческой зоне, также оплетали изнутри, но только ветвями гребенщика — йылгын. Большую часть колодцев не укрепляли, и они напоминали ямы²⁴.

Колодцы, находившиеся в песках, приходилось часто очищать. В этой работе обычно участвовали четыре человека: двое опускались

на дно колодца и расчищали его, а остальные поднимали насыпавшийся в колодец песок с помощью веревок, блока и кожаного мешка (тегкли торба).

Очистка и рытье колодцев были очень трудоемкой и сложной работой. Этим занимались только профессиональные мастера — гуйычы усса, имеющие многолетний опыт и навыки. В изучаемое время в Теджене славились своим мастерством Молла Баки — гуйычы. За месяц он мог вырыть и очистить около четырех-пяти колодцев. Труд мастеров-гуйычы усса оплачивался натурой или деньгами²⁵.

Кроме колодцев скотоводы использовали и дождевые воды, собирая их в неглубокие обвалованные водоемы — как. В них вода бывала лишь в дождливое время, обычно с осени до лета, а с наступлением жары испарялась. По словам информатора Алланова Ходжамурада (70 лет), эти дождевые ямы в большинстве случаев копали и использовали сообща. Для того чтобы выкопать водоем обычно объединялись 10—12 хозяйств. Площадь каза в среднем была равна 50—60 кв. м, а иногда доходила и до 100 кв. м, глубина — примерно 1,5—2 м, т. е. в рост человека (адам бойы)²⁶.

Для стекания дождевых вод в как к нему со всех сторон проводили небольшие канавки (ок). Практиковались и другие способы искусственного собирания дождевых и снеговых вод. Например, во время сильного ливня (чабга) дождевая вода искусственным путем направлялась к какому-нибудь понижению на местности, а для того чтобы вода не шла в ненужном направлении, устраивали земляные валики, служившие как бы перегородками. Этот способ назывался энгалды, т. е. перегородочный. Собранный таким способом воды одному хозяйству хватало примерно на месяц.

В большинстве случаев вода в расположенных среди песков колодцах бывает горькой и солоноватой. Для ее опреснения применяли следующий способ: во время рытья колодца на расстоянии 20—25 м от него одновременно прорывали еще один или два колодца, которые засыпали снегом, а затем и песком. Спустя некоторое время пресная снеговая вода в засыпанных колодцах просачивалась через их стенки, фильтровалась, и в результате вода основного колодца опреснялась, становилась пригодной для питья. Если же колодец был расположен в низком месте (на такырах, в пересохших руслах речных протоков и т. д.), то прорывали в один ряд около трех — пяти колодцев и искусственным путем проводили в них дождевые воды. В этих наливных колодцах, называемых чырла, вода постепенно опреснялась. В зависимости от местности глубина колодцев колебалась и доходила до 20—30 м и более.

Около нового колодца богатые скотоводы строили башню высотой в 5—10 м, чтобы его было видно издали. По окончании рытья нового колодца баи приглашали родственников, соседей, резали баранов и устраивали той. После этого за колодцем закреплялось имя его владельца²⁷.

По рассказам стариков, скот поили по-разному, в зависимости от времени года — летом ежедневно, а осенью, когда овцы питались мокрой травой — через день. На водопой их пускали небольшими партиями, разбив стадо на группы по 30—50 голов.

Для облегчения подъема воды из колодца возле него врывали в землю пару наклонных деревянных брусьев (эгек), а их верхние концы соединяли жердью из твердого дерева сезен. На середине жерди укрепляли блок (тегек, чарх), на который накидывали толстую веревку, сплетенную из козьей шерсти (чепур). Один конец веревки привязывали к кожаному ведру (гова), которым черпали воду из колодца, а другой ее конец прикрепляли к седлу осла или верблюда (животное отгоняли

от колодца, веревка натягивалась и гова, наполненное водой, поднималось к краю колодца). Гова обычно шили из козьих шкур. У верхних его краев укрепляли две поперечные палки, крестообразно соединенные между собой (айын), с четырех сторон концы палок привязывали веревкой к кожаному ведру, чтобы расправить его стенки.

Скот поили два человека — один гонял рабочий скот (идижи) от колодца и обратно к колодцу, а другой выливал вытянутую воду в колоду (нова). Иногда для водопоя использовали два котла (газан).

Тугайные скотоводы для водопоя сооружали водоем (ховдан) и внутри хорошо обмазывали его глиной. Иногда нова сплетали из гребенщика, при этом, чтобы удержать воду, стенки и дно покрывали старыми кошмами и кусками ткани.

Стрижку овец производили весной (яз гыркымы) и осенью (гуыз гыркымы), весной — в мае, а осенью — в сентябре—октябре. Стригли овец вручную, при помощи кустарных ножниц (гыркылык), которые изготовляли местные мастера (демирчи усса). Эти ножницы имели длину около 40—50 см.

Стрижка овец была сложным делом и требовала известного мастерства, поэтому не каждый брался за эту работу, стричь овец доверяли лишь опытным стригалям (гыркымчы). Бывали случаи, когда неопытные стригали наносили овцам раны, которые позже давали осложнения и вызывали тяжелые заболевания. Хозяйства, имевшие в своем распоряжении около 40—50 голов скота, обходились своими силами. Иногда им на помощь приходили родственники или односельчане. Крупные же скотоводы, владевшие несколькими тысячами голов скота, на время стрижки нанимали людей. Обычно их труд оплачивали натурой — за каждые 10 остриженных овец им отдавали шерсть с одной овцы. Опытные стригали за день могли остричь 50—60 голов²⁸. Верблюдов не стригли, весной они линяли и хозяева собирали выпадавшую шерсть.

У туркмен Тедженского оазиса существовали различные способы лечения животных. Для лечения чесотки (готур) у коз употребляли смолу, при воспалении селезенки (далак) у овец обкалывали оба уха и, если при этом появлялась кровь, считали их выздоровевшими. Самой опасной из всех болезней была шан кесел, от которой погибала масса животных. Для лечения этой болезни стадо обкуривали дымом, считалось, что дым якобы уносит с собой болезнь.

Универсальным лечебным средством от различных болезней животных считалось масличное растение — иннев. Оно сходно с кунжутом и имеет такие же семена. Иннев встречался в диком виде, иногда его специально сажали, а после созревания выдергивали с корнем и сушили. Затем, когда он окончательно высохал, коробочки раскрывали и из них вытряхивали семена, из которых выжимали масло — гара яг. Применяли его при воспалении легких у животных, закладывали эту жидкость в обе ноздри верблюда, после чего его навьючивали грузом и заставляли ходить. Если верблюд потел, считали его выздоровевшим. Иногда такого верблюда с легким выюком или без него отправляли с караваном в дальний путь²⁹.

Каждая родственная группа имела свои особые тамги, которые передавались из поколения в поколение и которыми клеймили скот. Были родовые и семейные тамги. Например, у рода говкы тамгой был знак — гоч буйнуз (бараньи рога), у рода зерен — отургыч (табурет), у рода агырбаш — гапы (дверь), у рода гебе — ярты (половина) и т. д.³⁰

Клеймение скота производили осенью и различными способами. Например, тамги овцам ставили на ушах, на щеках, а верблюдам на одной из задних ног. Иногда верблюдов клеймили тамгой, скрытой за

его ухом (огруджа тамга). Об этом знал только владелец и в случае пропажи верблюда находил и опознавал его по тамге.

При клеймении использовали проволоку (сим), которой придавали соответствующую тамге форму, а затем сильно накаливали на огне. Обычно при клеймении под раскаленную тамгу подкладывали кусок кошмы (гара кече) — это делалось, чтобы не сильно повредить тело животного и избежать чрезмерного ожога.

Кроме тамги скот метили и другими способами, например, обрезая кончики ушей, такие метки назывались — алык. Их делали члены больших семей для отличия своего стада от стад сородичей, помеченных такой же тамгой.

Формы алык тоже бывали различными и носили разные названия: ужы алык, эни алык, арды алык, терези алык, гоша алык и др. Метку терези алык получали путем одинаковых надрезов на обоих ушах овцы, а гоша алык — путем двух надрезов на ушах барана спереди или сзади. Иногда последнюю метку называли гамчы алык.

По рассказам стариков, каждый вид скота имел своих покровителей (пир), которые якобы впервые по «велению бога» приручили тех или иных животных. Покровителем овец был Муса-баба, верблюдов — Вейис-баба, лошадей — Дулдул-баба, коров — Зенги-баба и т. д.

Таким образом одним из основных занятий туркмен Тедженского оазиса в прошлом было скотоводство (овцеводство, верблюдоводство, коневодство и разведение крупного рогатого скота). Скотоводство носило экстенсивный характер, что обуславливалось недостаточностью воды летом и недостатком корма зимой. Знахарское и народное лечение животных не могли дать ощутительных результатов и предотвратить массовые падежи скота, тем более что ветеринарная помощь совсем отсутствовала.

С первых лет Советской власти положение скотоводства резко изменилось. Были созданы все условия для его интенсивного развития. Строительство Каракумского канала и обводнение ранее недоступных пастбищных угодий, обеспечение колхозов и совхозов зооветеринарными кадрами, механизация животноводческих процессов способствовали повышению продуктивности всех отраслей животноводства.

¹ Тедженский оазис административно составлял часть Тедженского уезда Закаспийской области — Тедженский район. Кроме этого района уезд включал два приставства — Серахское и Атекское.

² ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7724, л. 8.

³ Полевая запись 1968 г. от информатора Сахата Оразмамедова из колхоза им. Калинина, Тедженского района.

⁴ «Обзор Закаспийской области за 1910 г.», Ашхабад, 1915, стр. 71.

⁵ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 10822, л. 16.

⁶ Там же, д. 7732, л. 63.

⁷ «Россия и Туркмения в XIX веке. Сборник документов», ч. 1, Ашхабад, 1947, стр. 34.

⁸ Г у м л ы — букв. живущие в песках — так называли туркмен-скотоводов, кочевавших в пустыне Каракум.

⁹ Э р к е ч — название двухгодовалого кастрированного козла.

¹⁰ Способ изготовления чала описан у А. Оразова «Материальная культура Прибалханских туркмен. Исследования по этнографии туркмен», Ашхабад, 1965, стр. 49—50.

¹¹ «Туркестанские ведомости», 1911, № 117, стр. 2.

¹² «Обзор Закаспийской области за 1890—1896 гг.», Ашхабад, стр. 67.

¹³ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7732, л. 63.

¹⁴ Под названием «тугай» подразумеваются леса из деревьев туранги и кустарника тамариска, которые местами по Теджену в изучаемый нами период образовывали непроходимые заросли. В них в ту пору водились разные хищные звери, даже тигры. Об этом вспоминают старожилы и пишут дореволюционные авторы (М. Алиханов-Аварский, Д. Н. Логофет и др.).

¹⁵ Это слово означает — наполовину скотоводы. Полевая запись от информатора Атда Таганова из колхоза «Ленин-байдагы», Тедженского района.

¹⁶ Стадо овец с числом голов до 800 считалось нормальным (енил сури) и было удобным для пастьбы. Стадо, в котором численность скота превышала 1 тыс. голов, считалось тяжелым для пастьбы (агыр сури).

¹⁷ Полевая запись 1969 г. от информатора Баллыева Говкы из колхоза «Совет Туркменистан», Тедженского района.

¹⁸ И. Ильенко, Закаспийская область (очерк), М., 1902, стр. 17.

¹⁹ Полевая запись от информатора Аллакова Ходжамурада из колхоза «Ленин-байдагы», Тедженского района.

²⁰ Керпеч — защищенные от ветра землянки, где содержали ягнят.

²¹ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 8090, л. 113.

²² ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5-а, д. 203. Карточки о домхозяйстве аулов Тедженского района.

²³ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7804, л. 138.

²⁴ Г. Костин, Из жизни кочевий Мервского оазиса, — «Туркменоведение», 1928, № 2, стр. 15.

²⁵ Полевая запись от информатора Джумагельды-ага из колхоза им. Калинина, Тедженского района.

²⁶ Полевая запись от информатора Аллакова Ходжамурада из колхоза «Ленин-байдагы», Тедженского района.

²⁷ Полевая запись от информатора Каушутова Рустама из г. Теджена.

²⁸ Запись от информатора Говшакова Анна из колхоза «Правда», Тедженского района.

²⁹ Полевая запись от информатора Гулова Ходжагельды, из г. Теджена.

³⁰ Полевая запись от информатора Атда Таганова из колхоза «Ленин-байдагы», Тедженского района.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

СТРУКТУРА, МЕТОДИКА, ИСТОЧНИКИ

Т. А. Жданко (ИЭ АН СССР). Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в Историко-этнографическом атласе	6
М. Г. Рабинович (ИЭ АН СССР). Из опыта историко-этнографического картографирования	13
Б. В. Лунин (АН УзССР). Материалы к историографии истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана конца XVIII — начала XX в.	22
М. В. Сазонова (ИЭ АН СССР). Обзор материалов из фондов Центрального Государственного архива УзССР по ирригации и земледелию (к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана, конец XIX — начало XX в.)	42

ЭТНИЧЕСКИЕ КАРТЫ

Б. В. Андрианов (ИЭ АН СССР). Вопросы картографирования этнических и культурных явлений в Историко-этнографическом атласе народов Средней Азии и Казахстана	63
Г. П. Васильева (ИЭ АН СССР). Некоторые дополнения к этнической карте дореволюционной Туркмении	68
Г. П. Снесарев (ИЭ АН СССР). Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — начало XX в.)»	75

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ИРРИГАЦИЯ

А. Аскарлов (АН УзССР). Археологические материалы по истории земледелия в Узбекистане	95
А. Р. Мухамеджанов (АН УзССР). Из истории ирригации и агротехники в низовьях Зеравшана	102
Б. С. Гамбург (Государственный Музей этнографии народов СССР). К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX — первой четверти XX в.	107
Р. Я. Рассудова (ИЭ АН СССР). О видах поливных и неполивных земель в Средней Азии	124
И. Мухиддинов (АН ТаджССР). Традиционная система орошения и полив пахотных земель в Вахане и Ишкашима (XIX — начало XX в.)	135
А. Н. Пиркулиева (АН ТуркССР). Приемы земледелия в Ахальском оазисе в конце XIX — начале XX в. (Пахота, сев, уборка и хранение зерна)	154
И. В. Захарова (Омский Педагогический Институт). О земледелии у казахов Чимкентского уезда в конце XIX — начале XX в.	170
Л. С. Толстова (ИЭ АН СССР). Историко-этнографические материалы для Атласа по земледелию и ирригации в Каракалпакии	180

СКОТОВОДСТВО

- К. Шаниязов (АН УзССР). Основные отрасли животноводства в дореволюционном Узбекистане 188
- Х. Аргынбаев (АН КазССР). Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством 194
- А. Оразов (АН ТуркССР). О типах скотоводства в Ахале в конце XIX — начале XX в. 206
- Р. Бабаджанов (Туркменский государственный университет). К вопросу о скотоводческом хозяйстве туркмен Тедженского оазиса в конце XIX — начале XX в. 220